

Луи Буссенар

Луи Буссенар

Луи Буссенар

AVENTURES
D'UN
GAMIN DE PARIS
AU PAYS DES LIONS

PAR
LOUIS BOUSSENARD

Illustrées de dessins de H. CASTELLI, gravés par A. LEMOINE

PARIS
LIBRAIRIE MARPON ET FLAMMARION
E. FLAMMARION, SUCCESSION
Rue Raynou, 45. (près l'Odéon)

Tous droits réservés.

Луи Буссенар

ŒUVRES ROMANESQUES

LOUIS
BOUSSENARD

**Aventures d'un Gamin
de Paris au pays des Lions**

●

**Aventures d'un Gamin
de Paris au pays des Tigres**

●

**Aventures d'un Gamin
de Paris au pays des Bisons**

●

D'Orleans a Tanger

MOSCOU ● 1993

Луи Буссенар

СОБРАНИЕ РОМАНОВ

Приключения
в стране львов

●
Приключения
в стране тигров

●
Приключения
в стране бизонов

●
От Орлеана до Танжера

Перевод с французского

МОСКВА ● 1993

ББК 84.4 Фр
Б92

Переводы
С. Пестель, Е. Мурашкинцевой, И. Чельшевой, В. Брюггена.

Примечания
И. Лосневского.

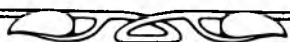
Художник
А. Махов

Б 4703010100-010 Без объявл.
593(03)-93

ISBN 5-86218-036-2 (т. 2)
ISBN 5-86218-002-8

© С. Е. Пестель. Перевод, 1993.
© Е. Д. Мурашкинцева. Перевод, 1993.
© И. И. Чельшева. Перевод, 1993.
© В. А. Брюгген. Перевод; 1993.
© И. Я. Люсиевский. Примечания, 1993.
© А. С. Махов. Иллюстрации, 1993.
© Научно-издательский центр «Ладомир». Состав, литературная правка текстов, оформление, 1993.

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом без договора с издательством запрещается.

Приключения в стране львов

ГЛАВА 1

Симфония хищников.— Соперничество.— Турнир львов.— Три охотника в засаде.— Джентльмен, мальчишка и жандарм.— Двойной выстрел.— Смерть кокетки.— Разрывные пули.— Воспоминания об открытии охотничьего сезона в окрестностях Боса.— Большая неудача первого сентября.— Тревога.— Женщина похищена гориллой.*

Из-за густых зарослей вдруг раздалось грозное рычание, эхом прокатившееся под сенью гигантских деревьев.

— Слышишь? — сказал кто-то веселым голосом.— Можно подумать, лопнула труба органа...

— Тихо! — прервал его другой голос.

— Или даже газовая...

— Да замолчи ты, наконец! Еще беду накличешь!

Рычание повторилось с такой силой, что на деревьях задрожали листья. Звук, изданный звериной глоткой — этой природной фанфарой, как бы послужил сигналом: из таинственной глубины тропического леса донесся новый, не менее страшный рык. Низкие звуки не теряли своей силы, несмотря на большую влажность воздуха.

— Прекрасно! Прямо оркестр больших барабанов! — вновь заговорил неисправимый болтун.

— Решительно, ты добьешься своего!

— Чего именно, месье Андре?

— Того, что нас разорвут в клочья, или в лучшем случае мы вернемся ни с чем...

— Как раз последнее будет куда хуже. Представляете:

* Бос — равнинная местность к юго-западу от Парижа, славящаяся плодородными почвами и охотничьими угодьями.

проехать двенадцать тысяч лье* — и не подстрелить ни одной зверюшки!

— Причем по твоей вине; так что попридержи-ка язык!

— Умолкаю. Но какова шельма!

Столь непочтительно назвал наш балабол прекрасную львицу, мощным прыжком перескочившую через кустарник. Завидев людей, она на мгновение замерла посреди лесной поляны в прекрасной позе, великолепно переданной знаменитым Бари**, и, скорее удивленная и любопытствующая, чем встревоженная и готовая к нападению, стала рассматривать странные головные уборы, белые одежды, бледные лица и руки незнакомцев, так непохожих на голых чернокожих, которыми ей не раз случалось обедать.

Трое мужчин и бровью не повели. Разве что их пальцы крепче сжали тяжелые двухзарядные ружья — отливавшие бронзой стволы застыли в абсолютной неподвижности.

Командиром в маленьком отряде казался мужчина в расцвете сил, лет тридцати трех — тридцати пяти, темноволосый, высокого роста и могучего сложения. Этого насмешник и назвал «месье Андре».

Сам же болтунишка, небольшого роста, мускулистый, со сверкающими голубыми глазами, поговору — явно из парижского предместья, был лет двадцати двух — двадцати трех, хотя выглядел на восемнадцать.

Третий, до сих пор безмолвный и бесстрастный, как факир, походил на отставного солдата, каковым и являлся в действительности. Жестко очерченное лицо, иссеченное глубокими морщинами, густые брови, крючковатый нос, длинные усы со свисающими концами, маленькая седеющая бородка в виде запятой выдавали в нем человека твердого характера.

Закончив осмотр, львица потеряла всякое миролюбие и, рыча, стала хлестать себя хвостом по бокам, прижала уши и вся подобралась, готовясь к прыжку.

Месье Андре медленно поднял карабин, строго наказав остальным:

— Ни в коем случае не стрелять! Ты понял, Фрике? Слышите, Барбантон?

* Лье — единица длины во Франции; сухопутное лье равно 4,44 км.

** Бари Антуан Луи (1795—1875) — французский скульптор и живописец, прославившийся полными драматизма и пластической энергии изображениями диких животных («Лев», 1836).

— Понял. Слышал,— хором отозвались его друзья.

Охотник прижал приклад к плечу и уже собирался выстрелить, предупреждая прыжок хищницы, когда она, то ли из каприза, то ли из любопытства, вдруг встала и оглянулась назад, целиком подставив себя под выстрелы. Охотник отпустил курок и спокойно, как если бы перед ним был обыкновенный кролик, проследил за ее взглядом.

Львица вздрогнула: на поляну сквозь стену лиан и кустарника выскочили два огромных льва.

В один миг самцы поняли, что они — враги-соперники. Глаза их пылали, гривы вздыбились, а лапы царапали почву и сухую листву.

Придушенно зарывав, два хищника прыгнули друг на друга и сшиблись в воздухе. Послышался хруст костей, и с трехметровой высоты клубок могучих тел тяжело рухнул на землю, покотившись по траве.

— Здоровы же эти кошечки драться! — опять перешел на шутливый тон молодой человек, которого месье Андре называл Фрике.

— Будет очень досадно, если их когти окажутся слишком острыми!

— Бойтесь за шкуры, сударь?

— Разумеется!

— Они могли бы быть хорошим началом для нашей коллекции, и, по-моему, только пуля способна помешать этим глупцам испортить свои «одежды».

— В самом деле глупцы, раз дерутся из-за самки! — вмешался старый солдат.

— А я, дружище Барбантон,— заметил Фрике,— нахожу львиную борьбу прекрасной.

— Прекрасной? Но разве не лучше бы было этим простофилям вместо того, чтобы отгрызать друг другу носы, взять да и слопать саму мамзель?

— Жандарм, откуда такая кровожадность? Слишком злы на женский пол? Но не беспокойтесь: месье Андре скоро покончит со всей троицей — и с молодой особой, и с ее свирепыми воздыхателями!

Тем временем схватка на поляне все больше ожесточалась.

Ожидая последнего удара когтей или зубов, который решит исход поединка, львица потягивалась, зевала, жмурила глаза...

Андре снова приложил карабин к плечу. Должны же «дуэлянты» замереть хоть на миг!

Как бы не так! В своей ярости соперники не знали удержу.

— Вот ты говоришь — стрелять, — обратился охотник к Фрике. — Но стрелять надо наверняка: ведь раненый зверь очень опасен!

— А хотите, я их ненадолго остановлю?

— Еще бы!

— Тогда внимание! Вы готовы?

— Да.

— Начали!

И молодой человек озорно и пронзительно свистнул.

Необычный звук явно смутил хищников: они на мгновение застыли.

— Фотоаппарат бы сюда! — пошутил Фрике, но его слова перекрыл оглушительный залп.

Один из львов, пораженный меткой пулей чуть ниже уха, резко встал на задние лапы, конвульсивно задержал передними и рухнул бездыханным.

Другой, думая, вероятно, что соперник пал от его когтей, затянул победную песнь, обратив к львице торжествующий взгляд.

— Экий хвастун! — пробормотал Фрике.

Андре, не дожидаясь, пока рассеется дым, прицелился и снова нажал на курок.

— Великолепный двойной выстрел! — в восторге воскликнул Фрике.

— Да уж, ничего не скажешь, чистая работа! — согласился Барбантон.

— Карабин! — коротко скомандовал товарищам Андре, отдавая разряженное оружие.

Барбантон не заставил себя ждать.

Львица, видя, что и второй ее «жених» не подает признаков жизни, заволновалась.

Куда менее занятая, чем оба взбешенных самца, она заметила, как бледнолицый человек послал в их сторону две молнии, окутанные клубами беловатого дыма.

Львица осознала опасность — и поспешила ее избежать.

Всякий ловкий боец, уверенный в своих силах, знает, что лучший способ защиты — нападение.

Даже не взглянув на мертвых львов, гигантская кошка метнулась в сторону, как бы собираясь убежать, а затем боковым прыжком бросилась на людей.

Новичка этот неожиданный маневр мог бы, пожалуй, сбить с толку: зверь всего лишь в двадцати метрах, еще семь секунд — и он окажется среди охотников.

Но Андре никогда не терял хладнокровия. Он уложил львицу, можно сказать, «на скаку», выстрелив, когда та еще не успела оттолкнуться от земли для второго прыжка. Пуля должна была поразить ее прямо в грудь, но мудрый зверь, почувя опасность, в миг нажатия курка бросился в сторону. Пуля попала в спину — и гигантская кошка покатилась по земле в пятнадцати метрах от стрелка. Прыгнуть снова она уже не могла. Рыча от злости и боли, львица поползла к своим врагам.

Андре с восьми шагов выстрелил ей прямо в пасть. Зверь рухнул, голова его буквально разлетелась на куски. Охотник удивился разрушительному действию пули.

— Чем, черт подери, вы зарядили ружье? — спросил он Барбантона.

— Ха-ха-ха! — Морщины на щеках жандарма причудливо изогнулись. — Двумя разрывными пулями. Вы недовольны?

— Напротив. Если бы не ваша предусмотрительность, не знаю, чем бы все закончилось.

— Как только я понял, что это самка, я сразу насторожился! Я знал, что нам с ней придется нелегко. Львов мы уложили просто, без затей, но она не могла не схитрить. Однако и я не зевал. Так что, месье Андре, вот вам совет: не доверяйте особам женского пола, в каком бы обличье они пред вами ни предстали. Поверьте опыту старого вояки и несчастливого супруга.

Молодой человек усмехнулся, выслушав эту оригинальнейшую сентенцию, и, указав на трупы животных, сказал:

— Скорее, друзья! Надо хорошенько потрудиться до прихода наших лентяев негров, чтобы с ними отправить шкуры в лагерь.

Все трое немедленно принялись за дело, орудуя с большой ловкостью ножами и перебрасываясь репликами.

— Черт возьми! — воскликнул Фрике. — Прекрасное начало охоты, месье Андре!

— Не спорю, я жду от нее многого...

— Это после неудачи в окрестностях Боса?

— Ты говоришь о первом сентября?

— Ну да. Такой завзятый охотник, как вы, — и вернулся в Париж без единого жаворонка, не расстреляв ни одного патрона!

— Ничего удивительного, ты же отлично знаешь, что вместо меня там потрудились браконьеры.

— Значит, браконьерство процветает по-прежнему?

— По-моему, даже пуще прежнего. Вы согласны со мной, Барбантон?

— Я никогда не служил в полиции на континенте, месье Андре, а в колониях все обстоит иначе. В варварских странах браконьеры — это канаки*, их дичь — люди, и они охотятся, чтобы есть!

— Нам ли не знать об этом? — засмеялся Фрике. — Ведь вы нас обоих, да еще с доктором Ламперье впридачу, сняли прямо с вертела!

— Ну, Фрике, стоит ли вспоминать? Я хотел только сказать, что жандарм жандарму рознь, так же как и браконьер браконьеру.

— Кстати, месье Андре, вы человек ученый, так ответьте: едят ли жители этих мест себе подобных?

— Могу вас заверить, что здесь, всего в ста километрах от побережья Сьерра-Леоне**, это исключено. К тому же мы находимся на британской земле, а чернокожие боятся англичан.

Беседуя таким образом, они работали с усердием, которое не умеряла даже жара, превращавшая влажный воздух тропиков в настоящую парилку.

Спустя час три шкуры, снятые с искусством, которому позавидовал бы натуралист-профессионал, были свернуты в ожидании носильщиков. Отсутствие негров начинало беспокоить охотников.

Андре то и дело замолкал, стараясь уловить среди разнообразных шумов тропического леса звуки, говорящие о приближении его людей. Вдруг он услышал вдалеке крики испуганной толпы.

— Наконец-то! Они не слишком-то спешили!

Вскоре на поляну с криком выскочила дюжина чернокожих, вооруженных пиками и старыми ружьями.

— Хозяин! Большое несчастье! Скорее! О горе! О бедная мадам!

— В чем дело? Какое несчастье? Какая мадам? — нетерпеливо вскричал Андре и велел им замолчать, так как в этой какофонии*** нельзя было ничего разобрать. Затем, подозревая одного из носильщиков, который показался

* Канаки — коренные жители Гавайских или Сандвичевых островов. Европейцы называли канаками обитателей различных островов Полинезии.

** Сьерра-Леоне — в настоящее время — республика, в 1808—1961 годах — английская колония (Западная Африка, побережье Атлантического океана). Столица — город Фритаун.

*** Какофония — сумбурное, хаотическое нагромождение звуков.

ему разумнее остальных, он начал расспрашивать его о причине шума.

— Хозяин! Белая женщина!

— Какая белая женщина?

— Я не знаю.

— Прекрасный ответ! Продолжай!

— Горилла!

— Какая горилла?

— Горилла из леса!

— Да уж, наверное, не чучело из музея! И что же она сделала, эта твоя горилла?

— Она унести мадам. Белая мадам!

Андре вздрогнул.

Чернокожий, по всей видимости, говорил правду, хотя присутствие белой женщины среди африканского леса в двадцати пяти лье от Фритауна, столицы английских владений в Сьерра-Леоне, было совершенно необъяснимо. Гигантские обезьяны и прежде не раз похищали людей, поэтому Андре решил действовать без промедления. Он собрал носильщиков и своих товарищей, распорядился, чтобы все вооружились, и, встав во главе отряда, повел его через лес.

ГЛАВА 2

Через лес.— Африканские заросли.— В погоне за гориллой.— У бывшего жандарма не хватает энтузиазма.— Злоключения человека, который женился на целом зверинце.— Подвиги гигантской обезьяны.— Человек со вспоротым животом.— Ужасная бойня.— Труп матроса.— Крик гориллы.— На верхушке баобаба.— Отчаянное сопротивление.— На помощь! — Выстрел.— Смертельно ранена.— Страшная агония.— Страх.— Спасена! — Удивление Андре.— Недоумение Фрике.— Крушение принципов жандарма.*

Идти через тропический лес вообще трудно, а уж вблизи полян он становится просто непроходимым. На здешней почве, которой из-за густой листвы не достигает солнечный свет, не растут ни травы, ни цветы, и только вязкие мхи украшают ковер, образованный остатками гниющих растений.

* Баобаб — дерево семейства бомбаксовых, характерное для саванн Африки; живет до 5 тысяч лет; ствол в окружности достигает 25—40 метров.

Путешественнику приходится то и дело преодолевать разные коварные препятствия: бесчисленные холмы, ямы, невидимые под мхом болота; на него часто падают огромные сухие ветви деревьев и даже гнилые стволы, а порой путь преграждает сеть переплетающихся между собой воздушных корней.

Однако повторяю: такая дорога всего лишь трудна.

Настоящие же мучения ожидают путешественника там, где джунгли пострадали от пожаров, которые часто возникают в этих местах после ужасных тропических гроз. Под действием свежего воздуха и света на старом и удивительно плодородном перегное начинает возникать новая растительность. Деревья возносят на свои вершины пучки лиан, подобные пучкам толстых волос, которые переплетаются между собой, образуя причудливые гирлянды; лианы вкось или вертикально идут к земле и вырастают в почву среди гигантских трав и древесных папоротников.

Эти выющиеся и дающие побег, покрытые ослепительно яркими цветами, эти благовонные заросли могли бы привести в восторг ботаника, но охотника, которому приходится пролагать путь с помощью тесака, они приводят в отчаяние. Путающийся в лианах и воздушных корнях, исцарапанный шипами, порезанный травами, ослепленный потом, задыхающийся от влажной жары, искусанный насекомыми, самый терпеливый из людей в конце концов начинает проклинать все на свете.

Вот каково было положение трех европейцев через некоторое время после того, как они, узнав от своих перепуганных слуг о похищении белой женщины гориллой, покинули львиную поляну.

Андре и Фрике — благородные сердца, редкие натуры! — снедаемые беспокойством, молча прорубали себе дорогу мощными ударами тесаков, а старый солдат, ожесточенно борясь с зарослями, громко ругал и посылал к чертям весь слабый пол.

— Женщина в тропическом лесу! Там, где даже мы пробираемся с таким трудом! Сказать правду, месье Андре, если бы не моя привязанность к вам и к этому мальчишке Фрике, я бы предоставил этой особе самой разбираться с ее обезьяной!

— Как? Вы, Барбантон?! Старый солдат, который, как поется в песенке, служил Венере* и Беллоне?**

— Верой и правдой, месье Андре!

— Тем более вы не можете оставить это несчастное создание в таком ужасном положении!

— Но зачем ее понесло в этот лес?

— Сначала надо ее спасти, а разбираться будем потом.

— Месье Андре, мне не хватает энтузиазма!

— Тем лучше, Барбантон, спокойные воинские части — самые надежные!

— Я не так выразился, я только хотел сказать, что иду туда нехотя, по принуждению!

— Барбантон, у вас нет сердца!

— Его съела урожденная Элоди Лера, его супруга, — насмешливо заметил Фрике.

— Ловко сказано, Фрике, ловко сказано! Да-да, это из-за нее я сыплю проклятиями! Честное слово Барбантона! Она чуть не толкнула меня на дурной поступок! Меня, старого солдата, награжденного многими орденами!

— Но сейчас-то вы в сотнях миль от вашего домашнего тирана!

— Я никогда не буду достаточно далеко от этого черта в юбке! Она отравила мне годы с честью заслуженного отдыха! Она — гиена***, волчица, змея, тигрица!

— Скажите просто «зверинец» и покончите с этим! — посоветовал Фрике.

— Вы же видели ее, знаете, на что она способна!

— Знаю. Вам не повезло в брачной лотерее, но это еще не причина, чтобы проклинать скопом весь слабый пол!

— Тысяча канаков! Зато я готов на все, чтобы спасти от акул, огня или расплавленного свинца любого ребенка!

— Я в этом не сомневаюсь!

— Но женщину?! Никогда!

— Вы жестокосердны!

— Я справедлив, и мне не хотелось бы причинить зло невинному существу, спасая от него неведомую особу!

— Да не изображайте вы себя таким чертом! Я уверен, что вы вырвете ее из лап чудовища! Не говорите «нет»! Я вас знаю. Вы не могли бы не отозваться на просьбу женщины о помощи!

— Гм-гм!

* Венера — в римской мифологии первоначально богиня весны и садов; впоследствии почиталась как богиня любви и красоты.

** Беллона — в римской мифологии богиня войны.

*** Гиена — животное семейства млекопитающих, отряда хищных; обитает в Африке, Передней, Средней и Юго-Западной Азии.

— Признайтесь, что я прав, старый ворчун!
— Незнакомой женщины? Ну, может быть...
— Вы помогли бы даже вашей жене Элоди Лера!
— Замолчите, друг мой! Тысяча, миллион, миллиард раз — нет!

— Не болтайте глупостей: это принесет нам несчастье! Я повторяю: вы будете спасать ее даже ценой собственной жизни!.. Вы очень добры, мой бедный Барбантон, хотя и стараетесь казаться злодеем!

— Пускай я по-вашему добрый, но поймите же раз и навсегда, что я не колеблясь оставляю эту... особу (он не решился сказать — «жену») в логове зверя! Ведь правду говорят, что горилла — одно из самых жестоких животных на свете?

— Факт вроде бы доказанный. Но к чему вы клоните?

— Да к тому, что она с легкостью изведет эту гориллу и через месяц сожительства с Элоди Лера зверюга померет от бешенства. Не жену мою придется спасать, а бедную гориллу! — сказал Барбантон, азартно врубаясь в лианы и кустарник.

Фрике и Андре не могли удержаться от громкого хохота, услышав такое неожиданное заключение.

— Успокойтесь, дружище, — ласково сказал Андре, распознавший за злыми словами старого воина глубокую душевную боль. — Бедная женщина безмятежно живет в Париже и ведет дела вашей лавки, а вы тем временем опять пустились в опасные странствия...

— Иногда злоключения идут на пользу, месье Андре: ведь как раз благодаря им я познакомился с моими друзьями — с вами, с Фрике, с доктором Ламперье, да еще с матросом Пьером ле Галем!

— И мы все очень любим вас, дорогой Барбантон! — с чувством ответил Андре, крепко пожимая жандарму руку.

Вскоре охотники очутились среди огромных деревьев с прямыми гладкими стволами. Кроны этих великанов смыкались высоко над головами, образуя как бы крышу из листьев.

Лес становился все темнее, зловонные испарения гниющих растений сделали воздух тяжелым и затхлым; дышать стало трудно, казалось, все вокруг было пропитано ядом. Здесь-то и следовало искать гориллу-похитителя.

Невзирая на мхи, в которые, как в песок, проваливались ноги, наши друзья продвигались вперед довольно быстро.

...Их переход длился уже полтора часа, и смельчаки начали уставать. Негры поспевали за ними с большим

трудом, а те, которые несли львиные шкуры, отстали совсем.

Наконец французы услышали звук далекого выстрела и с удвоенной энергией ринулись в лесную чащу. Они походили на атакующих солдат и даже не замечали тех многочисленных препятствий, которые наверняка остановили бы их в иной ситуации. Когда же охотники, задыхаясь, подбежали к группе насмерть перепуганных людей, их глазам представилось страшное зрелище.

Среди клочьев окровавленной одежды, смешанных с грудой внутренностей, лежал человек со вспоротым животом. Целы были только его голова и большой воротник из синего полотна.

Погибший был белым, а воротник выдавал в нем моряка.

Андре, который первым решился взглянуть на лицо, искаженное недолгой, но, несомненно, мучительной агонией, горестно и вместе с тем удивленно воскликнул:

— Да ведь это же один из моих матросов! Посмотри-ка, Фрике, может, я ошибаюсь?

— Увы, вы правы! — бледнея, подтвердил Фрике. — Это матрос с нашей яхты.

— А вот еще один мертвец! Просто бойня какая-то! Действительно, в нескольких шагах от моряка лежал еще один труп — труп негра.

Его плечо было вырвано, так что обнажилось легкое, а по лицу как будто прошлись железным скребком, содравшим мясо до самых костей.

— Ох! Мы опоздали, — тихо пробормотал Фрике. — Я хорошо знаю такие раны...

— Прижмитесь к дереву, джентльмены! — крикнул им по-английски человек, одетый как европеец и вооруженный двустолвкой. — Чудище вот-вот начнет бомбардировать вас!

Шумное падение огромных ветвей показало своевременность совета англичанина.

Трое друзей бросились к незнакомцу, вокруг которого столпилась четверка перепуганных негров. Лоб одного из них был рассечен, и из раны обильно текла кровь.

— Это все жертвы гориллы, месье? — спросил Андре, указывая на трупы.

— Гориллы? Да, сэр, — флегматично отозвался англичанин. — Она на этом баобабе, прямо над нами. Я ранил ее, и теперь она стала еще опаснее.

— Мои негры говорили о женщине, о белой женщине, похищенной ею.

— Они говорили правду. Обезьяна у нас на глазах

схватила бедняжку и унесла на дерево. Матрос попытался вмешаться... Вы видели, как обошлось с ним чудовище. Чернокожему повезло ничуть не больше.

— А женщина?!

— Нападение зверя было столь быстрым и внезапным, что я не решился стрелять, боясь попасть в жертву. Однако я не думаю, что горилла ранила ее. Обезьяна, наверное, положила несчастную на нижние ветви этого зеленого колосса, а сама, испуганная моими выстрелами в воздух, вскарабкалась на вершину дерева. Она несколько раз мелькала среди листвы, когда ломала ветви, чтобы швыряться ими. Но обезьяна очень ловка и умеет хорошо прятаться, поэтому я потерял ее из виду... Впрочем, вот, слышите.

Наверху раздался пронзительный щелкающий звук:

— Кэк-ак!.. Кэк-ак!

Казалось, он исходит из металлической глотки. У негров даже зубы застучали от страха.

— Итак,— продолжал настаивать Андре,— вы не знаете, где именно находится женщина, и даже не уверены, что она жива?

— Я надеюсь на лучшее... Я сделал все, что обязан сделать джентльмен в подобных обстоятельствах...

— Не сомневаюсь, месье, и предлагаю вам нашу помощь. Если же нам все-таки не удастся освободить несчастную, то мы, по крайней мере, отомстим за нее!..

Гигантское четверорукое время от времени замолкало, чтобы обломать огромные сучья и сбросить их на людей. Андре, желая отыскать зверя в густой листве, поднес к глазам бинокль.

Вдруг, несмотря на все свое хладнокровие, он вздрогнул и прошептал:

— Горилла! Я ее вижу! Она метрах в двадцати от земли, и у нее по ноге течет кровь. Сейчас я попробую сбить ее с дерева!

— А вы не боитесь еще больше разозлить обезьяну неудачным выстрелом? — спросил англичанин.

— Постараюсь не промахнуться,— спокойно отозвался Андре.— К тому же мое ружье заряжено патронами восьмого калибра, каждый из которых содержит семнадцать с половиной граммов английского пороха, так что я надеюсь убить зверя первым же выстрелом.

Он невозмутимо, как и при охоте на львов, поднял короткий, без курка, с непривычно толстым стволом карабин и навел его на густое сплетение ветвей и листьев. Однако выстрела не последовало.

— Не знаю, как и быть,— пробормотал Андре,— я вижу только смутную тень и...

— Помогите!.. Помогите!..— простонал почти над их головами жалобный голос.

Наши друзья замерли от ужаса, поняв, что этот душе-раздирающий призыв привлечет внимание гориллы.

Андре больше не колебался. Оглушительный залп — и по всему лесу разнесся страшный рев зверя.

— Он получил по заслугам! — воскликнули Фрике и Барбантон, в то время как англичанин спокойно, как если бы это была стрельба по голубям, наблюдал разыгравшуюся сцену.

Огромное, покрытое шерстью тело скользило и катилось вниз, цепляясь за сучья и уменьшая тем самым скорость падения.

Смертельно раненная, горилла все еще очень опасна. Ей удалось повиснуть на одной из ветвей и поставить на другую задние лапы; какое-то время она смотрела свирепыми глазками на своих врагов.

Зверь был не более чем в пяти-шести метрах. Его огромные челюсти с длинными желтыми зубами устрашающе лязгали. Морду, эту жуткую карикатуру на человеческое лицо, исказила гримаса боли. Из пасти лились потоки пенящейся крови, из груди при каждом выдохе брызгал красный фонтан, поливавший мох под деревом. Собрав последние силы, обезьяна готовилась спрыгнуть на землю и заставить охотников дорого заплатить за их победу.

Но тут, к несчастью, вновь послышалась просьба о помощи.

Горилла находилась в трех метрах от своей жертвы, которая, растерявшись, встала среди ветвей баобаба, вместо того чтобы спрятаться за ними.

Не думая уже о прыжке на землю, животное издало свое «Кэк-ак!» и собралось броситься на женщину.

Андре опять выстрелил, но пуля прошла ниже, чем следовало, и вместо виска попала в морду животного, приведя его в еще большую ярость. У Андре не оставалось времени обменять свой карабин на заряженный. Бедная женщина вот-вот погибнет! Чудовище с трудом наклонилось над ней, сейчас оно схватит свою жертву... но раздался третий выстрел — и заряд свинца пробил горилле сердце. Она встала во весь рост, пошатнулась, прижав лапы к окровавленной груди, и бездыханная навзничь упала на землю.

Благодаря меткому выстрелу жандарма женщина осталась жива.

Осторожный англичанин на всякий случай выстрелил горилле в ухо, Андре отдал двум неграм короткое приказание, указав на нижние переплетенные ветви баобаба.

Для негра влезть на дерево — детская забава. За несколько секунд чернокожие взобрались туда, куда было велено. Но карабкались они не по стволу, имеющему в диаметре около семи метров и потому неприступному, а по воздушным корням, растущим из боковых ветвей и ниспадающим на землю.

Фрике, почти такой же ловкий, как горилла, последовал за неграми, дабы руководить операцией по спасению. Носильщики запаслись двумя прочными шерстяными поясами: на них можно будет спустить женщину на землю. Парижанин захотел проверить надежность спасательных средств, но вдруг взвизгнул, как будто наступил на клубок гремучих змей, ухватился за воздушный корень, спустился по нему вниз и с выгнувшимся лицом подошел к Андре, крайне удивленному таким его странным поведением.

— Что случилось, мой дорогой? — поинтересовался тот.

— Скажите, месье Андре, не кажусь ли я вам сумасшедшим?

— Я как раз собирался спросить тебя: ты что, с ума сошел?

— По правде сказать, — изрек Барбантон, аккуратно заряжая ружье, — по правде сказать, месье Фрике, вы выглядели сейчас очень комично, а ведь я видел вас в деле и знаю, что вы — редкостный смельчак!

— Комично?! Значит, я кажусь вам комичным? Помоему, мне надо пустить кровь, а то у меня голова лопнет! Ладно, неизвестно еще, как поведете себя вы!

— Что такое?

— Смотрите, друзья, смотрите внимательно!

И Фрике указал на спасенную женщину, только что бережно уложенную неграми на землю.

Андре изменило его всегдашнее спокойствие, и он издал удивленный возглас.

Что же до старого жандарма, то мы не в силах описать чувства удивления, страха и злости, которые попеременно отражались на его лице. Он был не в состоянии ни вымолвить что-нибудь, ни двинуться с места.

Наконец ему удалось глухо пробормотать всего только четыре слова:

— Элоди Лера, моя жена!..

ГЛАВА 3

Отряд охотников-парижан.— Открытие охотничьего сезона в Босе.— Обетованная земля пернатой дичи.— Интерьер жилища охотника-космополита.— Разочарование.— Браконьеры.— Тенета** смерти.— Мрачное возвращение.— Чем опаснее болезнь, тем сильнее лекарство.— Путешествие с приключениями вокруг... столовой.— После обильных возлияний.— Неудачливые охотники решают объединиться для кругосветного путешествия.— Кто будет предводителем? — Андре выбран под аплодисменты.— «Через два месяца — в путь!»*

Чтобы познакомиться с событиями, происшедшими прежде описанных в первых двух главах повести, мы должны вернуться немного назад.

Итак, было 31 августа 1880 года, семь часов вечера, если вам нужна такая точность, хотя это не имеет ровно никакого значения.

Семеро охотников-парижан, одетых, обутых и снаряженных по всем правилам, сошли с поезда на станции Моннервиль — следующей после станции Этамп***.

С каждым из этих городских немвродов**** была, разумеется, его собака. Псы, выпущенные на свободу после двухчасового заключения в вагоне, принялись бешено скакать и лаять, как и полагается отважным животным, которые впервые за семь месяцев увидели своих хозяев одетыми по-охотничьи и отлично поняли, что это означает:

«Клянемся богами! Завтра на восходе солнца нам предстоит потрудиться!»

Люди, конечно, не проявляли свою радость так же шумно, как животные, но все-таки были в очень приподнятом настроении.

Тому имелись две причины: во-первых, завтра — открытие охотничьего сезона, а во-вторых и в главных, охотиться им предстоит в Босе. В Босе, куда не так-то легко попасть! В Босе, обетованной земле пернатой дичи,

* Космополит (от греч. «гражданин мира») — носитель идеала мирового гражданства.

** Тенета — сеть для ловли зверей.

*** Этамп — небольшой город во Франции, в 50 километрах к югу от Парижа.

**** Немврод, Нимрод — библейский богатырь и охотник, «сильный зверолов» (Книга Бытия).

где истинный охотник может вкусить все радости стрелка и покрыть себя неувядаемой славой!

Огромный шарабан*, настоящий дом на колесах, запряженный двумя сильными першеронами**, ждет их на станции. Охотники и собаки влезают в него, и он под щелканье бича кучера трогается с места.

Разговор, на короткое время прерванный посадкой, возобновляется с новой силой. В который уже раз обсуждается завтрашний торжественный день... Шесть километров от станции до местечка С. охотники проехали, занятые оживленной беседой.

Они расспрашивали деревенского возницу — парня с хитроватыми глазами и щеками кирпичного цвета. Его ответы приводили всех в восторг: он уверял, что ни разу за семь лет, то есть за все время после войны 1871 года***, в этих местах не было такого количества рябчиков и зайцев, как сейчас. В прошлую среду он вместе с хозяином прошелся по его владениям: на пятидесяти пяти гектарах они подняли более ста выводков рябчиков, и это только на границах имения! Фермеры и их работники считают, что на самом деле рябчиков по крайней мере в три раза больше. Как и положено местному уроженцу, парень говорил также, что может провести охотников на хорошие места, где каждый из них убьет по сто рябчиков.

— Помереть мне на этом месте! — клялся он.

Сто рябчиков — это много, для большинства охотников — даже слишком много.

Наши друзья не очень-то верили словам возницы, полагая, что это обычное хвастовство жителя Боса, но все-таки их сердца преисполнились надежды и некоторых даже лихорадило от волнения, когда шарабан остановился перед большим красивым домом.

Он был современного типа и вовсе не походил на дворянскую усадьбу прошлых веков, однако в его просторных, прекрасно спланированных комнатах, очевидно, отлично жилось летом.

Услышав грохот подъезжающего шарабана, из гамака,

* Шарабан — здесь: открытый четырехколесный экипаж с поперечными сиденьями в несколько рядов.

** Першерон — порода крупных лошадей-тяжеловозов, созданная во Франции.

*** Война 1871 года. — Речь идет о франко-прусской войне 1870—1871 годов.

подвешенного между двух лип, быстро поднялся мужчина лет тридцати пяти.

Он и был хозяином этой деревенской резиденции.

— Андре!.. Андре Бреван!.. Здравствуйте, Андре!

— Привет любезнейшему из хозяев!

Группа прибывших шумно бросается к Бревану, а собаки с лаем разбегаются во все стороны, прыгая через клумбы и цветочные корзины.

Общество собралось чисто мужское, и всякие церемонии были изгнаны напрочь.

Андре любезно отвечал на рукопожатия и приветствия, не заботясь о соблюдении напыщенных условностей, принятых и ценимых в так называемом «приличном» обществе. Одет он был во фланелевую куртку темно-синего цвета, шерстяную рубашку с отложным воротником, нанковые* штаны и подбитые гвоздями сапоги из сыромятной кожи. В общем, он имел вид путешественника на привале.

Невозможно было представить себе его могучие плечи и спину склоненными в светском поклоне, а его белозубый твердо очерченный рот — произносящим какую-нибудь ерунду на ипподроме или за кулисами театра.

Обед охотников-гурманов (а охотники — это всегда гурманы!) был приготовлен стараниями Софи, искуснейшей поварихи. На столе уже дымился суп, а прочие блюда подрумянивались, тушились и жарились, ожидая своего часа.

— Все готово... Прошу, господа!

И гости прошли в столовую, стены которой оказались увешаны охотничьими трофеями, добытыми мужественным хозяином во всех пяти частях света.

Парижане, приехавшие на скромную охоту в окрестностях Боса, были ошеломлены обилием черного дерева, слоновых бивней, рогов оленей, буйволов, носорогов, панцирей черепах, шкур львов, тигров и леопардов, чучел огромных и микроскопических птиц, поражены нарядами дикарей и их украшениями из перьев, ожерельями из когтей и зубов животных, амулетами всякого рода, раскрашенными веслами, диковинным оружием и так далее.

Все это, без сомнения, придавало изысканность небольшому дому неподалеку от Боса.

Мы не будем отягощать наш рассказ описанием простых

* Нанковый — из нанки (от названия китайского города Нанкин), прочной хлопчатобумажной ткани, как правило, буровато-желтого цвета.

радостей собравшихся, занятых едой, питьем и бесконечными разговорами о предстоящем на другой день охотничьем празднике.

Скажем только, что Андре Бреван, счастливый обладатель винного погреба, доставшегося ему от дядюшки-миллионера, бывшего арматора* и большого любителя поест и выпить, усердно потчевал своих друзей. Настолько усердно, что когда все пошли спать, говоря друг другу не без волнения: «До завтра!» — кто-то весьма резонно заметил:

— Да ведь завтра уже наступило!

Однако же никто из гостей не проспал, и в семь утра они снова, хотя и с несколько помятыми лицами, собрались в столовой, чтобы наскоро проглотить скромный завтрак.

Через полчаса восемь охотников, сгибаясь под тяжестью патронташей, весело рассеялись по равнине в сопровождении тявкающих собак.

Андре сказал накануне за ужином и еще раз повторил нынче утром:

— Рябчиков так много, что готовьтесь стрелять почти без перерыва.

Охотники заняли свои позиции около получаса назад.

Странно: в цепи не слышно ни единого выстрела. Значит, ни одна птица не поднялась в воздух перед кем-либо из них.

Андре недоумевал:

— Полчаса — и ничего?!

Охота грозила окончиться полной неудачей. Дичи нет и в помине, но он-то знает, что три дня назад дело обстояло совершенно иначе! Здесь, несомненно, не обошлось без браконьеров, которые произвели опустошительные налеты на его владения и накануне охотничьего сезона уничтожили ту дичь, которой Андре собирался порадовать своих друзей. Как видно, одна из тех опасных компаний браконьеров, что размечают на квадраты и делят между собой все самые богатые птицей участки, напала на эту местность... На равнине были расставлены огромные силки (их еще метко называют «тенетами смерти»), и в них попались по меньшей мере три тысячи рябчиков!

Будь Андре в одиночестве, он отнесся бы к этой

* Арматор — судовладелец.

истории философски. Но хозяин не мог требовать того же от своих гостей! Расстроенные неудачной охотой, они сначала бесцельно слонялись по равнине, а потом, потеряв надежду отыскать дичь, принялись с остервенением палить по жаворонкам.

Завтрак был назначен на половину двенадцатого.

Уже с десяти часов злополучные немвроды стали собираться в доме. Излишне и бессмысленно повторять их жалобные восклицания и проклятия при виде смехотворных трофеев: одного зайца, одного рябчика, трех перепелок и сорока жаворонков.

Сам хозяин так и не расстрелял ни одного патрона. Поняв, что жалобам — увь, не беспричинным! — не будет конца, он решился прибегнуть к сильному утешительному средству: велел выставить перед охотниками, столь же алчущими, сколь и несчастными, целую батарею бутылок.

Это было единственным лекарством, пригодным в подобных обстоятельствах, и оно, как Андре и предвидел, помогло воздать должное роскошной трапезе, приготовленной все той же несравненной Софи.

Вскоре вино разгорячило головы, и, хотя предметом разговора по-прежнему оставалась охота, настроение собеседников сильно изменилось.

Нельзя же без конца проклинать браконьеров, с презрением отзываться о силках и говорить о зайцах, рябчиках, перепелках и жаворонках, на которых все охотились утром!

Кроме того, странные и великолепные украшения, висевшие по стенам комнаты, и многочисленные тосты невольно заставили присутствующих обратиться к другим темам.

И вот наши охотники на жаворонков уже переплывают океаны, пробираются сквозь джунгли, прерии и девственный тропический лес, истребляют бизонов, стреляют в тигров, закалывают львов и на месте укладывают слонов... Они совершают настоящее кругосветное путешествие и при этом совсем не устают, потому что не выходят из столовой, напоминающей охотничий музей и необыкновенно привлекательной благодаря Андре, который с жаром рассказывает о своих необычайных приключениях, со щедростью богача и умного человека разбрасывая

истории, могущие составить содержание десяти умопомрачительно интересных книг.

Не было среди сидевших за столом ни одного, кто бы не представил себя на его месте и в увлечении не воскликнул: «Браво! Вот так бы поступил и я! О путешествия! Неутоленная страсть наших молодых лет!.. Я был рожден, чтобы странствовать!..»

— Какой вы счастливец, Бреван, вы объехали всю планету!

— А почему бы и вам не сделать то же? — бросил в ответ Андре, который один оставался хладнокровным среди всеобщего возбуждения. — Все вы люди состоятельные, а многие из вас — так просто богачи. Вы заядлые холостяки, вполне независимы, да к тому же — страстные охотники. Что же удерживает вас на босейских равнинах, в солонских ландах*, на пикардийских болотах, у нормандских** заливов?

— Ничего! Решительно ничего! — воскликнули наэлектризованные гости.

— Так за чем же дело стало? Ничто не мешает вам собирать трофеи, подобные тем, которыми вы здесь любуетесь, бродить по свету, руководствуясь лишь своими прихотями, и переживать волнения, которые помогут вам лучше оценить прелесть домашней жизни!

— Согласен! — сказал один из собеседников. — Не то чтобы нам доставало желаний или денег, нет, нам просто не хватает подходящего случая и, позволю заметить, человека, который возглавил бы группу путешественников.

— Если я вас правильно понял, вы хотите сказать, что, не имея опыта и не зная обычаев страны, вы можете столкнуться с неизвестными трудностями, которые не будут иметь прямого отношения к охоте?

— Именно это я и имел в виду. Не можем же мы взойти на первое попавшееся судно, приплыть неизвестно куда и сразу начать охотиться! Надо знать, куда ехать, каким образом общаться с туземцами, чем питаться, какую воду использовать для питья, на чем передвигаться... Короче, надо знать кучу вещей, которые постигаются только

* Ланды — заболоченная низменность на юго-западе Франции, вдоль побережья Бискайского залива.

** Пикардия и Нормандия — исторические провинции на севере Франции.

на опыте, потому что путешественниками не рождаются, а становятся. И мы, господа, как раз и видим перед собой человека, имеющего такой многолетний опыт!

— Хорошо сказано!

— Кроме того, одиночество бывает иногда тягостно даже для охотника.

— То есть вы предпочли бы быть в компании?

— Да, именно так.

— Значит, вот причины, по которым вы не можете поехать: отсутствие предводителя, недостаток опыта и страх одиночества?

— Да, вы правы.

— Следовательно, если бы нашелся человек, который собрал бы вас вместе, согласился бы передать вам свой опыт и возглавить экспедицию, то вы бы поехали?

— Непременно! Но с одним условием: он должен обещать нам охоту на дичь!

— Не бойтесь, он поведет вас в такие места, где силки неизвестны и откуда охотник никогда не возвращается с пустыми руками, хотя тамошние браконьеры почище тех, что украли наших рябчиков.

— И этим человеком будет?..

— Я сам, если вы не возражаете.

— Вы, Андре?!

— Мы думали, вы больше не путешествуете...

— Еще пять минут назад я не собирался покидать своего поместья!

— А теперь?

— А теперь решил совершить кругосветное путешествие и приобщить вас к настоящей охоте.

— Так вы серьезно?

— Черт возьми, да!

— Вы удивительный человек!

— Вовсе нет. Просто я умею принимать решения.

Вслед за этими словами множество бутылок было откупорено, и пробки взлетели в потолок. Шампанское, известное знатокам под названием «Монопольное», запенилось и засверкало в бокалах и довело веселость сотрапезников до высшей степени.

— Итак, — сказал Андре, поднимаясь с бокалом в руке, — решено. Мы едем!

— Все!.. Все!.. И чем раньше, тем лучше!

— Мне потребуется два месяца, чтобы организовать экспедицию.

— Это слишком долго!

— Я сказал — два месяца! Разве это слишком долгий срок, чтобы найти судно, приспособить его к нашим потребностям, доставить на него продукты, отремонтировать по мере необходимости, нанять экипаж, провести испытание машин?..

А ведь надо еще заказать и получить вооружение, которое должно быть безупречным, потому что от него будут зависеть не только наши развлечения, но и наши жизни... Наконец следует позаботиться, чтобы вы, воспользовавшись подробным списком, который я вручу каждому, успели полностью экипироваться* для охоты в тропических широтах. Ведь путешествие продлится около года...

— Мы даем вам ровно два месяца!

— Решено! Не бойтесь, я буду точен! Однако еще одно: наши расходы...

— Не стоит об этом... За деньгами мы не постоим!

— Ну уж нет, дайте мне сказать. Я думаю, что двадцати пяти тысяч франков с каждого будет вполне достаточно для покрытия всех затрат. Разумеется, не считая тех денег, которые уйдут на нашу амуницию**.

— А судно?

— Я покупаю его для моих личных надобностей. Мне с некоторых пор хочется иметь свой собственный корабль. Вот мы все вместе его и испытаем.

— И когда же вы думаете начать приготовления?

— Немедленно. Охота здесь бесславно окончена, и через час я сяду на парижский поезд. Впрочем, если у вас есть желание задержаться, то милости прошу: мой дом в вашем распоряжении от погреба до чердака!

— Спасибо, но мы едем с вами!

— Как угодно... Завтра вечером я буду в Гавре***, а послезавтра каждый из вас получит полный список вещей для личной экипировки.

— А вы, Андре?

— Я всегда готов к отъезду. Сегодня у нас первое сентября; встреча назначается на тридцать первое октября в Гавре, отель «Фраскатти». И без опозданий, пожалуйста... Первого ноября в восемь часов утра судно будет под

* Экипироваться — здесь: обеспечить себя снаряжением, необходимым для охоты.

** Амуниция — здесь: снаряжение охотников.

*** Гавр — город во Франции, порт в устье реки Сены.

парами, и все мы должны находиться на борту. Час отплытия займется от прилива.

— Но куда же мы поплывем?

— Это можно решить прямо в море. Начнем, например, с Южной Африки, оттуда поднимемся к Индостану, пройдем через Индокитай к Океании... * Ну, да пока об этом говорить рано. Итак, господа, я пью за наше путешествие и за твердость наших намерений!.. Dixi... **

ГЛАВА 4

Маленький домик на улице Лепик.— У парижского мальчишки.— Встреча двух людей, которые побывали у черта на рогах и хотели бы туда вернуться.— Занятия Фрике.— Ответственное задание.— Наем корабельного экипажа.— Тити и Мизер.— Прогулка парижанина.— Улица Лафайет в девять часов утра.— Мадам Барбантон нервничает.— Ссора, которая грозит трагедией.— Где то время, когда нас сажали на вертел?! — Еще один завербованный.

Андре Бреван вместе с друзьями сел на поезд, отправлявшийся в четыре часа от станции Меннервиль в Париж.

Этот отъезд по известным нам причинам был еще более шумным, чем вчерашнее прибытие.

Охотники уже утешились после утренней неудачи и веселились от чистого сердца: это случается с людьми, принявшими решение. К тому же их приводила в восторг сама идея грандиозной экспедиции, позволявшей осуществить заветную мечту любого мальчишки: проехаться по всему свету! Мысленно они уже путешествовали по неведомым и таинственным дебрям...

На парижском вокзале Андре, радуясь расположению духа своих товарищей, сердечно пожал каждому руку и распрощался со всеми до тридцать первого октября.

Затем он подозвал извозчика, сказал ему на ухо несколько слов, и фиакр *** стремительно понесся по мостовой.

Всего сорок пять минут потребовалось Андре, чтобы доехать от Орлеанского вокзала до улицы Лепик.

* Океания — совокупность островов в центральной и юго-западной частях Тихого океана, между Австралией, Малайским архипелагом на западе и широкой полосой океана на севере, востоке и юге.

** Я сказал, то есть: я высказался, я сказал все, я кончил (лат.).

*** Фиакр — наемный экипаж.

Он отпустил экипаж у дома № 12, медленно прошел длинный проулок и оказался в уютном цветущем саду с несколькими красивыми деревьями; между ними виднелся одинокий павильон.

Бреван распахнул двустворчатую дверь, выходявшую прямо на усыпанную песком дорожку, и шагнул в большую комнату, служившую одновременно и рабочим кабинетом, и мастерской.

Эта комната, видимо, была ему хорошо знакома, так как его нисколько не удивило наличие в ней предметов самого разного назначения.

Там было два вместительных шкафа, битком набитых книгами; большая черная доска, испещренная алгебраическими формулами; далее — прикрепленные в разных местах листы с чертежами, карта мира и макеты странных инструментов из дерева и гипса.

Еще там находились верстак из вязового дерева с маленькими стальными тисками, токарный металлорежущий станок и всякого рода инструменты для работы механика.

Под потолком висела клетка, в которой щебетал скворец.

Против верстака стоял большой дубовый письменный стол, заваленный бумагами и раскрытыми книгами.

По стенам были развешаны экзотические безделушки и шкуры диких животных; два ружья висели в качестве трофеев рядом с абордажной* саблей и ятаганом**, а прямо напротив двери располагался его собственный портрет в натуральную величину.

Когда зазвонил звоночек на входной двери, скворец перестал щебетать и начал подражать механическим трелям. Из большой ивовой корзины выскочила облезлая собачонка с живыми и добрыми глазами и, завиляв хвостом, начала тыкаться мокрым черным, как трюфель***, носом в руку пришедшего.

Боковая дверь быстро распахнулась, и появился молодой человек с непокрытой головой, одетый, как и Бреван, в куртку темно-синего цвета.

— А, месье Андре! — воскликнул он с неподражаемым

* Абордаж — тактический прием морского боя времен гребно-парусного флота, представляющий собой сцепление крючьями своего и неприятельского судна для ближнего рукопашного боя.

** Ятаган — кривой меч у народов Ближнего и Среднего Востока.

*** Трюфель — гриб с клубневидным съедобным плодовым телом, развивающимся под землей.

выговором парижского мальчишки, который сохранился у него и сейчас, когда этот мальчишка стал взрослым... вернее, почти взрослым.

— Здравствуй, Фрике! — отозвался Андре, дружески пожимая руку молодого человека. Тот ответил на рукопожатие Бревана с непринужденной сердечностью.

— Каким добрым ветром вас занесло?

— Это долгая история...

— Вот как?

— Но небезынтересная!

— Еще бы! Ведь вы сегодня участвовали в открытии охотничьего сезона!

— Не исключено, что закончится он для нас на краю света!

— Нам с вами ничего не страшно, ведь мы уже побывали у черта на куличках и вернулись оттуда...

— ...может быть, только для того, чтобы побывать там еще раз!

— Куда вы, туда и я!

— Прекрасно!

— Мы поплывем по морям и океанам?

— Да, и думаю, плавание продлится месяцев восемь-десять.

— Когда отправляемся?

— Мы с тобой — завтра.

— А что, будут и другие?

— Да, и я расскажу тебе о них нынче же вечером.

— Значит, вы останетесь к обеду?

— Разумеется, только должен предупредить, что я уже отлично позавтракал и буду неважным сотрапезником.

— Здесь вы у себя дома!

— Кстати, как твои работы?

— Вчера я закончил усовершенствованную «мойку». Это настоящее чудо! Действует безотказно, и я гарантирую, что промывка на ней породы позволит не потерять ни грамма золота! Амальгаматор* тоже почти на ходу. Я снабдил его устройством, исключаящим кражу золота или ртути.

— Bravo!

* Амальгаматор — здесь: усовершенствованное геросом романа устройство, обеспечивающее извлечение благородных металлов из руды при помощи ртути.

— А еще — закончил вашу модель металлического картуша.

— Да что ты?! Это просто замечательно!

— Вы довольны?

— Еще бы!

— Вот и отлично!

— Ты, надеюсь, получил деньги за патент?

— Нет конечно, ведь изобретатель — вы.

— Не говори глупостей! Деньги за патент — твои деньги! Ну а теперь, пока готовится обед, давай поговорим о нашем деле. Завтра в восемь вечера ты поедешь в Брест*.

— Хорошо.

— Там наймешь сроком на год, считая с пятнадцатого сентября, десять надежных матросов, повара и юнгу.

— Раз вы посылаете меня в Брест, значит, хотите иметь матросов-бретонцев**, ведь правда?

— Разумеется!

— А тулонских*** моряков не брать?

— Не брать. Еще наймешь двух механиков из бывших вторых старшин и двух хороших кочегаров.

— Ну, в этом я разбираюсь, машина — мой конек!

— Еще нам понадобятся двое старшин для катеров, старшина по погрузке и по почте, канонир, рулевой и боцман. Всего получится двадцать один член экипажа, не считая юнги. А я подыщу капитана, старшего помощника, старшего стюарда**** и повара для пассажиров.

— Это все?

— Пока все. Надеюсь, мне не надо объяснять, что людей ты должен подбирать безупречных. Я целиком полагаюсь на тебя в этом тонком деле. Можешь говорить, что нанимаешь их для службы на частном судне под командой доброго капитана, который, однако, строг в отношении дисциплины. Главное, чтобы все они были в Гавре через пятнадцать дней. Мне надо, чтобы моряки оказались у меня под рукой как можно скорее. Только приводи их всех вместе, чтобы ни один не отстал!

— Понятно. А какую плату назначать?

* Брест — город и порт на северо-западе Франции, на полуострове Бретань.

** Бретонцы — народ на северо-западе Франции (полуостров Бретань).

*** Тулон — город и порт во Франции, на Средиземном море.

**** Стюард — здесь: официант на морском судне.

— По твоему усмотрению. Я уверен, что ты разумно поведешь дело, так что и матросы будут довольны своим жалованьем, и ты не окажешься излишне щедрым. Естественно, в конце пути каждый из них получит большое вознаграждение, соответствующее его усердию. Что же касается авансов*, то ты положишь их в банк М.П. в Бресте. Вот тебе на первые расходы,— продолжал Андре, вынимая из бумажника толстую пачку банкнот и передавая ее собеседнику. Тот, не считая, сунул деньги в карман.

— Это все?

— Все. Тебя здесь ничто не удерживает?

— Меня?! Да что вы, месье Андре, я так же свободен, как мой тезка Фрике — парижский беспризорник!

— Господа, обед готов! — сказала, приоткрыв дверь, седоволосая женщина, с виду — классическая экономка.

— Спасибо, мадам Леруа, мы уже идем.

— Бедняжка, ее очень расстроит наш отъезд!

— Я непременно позабочусь о том, чтобы она жила безбедно и вместе со скворцом Тити и собакой Мизер** дожидалась моего возвращения.

На другое утро принарядившийся Фрике медленно шагал по улице Лафайет, направляясь к предместью Монмартр. Было около девяти; наш приятель, как будто позабывший о том, что вечером ему предстоит поездка в Брест, походил на всякого фланирующего парижанина: он глазел по сторонам, рассматривая трамваи, витрины магазинов и афиши, закуривал папироски у табачных лавок и наслаждался оживленным уличным движением — тем самым движением, которое так ужасает провинциала и так радует сердце столичного жителя!

Однако эта прогулка не бесцельна.

У Фрике в Париже множество знакомых, но всего лишь один друг — не считая месье Андре, разумеется; друг этот живет в самом конце улицы Лафайет, почти в Пантен***, и сейчас юноша шел проститься с ним.

Любой другой непременно взял бы извозчика — но только не Фрике. Перед долгим путешествием он хотел порадоваться гладкому асфальту под ногами, хотел полной грудью вдохнуть воздух Парижа.

Вот почему он не торопился и наслаждался, повторяю,

* Аванс выдается морякам для того, чтобы, пока они будут в море, их семьи ни в чем не нуждались. (Примеч. авт.)

** «Мизер» по-русски означает «несчастье». (Примеч. перев.)

*** Пантен — пригород Парижа в XIX веке.

тем вечным уличным спектаклем, который играли сегодня как бы для него одного. Фрике мечтал о том, чтобы его прогулка продолжалась бесконечно... но он достиг уже лавки, торгующей табаком и ликерами, и вынужден был сказать себе:

— Ну, вот я и у цели!

Юноша привычно открыл дверь, вежливо поклонился молодой особе, сидевшей за кассой, и через торговое помещение прошел к задней комнате. Оттуда доносились крики и ругань. Фрике застыл в нерешительности.

— Черт,— прошептал он,— я, кажется, не вовремя! У мадам Барбантон опять разыгрались нервы, а это значит, что дом моего друга превратился в ад, где было бы жарко даже Вельзевулу!* Впрочем, должен же я попроситься со старым служакой! Вперед, Фрике, не робей!

Гость дважды постучал в дверь и, не дожидаясь ответа, распахнул ее:

— Мое вам почтение, мадам! Здравствуйте, дружище Барбантон!

Высокий человек с суровым, но привлекательным лицом бывалого солдата, одетый в вязаную безрукавку и штаны военного образца, стремительно подошел к юноше, протянул ему обе руки и воскликнул сдавленным голосом:

— Ах, Фрике, мое дорогое дитя! Я так несчастен!

Дама, которой молодой человек засвидетельствовал свое почтение, бросила на него недобрый взгляд и проговорила злым тоном:

— Здравствуйте, месье!

Фрике, повидавший тут и не такое, спокойно опустился на стул, показав, что спешить ему некуда.

— Ну, мой милый жандарм, что у вас стряслось?

— Да уж... стряслось! Я скоро взбешусь, мой юный друг! Еще немного — и я за себя не поручусь!

— О-ля-ля! — Фрике невольно засмеялся. — Но почему у вас лицо исцарапано? Вы что, боксировали с полудюжиной кошек?

— Нет, просто мадам Барбантон вот уже целый час пробует свои когти на моей шкуре... Мало того, она всячески оскорбляет меня! Меня, старого воина, четверть века прослужившего верой и правдой отечеству!

— Может, вы тоже несколько вспыльчивы? — отозвал-

* Вельзевул — в Новом завете — имя главы демонов.

ся Фрике, не веривший, впрочем, в то, что говорит.— У всякого, знаете ли, свой нрав.

— Случается, конечно, и мне вспылить, с кем не бывает,— возразил раненый,— но уж до рукоприкладства я никогда не дохожу. А ведь если я рассержусь!..

При этих словах женщина громко рассмеялась. Смех прозвучал так фальшиво, что мог бы довести до белого каления самого незлобивого из людей.

— Ну, и что бы ты тогда сделал, скажи на милость? — кипя яростью, вызывающе бросила она.

— Несчастная! Если бы я забылся и перестал уважать весь ваш женский род, я бы вышиб тебе мозги одним ударом кулака!

— Кто? Ты?! — крикнула она, подступая к супругу.

— Да, я... Но не для того я всю жизнь представлял закон, чтобы на старости лет сесть на скамью подсудимых!

— Ну уж нет! — завопила мадам Барбантон прямо в лицо пятившемуся от нее мужу.— И я сейчас скажу тебе, почему ты этого не сделаешь!

Внезапно она крепко ухватила за седеющую бородку старого жандарма и, дернув ее изо всех сил, прокричала.

— Потому что ты трус!!!

Услышав эти поразительные слова, Фрике подумал, что он бредит.

— Мадам,— едва ли не робко проговорил он,— я всегда считал, что дело обстоит как раз наоборот. По-моему, трус — это тот, кто смело поднимает руку на женщину, будучи совершенно уверен в ее беззащитности.

Молодой человек был прав, но мадам Барбантон не признавала чужой правоты. Все еще не отпуская мужниной бородки, она бросила Фрике отвратительную обидную фразу:

— Вы?... Да какое мне дело до ваших мыслей?! Я вообще не знаю, кто вы такой и откуда явились!

При этих словах юноша побелел как полотно и резко поднялся на ноги. Устремив на мегеру пылающие гневом голубые глаза, он глухо проговорил:

— Будь вы мужчиной, вы пожалели бы о сказанном. Но женщине я прощаю!

Тут, к счастью, в разговор вмешался бывший жандарм, наконец-то сумевший выскользнуть из цепких рук своей супруги:

— Да-да, вам повезло вдвойне! Ваше счастье, что вы — женщина, а мы — французы. Будь я турком, вы не

осмелились бы поднять руку на мою бороду, иначе я приказал бы отрубить вам голову, как то велит мусульманский обычай.

— Бездельник! — завизжала мадам Барбантон, которую несказанно раздражало спокойствие обоих мужчин, но потом она все-таки решила ретироваться и, хлопнув дверью, выскочила из комнаты.

— Ах, Фрике, приятель! Насколько же я был счастливее, когда жил среди канаков!.. Каким безоблачным кажется мне теперь тот день, когда нас с месье Андре чуть не изжарили на вертеле!

— Да уж!.. Характер вашей разлюбезной половины из кислого, каким он был прежде, стал ядовитым!

— Поверишь ли, я терплю это изо дня в день! А последнюю неделю она заставляет меня добавлять в мои ликеры какие-то лекарственные снадобья! Ей и дела нет до наших клиентов и до правил торговли! Я уступал во многом, но в этом не уступаю никогда! Уж лучше я брошу свою лавку и уберусь отсюда куда подальше... Ах, если бы мне удалось опять вернуться на службу!..

— А вы знаете, я ведь зашел проститься.

— Вы уезжаете?

— Сегодня же вечером, притом почти на год.

— Счастливец!

— Вы сейчас сказали, что готовы все бросить, так почему бы и вам не отправиться со мной? Я еду вместе с месье Андре...

— С месье Андре?! Тысяча канаков!

— Вы отлично знаете, как он любит вас. Вы же почти породнились с ним! Поехали, дорогой Барбантон! Согласны? Тогда я сегодня же увожу вас в Брест. Собирайте вещи, а потом мы где-нибудь позавтракаем и пойдем слоняться по городу, как матросы, получившие увольнительную. Ну а в восемь вечера — в путь!

— Хорошо! — решил Барбантон. — Через четверть часа я буду в вашем распоряжении!

Старый солдат сказал «четверть часа», но не прошло и десяти минут, как он появился в дверях спальни с большим саком*, между ремнями которого был засунут какой-то длинный и твердый сверток. Исцарапанное лицо жандарма сияло.

Он провел Фрике в торговое помещение, где за при-

* Сак — здесь: дорожная матерчатая сумка.

лавком восседала спокойная и уже успевшая напудриться мадам Барбантон. Среди весов и коробок с сигарами она смотрелась очень неплохо.

— Вы часто говорили, что нам надо расстаться,— насмешливо произнес Барбантон.— Ну что ж, отлично. Я уезжаю вместе с Фрике, оставляя вам все деньги, какие есть в доме. Мне хватит тех двухсот пятидесяти франков, которые я получаю за свой орден. Если хотите, можете хлопотать о расторжении брака. Надеюсь, мое присутствие в суде необязательно, и нас разведут заочно. Прощайте, Элоди Лера, прощайте навсегда!

— Доброго пути! — крикнула в ответ лавочница, в глубине души обеспокоенная потерей человека, на котором она привыкла срывать свою злость.

— Благодарю! — кивнул Барбантон, а поджидавший его Фрике стал фальшиво насвистывать известную песенку Дюмолле, которая, впрочем, весьма отвечала обстоятельствам.

В тот же вечер с вокзала Сен-Лазар наши друзья отправились в Брест.

ГЛАВА 5

Покупка судна.— Шутка висельника.— «Голубая антилопа».— Экипаж яхты и ее вооружение.— Последний день на суше.— Завтра!..— Явление почтальона.— Ценные письма.— Свадьба.— Неудачи охотника на уток.— Семеро одного не ждут.— Депутат поневоле.— Тайна.— Пословицы.— Еще пословицы.— Сплошные пословицы.— Военные сборы.— Трус, но откровенный.— Андре, парижский мальчишка и жандарм.

Прошли два месяца, и наступило тридцать первое октября — день, когда истекал срок, назначенный Андре для сбора друзей. Итак, завтра компания парижан, которых свела вместе неудачная охота в окрестностях Боса, должна погрузиться на судно и отбыть в таинственные и далекие края.

Андре точнейшим образом выполнил все свои обещания. Поразительная энергия и талант организатора в сочетании с его огромным состоянием сотворили чудо и позволили подготовиться к экспедиции в неслыханно короткие сроки.

Пока Фрике занимался в Бресте наймом экипажа, Бре-

ван обосновался в Гавре и отослал запросы во все морские торговые агентства Франции и Англии, располагающие сведениями об интересующих его судах.

Он посулил большое вознаграждение тому агентству, которое поможет ему совершить покупку, и очень скоро из Брайтона* пришло известие о подходящей яхте.

Посредник, предоставивший полное описание судна, сообщил также и причину, по которой оно продавалось.

Яхта была построена меньше двух лет назад ливерпульским торговым домом «Шоу, Тернер и Бингхем» на деньги одного богатого баронета, страдавшего сплином**. Судно успело побывать всего лишь в двух плаваниях: к мысу Доброй Надежды*** и на Ближний Восток.

Однако путешествия не смогли развеять черные мысли баронета, и он счел за лучшее покончить со своим унылым земным существованием.

Естественно, предпочтение было отдано веревке — этому столь любимому в Англии орудию самоубийства.

В больном мозгу подданного Соединенного Королевства**** возникла идея повеситься на рее малого брамселя***** своей яхты в самый день возвращения судна в Брайтон. Команда была отпущена на берег, и владелец корабля без помех осуществил свой замысел...

Этот инцидент произошел всего месяц назад, к большой радости наследников, которые сразу же решили продать яхту.

Не будучи суеверным, Андре без промедления отправился в Дьеп*****, взобрал там на борт пассажирского судна, приплыл в Ньюхейвен*****, оттуда поездом добрался до Брайтона, поспешил в порт, внимательно осмотрел яхту и тут же заплатил за нее наличными.

Местный лоцман***** и четверо матросов отвели

* Брайтон — город в Великобритании, у пролива Ла-Манш.

** Сплин — тоскливое настроение.

*** Мыс Доброй Надежды, мыс Бурь — один из самых южных мысов Африки.

**** Соединенное Королевство — Великобритания, точнее — Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии.

***** Брамсель — парус третьего снизу колена мачты парусного судна.

***** Дьеп — французский город-порт у пролива Ла-Манш.

***** Ньюхейвен — английский город у пролива Ла-Манш, недалеко от Брайтона.

***** Лоцман — специалист по проводке судов в пределах определенного участка (при заходах в порты, при плавании в каналах и т. д.), знаток местных условий плавания.

судно в Гавр; там на него были погружены кое-какие припасы, оформлены необходимые документы — и вот Андре уже плывет к берегам Нормандии.

Через восемь часов он был в Гавре.

За время этого короткого путешествия Бреван убедился в том, что сделал отличное приобретение.

Слово «яхта», то есть судно для увеселительных прогулок, не должно непременно ассоциироваться у читателя с чем-то хрупким, непрочным и малонадежным. Во всяком случае, не стоит думать так о паруснике, купленном Андре.

Судно Бревана принадлежало к типу трехмачтовых шхун с прямыми парусами на фок-мачте* и косыми — на грот**- и бизань-мачте***. Корпус яхты имел в длину пятьдесят метров, а в ширину — тринадцать метров двенадцать сантиметров. Водоизмещением она была в пятьсот сорок тонн.

Мощность машины равнялась семидесяти двум лошадиным силам****, и при испытании она в среднем давала скорость десять с половиной узлов.

Угольный трюм вмещал восемьдесят пять тонн угля — при том, что в сутки судну требовалось не более четырех тонн.

Согласно записям в старом бортовом журнале, под парусами шхуна развивала скорость до восьми — восьми с половиной узлов*****, что приблизительно равняется девяти сухопутным милям***** в час.

Короче говоря, яхта была мощным судном, могущим выдерживать сильные волнения и смело ходить в дальние плавания.

Андре оставил кораблю то имя, которое дал ему прежний владелец, англичанин, хотя оно и не имело какого-либо особого смысла.

Шхуна называлась «Блю Бэк», или «Голубая антилопа».

Известно, что голубая антилопа является дичью, весьма ценимой колонистами Южной Африки.

Андре Бреван решил, что грациозное животное, чье

* Фок — нижний прямой (на одномачтовом судне — косой) парус на передней мачте, крепящийся к фок-рею (поперечному брусу на фок-мачте).

** Грот — самый нижний парус на второй мачте от носа.

*** Бизань-мачта — самая задняя мачта парусного судна.

**** Лошадиная сила — устаревшая единица мощности, равная 735,5 ватта.

***** Узел — здесь: морской узел; равен 1,852 километра в час.

***** Миля сухопутная — равна 1,609 километра.

скульптурное изображение красовалось на носу корабля, может с полным основанием подарить свое имя яхте, зафрахтованной* охотниками.

Машина, мачты, паруса и все остальное находилось в отличном состоянии. Оставалось только оборудовать семь пассажирских кают — и можно было отправляться в путь.

Андре не принадлежал к числу профессиональных моряков, но прекрасно разбирался в морском деле. Вместо того чтобы во время своих многочисленных плаваний, уподобясь большинству пассажиров, играть в карты, предаваться обжорству и пьянству и подолгу спать, он изучал теорию и практику навигации.

Бреван был неофициальным командиром судна, а его правой рукой стал опытный капитан дальнего плавания, который отвечал за то, чтобы яхта не сбилась с курса, но не вмешивался ни во что иное.

В прежние времена, не имея чина капитана, Андре не мог бы пользоваться на корабле такой неограниченной властью. Лишь несколько лет назад специальным постановлением правительства частные прогулочные яхты были освобождены от некоторых требований, обязательных для торговых судов.

...Фрике ловко и быстро справился со сложными задачами, поставленными перед ним Андре. Он подобрал образцовый экипаж из бретонских матросов, которые пришли в восторг от того, что им не надо будет заниматься рутинной погрузкой и выгрузкой товаров.

Фрике привез матросов в Гавр и представил их Андре, который разместил команду на борту яхты.

Моряки с яростным рвением взялись за наведение на судне чистоты и стали драить и мыть его от киля** и до кончиков мачт. Все механизмы, снасти и паруса были осмотрены и налажены, все бортовые швы проконопачены — короче, яхта стала совсем как новая.

Вскоре на борт погрузили припасы. Заполнились и угольные трюмы и цистерны для пресной воды, не осталось свободного места в продовольственных кладовых и камбузе.

Учитывая, что яхта собиралась отправиться в края, опасные для путешественников, Андре счел необходимым

* Зафрахтовать — нанять судно (полностью или его часть).

** Киль — здесь: основная продольная балка на судне, идущая в диаметральной плоскости от носовой до кормовой оконечностей судна.

заменить две маленькие сигнальные пушечки, имевшиеся на борту, лафетными* артиллерийскими орудиями четырехнадцатисантиметрового калибра, а большая шлюпка с паровым двигателем, могущим работать как на дровах, так и на угле, была снабжена картечницей Норденфельдта**, с помощью которой крейсера способны отбить атаку миноносцев. На Малайских островах***, где в последнее время развелось множество пиратов, «Голубая антилопа» могла стать для них желанной добычей, поэтому, идя туда, где сила стоит выше закона, нельзя было забывать старую и верную пословицу: «Хочешь мира — готовься к войне!»

...В хлопотах летели дни, но Андре, верящий слову, данному ему друзьями, не стал вступать с ними в переписку. К чему? Ведь каждый из охотников получил подробную инструкцию и, в точности последовав ей, явится к назначенному времени.

И вот до отплытия яхты остается всего лишь несколько часов. На палубе уже стоит в специальных загонах скот, сидят в клетках птицы; бараны, свиньи, кролики, куры, гуси, утки, индюшки блеют, хрюкают, гогочут и кудахчут, протестуя таким образом против заключения; это будет продолжаться до тех пор, пока их не начнет укачивать и они не замолчат.

Восемь часов утра. Завтра, точно в это время, поднятый флаг возвестит об отплытии яхты.

Андре встал с восходом солнца; он торопливо пил чай, перебирая толстую кипу разных бумаг. Молодой человек ждал почты, последней почты перед отходом корабля.

Два легоньких удара в дверь, и на пороге появился почтальон.

— У вас для меня ценные письма?! — сказал Андре с некоторым удивлением.

Да, — ответил пришедший и вынул из сумки пачку писем. — Их семь.

* Лафет — станок, на котором устанавливается и закрепляется ствол артиллерийского орудия с затвором.

** Норденфельдт Торстен — шведский инженер, изобретатель огнестрельных пушек и пулеметов.

*** Малайские острова, Малайский архипелаг — самое крупное скопление островов на Земле (около 10 тысяч) между материковой Азией и Австралией.

— Странно,— прошептал Бреван, расписываясь в получении и давая хорошие чаевые почтальону. Весьма довольный, тот откланялся и ушел.

Андре некоторое время колебался, прежде чем вскрыть наугад любое из этих писем — тяжелых, запечатанных каждое пятью сургучными печатями.

— Ну что ж, прочтем — наверное, это от моих друзей. Не изменило ли им в последний момент мужество? Клянусь, это было бы забавно!..

В первом конверте оказалось несколько денежных купюр и короткое письмо:

«Дорогой друг!

Человек предполагает, а Бог располагает.

Два месяца назад я был свободен, а теперь все изменилось.

Через три недели я женюсь.

Всякие объяснения, я думаю, излишни.

Поверьте, что только эта серьезная причина мешает мне поехать с Вами.

Впрочем, Ваше путешествие в обществе шести сотоварищей не станет менее приятным в мое отсутствие — а я потаю очень много.

Всем сердцем Ваш А. Д.

Р. S. Поскольку я изменил своему слову в самый последний момент, я, по крайней мере, обязан возместить те убытки, которые Вы, по всей видимости, понесли из-за меня.

Здесь двенадцать банкнот по тысяче франков. Надеюсь, этого достаточно».

Андре не смог удержаться от смеха.

— Отлично! Один женится — и не может ехать, а другой, Барбантон, бросает жену и отправляется путешествовать. Ну что же, это равноценная замена.

Перейдем к следующему письму.

«Мой дорогой Андре!

Я слишком пристрастился к охоте на уток, и это не довело меня до добра. В прошлую зиму я часто бродил по своим болотистым владениям в Сен-Жюсте и подхватил там жесточайший ревматизм, который теперь приковал меня к постели. Я не знаю, сколько продлится приступ, но он, к сожалению, лишает меня счастья бороздить с Вами моря и океаны.

Если бы я был в состоянии добраться до Гавра, я бы

непременно приехал, но меня мучают сильные боли, и я совсем не могу двигаться!

Рад бы в рай, да грехи не пускают!

Пожалейте же меня, несчастного калеку, и уезжайте всемером.

При сем прилагаю двенадцать тысяч франков, сумму, в которую я сам оцениваю мою невяку.

Не забывайте меня, я так одинок сейчас!

А. Б.»

— Неплохую же «утку» подстрелил охотник! — насмешливо проговорил Андре. — Поглядим, что пишет следующий. То-то Фрике позабавится!

«Мой дорогой Андре!

*Вы, конечно, знаете пословицу «Одним монахом меньше...»?**

Не обижайтесь на меня за то, что в последнюю минуту я изменил своему слову.

Два банкротства, последовавшие одно за другим, унесли половину моего состояния.

Мне необходимо оставаться в Париже, чтобы попытаться спасти хоть что-нибудь.

Как Вы понимаете, при таком положении дел я никак не могу ехать с Вами.

Извинитесь за меня перед нашими друзьями и верьте, что мысленно мы всегда будем вместе.

Л. Л.

P. S. Двенадцать тысяч франков — достаточно ли это, чтобы возместить Ваши расходы?»

— Бедный малый! — сказал Андре все так же насмешливо. — Подумать только, половину состояния! Ладно, продолжим отлов «уток»... Как, неужели опять пословица?

«Мой дорогой друг!

«Давши слово — держись, а не давши — крепись». Все так, но, к сожалению, мы не всегда хозяева своему слову. Я знаю, что, не поехав теперь с Вами в неведомые края, я теряю единственную возможность сделать это.

* «Одним монахом меньше...» — сокращенный вариант французской пословицы «Одним монахом меньше — монастырь все же стоит»

Но могу ли я, не нарушив приличия, отправиться в путешествие при тех исключительных обстоятельствах, которые сейчас сложились?

Судите сами: скоропостижно скончался депутат моего округа. Избирательные комитеты насильно, против моей воли, выдвигают меня в депутаты.

Больше я себе не принадлежу. Я уступаю силе.

Плывите же всемером к тем солнечным берегам, которых я, быть может, никогда не увижу.

К сему прилагаю несколько банкнот по тысяче франков в качестве возмещения убытков.

Преданный Вам А. де Л.»

На этот раз Андре не мог удержаться, чтобы не сказать, пожав плечами:

— Глупец!

В пятое письмо тоже была вложена предвещающая его содержание сумма в двенадцать тысяч франков, а начиналось оно, разумеется, пословицей:

«На нет и суда нет, не правда ли, Андре?»

Не сердитесь на меня за то, что по страшной и таинственной причине я не явился на встречу.

Я не мог!

Не спрашивайте меня ни о чем!

Ж. Т.».

— Да я ни о чем и не спрашиваю! Я только вижу, что друг Ж. Т. даже не постарался напрячь воображение, чтобы отыскать подходящую «утку». Ничего, это разнообразит мою коллекцию!.. Господи, опять! Прямо-таки какой-то парад пословиц! — продолжал Андре, вскрывая шестое письмо.

Автор начинал его следующими словами:

«Дружба дружбой, а служба службой.

Дорогой Андре, обещая ехать с Вами и с нашими друзьями, я совершенно позабыл о том, что в будущем марте меня ожидает лагерный сбор сроком на тринадцать дней!

Обидно, но ничего не поделаешь. Я не могу просить об отсрочке, потому что уже получал ее в прошлом году.

Вы даже не можете вообразить, насколько огорчает меня эта помеха: ведь больше такого шанса не представится, и я никогда не совершу подобного путешествия!

Из двух зол я выбираю меньшее и заменяю один акт дезертирства другим.

Уж лучше мне заслужить Ваши упрёки — а с военным ведомством шутки плохи!

Поверьте, я чрезвычайно сожалею!

Преданный Вам Ж. Б.».

— Ну-ну! Чем дальше, тем лучше!.. Хотелось бы угадать, какую еще пословицу выкопает мой приятель и на какие обстоятельства сошлется!

«Не хвались, идучи на рать, а хвались, идучи с рати», — говорит пословица. Я думаю о ней с того самого дня, когда дал Вам легкомысленное обещание отправиться в кругосветное путешествие, чтобы поохотиться на диких зверей.

Пословица права... очень многие отступают в момент опасности.

Я — один из них и предпочитаю честно признаться в этом.

На завтраке по случаю открытия сезона охоты мне легко удалось примерить на себя маску путешественника-натуралиста.

Но как же часто я проклинал потом Ваши старые бургундские вина — и красные, и белые!

До последнего момента я колебался, сказать ли мне Вам о моих страхах, надеялся на возвращение тогдашнего героического порыва. Тщетно! Нет, дорогой Андре, как видно, я не гожусь в путешественники по самой своей природе! Со стыдом признаюсь, что предпочитаю мое бесполезное существование изнеженного буржуа Вашей жизни, полной опасностей и приключений.

Видите ли, я очень люблю хорошо поесть, попить и поспать и совсем не люблю трудиться. Сильные переживания нарушают мое пищеварение, а чрезмерное утомление лишает сна.

Девять десятых наших сограждан согласны со мной, но большинство из них не хочет признаваться в трусости.

Вы оцените мою откровенность, не так ли? И отправитесь в чудесные края, которые я предпочитаю изучать по книгам!

Вы будете охотиться вместе с нашими друзьями — если только в последний момент им не изменит мужество и они не откажутся от своих намерений.

Скорее всего, так оно и случится, и удивляться тут нечему.

Позвольте мне возместить Вам понесенные убытки. Примите, пожалуйста, двенадцать тысяч франков, прилагаемых

к письму. И поверьте: путешествуя из одной своей комнаты в другую, я всячески восхищаюсь Вами, хотя и не в силах следовать Вашему примеру.

Ф. А.»

— Вот это мне по душе. По крайней мере откровенно. Хорошо, что нашелся человек, который имеет смелость сказать то, что думает!

Тут в комнату вошел Фрике.

— На-ка, возьми эти письма, они здорово повеселят тебя!

— Это от наших будущих компаньонов?

— У нас больше нет компаньонов, нас только трое!

— Не может быть! Неужто вся эта публика струсила?

— Именно так.

— Но мы-то по крайней мере едем?

— Конечно, причем с бóльшим желанием, чем раньше, и свободные от всех пут и забот! Главное — не падать духом. Долой лентяев! Да здравствуют приключения!

— Сударь, я думаю, что со мной и нашим жандармом вы не заскучаете!

— Как всегда, Фрике, как всегда!

— Итак, прочь страхи — и вперед! Шкура у нас крепкая, и на нашем корабле есть веревка повешенного!*

ГЛАВА 6

*Как трое путешественников познакомились друг с другом.— Героизм парижского мальчишки.— Жертвы своей храбрости, пленники каннибалов**.— Случайная игра слов и причисление жандарма к лику святых.— Герои тоже бывают несчастны в браке.— Приключения парижского мальчишки в Океании.— Возвращение в Париж.— Фрике ждет богатство, но он оставляет все ради путешествия с месье Андре.— Слишком комфортабельно.— Дезертиры остались без подарков.— Вооружение современного охотника.*

На другое утро «Голубая антилопа» уносила в неведомую даль троих друзей, большая близость между которыми, быть может, удивляет читателя.

Однако если знать драматические и прямо-таки неве-

* По старинному поверью веревка повешенного приносит счастье. (Примеч. перевод.)

** Каннибалы — людоеды.

роятные приключения, связавшие когда-то воедино судьбы миллионера Андре Бревана, джентльмена в лучшем смысле этого слова, парижского мальчишки Виктора Гюйона по прозвищу Фрике и бывшего колониального жандарма Филибера Барбантона, то эта близкая дружба покажется совершенно естественной.

Когда-то я уже рассказывал вам, как Фрике, обуреваемый жаждой странствий и имевший в качестве капитала свои восемнадцать лет, железное здоровье и невероятную смелость, отправился в кругосветное путешествие и даже совершил его*.

Как раз во время этого полуреального-полуфантастического путешествия все трое и узнали друг друга.

Андре тогда управлял от имени своего дяди — богатого судовладельца из Гавра — большой факторией**, находившейся в Аданлинанланго в Экваториальной Африке.

Как-то он поплыл на моторной шлюпке вверх по реке Огове***, чтобы разыскать врача морского ведомства, незадолго перед тем похищенного жителями побережья.

Это были так называемые озисбасы — свирепейшие местные людоеды: напав на шлюпку Бревана, они едва не захватили ее, несмотря на отчаянное сопротивление находившихся в ней людей.

Случилось так, что винт шлюпки запутался в ветвях и лианах, свисавших в воду, и замер как раз в тот момент, когда лодка на полном ходу пыталась прорваться через угрожавшую ей линию пирога.

Гибель казалась неизбежной... но вдруг один из кочегаров с отчаянной смелостью прыгнул в воду и нырнул к винту, прикрываемый шквальным огнем своих товарищей, которые не давали пирогам приблизиться.

Храбрецу удалось освободить винт, и шлюпка рванулась вперед. Спасены!

Кочегару бросили трос, чтобы он мог подняться на

* «Кругосветное путешествие парижского мальчишки».

** Фактория — торговая контора и поселение, организуемые купцами в колониальных странах.

*** Огове — река в Центральной Африке; впадает в Гвинейский залив Атлантического океана.

борт, но в эту минуту смельчак ударился головой об обломок разбитой выстрелами пироги... и пошел ко дну.

Андре, который стрелял по дикарям вместе с матросами, заметил, что их спасителю угрожает смерть, и без колебаний бросился в реку.

Шлюпку начало относить быстрым течением, пассажиры были не в силах помочь двоим несчастным, оставшимся в воде.

В конце концов им удалось подплыть к берегу... чтобы быть там схваченными людоедами.

Кто же этот юный кочегар, кто этот мужественный парнишка, который смеялся, идя ко дну, с презрением смотрел на людоедов и в самых страшных обстоятельствах сохранял неистощимую веселость? Да это же Фрике, наш маленький парижанин! Фрике, совершавший кругосветное путешествие именно так, как и надлежит это делать человеку с тощим кошельком.

Драматическая встреча на реке Экваториальной Африки — встреча между зубами крокодилов и челюстями людоедов — быстро сдружила молодых людей.

Как вы помните, они долго жили в рабстве у озисбасов, которые откармливали их, чтобы съесть. Потом французы бежали от своих мучителей через Габон*, мужественно перенеся выпавшие на их долю испытания.

Вы помните, как Фрике, разлученный с другом, попал в руки пиратов и был привезен ими к берегам Аргентины, как он снова бежал, был схвачен краснокожими, ускользнул от них, перешел через Кордильеры**, оказался в Вальпараисо*** и там опять встретился с Андре.

Друзья как раз пересекали Тихий океан, когда их постигло очередное несчастье: выброшенные бурей на побережье Австралии, они снова попали в лапы людоедов, которые готовы были насадить их на вертел и зажарить, гарнировав сладким картофелем.

Фрике, которого никогда не покидало чувство юмора, стал уверять Андре, что нет на земле такого уголка, где человек, питающийся себе подобными, не захотел бы полакомиться именно мясом Фрике.

* Габон — французская колония в Центральной Африке со второй половины XIX в.; с 1960 г. — независимая республика.

** Кордильеры — величайшая по протяженности горная система земного шара (более 18 тысяч километров), окаймляющая западные окраины материков Северной и Южной Америки.

*** Вальпараисо — город в Чили.

— Если так пойдет и дальше, я пожалуйюсь властям,— пошутил юноша.

Но австралийских дикарей этим не проймешь, и они набросились на двоих друзей. Неужели конец?!

И вдруг в ночи раздался зычный окрик:

— Именем закона — остановитесь!

Освещенный отблесками костра, вперед выступил высокий человек, одетый в полную форму французского жандарма.

Это — Барбантон Филибер, потерпевший кораблекрушение на пути во Францию, куда он возвращался после выхода в отставку в Новой Каледонии *.

Его внезапное, почти сказочное, появление, громкий голос, огромный рост и необыкновенная униформа поразили воображение дикарей. Ничего не понимая, они застыли, разинув рты. Барбантон, усмотрев в этом неповиновение властям, вынул из ножен саблю и крикнул, что он сейчас силой разгонит незаконное сборище.

— Мое терпение вот-вот лопнет,— добавил жандарм, бросившись на дикарей. Но тут он споткнулся о корень дерева, упал, быстро поднялся на ноги, схватил свою отлетевшую в сторону шляпу и величественным жестом надел ее на голову.

И — о чудо!

Чернокожие бросились на колени, умоляюще протянули к нему руки и стали жалобно повторять на разные лады:

— Табу! Табу!

Оказывается, в звуках французской речи им послышалось слово «табу» (священный), и они решили, что незнакомец назвал так свою шляпу. Отсюда, по их понятию, следовало, что и сам жандарм, покрытый этой шляпой, и те, кого он спас столь чудесным образом,— особы неприкосновенные.

Одни приключения Фрике сменялись другими, и рассказывать о них здесь, пожалуй, не стоит. Юный парижанин переживал эти приключения в компании с месье Андре и жандармом, которые стали неразлучны благодаря воле обстоятельств и увлеченности фантазиями парижского мальчишки.

Вернувшись к домашнему очагу, жандарм снял воен-

* Новая Каледония — острова в юго-западной части Тихого океана, в составе Меланезии — одной из островных групп Океании.

ную форму и занялся торговлей табаком, право на которую, вдобавок к пенсии, он заработал своей безупречной службой.

Увы! Бедняга Барбантон, надеявшийся после долгих лет, проведенных в невыносимом климате колоний, на спокойную жизнь, так и не сумел обрести тихую пристань.

Читатель уже понял, что мадам Барбантон, урожденная Элоди Лера, ухитрилась превратить скромное существование торговца табаком и спиртными напитками в настоящий ад. Эта бесконечная, жестокая и изощренная тирания привела к тому, что несчастный жандарм начал сожалеть об оставленной им службе среди канаков и затосковал по людоедам обоих полушарий.

Время от времени Фрике и Андре путешествовали по Океании*.

Они было основали на Суматре** земледельческое и торговое предприятие, сулившее огромные барыши, но, к сожалению, непредвиденные обстоятельства помешали им довести до конца этот многообещающий проект.

Друзьям пришлось покинуть Суматру, пройти через новые испытания и стать героями совершенно невероятных приключений — Фрике, к примеру, целые сутки был султаном острова Борнео***.

Путешественники вернулись во Францию, полные впечатлений и надежд и обогащенные опытом, — но с абсолютно пустыми карманами.

Между тем дядюшка Андре, гаврский судовладелец и мультимиллионер, умер, оставив племяннику, которого любил как сына, все свое огромное состояние.

Первой мыслью наследника было взять Фрике в компаньоны и тем самым избавить его от материальных лишений.

Но у парижского мальчишки имелись на сей счет собственные соображения.

Напрасно Андре пытался убедить его, напрасно искал средства помочь другу, не задевая гордости последнего. Фрике был непоколебим.

Он не желал жить «на привязи», да еще у близкого ему человека. Юноша решил зарабатывать на жизнь своим трудом.

* «Приключения парижского мальчишки в Океании».

** Суматра — остров в Малайском архипелаге, в Индонезии.

*** Борнео, или Калимантан, — самый крупный остров в Малайском архипелаге.

— Но ты по крайней мере,— воскликнул Андре, истощив все свои доводы,— позволишь мне ссудить тебя деньгами? Верни их мне, когда сможешь, и я не потребую процентов!

Фрике согласился; он начал учиться и одновременно вернулся к прежней профессии слесаря-механика, в которой был весьма искусен.

Парижский мальчишка, казалось, родился изобретателем.

Обладая терпением монаха-бенедиктинца* и будучи, вопреки своему легкомысленному облику, умеренным в житейских потребностях до аскетизма**, он меньше чем за год изобрел множество разнообразных приспособлений — в частности аппарат для штамповки металлических пуговиц и простую и умную машину для облегчения работы парижских угольщиков.

К искреннему удивлению Фрике, у него завелись деньги.

Правда, он был совершенно неспособен извлекать доходы из своих патентов, но тут ему на помощь приходил Андре, который рекламировал его механизмы.

Вот почему Фрике, в отличие от большинства изобретателей, смог жить на широкую ногу (а ведь чаще всего люди его профессии прозябают в нужде из-за глупости современников, не использующих предложений новаторов).

Мы уже знаем, что совсем недавно наш герой закончил модель установки для промывки золотосодержащей породы. Это был настоящий триумф юного механика!

Но нужны ли ему сегодняшняя зажиточность и завтрашнее богатство?!

Нужен ли ему покой, приобретенный ценой жестоких испытаний?!

Наконец, нужен ли ему даже его дорогой Париж, когда речь идет о путешествии, в которое он отправится вместе с месье Андре, его богом на земле?!

Фрике не колебался ни минуты. Он оставил все в таком

* Бенедиктинец — член католического монашеского ордена, основанного около 530 года Бенедиктом Нурсийским в Италии. Согласно уставу ордена, бенедиктинцы должны были находить время и для молитвы, и для физического труда.

** Аскетизм — религиозный принцип, характеризующийся ограничением и подавлением чувственных влечений и желаний, отказом от благ в целях достижения нравственного совершенства.

виде, как если бы вышел в соседнюю лавочку за табаком, ограничившись лишь устройством судьбы своей экономки. Что же до остального, то пропади оно пропадом! Ведь впереди маячат такие замечательные приключения...

Вот только корабль непривычно просторен и наряден, да вдобавок у каждого из друзей будет отдельная каюта. Прежде они путешествовали иначе.

Именно об этом и говорил сейчас парижский мальчишка:

— Подумаешь, велика заслуга — бороздить моря на яхте, похожей на дворец, спать в каюте, похожей на будуар*, питаться, как в «Кафе Англе»**, и при этом ничего не делать!

— Да уж,— поддержал Барбантон,— для нас с вами, живших в матросском кубрике***, эта перемена разительна.

— Вы говорите о матросском кубрике, мой друг жандарм, но что бы вы сказали, если бы вам довелось до изнеможения работать у топок и в угольных трюмах? Ну уж нет, на мой взгляд, здесь слишком роскошно! Право, я даже робею!..

— Позвольте мне не согласиться с вами, Фрике,— величественным жестом прервал его жандарм.— Я считаю, что ни для вас, который был султаном на Борнео, ни для меня, которому как божеству поклонялись людоеды, ни тем более для месье Андре, который, захоти он только, может где угодно стать императором, не бывает ничего слишком роскошного. Что же до тех господ, которые изменили нашему патрону, то я лучше промолчу...

— Лентяи,— отозвался Фрике,— да-да, обыкновенные лентяи! Надо прочно прирасти к земле, отупеть от сидячей жизни или одуреть от безделья, чтобы с легким сердцем отказаться от такого заманчивого путешествия!

Фрике сказал «с легким сердцем», потому что ни Андре, ни он сам, ни даже жандарм не поверили мотивам отказов. Сразу было видно, что поводы придуманы горе-охотниками в самый последний момент и для бóльшей убедительности снабжены подходящими пословицами. Все говорило за то, что они попросту трусили: никто из них,

* Будуар — небольшая гостиная богатой дамы для приема наиболее близких знакомых.

** «Кафе Англе», т. е. английское кафе — одно из самых старых и лучших в Париже. (Примеч. перевод.)

*** Кубрик — общее жилое помещение для судовой команды.

видимо, не догадывался об отказе остальных и постарался, чтобы его письмо было доставлено главе экспедиции всего лишь за несколько часов до отплытия.

Поступая так, каждый, наверное, думал:

«Ба! Мое послание придет в последний момент, когда ломать первоначальный план экспедиции будет уже невозможно. Отсутствие одного человека ничего не изменит... Никто и не заметит, что меня нет!»

Разве можно было, черт возьми, предвидеть, что струсят все семеро?!

Впрочем, довольно.

Мы бы не стали уделять так много внимания этому инциденту, если бы он не объяснял собой ту роскошь и, главное, то изобилие еды, которые оказались совершенно излишними для троих закаленных пассажиров «Голубой антилопы».

Так что не будем задерживаться на описании дорогого убранства яхты и запасенных на ней продуктов.

Андре рассчитывал на десять пассажиров, из которых по крайней мере семеро привыкли к комфорту современной цивилизации, и действовал сообразно предполагаемым обстоятельствам. Не его вина, что провиант оказался на корабле в избытке... как, впрочем, и оружие.

Учитывая цель экспедиции и зная по опыту, что первоклассное оружие надо иметь не только для удовольствия, но зачастую и для защиты, Бреван отнесся к его выбору с особенным вниманием.

Первой его заботой, еще до отъезда в Гавр, было отправиться на проспект Оперы к Гинару и переговорить с ним по этому важному делу. После двухчасовой беседы Андре вместе с искусным оружейником решили, что каждый из охотников получит по карабину восьмого калибра, без курка, с тройным замком системы Гринера и с двумя стволами длиной шестьдесят сантиметров. Это оружие, вес которого достигает семи килограммов двухсот граммов, легко выдерживает заряд пороха в семнадцать, а то и в двадцать граммов. Оно требует круглых пуль и металлических патронов.

Позднее мы объясним, почему карабин незаменим при охоте на крупных диких животных — таких, как слоны, гиппопотамы, буйволы и носороги. Пока же скажем только, что для того, чтобы свалить взрослого слона, надо

иметь оружие, отличающееся не только большой убойной, но и парализующей силой.

(На флоте, кстати, прибегают к увеличению объема и изменению формы бронебойных снарядов. Сейчас, в частности, появились так называемые пробивные снаряды.)

Из этого карабина, дальность выстрела которого ограничивается восемьюдесятью четырьмя метрами, можно стрелять и по цели, находящейся в девяноста метрах. Впрочем, подобное случается редко.

Еще Андре заказал двустольные ружья того же восьмого калибра, приспособленные для стрельбы теми же патронами, что и карабины, и имеющие почти равный с ними вес.

Гладкий ствол длиной семьдесят семь сантиметров позволяет стрелять по ближним целям дробью, причем, несмотря на свою относительную тяжесть, ружье это достаточно маневренное и им можно пользоваться при стрельбе влет по водоплавающей птице — такой, как утки, ибисы, фламинго, белая цапля, колпица и так далее.

Эти два вида оружия охотник всегда носит в состоянии «на изготовку» (*ad hoc*).

В-третьих, в экипировку входил карабин «Экспресс» одиннадцатого с четвертью калибра и весом в четыре с половиной килограмма, с которым охотнику лучше никогда не расставаться.

Карабин «Экспресс» рассчитан на большой пороховой заряд и на стрельбу легкими полыми пулями, способными разрываться в мышечных тканях; он имеет винтовую нарезку с длинным витком, поэтому его пули получают большую начальную скорость.

Пуля, весящая всего семнадцать с половиной граммов, вылетает под действием порохового заряда весом в семь с половиной граммов. Она может бить по цели, находящейся в ста тридцати пяти метрах, и сохраняет убойную силу на расстоянии трехсот метров.

Читатель, наверное, уже заметил, что о дальнобойном оружии речь здесь не идет. Да и к чему оно? Человек, который охотится на крупных животных, стреляет только наверняка, и его оружие рассчитано именно на это. Оно не только лишено непрочных и громоздких приспособлений, нужных при стрельбе в тире, но еще и имеет иную нарезку. Несмотря на малый калибр, пуля за счет большой

начальной скорости, получаемой от сильного порохового заряда, обладает большой пробойной силой, и поэтому с карабином «Экспресс» можно охотиться на лося и антилопу, а также на леопарда, пантеру, тигра, медведя и тапира.

В-четвертых, ружье калибра одиннадцать с четвертью для охоты на мелких четвероногих и на пернатую дичь.

В-пятых, американский револьвер калибра одиннадцать с четвертью, более всего годящийся для самозащиты.

Это сделанное по заказу оружие доставили точно в срок по указанному адресу. Оно было сработано с изяществом и благородством, которыми отличается все, что выходит из первоклассного торгового дома на проспекте Оперы, где путешественник-натуралист может меньше чем за неделю подобрать себе необходимую экипировку.

Вышеперечисленное снаряжение погрузили на борт корабля вместе с личным оружием матросов, состоявшим из магазинных винчестеров*.

Обращаться со всем этим арсеналом** умел только Андре, потому что ни Фрике, ни Барбантон не были охотниками по призванию. Разумеется, каждый из них мог послать куда следует меткую пулю. Однако в их сердцах не пылал «священный огонь» охоты.

Подразумевалось, что оба они будут рядом с Андре и вовремя подадут ему заряженное ружье, не доверяя этого наемным носильщикам, которые слишком пугливы и способны убежать как раз в тот момент, когда требуется спокойно стоять на месте.

В первых главах мы стали свидетелями начала приключений наших друзей, когда их яхта после долгого путешествия вдоль западного побережья Африки подошла к Сьерра-Леоне.

Андре, желая побывать в стране горилл, поставил судно в виду Фритауна и отправился со своими двумя товарищами к тому месту, где и произошла поразительная встреча с мадам Барбантон, вовремя вырванной мужем из лап гигантской обезьяны.

* Винчестер — название магазинных, а позже автоматических винтовок, выпускавшихся с середины XIX века американской фирмой стрелкового оружия (по имени ее основателя О. Ф. Винчестера).

** Арсенал — здесь: склад оружия и боеприпасов.

ГЛАВА 7

Кошмар наяву.— Как это красиво — хорошо воспитанный человек! — Что такое «выезд на природу» в представлении жандарма.— «Что вы делали на этом дереве? — Я искала вас!» — В дороге.— Гимны «Боже, храни королеву!» и «Барбантон-табу!» — Путешественница.— В виду Фритауна.— Лотерейный билет.— Номер, на который выпал выигрыш в триста тысяч франков.— Близок локоть, да не укусишь.— По следам трех компаньонов.— Желая получить подпись.— Желтая лихорадка.— Все на борту яхты.— Катастрофа.

Бывают потрясения настолько сильные и неожиданные, что они способны помрачить даже самый крепкий и уравновешенный рассудок.

Именно это и случилось с несчастным жандармом, когда тот, сбив одним выстрелом гориллу, узнал в спасенной им особе свою жену мадам Барбантон, урожденную Элоди Лера.

На какой-то момент ему показалось, что все смешалось в его голове и мысли отплясывают там дикий танец, а он не в состоянии найти слов для их выражения.

Затем в мозгу Барбантона произошла какая-то перемена, и жандарм перестал верить своим глазам.

Он разразился нервическим смехом и воскликнул:

— Вот это забавно! Мне снится моя любезная супруга! Ведь это сон, правда, месье Андре? Правда, Фрике? Вы смóтрите на меня как-то странно. Уж не получил ли я солнечный удар? Ведь от него бывают кошмары... Пожалуйста, уколите или ущипните меня! Я хочу проснуться! Это очень плохой сон. А! Так вы не хотите? Тогда я сам!

И он схватил свое огниво, чиркнул кресалом, поджег фитиль и приложил его к тыльной стороне руки. Ожог заставил Барбантона вскрикнуть.

— Тысяча чертей! Я не сплю. Значит, она здесь... и я опять несчастен!

Андре, не слушая больше горестных сетований друга, поспешил на помощь бедной женщине, которая была еле жива после пережитого ею страшного приключения.

Она с трудом переводила дыхание и не могла вымолвить ни слова.

Благодаря умелым заботам Бревана потерпевшая наконец пришла в себя и попыталась подняться.

Андре попросил ее не двигаться и добавил:

— Вам не стоит сейчас рисковать и пытаться идти. Мы соорудим носилки, и мои люди донесут вас до города.

— Мне не хочется причинять вам столько затруднений,— проговорила женщина уже окрепшим голосом.— Я пустилась в дорогу, ни с кем не посоветовавшись, и теперь мне приходится расплачиваться за свою неосмотрительность... Я пойду сама!

— Будет слишком бесчеловечно позволить вам это! Я уже сказал, что до Фритауна вас донесут мои чернокожие.

— Ну хорошо, я согласна... только при одном условии.

— Ох! — шепнул жандарм на ухо юноше.— Она уже ставит условия!

— Тихо! Молчите! Не бойтесь, наш патрон — человек воспитанный, но все же он не позволит ей вертеть экспедицией, как табачной лавочкой на улице Лафайет!

— Мадам,— вежливо проговорил Андре,— все ваши желания будут исполнены... если это будет зависеть от меня. Итак?..

— Я прошу вас пойти вместе со мной во французское консульство.

— Я в вашем распоряжении.

— Слова, конечно, пустые,— пробормотал про себя Фрике,— но все-таки как это красиво — хорошо воспитанный человек!

— Я бы хотела, чтобы месье Гюйон тоже сопровождал нас, а еще... мой муж.

— Я не могу им этого приказать, но как друг я могу их об этом попросить. Не правда ли, Фрике? Не правда ли, Барбантон?

— Конечно, мадам, я пойду с вами — хотя бы для того, чтобы вы опять не попали в беду! — сказал парижский мальчишка.

Что же касается жандарма, то напрасно он старался вымолвить хотя бы слово. Его рот конвульсивно открывался и закрывался, но произнести он смог только нечто нечленораздельное и бессмысленное.

— Спасибо, месье Фрике! — вновь заговорила женщина.— Тогда, перед вашим отъездом, я была слишком резка с вами. Пожалуйста, извините меня — и забудем об этом!

— Ну уж нет, мадам, как раз об этом-то и не стоит забывать! — трагически воскликнул жандарм.— Черт возьми! Сначала смертельно оскорбить человека, а потом отправиться за ним на природу, чтобы и там нарушать его покой!

«На природу?! Неплохо сказано!» — с усмешкой заметил про себя Фрике.

— Ответьте мне, мадам, что вы делали, сидя на этом дереве?.. Вместо того, чтобы сидеть дома...

— Я искала вас,— тихо ответила воительница с улицы Лафайет.

Этот лаконичный ответ и тон, каким он был дан, совершенно обезоружили старого солдата.

— А лавку я оставила на попечение человека, которому мы можем полностью довериться.

— О! — Барбантон презрительно махнул рукой.— Коммерция меня больше не интересует, я вовсе не собираюсь возвращаться к ней. Вы можете делать с лавкой все, что вам только заблагорассудится!.. Итак, зачем вы искали меня столь упорно, что даже забрались в эти дебри?

— Потому что вы мне нужны!

— Я вам нужен?!

— Ради одной подписи, которую вы должны поставить в присутствии консула и этих господ.

— Какой подписи?!

— Довольно, Барбантон, довольно, дружище! — ласково, но твердо прервал его Андре.— Сейчас не время и не место расспрашивать мадам о важных причинах, заставивших ее отправиться в столь опасное путешествие. Вы только понапрасну утомляете вашу жену.

— Все, месье Андре!.. Вы — мой командир, следовательно, это — приказ! Куда пойдете вы, туда пойду и я!

— Вот и хорошо, благодарю тебя, мой храбрый товарищ!

Тем временем негры быстро соорудили удобные носилки, связав лианами жерди, сделанные из ветвей дерева, и положив на них матрац из листьев.

Несмотря на только что проявленную энергию, путешественница была на грани обморока, когда занимала свое место.

Андре, как всегда предусмотрительный, распорядился, чтобы над женщиной был устроен навес из листвы, который защищал бы ее от солнца, и группа двинулась в путь. Фрике, Барбантон и один из негров остались, чтобы снять шкуру с гориллы, которую Андре хотел увезти с собой. За этим занятием они задержались до вечера и нагнали остальных только там, где предполагался ночлег.

— Подумать только! Значит, вовсе не чувство ко мне заставило ее так рисковать! — возмущался Барбантон.— Ни одного ласкового слова! Ничего, кроме сухого: «Вы мне нужны!» ...Ладно! Увидим, что будет дальше!

— Ничего мы не увидим, мой старый товарищ! Вы молодец, каких мало, это всем известно! Вы что-то вроде царя небесного у дикарей Австралии, которые распевают на манер «Боже, храни королеву!» гимн «Барбантон-табу!». Если однажды ваша власть будет признана, то монархи Европы станут называть вас «Ваше величество»! Но какой бы вы ни были молодец, божество или величество, перед ней вы спасуете! Обязательно спасуете, помните мои слова! И я бы на вашем месте поступил так же!

Барбантон начал, страшно фальшивя, насвистывать песенку «У меня есть добрый табачок», а потом сказал с неожиданным ожесточением:

— Посмотрим, Фрике, посмотрим! Честное слово Барбантона!

— Но все же согласитесь: женщина, совершившая подобный подвиг,— это незаурядная женщина!

И Фрике ничуть не преувеличил. Пережив ужасное приключение и выдержав более чем пятичасовой переход, путешественница должна была бы чувствовать себя совершенно разбитой, а она сидела себе, прислонясь спиной к дереву, и преспокойно, даже с аппетитом, жевала кусок холодного мяса, заедая его бананом вместо хлеба!

Женщина, обладающая такой выносливостью, должна сочетать в себе железное здоровье и необычайную энергию.

Ей было около тридцати пяти лет, но выглядела она моложе, так как благодаря некоторой полноте ее лицо не портили морщины. Теперь, когда она выглядела спокойной и отдохнувшей, в ней не было ничего неприятного. Однако детальное рассмотрение лица мадам Барбантон говорило не в ее пользу.

У этой особы была несвежая, хотя и гладкая, сероватая кожа, маленькие слегка раскосые глаза неопределенного цвета, в котором смешались рыжие, желтые и карие оттенки, узкий лоб; профиль ее был красив, но в фас становились видны сдавленные виски и нос неправильной формы, напоминающий утиный клюв. Большой, жадный, с острыми мелкими зубами и тонкими бледными губами рот, заостренный подбородок.

Высокого роста, широкоплечая и полногрудая, она имела мускулистые руки с сильными, но правильной формы кистями, украшенными ямочками, и с тонкими кончиками пальцев. Руки были, пожалуй, самой красивой ча-

стью ее фигуры, а Барбантон даже утверждал, что их силе мог бы позавидовать боксер.

Во всяком случае, супруга отставного жандарма казалась существом оригинальным. Молчаливая, лишенная сердечной чувствительности, она отличалась большим самообладанием и не меньшей энергией. Хотя мысли она выражала с некоторым трудом и вообще говорила мало, однако было заметно, что ее что-то очень тревожит. Слегка кивнув всем на прощание, она удалилась в сооруженный для нее шалаш. Вскоре и мужчины, убедившись, что костер не погаснет до утра, устроились в гамаках и заснули, охраняемые стражей.

Второй день и часть третьего прошли в утомительных заботах, знакомых только тем, кому довелось пробираться через девственный тропический лес; впрочем, женщина оставалась по-прежнему энергична.

Наконец путешественники достигли Фритауна, столицы английских владений в Сьерра-Леоне, города довольно значительного по населенности, но, несомненно, самого нездорового по климату на всем западном побережье Африки.

Прежде чем отправиться в предместье Кисси-стрит, застроенное почти исключительно хижинами туземцев, мадам Барбантон попросила Андре остановить группу. Женщина подозвала англичанина, проводшего ее в свое время в лес, дала ему деньги, которые, видимо, ожидал от нее сей джентльмен как плату за услугу, и попрощалась с ним.

Затем она проговорила, обращаясь главным образом к Андре:

— Теперь, когда я расплатилась с проводником, этим охотником за слоновой костью, не угодно ли вам будет узнать о причине моего путешествия?

— Мадам,— ответил Андре,— я весь внимание!

Готовясь к долгому рассказу, все устроились под огромным манговым деревом*, растущим на склоне главенствующего над городом холма.

— Согласитесь, что с нами иногда случаются странные вещи! — начала она.— Представьте себе, что меньше чем через месяц после... после отъезда моего мужа...

— Точнее сказать — бегства,— прервал ее старый жандарм.

* Манговое дерево, манго — род тропических вечнозеленых деревьев семейства сумаховых; сладкие плоды манго используют в пищу.

— Пусть так, я не буду спорить, только, прошу вас, позвольте мне говорить!

— Вы впервые спрашиваете моего позволения! С удовольствием даю его вам!

— Я обнаружила, что в Лотерее искусства и индустрии мне достался один из самых крупных выигрышей! Он поистине огромен и составляет триста тысяч франков!

— Ну что ж, мадам, вам следовало получить выигрыш, поместить его в банк из расчета пять процентов и безбедно жить на этот доход! Уверяю вас, что так думаю не только я, но и любой здравомыслящий человек!

— Я и сама решила так же, — слегка смущаясь, ответила рассказчица. — Я пришла в Управление лотереи...

— И получили деньги?

— Нет!

— Ваш билет оказался фальшивым? Весьма вам сочувствую.

— С моим билетом все было в полном порядке. Но им требуется либо присутствие моего мужа, либо его письменное согласие на получение мною таких денег...

Бывший жандарм вдруг разразился громким смехом. Фрике прикусил губу, а Андре потребовалась вся его выдержка, чтобы не улыбнуться.

Рассказчица хладнокровно продолжала:

— Напрасно я уверяла, что муж в отсутствии, напрасно приводила достойных доверия свидетелей, напрасно обращалась в мэрию. Все было бесполезно! Закон есть закон. Деньги временно отправили в банк.

Не зная, где искать мужа и когда он вернется — если вернется вообще, — я приняла решение. Я обратилась в одно очень известное агентство, которое за определенную плату дает всевозможные сведения. С меня взяли пятьсот франков и обещали через десять дней сообщить, куда вы направились. Я предложила им вдвое больше и правильно поступила, потому что спустя шесть дней меня известили о вашем приезде в Гавр. Это было уже кое-что, но далеко не все: ведь я не знала, куда именно поплыл ваш корабль. Агентство, которому понравилось, как я плачю, умножило свои усилия. Оно телеграфировало в те порты Англии и Франции, которые посещают суда, идущие к берегам Африки и обеих Америк. Некоторые из них могли повстречать вашу яхту либо в океане, либо на

одной из стоянок. Расчет оказался верным: кто-то видел «Голубую антилопу» неподалеку от Дакара*.

В агентстве мне сказали, что я смогу выиграть время, если сяду на первое попавшееся английское пассажирское судно. Не колеблясь ни минуты, я поручила лавочку доверенному лицу и, собрав все мои деньги, отправилась в дорогу, несмотря на то, что мне советовали послать кого-нибудь вместо себя. Видите ли, я считаю, что свои дела лучше всегда улаживать самой... Вскоре я была уже в Сьерра-Леоне и отыскала там вашу яхту. Я даже поднялась на нее, но вы уже сошли на берег. Капитан предлагал мне дожждаться вашего возвращения на борту, но я предпочла отправиться в джунгли. Тогда он дал мне в провозжатые одного из своих матросов, того самого, который погиб в схватке с обезьяной...

Затем я заглянула во французское консульство, где меня сначала попытались отговорить от моих намерений, а потом порекомендовали обратиться к англичанину — охотнику за слоновой костью... Остальное вам известно.

— И вы ни разу не усомнились, и сердце у вас не дрогнуло?! — не смог удержаться от вопроса пораженный такой неженской отвагой Андре.

— Когда я очутилась в лапах этого отвратительного животного, я очень испугалась за свой лотерейный билет... К счастью, он остался цел. Вот, взгляните!

И она вытащила большой золотой медальон на прочной цепочке. Раскрыв его, мадам Барбантон протянула мужу билет. Жандарм машинально прочел вслух номер:

— Три ноля две тысячи четыреста двадцать один! Вот так история! Это же номер моей метрики! Может, это какой-то знак? Мадам, возвращаю вам билет и прошу принять мои поздравления! Итак, вы прибыли из Франции единственно для того, чтобы я дал вам доверенность? Ловко же это у вас получилось!

— И вы дадите мне ее, правда, месье? Ну что вам стоит? А эти господа будут вашими свидетелями... и я уеду отсюда на первом же пассажирском судне.

— Посмотрим, мадам, посмотрим! — сказал Барбантон с непривычной для него насмешливостью.

— Надеюсь, вы понимаете, что до тех пор, пока наше имущество не разделено, вы можете рассчитывать только

* Дакар — ныне столица Сенегала, на полуострове Зеленый Мыс. Основан в 1857 году как французский порт.

на половину суммы, за вычетом расходов на мое путешествие и того, что я уплатила агентству?

При этих словах старый солдат в ярости вскочил. Его лицо сперва побагровело, а потом побледнело.

— Деньги?! Мне?! — проговорил он сдавленным голосом. — Да за кого вы меня принимаете? Вы всегда изводили меня, царапали, били, но хотя бы не оскорбляли!

— Я не понимаю... ведь у нас общее имущество, общие расходы и доходы...

— Да разве дело в этом? Какая же вы бесчувственная! Ладно, хватит... Я хотел заставить вас немного помучиться, чтобы вознаградить себя за те беды, которые вы мне принесли... а потом я бы уступил вашей просьбе... но раз вы считаете меня человеком, которого можно купить, то я отказываюсь! Я говорю: нет, нет и еще раз нет!!!

Как ни старались Андре и Фрике уговорить его, бывший жандарм был непреклонен.

Спор всех утомил, и охотники двинулись дальше, надеясь, что раздраженный Барбантон в конце концов успокоится...

Пройдя предместье, они с удивлением увидели, что над больницей развевается громадный желтый флаг — флаг, возвещающий о карантине. В тот же момент к ним приблизился черный полисмен и сказал, что два дня назад в городе появилась желтая лихорадка.

Остаться там, где свирепствует эта смертельная для европейцев болезнь, значило бы подвергнуться большой опасности.

Было решено немедленно возвращаться на яхту, стоящую на рейде, и Андре предложил путешественнице отправиться с ними. Та заколебалась.

— Вы не знаете, мадам, что такое желтая лихорадка. Жить здесь сейчас равносильно самоубийству. Человеческое велит мне увезти вас отсюда — пусть даже силой. Кроме того, — вполголоса добавил он, — у вас появится шанс уговорить вашего мужа.

— Хорошо, месье, я согласна.

«О-ля-ля! — подумал Фрике. — Наш патрон ввязывается в хорошенькое дельце! Семейство Барбантонов на борту яхты! Мой бедный жандарм, вы проделали двенадцать тысяч лье, чтобы убежать от вашего домашнего тирана, — и все оказалось напрасно... Будь я суеверен, я бы сказал, что нас ожидает несчастье!»

И что же? Фрике-то как в воду глядел!

На другое утро перепуганный стюард прибежал сказать Андре, что Барбантона нет на борту. Исчезли и двое из наемных негров.

Тут из своей каюты выскочила бледная мадам Барбантон, крикнув отчаянным голосом:

— Мой медальон исчез! Вместе с билетом! Украли! — и потеряла сознание.

Спустя несколько минут возле машинного отделения раздался звук падения и послышался чей-то сдавленный стон. Это Андре поскользнулся на трапе и сломал себе ногу.

ГЛАВА 8

Английский хирург.— Фрике ведет следствие.— Рассказ лаптота.— История государственного переворота в стране куранков.— Интриги вокруг трона.— Об опасности политических разговоров... на побережье Гвинеи.— Амулет белой женщины.— Барбантон — капитан.— Преследование.— Трудное плавание по реке Рокелле.— Первые вести о беглецах.— Вторая ночь на реке.— Загадочные звуки.— Шлюпка на мели.— Осажденные крокодилами.*

Можно себе представить, в какое смятение привели эти несчастья всех пассажиров яхты.

Даже Фрике потерял голову, когда Андре, поддерживаемый двумя матросами, сказал ему тихонько:

— Я сломал ногу!

Юноша вовсе не был сентиментален, но у него на глазах выступили слезы и он выглядел таким расстроенным, что Бревану даже пришлось ободрять его ласковыми словами.

Андре отнесли в каюту и положили на койку.

Он не потерял мужества и с присущим ему хладнокровием обдумывал, что надо предпринять, чтобы перелом ноги обошелся без осложнений.

— Как можно скорее, — сказал он Фрике, — спускай шлюпку и плыви в город. Там любой ценой отыщи врача и доставь его сюда. Потом сразу отправляйся на поиски Барбантона, исчезновение которого необъяснимо. Он дол-

* Лаптотами в Западной Африке называли негров, работавших матросами, кочегарами, грузчиками и чернорабочими по найму.

жеп быть где-то неподалеку, и успех дела зависит от твоего проворства. Что же касается воровства... или случайной потери... то этим я займусь сам.

— Понятно, месье Андре,— ответил парижский мальчишка, к которому вернулись все его мужество и энергия.

По свистку боцмана на воду была быстро спущена лодка. Фрике прыгнул в нее с ловкостью белки, сел к рулю и крикнул гребцам:

— Быстрее, друзья, постарайтесь для патрона, а я обещаю вам хорошую выпивку!

Меньше чем через два часа он вернулся вместе с хирургом английского флота.

Врач внимательно осмотрел раненого и обнаружил у него перелом берцовой кости левой ноги. Хотя этот перелом несравненно менее опасен, менее болезнен и легче заживает, чем перелом бедренной кости, он все же требует абсолютного покоя. Андре мог подняться с постели не раньше, чем через сорок долгих дней.

Бреван примирился с этой неизбежностью, без единого стога перенес вправление костей и попрощался с хирургом, который решительно отказался брать плату и пообещал вскоре навестить больного.

Фрике, поняв, что выздоровление Андре — это теперь только вопрос времени, а следовательно, и терпения, немедленно приступил к розыскам Барбантона, отсутствие которого тревожило юношу все больше и больше.

Что произошло? Несчастный! Неужели неожиданное вторжение в их жизнь этой женщины толкнуло его на самоубийство?

Но нет, Барбантон не из таких! Он наверняка ушел, прихватив свой багаж: ведь сак тоже исчез из его каюты вместе с замечательным зеленым футляром! Может, он хотел во что бы то ни стало избавиться от общества жены, навязанного ему эпидемией желтой лихорадки? Или намеревался отомстить за те мучения, которые она ему причиняла, и заставить поволноваться за него... вернее сказать, за судьбу лотерейного выигрыша? Такое весьма вероятно!

Но куда он мог пойти?

Фрике расспрашивал всех встречных, но Барбантона никто не видел. Да и не стал бы он скрываться в зараженном городе, он-то знал, что такое желтая лихорадка!

Юноша понимал, что должна быть какая-то связь между исчезновением с яхты двух чернокожих и отсутствием старого жандарма.

Кто же такие эти два негра?

В Дакаре Андре нанял двух лаптотов-сенегальцев, сносно говоривших по-французски и знавших большинство диалектов гвинейского побережья.

Вот один из них сегодня и сбежал. Его спутником стал бывший раб, который освободился, добравшись до французских владений.

Что общего между пропажей медальона у путешественницы и бегством этих негров? Или драгоценность просто потерялась?

Мадам Барбантон ничего не знала, ничего не помнила, она проспала всю ночь мертвым сном, что было вполне естественно после такой тяжелой дороги и стольких переживаний.

Нет, не случайно медальон исчез именно сегодня! Фрике не забыл жадный взгляд, который бросил на безделушку один из негров, когда женщина показывала ее троим белым под манговым деревом вблизи Фритауна.

Виктор стал расспрашивать второго лаптога, оставшегося на яхте, развязав ему язык изрядной порцией алугу*.

Негр охотно рассказывал и о своем товарище, и о жизни его племени, что было для Фрике небезынтересно.

— Мы звали его Сунгуйя, а родом он из страны куранкосов.

Фрике взял карту региона, нашел к югу от мандингов** эту страну куранкосов и на 10° 25' западной долготы по Гринвичу и 9° 30' южной широты отыскал слово «Сунгуйя». Вероятно, это и есть то место, где родился негр.

Здесь берет свое начало река Рокелле. Сначала она течет на юго-запад, потом — приблизительно пятьсот километров — на запад и наконец становится рекой Сьерра-Леоне.

Там же, в районе Сунгуйя, начинается Нигер***, называемый в тех местах Джиолиба.

— Сунгуйя,— объяснял лаптот на своем варварском французском языке,— был в своем селении вождем.

Несмотря на то, что эти мелкие царьки вели себя совершенно самостоятельно, они все же признавали верховную власть некоего великого вождя, хотя она и была

* Алугу — крепкий спиртной напиток типа самогона.

** Мандинги — общее название группы народов (бамбара, малинке, диула) в ряде стран Западной Африки.

*** Нигер — река в Западной Африке; впадает в Гвинейский залив Атлантического океана.

чисто номинальной. Его выбирали на собрании старейшин всех селений.

Недавно верховный властитель умер, и Сунгуйя решил стать его наследником.

Может, он и преуспел бы в своих намерениях, но вмешался один бессовестный и решительный конкурент.

Нисколько не заботясь о законной процедуре выборов, он набрал себе шайку удалцов, щедрой рукой раздавая им страусовые перья и угощая алуку, и занял место верховного вождя, следуя известному афоризму: «Сила выше закона!»

Затем он, как и подобает политику, сделал следующее заявление, отличавшееся предельной ясностью:

«Тот, кто будет за меня, получит перья, амулеты и выпивку.

Тот, кто будет недоволен, станет рабом.

Тот, кто будет сопротивляться, лишится головы».

Сунгуйя, на свое несчастье, не умел держать язык за зубами.

Однажды, перебрав ячменного пива, он осмелился критиковать нового монарха. Преступление тем более непροстительное, что совершено оно было в присутствии многих свидетелей. Его основательно поколотили солдатскими палками и незамедлительно продали в рабство.

— М-да,— заметил Фрике,— до чего же опасно говорить о политике на гвинейском побережье! Но продолжай, мой достойный собеседник, твой рассказ интересует меня все больше!

— Как только Сунгуйя получил свободу, он сразу захотел убраться с трона своего врага.

Но как бороться с человеком, который владеет могущественнейшим амулетом?! И все-таки Сунгуйя не унывал и с упорством дикаря искал фетиш*, который принес бы ему победу. К тому времени, когда его случайно нанял месье Андре, он успел собрать обширную коллекцию всяческих амулетов.

Вместе с экспедицией Сунгуйя попал в лес и видел, как мадам Барбантон была чудесным образом вырвана из объятий гориллы.

Вне всяких сомнений, белая женщина обладала каким-то редчайшим амулетом!

* Фетиш — неодушевленный предмет, который, по представлениям верующих, наделен сверхъестественной магической силой и служит объектом религиозного поклонения. Здесь: в значении «талисман» или «амулет» — предмет, якобы приносящий счастье, удачу.

— Эх, черт! Об остальном я догадываюсь! — воскликнул Фрике. — Сунгуйя увидел, как белая женщина достала из-под одежды медальон и показала нам заветный лотерейный билет. Претендент на престол, наверное, решил, что это та самая вещь, которая победила гориллу, и в его мозгу созрела мысль похитить сей несравненный фетиш. Я угадал? Да? Что ж, твой дружок — будущий монарх куранкосов — сработал отлично, но все же это не объясняет исчезновения Барбантона! Где он? Что с ним?

— Капитан и Сунгуйя вместе уплыли на пироге!

С того самого момента, как оба негра были наняты в Дакаре, они присвоили бывшему жандарму это звание.

Человек с такими великолепными усами и такого высокого роста, да еще в одежде, украшенной красной лентой, мог, по их понятиям, зваться только капитаном!

Поскольку Барбантон возражал против этого, они начали именовать его полковником, хотя между собой называли по-прежнему.

— Ты уверен?

— Мой уверен... мой видел капитана с сундуком и с большой саблей. Сунгуйя тоже был в пироге.

— Раз ты его видел, этого достаточно! — И Фрике поспешил к Андре, чтобы посоветоваться.

Бреван, услышав о Сунгуйе, пришел к тем же выводам, что и Фрике.

По их мнению, медальон похитил Сунгуйя. Завладев фетишем во время сна путешественницы, он стал думать только об одном — как поскорее вернуться на родину и захватить там власть.

Самый удобный и самый короткий путь в страну куранкосов — это река Рокелле. Нужно подниматься вверх по течению, добывая себе пропитание рыбной ловлей и охотой.

Задача состоит в том, чтобы как можно скорее нагнать беглецов и при этом не возбудить у них подозрения.

Такое было под силу одному Фрике!

Он поедет на моторной лодке, уложив туда необходимые припасы. С собой Виктор возьмет двух матросов, из которых один будет кочегаром, и трех негров — в том числе и приятеля Сунгуйи, который хорошо знал многие местные диалекты и мог быть переводчиком.

Негры и европейцы вооружатся винчестерами, а Фрике, кроме того, прихватит и полный набор охотничьего оружия.

Так как Андре был не в состоянии заниматься пополнением своей коллекции трофеев, он попросил Фрике заменить его в этом деле.

Фрике не возражал. Раз это доставит удовольствие его другу, он постарается охотиться как можно лучше и перебьет много диких животных. Кроме того, охота здесь не столько развлечение, сколько средство защиты.

В шлюпку, помимо провизии и оружия, положили еще и медикаменты (в частности хинин как главное средство против малярии) и другие необходимые предметы: например, гамаки и прорезиненные коврики — беречься от ночной сырости не менее важно, чем от дневной жары.

Наконец, была взята складная лодка системы Макдональда — на тот случай, если придется идти по суше и там встретятся обводненные участки, которые нельзя будет переплыть или преодолеть вброд.

Рокелле, в русле которой имеется много порогов, может оказаться непроходимой для шлюпки; тогда Фрике отправит ее назад, а путешественники поплывут дальше на пироге.

Яхта будет ждать на рейде возвращения экспедиции или станет курсировать вдоль берега, чтобы экипаж, лишенный возможности выйти в город, не заскучал.

И вот Фрике отбыл.

Шлюпка вошла в устье реки, которая, как мы уже сказали, называется в этом месте Сьерра-Леоне, поплыла вдоль английского берега и вскоре достигла Рокелле.

Вначале шлюпке помогал быстро продвигаться вперед не только мотор, но и прилив, и Фрике уверился в успехе их погони.

Однако отлив вскоре уменьшил его радость. Он обнажил много скалистых участков, между которыми надо было осторожно лавировать, сокращая подачу пара и продвигаясь вперед крайне медленно.

— Задача не из легких,— прошептал в задумчивости юноша.— Тем более что мы гонимся за превосходными гребцами, чьи лодки плывут, как рыбы! Если бы не эти проклятые скалы, я бы быстро утер им нос со своей моторкой!.. Потихоньку, ребята, потихоньку, у нас есть время!

По пути встречалось много пирога, груженных фруктами и овощами, которые негры везли в город на продажу. Фрике через переводчика справлялся у всех о беглецах.

К его огорчению, оказалось, что погоня отстала на целых двадцать четыре часа хода.

Вскоре пришлось остановиться. Стемнело, и продвигаться вперед было бы очень опрометчиво.

Чертыхаясь, Фрике велел бросить якорь, предварительно хорошенько соизмерив радиус разворота судна на якорь с расстояниями до донных скал.

...Взошла луна, и ее волшебный свет еще больше испортил парижанину настроение, потому что беглецы могли продолжить путь и совсем оторваться от погони.

На заре шлюпка, топка на которой была погашена, двинулась дальше. Скал поубавилось, и она шла довольно ходко; вечером этого трудного, но не принесшего особых неприятностей дня им снова пришлось остановиться.

Фрике не удалось ничего узнать ни о жандарме, ни о его спутниках. И неудивительно, потому что река все еще была очень широкой. Встречные пироги плыли вдоль противоположного берега и оставались незамеченными, да и попадались они все реже и реже.

Фрике с удовлетворением услышал, что завтра шлюпка дойдет до места, где отлив перестанет воздействовать на реку.

Там, где ощущалось влияние прилива и отлива, над водой дважды в день поднималось зловонное облако испарений: это гнили погибшие растения. Фрике было хорошо известно вредоносное действие этого тумана, приносящего с собой страшный яд лихорадки, одно название которой наводит ужас даже на храбрецов.

Не желая понапрасну расходовать уголь, он вел шлюпку вблизи берега, чтобы иметь возможность запастись древесным топливом. Деревьев по берегам росло много, но особенно поражало обилие кустарника; впрочем, по мере удаления от соленой воды его становилось все меньше.

Фрике замерил глубину (она составляла пять брассов*) и велел бросить якорь, который тут же зацепился за дно.

Экипаж отправился спать, а один человек остался на вахте: нести ее было нетрудно, так как вахтенные сменялись каждый час. Вскоре все уснули, убаюканные плеском воды.

День настал внезапно, без рассвета, что обычно для экваториальных широт. Сквозь сон Фрике услышал какие-то странные звуки. Казалось, будто кто-то трется о бока

* Брасс — единица длины в ряде стран (в Португалии — 2,19 м; в Аргентине — 1,73 м; в Бразилии — 2,2 м)

шлюпки, легонько толкая ее и непрерывно чем-то полязгивая. Может, это упавшие в воду ветви деревьев?

Открыв глаза, парижанин с удивлением обнаружил, что лодка стоит носом в обратную сторону: когда он засыпал, берег был у него справа, а теперь оказался слева, точно шлюпка повернулась, повинувшись приливу.

И тут он ощутил, что судно совершенно неподвижно.

— Разрази меня гром, да мы же сидим на мели!

До этого момента экипаж, не исключая и вахтенного, крепко спал, но возглас Фрике заставил всех с шумом вскочить на ноги.

Юноша не ошибся. Под действием отлива вода ушла из-под шлюпки и оставила ее лежать на тинистом дне.

Казалось бы, ничего страшного не произошло: через некоторое время очередной прилив поднимет лодку.

Однако из-за близости берега, покрытого густой растительностью, эта посадка на мель могла грозить встречей с крокодилами.

А странные звуки все усиливались. Фрике выглянул за борт и, несмотря на свое бесстрашие, вздрогнул.

По илистому зловонному месиву медленно ползли мерзкие длинные твари; они двигались как бы рывками, и казалось, что обнажившееся дно вдруг ожило. Шлепая по жидкому илу и разбрызгивая его во все стороны, гадины в конце концов окружили шлюпку страшным кольцом разинутых пастей.

— Хозяин,— вскричал перепуганный лаптот,— крокодилы!

Ну конечно же! Эти странные звуки издавали трущие друг о друга крокодильи кожистые панцири, а лязгали челюсти голодных чудовищ!

Их сотни, и прибывают все новые, будто какой-то злой дух собирает здесь свое отвратительное воинство! Кажется, что вокруг нет ничего, кроме крокодилов.

Первые уже тычутся мордами в железные борта шлюпки. Они тщетно пытаются забраться внутрь. Опасности пока нет, но на спины «первопроходцев» карабкаются идущие следом, попирая своих собратьев. Те проваливаются в ил и исчезают из виду, однако их панцири служат настилом — и скоро скользкие твари могут оказаться на палубе.

Фрике решил не дожидаться этого момента, а дать отпор немедленно. Оценив создавшееся положение, он раздал экипажу оружие и укрепил дух своих воинов энергичной речью и изрядными порциями алугу.

Фрике сказал:

— Вы знаете, как любят крокодилы человеческое мясо, а белое оно или черное — им все равно. Пусть каждый из вас спасает свою шкуру! Нам надо продержаться шесть часов — потом начнется прилив, и шлюпка окажется на воде. Попасть крокодилу в зубы не очень-то весело, так не допустим же, чтобы эти гадины взяли нас на абордаж!

ГЛАВА 9

Последствия поворота на якорь во время отлива.— Первый выстрел.— Недостаточно крепкая броня.— Тем, кто верит в неуязвимость крокодила.— Побоище.— Пробивная сила современных пуль.— Пули повышенной твердости.— Возрастающая опасность.— Вовремя отысканное убежище.— Капитан покидает судно последним.— Враг уже в шлюпке.— Развлечения голодных рептилий.— Укусы тропического солнца.— Прилив.— Последние минуты борьбы с крокодилами.— Пойманы в западню.— Для коллекции.

Судно село бы на мель, несмотря на любые меры предосторожности.

Фрике, командовавшему спуском якоря, не в чем было себя упрекнуть.

Винить следует только речное русло.

Для того чтобы понять, почему шлюпка оказалась в таком положении, надо прежде уяснить себе суть «свободного движения на якорь».

На реке, подверженной воздействию приливов и отливов, лучший способ закрепить корабль — это поставить его на один якорь. Тогда судно свободно поворачивается носом к набегающей волне и толща воды давит на него минимально.

Это самопроизвольное перемещение судна, стоящего

на одном якоре, под воздействием прилива и отлива и называется «свободным движением на якоре»*.

Фрике замерил глубину, которая оказалась равной почти пяти брассам, или восьми метрам, отпустил якорную цепь на длину, достаточную для «свободного движения» судна, и со спокойным сердцем пошел спать.

Поскольку юноша и прежде несколько раз приходил примерно к тем же цифрам, он логично рассудил, что получил в итоге истинную глубину реки.

Фрике не мог знать, что шлюпка оказалась на мелководье. От илистого дна ее отделяли всего лишь два метра, но якорь, к несчастью, попал в глубокую расщелину между подводными скалами.

Когда начался отлив, шлюпка развернулась и ее носовая часть оказалась там, где раньше была корма.

Вода продолжала убывать, и скоро киль шлюпки врезался в ил. Судно под действием собственной тяжести застряло в нем, причем из-за натянутой якорной цепи корма задралась вверх.

К тому времени, когда проснулся разбуженный нашептыванием крокодилов Фрике, шлюпка уже прочно сидела на мели.

Нужно было поторопиться, потому что мерзкие твари могли вот-вот оказаться на палубе.

Шестерым мужчинам, находившимся в лодке — Фрике, двоим матросам-бретонцам и троим неграм, — предстояла трудная работа.

Они вооружены винчестерами, и боеприпасов у них в избытке.

Парижанин, подготовив к бою ружье восьмого калибра, открыл огонь из карабина «Экспресс».

Первым же выстрелом с пяти метров был поражен огромный крокодил, который крался по илу к шлюпке, полуприкрыв маленькие злые глазки.

Пуля попала ему в голову; он было встал на задние лапы, но тут же рухнул с разнесенным на куски черепом.

— Есть! — радостно воскликнул стрелок. — А я-то верил рассказам о том, что пуля бессильна против аллигаторов, если только не попадает им в глаз или в горло!..

* Свободное движение на якоре применяется и как защита от воздействия ветра, меняющего направление. (Примеч. автора.)

Нет, она пробивает гада насквозь, и не важно, куда она угодила. От маленького кусочка свинца повышенной крепости* панцирь разлетается вдребезги!

То, что говорилось и писалось раньше о непробиваемости кожи крокодила, не было преувеличением: просто в те времена не изобрели еще пуль достаточной твердости, и читатель сможет убедиться в этом, если ознакомится с опытами англичанина Гринера и француза Гимара, в результате которых пробойная сила пули многократно возросла.

Карабин «Винчестер», заряженный шестью граммами пороха и конической пулей повышенной твердости весом в двадцать один грамм, с двадцати метров пробивает двадцать еловых двадцатипятимиллиметровых досок, размещенных на расстоянии двадцати пяти миллиметров одна от другой, или же цельный кусок дерева толщиной в пятьдесят сантиметров.

Карабин «Мартини-Генри»** пробивает двадцать две доски конической пулей повышенной прочности весом 30,72 г при заряде 6,44 г пороха.

Карабин «Экспресс-Гринер» со стволом длиной шестьдесят пять сантиметров, заряженный 8,85 г пороха и литой конической пулей повышенной прочности весом 24,41 г, пробивает двадцать семь двадцатипятимиллиметровых досок, соединенных в блок, или же цельный кусок толщиной в шестьдесят семь сантиметров!

Как бы ни было твердо покрытие крокодила, его крепость не может сравниться с крепостью деревянного блока толщиной в половину и даже в две трети метра!

Поэтому неудивительно, что вскоре вокруг шлюпки выросли целые горы из убитых рептилий.

Оказалось, однако, что в этом таится новая опасность для экипажа: трупы животных превратились в своеобразные мосты, облегчающие крокодилам доступ в шлюпку.

Твари приближались со скоростью, какую было трудно

* Расплющивание пули о кости или о кожу толстокожих животных предотвращается очень простым способом. Свинец смешивают с оловом или ртутью в пропорции 0,9:0,1. Но лучшие результаты дает смесь свинца с ртутью или оловом, применяемая в типографском деле (пропорция 0,5:0,5). (Примеч. авт.)

** «Мартини-Генри» — ружья этой системы поступили на вооружение английской армии в 1871 году и в 1889 году были заменены винтовками Ли-Метфорда. Генри — эдинбургский оружейный мастер.

предположить у таких нескладных существ на коротких, широко расставленных лапах. Многочисленные раненые звери проявляли особую ярость и бросались на приступ с упорством, против которого стрелки казались бессильны. Они вот-вот будут сметены крокодилами; от ужасной и мучительной смерти их могло спасти только чудо.

О, если бы прилив поднял шлюпку на воду! Тогда они быстро избавились бы от опасности, хотя и потеряли бы якорь.

Но увы! До прилива еще больше трех часов, а смерть уже совсем рядом...

И вдруг в голову хитроумного Фрике пришла счастливая мысль.

— Как же я раньше не догадался!.. Навес!.. Ну конечно же... Но выдержит ли он нас? Однако попытаемся, ведь выбора все равно нет!

Указав на тент, укрепленный над судном на раме и опирающийся на тоненькие металлические столбики, Фрике приказал чернокожим забраться на него:

— Только осторожнее, не трясите навес, сидите на нем смирно, это полотнище — наше единственное спасение!.. Ложитесь как можно ближе к краю и не шевелитесь! Ну, пошли, пошли! Все навех!

Негры не заставили себя упрашивать и с пепельно-серыми от страха лицами ловко взобрались по столбикам.

— Вам повезло, вы сидите в первых ложах! Не замерзли? Может, дать зонтики?

Весельчак-парижанин, не унывающий даже в минуту опасности, продолжал вести огонь, сдерживая натиск крокодилов и одновременно подавая забавные команды.

— Теперь ваш черед,— сказал он двум бретонцам, которые спокойно, как в тире, стреляли по чудовищам, стараясь не только хорошо сделать свое дело, но и сэкономить боеприпасы.

Они перекинули карабины через плечо и быстро полезли наверх, бросая на Фрике взгляды, полные удивления и восхищения.

Этот молодой человек командовал как заправский морской волк, который сначала обеспечивал безопасность экипажа и лишь потом вспоминал о себе. Он казался им героем.

— Все устроились?

— Все! — ответил кочегар.

Тогда Фрике решился наконец оставить свое место,

подобно капитану тонущего корабля, который сходит с него последним.

И как раз вовремя!

Чудовища уже взбирались на палубу и вскоре заполнили всю шлюпку; их морды казались удивленными от того, что судно было пустым. Ведь здесь только что пахло свежим мясом!

В иных обстоятельствах это вторжение могло бы позабавить шестерых пассажиров, но сейчас опасность слишком велика.

Впрочем, Фрике, который наблюдал за рептилиями, улегшись животом на тент и свесив вниз голову, веселился от всей души, подобно какому-нибудь постороннему зрителю; природный оптимизм позволял ему сохранять юмор даже в самых тяжелых обстоятельствах.

В шлюпку набилось с десятков крокодилов. Они разевали пасти, били хвостами, скребли чешуйчатыми лапами металлические перегородки и кусали все что ни попадя.

Один сунул морду в бочку с дегтем и весь вымазался. Другой набросился на куски каменного угля и начал их грызть, но вскоре в ярости отшвырнул в сторону, третий стал старательно жевать гамак, четвертый полез в машинное отделение, забрался в еще горячую топку и задохнулся в ней. Самый же крупный неподвижно лежал на палубе, окруженный своими отвратительными собратьями.

Фрике и его спутники, измученные долгой борьбой, изнемогали от жары. Теперь, когда над головами не было тента, жгучие лучи солнца доставляли поистине невероятные страдания.

Люди лежали на белом полотнище, лежали без капли воды, ежеминутно ожидая солнечного удара и не имея возможности даже переменить положение — из опасения прорвать ткань!

К счастью, навес был новый и потому крепкий, но вот выдержат ли веревки, которыми он привязан?

— Ах, ну когда же прилив?! — шептал про себя посерьезневший Фрике. — Да и что он даст? Как нам очистить бедную шлюпку от этих чудовищ? Ведь суденышко так переполнено, что может потонуть под их тяжестью! А стрелять нельзя: наши пули превратят посудину в дуршлаг! Где же выход? Черт поberi, какая жара! У топок и то было прохладнее... Э, приятель, помирать не время!

Один из бретонцев потерял сознание, другой тоже

находился на грани обморока. Из белых только Фрике переносил жару, как саламандра*.

Поручив первого из больных негру, парижанин начал энергично растирать второго.

— Делай как я, дружок, и три этого морского пехотинца изо всех сил. Не бойся содрать с него кожу, смелее... Смелее, я сказал! Ну, наконец-то! Я уж думал, это никогда не кончится!

Слова Фрике были вызваны сразу двумя причинами: во-первых, матрос-бретонец начал приходить в себя, а во-вторых, послышалось далекое журчание воды.

Журчание это, поначалу еле слышное, постепенно усиливалось, к нему уже примешивался характерный звук прибоя; ил, который все еще кишел крокодилами, стал покрываться тонким слоем воды, и вокруг шлюпки заплескались волны.

Это было спасение! Однако надо выждать еще несколько томительных минут — последних перед освобождением.

Фрике опустил в реку конец своего длинного шерстяного пояса. Ткань пропиталась теплой тинистой жидкостью. Не важно, что вода грязная, — она вполне годилась для того, чтобы смочить больным головы. Матросы благодарно заулыбались юному эскулапу... **

Вода поднималась все выше, течение уносило трупы крокодилов, и полчища осаждающих рассеивались.

Шлюпка начала вздрагивать и покачиваться. Наконец она оказалась на плаву и под действием прилива стала медленно поворачиваться на якорной цепи.

Крокодилы, оставшиеся на борту, почувствовали колебание палубы и беспорядочно заметались по ней, охваченные неясным беспокойством.

Это уже не те грозные страшилища, что обратили в бегство экипаж. Теперь они со страхом озирались по сторонам, подобно любым животным, попавшим в ловушку.

Как выразился Фрике, «им очень хочется сойти на берег». Крокодилы, хотя они и амфибии, плохие пловцы.

Но как же быть? Надо поднимать якорь, а делать это, имея по соседству зубастых гадин, опасно. Те, что в воде, вреда уже не принесут: высокие борта шлюпки для них недостижимы. Но вот те, что на палубе!..

* Саламандра — из семейства хвостатых земноводных, похожих на ящериц.

** Эскулап — в древнеримской мифологии — бог врачевания; шутовское название врача.

Положение казалось безвыходным — к великой досаде парижанина, который пустился во вполне справедливые рассуждения: если бы они оказались на нашем месте, а мы — на их, то было бы куда лучше! Мы стреляли бы в них снизу, проделявая дырки в тенте, — ведь это не так опасно, как дырять корпус судна.. Идея! Раз эти твари успокоились и лежат, как мертвые, даже не шевеля лапами, то почему бы не накрыть их всех без малейшей опасности для себя?! Браво! Так и сделаем! Это будет настоящий цирковой трюк!

— Скажите мне, друзья, достаточно ли вы окрепли чтобы удержаться верхом на раме?

— Вполне! — ответили оба матроса.

— Что касается наших негров, то их и спрашивать не стоит: они способны зацепиться за что угодно! Так вот, возьмите каждый по ножу, сядьте в указанных мною местах на раму и разом перережьте все веревки, которыми крепится навес. Вам ясно?

— Еще бы! Крокодилы будут пойманы, как в сети!

— Прекрасно! Режем по команде, одновременно, чтобы полотно упало на них, как коршун на цыплят. Раз, два... Давайте! Отлично! А теперь, кто любит меня — за мной!

Маневр был произведен весьма ловко: ни одна из рептилий даже не шевельнулась, аллигаторы как бы окаменели, и все их возбуждение куда-то пропало.

Люди ссыпались вниз, подвернули полотно так, чтобы все гадины оказались внутри, схватили веревки и связали вместе крокодилий хвосты, которые почти столь же опасны, как и челюсти.

Негры, уже пришедшие в себя после пережитого страха, начали просить о чести убить крокодилов; сделать это сейчас было легче легкого, потому что крепко связанные животные почти не могли защищаться.

...Кое-кто из негров получил небольшие ушибы, но в общем все обошлось благополучно, и трупы чудищ бесцеремонно выбросили за борт.

Впрочем, одного крокодила — гигантского, чуть ли не восьми метров длиной, — Фрике все-таки решил сохранить. Раненное, с накрепко перевязанными челюстями животное еще продолжало извиваться и смотрело на всех свирепыми глазами.

— А ваша судьба, месье Каквастам, уже определена. Вы будете хорошенько выпотрошены, набиты паклей

и повиснете под потолком моего рабочего кабинета на улице Лепик. Это отучит вас лезть в чужие дела и мешать нашим поискам жандарма!

Так закончилось это происшествие, которое могло иметь совсем другой — поистине ужасный! — конец.

Увы, если бы оно было последним!

Снявшись с якоря, шлюпка поплыла вверх по течению и смогла пройти без остановки почти десять часов, потому что фарватер был свободен.

Фрике подсчитал, что они оставили позади более шестидесяти миль, или сто пятнадцать километров.

Это расстояние равнялось тому, которое лодка преодолела за два первых дня пути.

Мотор теперь работал на древесном топливе, и судно шло на всех парах меж лесистых берегов, вспугивая своим пыхтением тысячи разноцветных птиц.

Впереди не было видно никаких препятствий, и все же на носу шлюпки дежурил матрос, а на корме — сам Фрике.

ГЛАВА 10

Название не всегда определяет предмет.— Зубы толстокожего.— Некрасивое, грубое и жадное.— Отец кровопускания, или Сам себе хирург.— Изобретатель средства, любимого врачами из комедий Мольера.— Относительная неуязвимость.— Что это был за подводный камень, к которому пристала шлюпка.— Крик лошади.— Смерть гиппопотама.— Действие разрывной пули.— Стратегия четвероногих.— Атака.— Надо прорвать живую баррикаду.— Избиение.— На всех парах.— Сначала животные, потом люди.— Черт бы побрал этого жандарма! — Отступить — это не значит бежать.

Нет в мире животного, более непохожего на лошадь, чем бегемот, прозванный древними греками гиппопотамом, то есть «речной лошадь». Это имя совершенно противоречит здравому смыслу.

Прошу вас, попытайтесь, если сможете, отыскать какие-нибудь черты благородного скакуна — стройную шею, или округлый круп, или тонкие, изящные и быстрые ноги — в этой бесформенной туше на четырех лапах, похожих на столбы из неотесанного дерева!

Найдите что-нибудь общее между головой лошади, пусть даже и самой непородистой, и тем обрубок, который представляет из себя голова гиппопотама!

Как бы там ни было, но «речная лошадь» — или гиппопотам, или бегемот, что одно и то же,— является крупным млекопитающим из семейства парнокопытных, подотряд нежвачных, вид свиней. Да-да, вы не ошиблись, именно свиней. Как видите, абсолютно ничего общего с лошадью!

Это огромное четвероногое, приближаясь по размерам к слону, значительно уступает последнему в подвижности и сообразительности.

У него большая голова с маленькими косыми глазками и смешными ушами, череп приплюснутый, мозг крайне невелик по объему.

Кажется, что материал, из которого строилось его тело, как бы оплыл вниз, подобно жидкому тесту, и растекся, образуя морду: квадратную, толстую, раздутую, с двумя дырами — ноздрями и одной поперечной щелью — ртом, точнее говоря — пастью. Она на удивление широко раскрывается, и тогда в ней видны великолешные зубы. Хотя у гиппопотама и нет клыков, подобных слоновьим, однако в пасти взрослой особи насчитывается тридцать шесть исключительно крепких и никогда не желтеющих зубов. Нередко они весят по шесть килограммов и достигают в длину сорока сантиметров. Этот очень красивый материал является предметом экспорта с Берега Слоновой Кости: * им широко пользуются дантисты, изготавливающие искусственные зубы.

Несмотря на свой грозный вид, этот увалень вовсе не агрессивен: у него миролюбивый и даже робкий нрав, и до известного момента он добродушен.

Он не нападает на людей, стараясь избегать их,— если, разумеется, те его не беспокоят. Но разъяренный бегемот очень опасен и неудержим...

Это животное весьма полнокровно, несмотря на то, что питается оно исключительно растительной пищей. Подсчитано, что в день ему требуется не менее ста килограммов еды и огромное количество жидкости.

Гиппопотам — мало того что обжора, но еще и лакомка: он не станет есть все подряд. При необходимости этот зверь может довольствоваться травой, кореньями и тростником, пасясь на берегах рек и даже заходя в воду, но с особенной жадностью набрасывается он на рис, ячмень и свое любимое блюдо — сахарный тростник.

Нашествие хотя бы одного гиппопотама на плантацию туземца — это уже форменное разорение. Дело даже не

* Берег Слоновой Кости — в настоящее время государство в Западной Африке. С начала XVIII века на территорию Берега Слоновой Кости проникают французские колонизаторы. С 1893 по 1960 годы — французская колония.

в том, что он многое пожирает: своими ногами-тумбами бегемот вытаптывает и ломает посадки ячменя или сорго*, бродя туда-сюда по плантации; он обсасывает сахарный тростник и обгрызает верхушки растений, пренебрегая стеблями и большею частью, чем съедая.

У гиппопотама образуется толстый слой подкожного жира, и его мясо напоминает свинину. Сало туземцы тоже находят очень вкусным, но европейцам оно не нравится, хотя, за неимением другого, они и употребляют его для жарения.

Как я уже сказал, гиппопотам очень полнокровен. Древние даже считали, что он делает себе кровопускание против апоплексического удара**. Что будто бы он, отыскав где-нибудь острый камень, начинает тереться о него до тех пор, пока не появится кровь, да еще старается делать при этом резкие движения, чтобы струя была обильнее; когда же он хочет остановить ее, то ложится в грязь для заживления раны.

Поэтому считалось, что именно бегемот открыл врачам секрет кровопускания, и какой бы странной ни показалась вам эта мысль, сам великий Гален*** соглашался с ней.

Мы не видим тут ничего невозможного и в доказательство приведем еще один поразительный факт.

Баклан****, питающийся исключительно рыбой, избавляется от застрявших в его организме рыбьих костей способом, к которому очень любят прибегать врачи из комедий Мольера***** и которого не стесняются даже на сцене «Комеди Франсез»*****. Птица набирает воду в большой мешок, находящийся у нее под клювом, и, пользуясь последним как клизмой, устраивает себе промывание кишечника.

Если гиппопотаму приписывают открытие кровопуска-

* Сорго — род одно- и многолетних трав семейства злаков — кормовые растения и зерновые культуры. Около 50 видов в Африке, Азии, Америке, Австралии, на юге Европы.

** Апоплексический удар, инсульт — быстро развивающееся кровоизлияние в головной мозг.

*** Гален (ок. 130 — ок. 200) — древнеримский врач.

**** Бакланы — семейство птиц отряда веслоногих.

***** Мольер (настоящие имя и фамилия — Жан Батист Поклен; 1622—1673) — великий французский комедиограф, актер, реформатор сценического искусства.

***** «Комеди Франсез» (официальное название — «Театр Франсе») — французский драматический театр, основанный в 1680 году в Париже Людовиком XIV.

ния, то почему бы не выдать баклану свидетельство об изобретении приспособления, столь любимого врачами Мольера?

Шкура взрослого бегемота толще шкуры носорога и служит ему как бы щитом против дротиков, стрел и отравленных копий туземцев. Только это свойство кожи и предохранило животное от полного истребления, так как, в отличие от других зверей, бегемот дает охотнику приблизиться к себе на расстояние выстрела или полета копья.

Прежде туземцам удавалось убить его не иначе, как заманив в западню.

Но теперь, когда среди народов Африки широко распространилось огнестрельное оружие, а добыча зубов гиппопотама стала весьма доходным делом, можно предположить, что это животное напрочь исчезнет с берегов африканских рек.

На суше гиппопотам очень неповоротлив: телосложение не позволяет ему быстро бегать. Но он прекрасный пловец и ныряльщик. При необходимости он может долго оставаться под водой или же, как пробка, плавать на ее поверхности благодаря толстому слою подкожного жира.

Из осторожности бегемот обычно плавает, почти полностью погрузившись в реку, и в таком положении он с наслаждением отдается течению воды, лежа на ней, как на постели из розовых лепестков. На поверхности остаются только его ноздри, глаза и уши, так что животное может дышать, видеть и слышать, будучи почти незаметным.

Однако случайное столкновение лодки с этими плывущими тушами очень опасно, а оно — отнюдь не редкость на реках, кишящих гиппопотами.

Неожиданный удар приводит животное в ярость, оно бросается на лодку и своими мощными зубами разламывает ее борта в щепы. Впрочем, иногда бегемот для разнообразия подбрасывает суденышко вверх или переворачивает его.

Если же лодка ранит зверя, то горе находящимся в ней! Гибель людей неизбежна, потому что чудовище немедленно загрызает их.

Несмотря на близость английского поселения, по берегам реки Рокелле водится еще немало гиппопотамов.

Путешественники избегают этих мест и разумно пред-

почитают им огромные территории Капской колонии*, где к прелестям охоты добавляется здоровый климат.

Туземцы же осмеливаются атаковать бегемотов только на суше, чтобы использовать свои примитивные ружья. Но эта охота редко бывает удачной, так как гиппопотамы обычно держатся поблизости от воды. Вот почему негры почти не сократили поголовье этих животных на берегах Рокелле.

Мы рассказали, как шлюпка прорвалась через угрожавшее ей кольцо крокодилов. Итак, лодка продолжила свой путь вверх по реке, русло которой было местами усеяно подводными камнями, делавшими плавание очень опасным.

Шлюпка шла на небольшой скорости до тех пор, пока эта «полоса препятствий» не осталась позади; потом, по распоряжению Фрике, моторист прибавил ходу.

Вдруг резкий толчок затормозил бег судна, и весь его экипаж повалился на палубу.

Все решили, что шлюпка наскочила на подводный камень и вот-вот начнет тонуть. Каково же было общее удивление, когда вода вокруг покраснела и послышался душераздирающий рев!

К счастью, лодка осталась на плаву и в ее корпусе как будто бы не было никаких повреждений; вперед же она не двигалась только потому, что ее винт делал как раз столько оборотов, сколько надо, чтобы противостоять силе течения.

Тут раздался второй крик, еще ужаснее первого; казалось, он шел откуда-то из-под воды.

— Я знаю этот звук трубы, узнаю этот жалобный стон! — воскликнул Фрике. — Это крик умирающей лошади. Я слышал его в аргентинских пампасах**, и он до сих пор звучит в моих ушах!***

Вдруг из взволновавшейся перед носом шлюпки воды

* Капская земля — голландская (с 1652 г.) и английская (с начала XIX века) колония в Юго-Западной Африке. С 1910 г. — провинция Южно-Африканского Союза; с 1961 года — провинция ЮАР.

** Пампасы — субтропические степи в Южной Америке (главным образом в Аргентине).

*** Этот крик является единственной особенностью, роднящей гиппопотама с лошадью, но все-таки в его исполнении он более резок и неприятен и напоминает скорее визг свиньи. (Примеч. авт.)

высунулась гигантская туша гиппопотама. Животное широко разинуло свою лиловатую пасть и продемонстрировало великолепные матово-белые зубы.

Зверь захватил ими, как тисками, железный борт шлюпки и со слепой яростью принялся сотрясать его.

Фрике понял, что это может плохо кончиться. Однако вскоре, как всегда в минуты опасности, к нему возвратилась его обычная веселость:

— Гляньте-ка! Скала плавает, да еще и кусается... Уходи, старый урод! А-а, тебе вздумалось погрызть нашу обшивку?! Но мне-то этого не хочется! Пошел, пошел, не тронь мое железо!

Ярость гиппопотама возрастала, и он принялся за шлюпку всерьез. Лодка ходила ходуном...

Парижанин, по своему обыкновению отпуская шуточки, торопливо готовился к бою.

Он схватил карабин восьмого калибра, аккуратно зарядил его и расположился в двух метрах от животного, высекающего зубами искры из металла обшивки.

— Итак, мой мальчик, ты себя плохо ведешь, ты не желаешь уйти, и Фрике, который очень не любит убивать, прямо-таки вынужден влить тебе в башку две французские конфетки. Считаю до трех! Раз, два... Ладно, пеняй на себя!

Бум! Раздался оглушительный грохот. Чудище, которому пуля угодила в глаз, разжало челюсти и пошло ко дну. Оно погружалось медленно, так что можно было видеть действие, произведенное выстрелом.

Глазам охотника предстало нечто кошмарное! Черепная коробка сорвана, мозг разлетелся, и на обрывках кожи болтаются обугленные кости. Похоже, что в зверя стреляли из пушки.

— Бегемоты такие милые, когда сидят в парижском зоопарке и глотают маленькие хлебцы, которые им бросают посетители,— горячился Фрике.— Но здесь они не слишком-то приветливы. Правда, мы погладили его шлюпкой, да к тому же моторной... Потихоньку, друзья, потихоньку! Не наткнуться бы нам на его приятеля! Смотрите, как волнуется вокруг нас вода!

И впрямь: со всех сторон показались новые громадины.

То ли страшная гибель одного из их соплеменников, то

ли вид моторной лодки и шум ее винта — а скорее всего оба этих обстоятельства — заставили гиппопотамов выйти из привычного оцепенения.

Как мы уже говорили, на суше бегемот довольно добродушен. Зато в воде, где он проводит большую часть жизни, зверь становится очень агрессивным.

И не исключено, что одно лишь появление на реке длинного странного существа, выдыхающего дым, чихающего и плывущего, как рыба, вызвало у обычно спокойных животных сильное озлобление.

Кроме того, тревожный крик одного из сородичей мог послужить для остальных сигналом сбора.

Их было около двадцати, и они пытались окружить шлюпку двойным кольцом.

— Вперед! — сказал Фрике. — Мы торопимся! Цельтесь, друзья! Огонь!.. Полный вперед!

Все приказания были исполнены с изумительной точностью. Понадобилось не более двух выстрелов, чтобы прорвать окружение и образовать между живыми скалами нечто вроде канала. Шлюпка быстро пронеслась по нему, направляя в воду струи горячего пара. Это была остроумная выходка кочегара: лишенный возможности стрелять из ружья, он решил по-своему поучаствовать в битве и обдать животных паром, заставившим их корчить забавные гримасы.

Мысль кочегара оказалась очень удачной, потому что чудовища, кажется, больше испугались пара, чем ружейной стрельбы; во всяком случае, они быстро нырнули под воду и скрылись из виду.

...Русло Рокелле начало сужаться, но, к счастью, в нем уже не встречалось подводных скал, а течение на середине реки было стремительным.

Прошло два часа, и оптимист Фрике успел даже позабыть о пережитых приключениях, но вдруг он заметил впереди нечто такое, что заставило его вскрикнуть от удивления:

— Как? Эта злосчастная Рокелле снова перегороджена?! Ничего себе! Вот что значит невезение! После крокодилов — гиппопотамы! После гиппопотамов — животное, называемое человеком и самое опасное из всех! Черт подери! Как же мы пройдем, если эти бандиты откажутся нас пропустить?!

Волнение Фрике можно понять. Вся река от одного берега до другого была перегорожена пирогами, на каждой из которых находилось по десятку вооруженных негров.

Зачем тут устроено заграждение? Кого ждут эти люди?

Парижанину не терпелось все узнать. На всякий случай он вывесил на шлюпке кусок белой ткани, что повсюду означает мирные намерения, и приказал на малом ходу идти вперед. Экипаж незаметно готовил оружие к бою.

Приблизившись, Фрике с помощью лаптота окликнул негров. Переводчик объяснил, что они путешественники и едут по важному делу в страну куранкосов, где их уже ждут.

После этой речи, выслушанной в полном молчании, на пирогах поднялся адский шум.

Негры кричали как бешеные, натягивали луки, потрясали дротиками, а некоторые начали целиться из ружей в знак того, что пройти они не дадут.

Фрике, приняв все это за пустые угрозы, стоял на своем.

Но крики усиливались, и вот уже полетели первые стрелы и ружейные пули.

Продвигаться дальше было бы безумием.

Раздосадованный Фрике все же приказал отступить. И не потому, что посчитал невозможным прорыв через линию пирог. Он вообще не рассматривал этот заслон как серьезное препятствие: его люди разметали бы жалкие лодчонки в один момент.

Вот о чем думал юный парижанин:

«Выстрел из картечницы тут же рассеял бы их, и мы бы быстро одержали победу. А потом? Мы станем известны всем прибрежным неграм, нас начнут преследовать, как диких зверей, и мы будем беспрестанно воевать! Но мы-то едем с мирными целями!.. Вот чертов жандарм!.. Где он сейчас? Преодолеет ли эту линию заграждения? Может, он в лесу? Если бы я мог порасспросить этих негров, я бы неплохо им заплатил!.. Но что ты с ними поделаешь?! Наверное, они принимают нас за англичан... Ладно. Для начала отойдем подальше, чтобы их выстрелы нас не задела, ну а потом посмотрим. Ведь отступить — это не значит бежать!»

— Задний ход!

ГЛАВА 11

Смелый, но осторожный.— Философия лентяя.— Отъезд парламентаря.— Квартет пьяниц.— После ячменного пива — ром по случаю заключения договора.— Известия о беглецах.— Генерал и военный министр — и все за тридцать шесть часов.— Возвращение шлюпки.— Фрике идет пешком.— Через девственный лес.— Трудности сухопутного путешествия в экваториальной глуши.— Жара, лихорадка, малокровие, насекомые.— О хищниках и пресмыкающихся.— Носорог!

Тот, кто знает бурный темперамент Фрике, поймет, что одна только мысль остановиться и не расшвырять эти пироги, загородившие Рокелле, и не пронестись страшным метеором мимо нагледцов, чтобы доказать им: он, парижанин, плюет на их ультиматум! — уже была для него актом героизма!

Люди в лодке наверняка одержали бы победу. Ну, в самом деле, какое сопротивление смогли бы оказать негры на пирогах бронированной шлюпки с ее паровой машиной, картечницей и экипажем, вооруженным до зубов?! Результат битвы был предreshен. И все-таки Фрике отступил! Фрике, этот смельчак?! Да, потому что он умеет сочетать храбрость с осторожностью. Разгромить негров несложно, но вот как пойдут дела дальше? Вдруг эта победа окажется пирровой? * Ведь надо не только проникнуть во вражескую страну, но еще и пройти через нее, а шлюпка, с помощью которой он мог бы нанести первый удар, непригодна для беспрестанной войны.

Мирные цели не должны достигаться насилием, а иначе вражда с местными жителями будет неизбежной. На белых попросту станут охотиться, и им даже не удастся вернуться назад...

Вот о чем с присущим ему здравым смыслом думал парижанин. Приняв решение, он, по его собственному образному выражению, «запер в сундук свои наполеоновские планы» и скомандовал:

— Задний ход!

Негры, увидав, что шлюпка уходит, торжествующе

* Пиррова победа — сомнительная победа, не оправдывающая принесенных ради нее жертв. От имени эпирского царя Пирра, одержавшего над римлянами в 279 г. до н. э. победу, стоившую ему огромных потерь.

закричали, но не выразили ни малейшего намерения ее преследовать. И многим из них это спасло жизнь, потому что второй поправки от Фрике они бы не дождались.

Стало ясно, что лодка может находиться ниже по течению, но не смеет приближаться к заграждению.

Фрике отвел шлюпку в безопасное место, куда не долетали пули туземцев, и поставил ее посреди реки на якорь, предварительно распорядившись запастись на берегу дровами для машины, потом позвал к себе лаптога, который всегда внушал ему доверие, и сказал:

— Хочешь пойти к тем людям, которые загородили реку, спросить у них, почему нас не пропускают, и постараться разузнать что-нибудь о капитане? (Как вы помните, сенегалец присвоил этот чин Барбантону.)

— Мой ходить! — ответил тот просто.

— Ты не боишься, что тебя убьют?

— Нет, хозяин, это мне все равно!.. Когда мертвый, не надо работать!

— Прекрасная философия для лентяя, хотя мне она и чужда. Ну а вдруг они сделают тебя рабом?

— Мой не боится. Твой приходит, большая лодка, большие ружья и вернуть тебе добрый лаптог!

— Ты прав, мой храбрец, я приду, чтобы любой ценой вырвать тебя из их мерзких лап, и обязательно разобью много голов, если кто-нибудь из этих наглецов осмелится тронуть моего парламентаря! Но я надеюсь, что они поведут себя честно. Только не забудь сказать им, что мы французы!

— Хорошо, здравствуй, мой уже пошел!

И сенегалец ловко спускается в маленькую лодку, привязанную к корме шлюпки, берет длинное весло, каким пользуются туземцы, плавающие по рекам Африки на пирогах без руля, и смело отправляется вверх по Рокелле.

Проходят два часа, четыре, шесть, а лаптога все не видно!

Хотя Фрике и знал по опыту, какими долгими бывают эти африканские переговоры, называемые туземцами «палабра»*, он все-таки заволновался: ночь наступила, а его посланца нет как нет!

На всякий случай он приказал держать шлюпку под парами, чтобы в любой момент можно было трогаться в путь. Тщетно старался он уснуть: беспокойство прогоняло сон.

* Испанское «palabra» означает «слова». Так негры западного побережья Африки называют свои советы и собрания. (Примеч. авт.)

Фрике как раз решил, что с рассветом отправится на выручку лаптота, когда вдруг услышал веселые крики и громкий смех, далеко разносившиеся по спокойной глади реки.

Вскоре раздался плеск весел и показались освещенные луной лодка и пирога, в которой сидело несколько негров.

Картина была вполне мирной, но Фрике тем не менее остерегался ловушки.

— Кто идет? — крикнул он так громко, что разбудил весь экипаж.

— Это мой, мой, добрый лаптот, хозяин!

— Наконец-то, — обрадовался Фрике, узнав голос негра. — А это кто рядом с тобой?

— Негры-дезертиры. Мой пил, они пил, все пил... Мой привел их для экипаж лодка... если ты хотел! Если ты не хотел — отрежь голова!.. Голова нет — человек не мешает!

«Бедняга пьян как сапожник, — сказал себе Фрике, будучи не в силах удержаться от смеха. — Ладно, главное, что явились и он, и его новобранцы!»

— Давай поднимайся! Только осторожно, не то упадешь в реку и утонешь!

Лаптот привязал лодку со старательностью пьяного, который хочет показать, что с ним все в порядке, потом присел на корме и позвал своих спутников.

Эти малые, которые в нормальном состоянии не посмели бы даже приблизиться к шлюпке, немедленно ухватились за канат и взобрались наверх с обычной для негров, прирожденных гимнастов, ловкостью. Впрочем, когда они ступили на палубу, стало заметно, что их пошатывает.

— Я вижу, ты не терял времени даром! — сказал Фрике лаптоту.

— О нет, хозяин!.. Я пил!.. Хорошо пил!

— Еще бы, ведь у тебя пузо на четверых.

— Нет, не так большое!.. Мой пил, чтоб другой тоже пил! Поил другой, чтоб узнать новости!

— Молодец: чтобы уговорить, надо напоить — так здесь и надо поступать... Ну что ж, послушаем, что ты узнал... Что с капитаном?

— Хозяин, сначала дай алугу твоему слуга, и этим хорошим неграм тоже!

— Но, милый мой, ты же тогда и слова не вымолвишь! Впрочем, если иначе нельзя...

— О, было пиво сорго, пиво ячмень... алугу все промочет!

— Нá, пей! Неужели ты сможешь говорить после такой смеси?

— Друг тоже пить! — повторил лаптот с настойчивостью пьяного.

— Другьям тоже,— терпеливо согласился Фрике, который хорошо знал негров и умел ждать.

Как ни странно, поглощение этого крепчайшего зелья, известного под названием «ром согласия», привело к тому, что лаптот заговорил членораздельно.

Ох и сильны же пить эти африканские негры!

— Моя новости... капитан. Капитан плыл мимо, когда мы стреляли крокодила. Капитан — генерал у Сунгуйя, военный министр у Сунгуйя... Сунгуйя — великий вождь!

— Ну-ну! Пожалуй, это слишком даже для Барбантона! Ему, видно, на роду написано переживать такие приключения! Генерал и военный министр — и всего за тридцать шесть часов! Неплохо! Впрочем, чего тут удивляться: ведь был же он святым у австралийских дикарей!

Фрике продолжил расспросы и в конце концов узнал, что возвращение Сунгуи произвело в этой стране настоящую революцию. Его сторонники с помощью отважных бегунов, которые с невероятной скоростью передают здесь новости, немедленно оповестили всех о прибытии своего вождя, и воины под призывный грохот барабана отправились ему навстречу. Пришедшему с Сунгуйей белому человеку оказали особо почетный прием. Горделивый вид, военная выправка — все обличало в нем великого воина!

Он был тут же посажен на большую пирогу, гребцы которой сменялись каждый час, и легкая лодка стремительно поплыла по Рокелле.

Ничего удивительного, что шлюпка, задержанная подводными скалами и долго простоявшая на мели, осталась далеко позади!

— Ну а кто же эти люди, кто эти глупцы, не желавшие пропустить нас?! — весело спросил Фрике, успокоенный относительно судьбы своего старого друга.

— Эти плохой негры — враги Сунгуйя. Они закрыла река, не хотел нас пускать!

«Вот оно что! Мой жандарм теперь стал генералиссимусом у будущего монарха!.. Может, мне надо совершить диверсию и напасть на врага с тыла? Но имею ли я право вмешиваться в дела этих дикарей, из которых одни ничем не лучше других?.. Нет! Долой грубость! Раз нельзя применить силу, попробуем обходный маневр!..»

— Скажи-ка, дружок,— продолжал он расспрашивать

лаптота,— далеко отсюда до селения Сунгуйи, если идти пешком?

Лаптот обратился к своим спутникам, и они показали пять пальцев правой руки и три пальца левой.

— Это значит восемь дней. Ну а если на шлюпке?

Ответ негров был категоричен:

— Через два дня огненная лодка остановится из-за скал и мелкой воды. Дальше надо будет еще три дня плыть на пироге.

— Все ясно, разумные вы мои, раз нам придется оставить шлюпку, чтобы пересечь в ваши посудины, то я предпочту пойти пешком вдоль русла реки и без лишнего шума заявиться к этому Сунгуйе.

Утром Фрике стал готовиться к походу. Он спросил у троих негров, приведенных лаптотом, хотят ли они идти с ним.

Негры явились на лодку с оружием и вещами, соблазненные посулами сенегальца, и теперь с восторгом приняли предложение белого человека.

Фрике пообещал в конце похода дать каждому из них по ружью и по большому сосуду с алуку. Туземцы пустились от радости в пляс и объявили, что белый человек — их отец и за ним они пойдут в огонь и в воду.

Затем Фрике решил отослать назад во Фритаун шлюпку с двумя матросами, чья помощь ему больше не требовалась. Юноша не мог допустить, чтобы они ждали его возвращения в этом нездоровом климате, да еще опасаясь нападения дикарей.

С ними должен был уехать и один негр из числа членов экипажа, а двух других и лаптота Фрике решил взять с собой.

Итак, с парижанином остался отряд из шести здоровяков, трое из которых хорошо знали местность.

Каждый получил сверток с пятью килограммами сухих галет, двумя коробками консервов и боеприпасами. Кроме того, негры несли некоторые предметы гардероба и походного снаряжения своего начальника, гамак, складную лодку, топоры, две ручные пилы, ящичек с медикаментами и два тонких одеяла с прорезиненным верхом.

Лаптот и два негра из экипажа были вооружены магазинными винчестерами, а два новичка тащили еще и оружие большого калибра для Фрике.

Парижанин же нес только свой карабин «Экспресс» с запасом патронов, американский револьвер, компас и — хотя и не курил — огниво с фитилем.

Юноша черкнул записку для Андре, чтобы известить друга о своих планах, вложил ее в непромокаемый паке-тик и передал кочегару. Затем Фрике и его людей довели на шлюпке до правого берега, где он и распрощался с матросами, обменявшись с каждым крепким рукопожатием.

Через пять минут отряд скрылся в лесу, а шлюпка направилась назад во Фритаун.

Можете поверить мне на слово, что путешествие через гигантские тропические заросли — дело очень трудное. Оно требует от европейца не только известной решительности, но и незаурядной энергии и железного характера.

Тот, кто никогда не жил суровой жизнью путешественника, не может представить, какие страдания, а порой и муки приходится переносить, чтобы решить, казалось бы, простую задачу — пройти путь, обозначенный на карте прямой линией.

Кроме трудностей, доставляемых рельефом местности (мы говорили о них в самом начале нашего рассказа), тяжелейшие испытания сулит еще и климат.

Представьте себе огромную оранжерею, воздух которой насыщен водяными парами; там царит тяжелая влажная жара, ни днем, ни ночью не освежаемая даже малейшим ветерком. Европейец непрерывно обливается потом, а это ведет к крайнему истощению организма.

В подобных условиях путешественнику требуются хорошая, здоровая пища и хорошие вина, но ему приходится питаться чем попало или же тем, что он несет с собой, — кое-как приготовленным несоленым мясом и консервами (часто несвежими), а пить он вынужден только воду, да еще такую, в которой полным-полно гниющих растений. Немудрено, что у белых в джунглях зачастую развивается малокровие.

Ах, если бы охотник мог дышать свежим воздухом и обогащать свою кровь кислородом! Но нет! Кругом на многие километры — сплошной лес, и европейец дышит воздухом теплицы, насыщенным миазмами опаснейшей лихорадки. (Недаром ее прозвали «палачом белого человека»!)

Казалось бы, путешественнику можно не спешить и побольше отдыхать, восстанавливая силы за счет сна. Но нет, он не может получить даже этих нескольких часов покоя! Как бы ни был человек измучен усталостью, болезнью или недосыпанием, забыться он не в состоянии: стоит ему прилечь, как мириады маленьких злых существ

начинают невыносимо мучить его. Они колют и жгут кожу и вливают разные мерзкие яды в кровь прищельца, усугубляя тем самым его страдания. Я имею в виду москитов, комаров, жгучую мушку и тысячу других мелких двукрылых насекомых.

Таков девственный тропический лес — этот океан зелени, чудовищный апофеоз растительности!

Не следует думать, будто встреча с дикими животными представляет какую-нибудь особую опасность. Вовсе нет! Разве что в очень редких случаях... Все звери, за исключением буйвола и носорога, избегают человека, и их надо преследовать и травить для того, чтобы они стали опасны.

Змеи тоже, вопреки легендам, не нападают первыми. Они жалят только тогда, когда на них, сонных, нечаянно наступают ногой. Но подобное случается редко, так как гады очень чутки и быстро уползают при малейшем шорохе.

Разумеется, это не относится к гигантским змеям, встреча с которыми почти всегда заканчивается для человека трагически.

Фрике шел через лес вторые сутки. Он от всего сердца проклинал неудобства пути и ругал негров, из-за которых был вынужден оставить привычную и надежную шляпку. Несколько раз поминал он недобрым словом и Барбантона.

Парижанину приходилось в джунглях особенно плохо: ведь он еще не успел акклиматизироваться. Укусы мошкары, на которые опытный путешественник почти не обращает внимания, были для него как ожоги; сыпь, появляющаяся у белых людей в тропиках, вызывала сильнейшую чесотку.

— И это только цветочки,— говорил юноша себе, смеясь и сердясь одновременно,— ягодки будут впереди, когда мне, может быть, придется воевать, бегать, участвовать в революции, впутываться в мятежи, слушать нудные речи, а то и сочинять конституцию!.. О, жандарм, жандарм! Как же необдуманно вы поступили, покинув своих друзей и уйдя на поиски приключений! Только бы мне отыскать вас целым и невредимым! Только бы вы не поломали себе зубы, вкушая от пирога почестей!.. Смотрите-ка, мы выходим из леса... Дышать уже легче, зато становится жарче... Вот мы и у реки, в зарослях гигантских тростников... Не люблю я такие места... Эй, лаптон!

— Здесь, хозяин!

— Спроси у своих негров, зачем мы идем к воде, мы же можем провалиться в какую-нибудь болотистую яму!

— Они говорят, что так надо.

— Мало ли что они говорят! Я хочу свернуть направо.

— Они говорят, будто бы там полно буйволов и носорогов и нас разорвут на куски.

— Скажи им раз и навсегда, что это мне надоело и что здесь только один начальник — я! А если они недовольны, то могут убираться на все четыре стороны, но тогда им не видать ни алугу, ни ружей!.. Ага! Здесь водятся носороги и буйволы! Отлично, я давно хочу поесть свежего мяса! Носорожьего я, правда, не пробовал, но буйволятина мне пришлось по вкусу: кусок языка, филей или даже ребрышко — сейчас все сойдет!.. Ну что ж, пора искать буйвола!.. Лаптот, дай мой карабин!

— Вот он, хозяин!

— Ни в коем случае не отходи от меня!

— Мой не отходит, мой понял!

— Что там за шум? Можно подумать, стадо свиней шлепает по илу около реки. Может, это буйволы?

Шум усиливался; казалось, будто кто-то ломал тростниковые заросли... Послышался близкий топот тяжелых ног.

Страшная голова раздвинула хрупкие стебли тростника и засопела, принюхиваясь к запаху людей.

Испуганные негры с воем разбежались.

Лаптот побледнел, став пепельно-серым, но остался на месте.

— Хозяин,— проговорил он упавшим голосом, стуча от страха зубами,— защити твой верный слуга!.. Это носорог!..

ГЛАВА 12

Носорог белый и черный, однорогий и двурогий.— От пуль защиты нет.— Строение носорожьего рога.— Спутница носорога.— Мнение Гордона Каминга.— Встреча парижанина и носорога.— Первый выстрел.— Брешь в ходячей крепости.— Пуля «Экспресс».— Необычайная живучесть.— Один на один с чудовищем.— «Предатель! Ну, погоди у меня!» — Фрике на земле и безоружный.— Крик победы.— Спасен.— Как становятся охотниками.

В отличие от гиппопотама, облик носорога вполне соответствует его названию. Характерной чертой этого животного является рог — или даже два рога, расположенные на носу.

Излишне напоминать, что данный зверь относится

к толстокожим: ведь толщина его кожи даже вошла в поговорку.

Носороги распространены на большей территории, чем гиппопотамы: они водятся не только в Африке, но и в Азии.

Но нас сейчас занимает африканская разновидность носорога, и мы дадим ее краткое описание.

К тому же африканские носороги очень похожи на азиатских.

Это огромное животное имеет совершенно необыкновенную наружность и, пожалуй, в большей степени, чем гиппопотам, олицетворяет собой грубую, тупую силу.

Его голова относительно невелика и переходит прямо в бесформенные плечи, с которых свисают складки безволосой кожи, покрытой шишками и наростами и по цвету напоминающей засохшую грязь.

Лоб, этоместилище мыслей, отсутствует, вместо него — впадина! (Спрашивается, где же помещается мозг?!) Уши короткие, прямые, свернутые в трубочку. Глазки крохотные, близорукие и злые, их прикрывают жесткие пленочки-веки, которые медленно поднимаются и опускаются. Рот маленький, с плоскими губами. Верхняя — немного вытянута, подвижна и слегка нависает над нижней. Животное может поднимать этой губой с земли небольшие предметы. Ноздри в своей нижней части выпуклые. На носу торчит сверху острый угрожающий рог.

Этот рог служит не только для атаки, но еще и для выкапывания всевозможных корней, до которых носорог большой охотник. Его рог не является костным образованием, как у оленей и лосей. Это всего лишь ороговевший пучок волос на коже носа, и охотник отделяет его от черепа вместе с кожей. Однако рог отличается чрезвычайной твердостью и прекрасно полируется, поэтому его употребляют для изготовления разных изделий.

Носорог заключен в свою кожу, как в броню, и долгое время считался почти неуязвимым, но современное оружие лишило его этой репутации.

В прежнее времена было и впрямь нелегко уложить такую тушу — настоящий ходячий блиндаж, покрытый толстой, упругой и жесткой кожей; если бы не многочисленные складки, облегчающие животному движения, оно стало бы пленником собственной брони!

Стрелять в носорога надо, когда он идет, причем в тот момент, когда складка на плече, отодвигаясь, открывает незащищенное тело.

Есть еще надежда перебить ему заднюю ногу. Зато поразить зверя в голову — задача почти невыполнимая. Единственным уязвимым местом здесь является глаз; впрочем, говорят, что стрелкам из племени Кожаный Чулок удавалось попадать в эту цель.

В наши дни, если человек обладает хладнокровием и смелостью, необходимыми для волнующей охоты на носорога, ему достаточно иметь хороший карабин Гринера и литые пули или же пули «Экспресс» и стрелять наверняка, сбоку, целясь в темное пятно на задней части плеча.

В Африке известны два вида и четыре подвида носорогов, существенно отличающихся между собой: носорог белый и носорог черный, причем каждый из них может иметь один или два рога.

Белый носорог много крупнее и гораздо неповоротливее черного и на охотников нападает редко. Мясо его довольно вкусное.

У однорогого рог иногда достигает одного метра и загнут назад. У двурогого передний рог бывает равен одному метру тридцати сантиметрам и наклонен вперед под углом 45°, задний же значительно короче, обычно сантиметров шестнадцати — двадцати, часто это попросту небольшой заостренный сверху бугорок.

Черные носороги мельче и подвижнее белых, они более опасны и бросаются на всякого, кто привлечет их внимание. Мясо у них настолько жесткое и сухое, что им пренебрегают даже туземцы.

Считается, что у носорогов, как и у большинства травоядных, почти напрочь отсутствует свирепость.

Может, в отношении белого носорога данное утверждение и верно, но в отношении черного оно совершенная ложь. Этот последний подвержен устрашающим приступам бешенства, причем зачастую совершенно необъяснимым. Тогда зверь с необычайной яростью начинает рыть рогом землю и бросается на кусты. Он может часами нападать на эти неодушевленные предметы, пока не вырвет их с корнем и не растопчет.

Черный носорог постоянно трется рогом о землю и деревья, и, возможно, именно поэтому он у него значитель-

но короче, чем у белого, и редко вырастает длиннее двадцати пяти — тридцати сантиметров.

В противоположность слонам, носороги почти никогда не собираются в стадо. Они встречаются по одному или парами. В районах, где их водится больше всего, иногда бывают группы по три, гораздо реже — по пять и шесть особей.

А сейчас мне хочется рассказать о вечном спутнике носорога, живущем с ним, за счет него и, как иногда кажется, ради него.

Это маленькая птица из семейства воробьиных, и капские колонисты зовут ее птичкой носорога.

Нельзя сказать, что она неразлучна со своим огромным четвероногим другом только ради каких-то корыстных интересов: кроме нескольких личинок в складках кожи и в пучках волос на ушах, ей от него поживиться нечем.

Можно подумать, что у птички есть к носорогу какая-то странная привязанность. Подруга всегда сопровождает его: когда он идет, летает над ним, когда он останавливается, садится ему на спину, сторожит его сон и своим писком будит в случае грозящей ему опасности, пощипывая за уши, если он не просыпается.

Вот что писал об этом Гордон Каминг, знаменитый охотник, в правдивость которого верил сам Ливингстон*:

«Я готов был проклинать преданность птицы, так как носорог отлично понимает ее предупреждения, тут же встает, оглядывается вокруг и убегает. Я часто охотился на носорога верхом на лошади, мне приходилось преследовать его много миль, за это время он получал от меня не одну пулю, и большинство из таких птичек не оставляли носорога до его последнего вздоха. Они садились к нему на спину и на бока и каждый раз, когда пуля попадала ему в плечо, взлетали на несколько футов ** и поднимали тревожный писк, а потом снова опускались на прежнее место. Часто их сгоняли с носорожьей спины ветви деревьев, под которыми проходил зверь, но, едва взлетев, они садились обратно. Я не раз убивал носоро-

* Ливингстон Давид (1813—1873) — английский исследователь Африки.

** Фут — здесь: единица длины в системе английских мер; равняется 0,3048 м.

гов, приходивших ночью на водопой, и птички оставались около убитого до зари, думая, наверное, что он спит, а утром я видел, как они летают над ним, всячески стараясь разбудить».

Мы уже сказали, что белый носорог менее свиреп, чем черный, но не бывает правил без исключений.

К примеру, носорог, встретившийся нашему парижанину, с самого начала проявил свирепость, хотя и был белым и однорогим.

Эта крупная особь, прямо-таки великан среди своих сородичей, достигала двухметровой высоты. Холка животного доходила до середины камышовых стеблей, заканчивавшихся красивыми зонтичными соцветиями, которые неплохо защищали от солнца.

Носорог бросился на людей, наклонив голову, сопя и фыркая, как разъяренный бык, и наставив на них свой огромный метровый рог.

Фрике, увидев эту несущуюся прямо на него грязно-серую тушу, никак не мог сообразить, куда именно надо целить.

На его счастье, земля вокруг была покрыта толстым ковром из сухих камышей, переплетенных корнями, и эта подстилка, вполне удобная для человека, задержала огромного толстокожего, чьи ноги то и дело вязли и проваливались.

Фрике отскочил в сторону и прицелился в носорога сбоку.

Но на какую-то десятую долю секунды опередив выстрел, огромный зверь, развернувшись на бегу, подскочил к Фрике почти вплотную.

Голова носорога оказалась прямо против стрелка. Раздался выстрел — и пуля «Экспресс» попала зверю сантиметров на пять выше носа.

Рог, длинный, толстый и очень прочный, срезало как будто ножом, и он повис перед своим обладателем на клочке кожи.

— Досадно! — воскликнул Фрике. — Я хотел добыть вовсе не это! Правда, сей огромный сувенир украсил бы любую коллекцию! Эй, зверюга! Готовься ко второму выстрелу!

Носорог, оглушенный ударом пули, подогнул колени. Но мы уже знаем, что его рог не растет прямо из черепа, поэтому контузия оказалась несильной.

Придя в себя, зверь издал страшный рев, пуще преж-

него разъяренный тем, что висевший рог ударял его по ногам, а затем снова кинулся в атаку на Фрике и лаптота.

Позиция француза была не слишком-то выгодна, но он все-таки решился стрелять, надеясь на свое оружие.

Опытный охотник на его месте постарался бы встать так, чтобы животное оказалось повернуто к нему боком.

Но Фрике — стрелок так себе, охотник-новичок, единственные его преимущества — это неизменные хладнокровие и бесстрашие. Так вот, он задумал свалить животное, целясь вкось, что было по меньшей мере неосторожно.

Так как носорог наступал, низко опустив голову, пуля восьмого калибра угодила ему чуть выше плеча.

Обыкновенная пуля четырнадцатого или шестнадцатого калибра не пробила бы толстую кожу и застряла в ней, однако кусочек свинца повышенной твердости, вылетающий из карабина под действием семнадцати с половиной граммов пороха, прошел сквозь «броню», попал в кость лопатки и расколол ее, как стекло!

В ходячей крепости была проделана настоящая брешь. Между клочьями разорванной кожи и развороченного мяса и осколками разбитой кости виднелось розовое легкое.

С подобной раной зверь долго не проживет. Но, к несчастью, он был так силен, что только пошатнулся. Умертвить этого колосса могла разве что большая потеря крови.

Фрике аккуратно повесил разряженный карабин на плечо и ловко отскочил в сторону, чтобы носорог промчался мимо, потом взял из рук лаптота, не отходящего от него ни на шаг, двустволку восьмого калибра, заряженную литыми круглыми пулями.

Это оружие, которое много длиннее карабина и потому менее удобно, стреляет просто замечательно, хотя его ствол и лишен винтовой нарезки.

На малом расстоянии и при заряде литой пулей двустволка по своей пробойной силе ничуть не уступает карабину.

По счастью, после двух выстрелов Фрике во влажном воздухе неподвижно висел густой дым, совершенно скрывая юношу и его спутника.

У носорогов слабое зрение, поэтому животное не увидело их, когда повернуло назад, желая возобновить атаку.

Фрике услышал, как в двадцати шагах от него взревел беспорядочно мечущийся зверь.

— Как? Он еще не упал?! По-моему, я сделал все, что

мог!.. Эй, лаптот, возьми мое ружье, я хочу перезарядить карабин!

Фрике повернул голову — и не увидел своего слуги!

— Предатель! Ну, погоди у меня! — пробормотал он.

В этот момент подул легкий ветерок и рассеял дым.

Носорог стоял неподвижно боком к стрелку и нюхал воздух.

— Наконец-то,— пробормотал парижанин, прицеливаясь в темное пятно возле звериного плеча.

Юноша выстрелил и услышал, как пуля ударилась о мощный хребет носорога.

Смертельно раненный гигант собрал последние силы и бросился к Фрике.

Молодой человек, пораженный такой живучестью, торопливо выстрелил из второго ствола.

Но вторая пуля лишь слегка задела животное.

Фрике остался безоружен. Его американский револьвер бесполезен. На плечах охотника висят два разряженных ружья, а носорог уже в десяти шагах.

Чудовище умирает, но его агония может оказаться страшной.

Наш приятель больше не колеблется. Он без ложного стыда сбрасывает ружья и бросается бежать через камыши, ожидая, что его враг вот-вот упадет. Но кто окажется проворнее? Не упустил ли Фрике время? Он слышит позади тяжелое дыхание животного... Сейчас его свалят, растопчут, переломают все кости!!!

Фрике хочет отскочить в сторону, но спотыкается и во весь рост растягивается на земле. Неужели конец?!

Однако тут носорог издает громкий рев, останавливается и медленно валится набок примерно в метре от парижанина.

Крику животного отвечает крик человека — торжествующий и почти столь же дикий. Появляется лаптот, потрясающий большим ножом, все лезвие которого покрыто кровью.

Фрике вскакивает на ноги, крайне удивленный тем, что остался жив:

— Вот это да! Да откуда же ты взялся?

— Смотри! — отвечает славный малый, увлекая хозяина куда-то за тушу упавшего носорога.

— Что ж, мой мальчик, славная работа! Чисто сделано! И главное, вовремя!

— Твой доволен, хозяин?

— Да, приятель! И я радуюсь не только тому, что жив, но еще и тому, что есть человек, на которого можно положиться! А я-то посчитал тебя предателем!.. Вот тебе моя рука, а награду получишь позже!

Лаптот и впрямь заслужил похвалы парижанина: если бы не он, Фрике бы непременно погиб. Передав юноше второе ружье, сенегалец под прикрытием дымовой завесы бросился в камыши и с подветренной стороны ловко подобрался к носорогу. Он как раз собирался перерубить ему жилу на ноге, когда парижанин выстрелил вторично.

Хотя животное и было смертельно ранено, оно все же смогло броситься на Фрике. Лаптот стремительно вскочил, догнал носорога и изо всех сил рубанул его ножом по задней ноге, перебив зверю подколенное сухожилие. Тот свалился как подкошенный...

Фрике, опершись на ружье, смотрел на неподвижного колосса и начинал понимать, какие ни с чем не сравнимые переживания доставляет охота! Не та глупейшая, которая состоит в бессмысленном убийстве живых существ, но та, которая имеет целью самозащиту или добывание пищи! Парижанин подвергся нападению и защищался. Отлично! Он должен прокормить семь человек, считая себя: бежавшие негры вернулись, едва услышав торжествующий крик лаптота. Маленький отряд досыта поест сегодня жареного мяса белого носорога! Превосходно!

...Вот как становятся охотниками!

ГЛАВА 13

Приключения остались позади — и Фрике этому рад.— Туземцы возбуждены.— Фрике против своей воли набирает рекрутов.— Особенности местного землепользования.— Когда и лентяи работают.— Тропические леса.— Некоторые растения.— Люди Сунгуйи.— Фрике кажется, что он спит.

Прошло уже десять дней с тех пор, как Фрике покинул Фритаун и отправился на поиски своего друга Барбантона.

Жандарм внезапно оставил яхту, когда после многочисленных приключений на борт «Голубой антилопы» взошла его мучительница мадам Барбантон. Сейчас он скорее всего находится в селении Сунгуйя, что неподалеку от истоков Рокелле, вместе с негром, носящим имя этого поселка и претендующим на тамошний царский престол.

Фрике, которому в начале его путешествия довелось пройти через множество испытаний, удовлетворивших бы самого взыскательного охотника, наконец-то зажил обычной жизнью путешественника. Он доволен. Да и с чего бы ему жаловаться? Нельзя же каждый день попадать в осаду армии крокодилов, воевать с полчищами гиппопотамов или вступать в единоборство с носорогами!

Даже в самой бурной жизни случаются иногда периоды затишья.

Итак, парижанин продолжал свой путь через заросли и болота тропического леса.

Животные встречались все реже, зато на смену им пришли люди.

Обычно невозмутимые, туземцы были сейчас очень возбуждены и предвкушали важные события.

Жители селений, изредка попадающихся на лесных полянах, напрочь забросили все свои хозяйственные дела.

Они произносили речи, проводили собрания и удивительно много пили, сидя на корточках перед примитивными, крытыми листьями канны* хижинами.

В разговорах негров часто повторялось имя Сунгуйи и упоминалось о каком-то могущественном фетише, который принесет ему победу, а также о белом человеке, сопровождавшем будущего царя; еще они обсуждали войну, которая уже началась, и ее возможные результаты... а потом опять пили, и опять говорили... Заниматься политикой на побережье Гвинеи — одно удовольствие!

Фрике повсюду встречал теплый прием, а его отряд все рос и рос, хотя сам юноша к этому вовсе не стремился. Лапкот с приятелями рассказывали местным жителям о ловкости и храбрости белого охотника и о могуществе оружия, которым можно убивать гиппопотамов и носорогов.

Этого было более чем достаточно для того, чтобы за Фрике увязалась толпа голодных негров, постоянно желающих есть, но отнюдь не желающих трудиться: туземцы способны только на то, чтобы посеять немного сорго и ячменя, которые нужны для изготовления пива.

Без пищи прожить можно, без выпивки — никогда!

«Если так пойдет и дальше, — размышлял Фрике, — у меня наберется целый экспедиционный корпус. Ведь все эти голодные, которые ждут, что я стану убивать для них дичь, придут к Сунгуйе с пустыми животами. Они готовы воевать. За кого? Против кого?.. Кабы не получилось так, что мне, который решительно не желает ни во что вмешиваться,

* Канна — род многолетних травянистых растений семейства канновых.

ваться, удастся повлиять на местную политику... Ну что ж, я не против! Будь что будет, только бы найти моего жандарма!»

Отряд Фрике приближался к какому-то большому поселку. Об этом свидетельствовала даже почва, которая, видимо, с давних пор обрабатывалась человеком.

Прежде чем засеять поле, здешним жителям надо рассчитать под него участок. Для этого обитатели деревни отправляются в чащу, возводят там крытые листьями шалаши и начинают валить и жечь деревья. Этим занимается все взрослое население, не исключая и матерей, таскающих с собой привязанных к спине младенцев; только несколько женщин освобождается от работы и назначается поварихами.

Вечерами под звуки тамтама* устраиваются танцы, заменяющие неграм гимнастику и необходимые им и в веселье, и в труде.

Во тьме сверкают огни костров, освещая своим ярким светом фантастические хороводы, в которых туземцы, ни в чем не знающие меры, кружатся едва не до рассвета.

Подобное оживление длится до тех пор, пока работы по расчистке участка не подойдут к концу; потом мужчины оставляют женщин засеивать новое поле, а сами возвращаются к своим деревенским домикам и погружаются в привычное оцепенение — вплоть до сбора урожая.

На отвоеванных у джунглей и кое-как возделанных участках сажают бананы и маниоку**, которые вместе с вяленой рыбой составляют основную пищу негров.

Интересно, что в отличие от американской африканская маниока не содержит никаких ядов. Ее тут сначала превращают в грубую муку, а затем делают из нее мягкое тесто, которое начинает бродить и приобретает странный кисловатый вкус.

Сняв с нового поля самое большее два урожая, туземцы забрасывают расчищенный участок.

Земля требует хорошего ухода — только тогда она сохраняет плодородие.

Но негры не хотят заботиться о ней. Гораздо проще вырубить новый участок леса.

Бывшие поля зарастают с невероятной быстротой, однако чаще всего совсем не тем, что сеяли на них люди, и не тем, что росло тут раньше.

* Тамтам — барабан с деревянными щитками вместо кожи, распространенный в Африке.

** Маниока, кассаву — род тропических растений семейства молочайных; возделывается для получения из корней ценных пищевых продуктов

На месте прежних деревьев появляются новые, но уже со съедобными плодами.

Их семена приносят ветер, вода, птицы, а также человек, который трудился здесь когда-то и оставил косточки и семена съеденных им плодов. На почве, увлажненной дождями и прогретой жарким солнцем, они начинают быстро прорастать.

И вскоре на этих заброшенных полях появляется что-то вроде садов, диких садов, каким бы удивительным ни показалось такое словосочетание. В них растет множество деревьев, плоды которых не только вкусны и питательны, но и годятся для изготовления разных продуктов и лекарств.

Тут есть прекрасные манговые деревья с сочными и вкусными плодами: из их косточек добывают вещество, похожее по цвету и вкусу на шоколад.

Чрезвычайно ценным является горьковато-сладкий, прямо-таки чудодейственный орех коло. Его сок, впитываясь в слизистую оболочку рта, позволяет человеку не чувствовать неприятного запаха и вкуса некоторых продуктов, которые он иногда вынужден употреблять в пищу. Так, например, болотная вода кажется не только свежей, но даже приятной. Этот орех очень ценится жителями Судана * и является там весьма распространенным товаром. Коло приписываются также тонизирующие и жаропонижающие свойства. Для путешествий в тропиках он незаменим.

В этих садах горделиво высится прекрасная пальма: из ее золотистых плодов делают пальмовое масло. Там встречаются растения из рода барвинков — в отличие от других растений этой группы они не только не ядовиты, но даже дают полезные и вкусные плоды и являются каучуконосами; а еще там можно встретить кустарник, корни которого действуют возбуждающе (наподобие кофе) и способны излечить дизентерию.

Назовем, почти наугад, некоторые другие полезные деревья: хлебное, пришедшее из Индии, свечное, из ствола которого туземцы выдалбливают пироги; различные древовидные бобовые растения: в их огромных стручках прячутся съедобные бобы; разнообразные фиговые деревья — каждое из них дает то или иное количество каучука.

Есть много растений, годящихся для изготовления приправ и пряностей. Это кардамон, имбирь ** и гвинейский перец, очень ценимые кулинарами.

* Судан — природная область в Африке, от южных границ Сахары до 4—8° с. ш. и от Атлантического океана до подножий Эфиопского нагорья.

** Кардамон и имбирь — многолетние травы семейства имбирных.

Высокие деревья оплетены всевозможными вьющимися растениями; есть среди них и виноград с длинными лозами, но с мелкими и несочными плодами; впрочем, эти ягоды приятны на вкус и ждут не дождутся заботливых рук садовника.

Среди вьющихся растений есть так называемые паразиты, многие из которых необычайно красиво цветут. К ним относятся, например, орхидеи — ослепительно-яркие, с огромными листьями. Цветы висят на деревьях причудливыми гирляндами и служат этим диким садам роскошными украшениями.

Фрике и его спутники, отдохнув на одном из таких заброшенных полей и подкрепившись ароматными плодами, опять тронулись в путь.

Наконец они вышли из леса и оказались на открытом пространстве. Небо над ними напоминало огромный кусок голубого полотна.

Здесь уже были владения Сунгуи. Проводники испустили громкий радостный крик, но тут откуда-то внезапно появилась толпа черных воинов и окружила отряд парижанина.

— Что случилось? — как всегда весело поинтересовался Фрике, который был скорее удивлен, чем встревожен.

Туземцы обладают искусством очень долго говорить и при этом ровным счетом ничего не сказать. Негры затараторили все разом, хотя и не поняли вопроса, заданного им на том замечательном жаргоне, какому Фрике обучился во время своих странствий у матросов южных морей.

Черные воины галдели все громче и даже начали усиленно жестикулировать.

— Уберите лапы! От вас прогорклым маслом разит! Я, правда, не франт, но все-таки предпочитаю иные ароматы! Ну-ка, лаптот, официальный переводчик, спроси у этих ребят, чего им надо?

— Они не хотят нас пропускать!

— Едунда! Не затем я сюда пришел, чтобы уйти ни с чем! Объясни им цель нашего путешествия... Молодец! Хорошо!.. Я вижу, их тарабарщина для тебя как родная! Ну, так что?

— Они говорят, что отведут нас к своему вождю!

— Да? А как зовут их вождя? Не твой ли это бывший дружок Сунгуя? Если не он, то разговоры в сторону, а карабины к бою!

— Сунгуя, он самый!

— Отлично, тогда хватит болтать! Вперед!

С этими словами Фрике — ружье на плече, шлем сдвинут

на ухо, грудь колесом — встает во главе своих людей, показывая тем самым, что у него есть охрана.

Он первым выходит на поляну, посередине которой расположен поселок с очень чистыми хижинами, соединенными крепкими бамбуковыми изгородями. Подобное встречается редко: обычно африканские негры стараются ставить свои примитивные жилища подальше одно от другого; однако внимание парижанина поглощено не архитектурными изысками, а чьими-то громкими возгласами.

— Может, я сплю?! Или у меня лихорадка?! Не верю собственным ушам!

Но возгласы становятся все отчетливее:

— Ать-два-а! Ать-два-а! Слушать команду!

Сделав еще несколько шагов, Фрике останавливается в недоумении. Оно и понятно: картина, открывшаяся его глазам, могла бы поразить кого угодно.

Он видит облаченного в мундир французского жандарма, который стоит перед строем пехотинцев цвета первосортного черного дерева и обучает этих африканских новобранцев премудростям европейской военной науки.

Здесь находятся около сотни негров, совершенно нагих, украшенных яркими амулетами и кое-как прикрытых лоскутками ткани; они вооружены старыми ружьями, луками или дротиками и проделывают с ними разные упражнения — причем довольно четко, что кажется особенно удивительным.

«Изумительно! Только этого нам не хватало! — заметил про себя Фрике. — Какие же странные, однако, попадаютсся жандармы!»

Старый воин видит своего друга, величественно салютует ему саблей, окидывает строй гипнотизирующим взглядом и продолжает подавать команды:

— Смир-р-но!

— Напра-а-во!

— Взять ружье!

— Положить ружье!

— Разойдись! Марш! — И черные пехотинцы поспешно разбежались во все стороны с радостью, понятной любому солдату.

Барбантон с важным видом вкладывает саблю в ножны и идет к парижанину, протянув ему обе руки.

— Здравствуйте, мой дорогой Фрике! Знаете, а ведь я вас уже давно поджидаю! Истинная правда! Даже беспокоиться начал!

— Вы ждали меня, мой старый товарищ? Вы что, ясновидящий?

— Вовсе нет, просто я знаю моих друзей! Я был уверен, что вы броситесь в погоню за своим жандармом и найдете его... К тому же я послал вам на помощь людей.

— Как?! Неужели те дезертиры, которых мы встретили восемь дней назад?..

— ...мои люди, посланные с поручением проводить вас сюда!

— Кстати, примите мои искренние поздравления: вы теперь генерал, а это почетно даже в негритянской армии!

— Ха! Чего не сделаешь, чтобы убить время!.. А потом... нашему Сунгуйе так хочется стать царем!

— Посмотрите-ка на этого жандарма, делающего монархов! — не выдержав, хохотнул Фрике.— Итак, вы собираетесь вот-вот посадить его на трон?

— Угадали, дружище! А пока я обучаю его войско, и, как вы только что видели, небезуспешно!

— Поразительно! Каким же образом туземцы понимают ваши французские команды?

— Они их не понимают, но все-таки выполняют!

— Как же такое может быть?

— Выполняет же бретонец, ни слова не говорящий по-французски, команды обучающего его эльзасца! *

— Это вы верно подметили!

— Здешние мои новобранцы не так уж тупоголовы, раз сумели за восемь дней кое-чему научиться! Правда, у Сунгуйи есть верное средство сделать их понятливыми.

— Догадываюсь! Наверное, нечто из арсенала прусской армии: зуботычины, удары палкой и прочее в том же духе!

— Вовсе нет! Он просто объявил, что тому, кто окажется непонятливым, перережут горло. Подействовало!.. Однако войдем в дом! Персоны нашего ранга не должны беседовать на улице, подобно простым смертным. Кроме того, я хочу переодеться. Форма придает мне значительно-сти, но в ней ужасно жарко!

— Так вот что лежало в том саквояже, который вы прихватили с улицы Лафайет!

— Это единственная моя ценность. Больше ничто не связывает меня с тем парижским домом! — сказал старый солдат, и на мгновение его роль генералиссимуса в армии африканского царька перестала казаться смешной.— Что думает о моем... уходе месть Андре?

— Он очень расстроился и послал меня вернуть вас.

* В XIX веке бретонцы и эльзасцы, хотя и являлись французами, говорили на разных наречиях.

— Обратно на яхту, где находится эта... особа?! Да ведь она... Вы меня понимаете?.. Никогда! Ни за что! Даже если мне придется сделаться канаком и окончить здесь свои дни!

— Ну-ну, не горячитесь! Желтая лихорадка не может продолжаться вечно, и месье Андре с первым же пароходом отправит вашу прекрасную половину в Европу. Я тоже только и мечтаю о том, чтобы она уехала: с тех пор, как эта женщина ступила на палубу «Антилопы», нас преследуют несчастья... Месье Андре сломал ногу на другой же день после вашего отъезда...

— Что?! Неужели месье Андре?.. — прервал юношу добряк Барбантон, сильно побледнев.

— Хирург сказал, что перелом пустяковый, но все-таки сорок дней бездействия тяжелы для человека с его характером. Если бы не это, он бы, конечно, был сейчас здесь! Мало того! У вашей жены тоже произошла большая неприятность...

— Послушайте, Фрике, вы знаете, как я люблю вас и как мне дорога ваша дружба! Так вот, во имя этой моей преданности вам, которую ничто не может поколебать, обещайте... нет, лучше клянитесь! — никогда не упоминать о моей жене, урожденной Элоди Лера, имя которой я произношу сейчас в последний раз! Ты понял, Фрике?

— Я обещаю вам это... но все же я хотел бы сказать...

— Ни слова! Ни единого слова! Вы поклялись!

— Как вам угодно, — помолчав, отозвался Фрике. — Будь что будет, я умываю руки!

Беседуя таким образом, друзья шли по широкой улице, окаймленной бесконечной линией хижин и тенистых красивых деревьев.

За домами росли безо всякого ухода бананы, папайя * и маниока вперемежку с сорго, маисом ** и ячменем.

Этот поселок, как мы уже говорили, выгодно отличался своей чистотой от других деревень гвинейского побережья, а бамбуковые жилища, покрытые листьями канны, выглядели совсем неплохо.

...Фрике и Барбантон подошли к хижине, которая была побольше — хотя и не роскошнее — прочих; у входа стоял часовой, который лихо отсалютовал им своим ружьем.

— Вот мы и на месте! — сказал Барбантон, с важностью отдавая часовому честь.

* Папайя, дынное дерево — плодовое тропическое дерево.

** Маис — кукуруза.

ГЛАВА 14

Добродушный монарх.— Фрике — член правительства.— Три недели ожидания.— Вооруженный мир.— Нервное возбуждение.— Барбантон метит в Наполеоны.— «Александр Суданский».— Как быть капралу или сержанту, если ему некуда прикрепить знаки различия.— Попытка добыть украденный фетиш.— «К оружию!».— Сунгуйя пьет нашатырь и готовится к бою.— Битва.— Переломный момент.— Пленная армия.

Через единственную дверь хижины друзья вошли в большое помещение, на полу которого лежали два огромных матраца, сделанных из пальмовых листьев. Ночью они служили постелями, а днем на них можно было сидеть. Еще там находились грубо сработанные табуреты, какие-то ящики и множество вещей европейского происхождения, смотревшихся в этой обстановке крайне нелепо.

На одном из матрацев отдыхал, поджав по-турецки ноги, негр, напяливший на себя матросские штаны с трехцветными подтяжками и фланелевый жилет. Вокруг него сидели на ящиках полу- или вовсе голые люди, которые были при этом отлично вооружены; около каждого из них стояла выдолбленная тыква, полная сорговым или ячменным пивом. Жарко!

Человек, сидевший на матраце, непрерывно потирал левой рукой свою поджатую ногу, поэтому свободна у него была только правая рука; ее-то он по очереди и подал европейцам, приглашая их сесть возле него.

Затем, обратившись к Фрике, он поприветствовал его двумя словами:

— Здрассте, месье!

Неужели это Сунгуйя? Похоже, что да, причем во всем своем великолепии.

— Рад видеть вас, мой старый знакомый! — ответил парижанин.

— Сунгуйя тоже рад видеть белый начальник! Белый начальник давать победа Сунгуйя!

— Постараемся угодить вашему величеству, милейший беглец, хоть вы и покинули «Голубую антилопу» весьма бесцеремонным образом!

— Мой ушел с Барбато...* Барбато большой генерал!

— Это верно! Мой друг жандарм — отличный воин и несравненный теоретик!

— Большой начальник месье Андре не пришел?

— О! Месье Андре выезжает только в исключительных

* Негры совершенно неспособны правильно произносить европейские имена. (Примеч. авт.)

случаях,— ответил Фрике, ни словом не обмолвившись о несчастье, приковавшем Бревана к яхте.— Кроме того, Барбантон сумеет справиться и сам! Не так ли, генерал?

— Конечно! — отозвался бывший жандарм, явно польщенный отзывом о его военных талантах.— Тем более что основная часть работы уже сделана!

— А я-то готовился воевать! Оказывается, вы уже согнали с трона вашего предшественника и преспокойно сидите на его месте. С чем вас и поздравляю, друг мой Сунгуйя, превратившийся из простого матроса нашей яхты в важную персону!

И добавил про себя: «А вот как быть с медальоном, украденным у супруги генерала? Однако молчок, Барбантон не хочет, чтобы я даже упоминал о ней... Но какие все-таки поразительные судьбы бывают иногда у людей и вещей! Я сейчас имею в виду даже не старого жандарма и его военную карьеру, а билет Лотереи искусства и индустрии, который служит талисманом негритянскому вождю и даже вдохновляет его на государственный переворот! Впрочем, молчу, молчу!»

Тут, воспользовавшись паузой в речи Фрике, заговорил Барбантон:

— Все оказалось очень просто. Покинув яхту, мы пошли на пироге вверх по течению; туземцы, узнававшие моего спутника, радостно приветствовали его... Правда, в этом была заслуга и жандармского мундира: хитрец Сунгуйя знал о нем и упросил меня переодеться... Здесь очень уважают военную форму... почти так же, как в нашей прекрасной Франции! Короче говоря, мы собрали вокруг себя множество сторонников, толпа росла, подобно снежному кому...

— Отличное сравнение для этих черных парней!

— Я только хочу сказать, что мы привлекали людей одной лишь силой нашего обаяния и пришли на место, не сделав ни единого выстрела!

— Значит, все уже позади, и вам тут нечего больше завоевывать?

— Наоборот, все еще только начинается! Мало победить, надо воспользоваться победой! Мы сейчас, можно сказать, в осаде, хотя этого и не видно, и с часу на час ожидаем нападения! Потому-то я и приказал соединить все дома изгородью и стал обучать местных молодцов военному артикулу!

— Да-да, правда! — вставил Сунгуйя, неплохо понимавший беседу друзей — недаром же он так долго жил во Французском Сенегале. Впрочем, объяснялся вождь с большим трудом.

— Ну а что нас ждет после победы?

— Мы будем почивать на лаврах, охотиться и разъезжать в пирогах, а потом, когда эпидемия желтой лихорадки минует, вернемся на яхту... По-моему, аудиенция закончена. Мы посидели на диване его величества и считаемся теперь важными персонами! Это нужно для того, чтобы нас слушался простой народ.

— Значит, я тоже стал членом правительства?

— Неужели вы в этом сомневались, Фрике? Мы с вами совершенно равны во всем, что касается службы на благо государства!

— Я не стану посягать на ваш кусок пирога власти, генерал, можете мне поверить! Я остаюсь вашим подчиненным, выражаясь по-военному, и буду быстро и толково выполнять все приказания,— с обычной веселостью сказал Фрике.— Знаете, давайте поскорее уйдем отсюда! Здесь воняет козлом!

— Мы сейчас распрощаемся и отправимся ко мне, это совсем рядом. Там вы и поселитесь.

— У вашего дома тоже стоит охранник? Очень надеюсь, что впредь их будет два! Хотя бы затем, чтобы никто не тронул моих вещей, оружия и боеприпасов!

— Ну что, пошли?

— До свидания, дражайший Сунгуйя, будь здоров, черный монарх!

Уже две недели Фрике живет в туземном поселке. О врагах нет никаких вестей, и все-таки чувствуется, что они где-то совсем рядом.

Разведчики каждый день рассказывают о подозрительных личностях, встреченных ими неподалеку от селения, и всем ясно, что, не будь рядом с Сунгуйей двух белых, ему не удалось бы усидеть на отнятом у другого царском троне.

Этот вооруженный мир, это нескончаемое скрытое противостояние действовали на нервы сильнее настоящей войны и очень угнетали Фрике. Невозмутимый Барбантон то и дело призывал юношу набраться терпения, а тот в тысячный раз отвечал, что давно сыт всем этим по горло.

Старый жандарм начинал слишком уж всерьез воспринимать свой важный пост. Он даже присваивал некоторые позы Наполеона: например, часами ходил, заложив руку между пуговицами мундира или уперев ее в бок, а на учениях любил окидывать свои черные батальоны «орлиным взором», глядя на них как бы с высоты и издали.

Добрый малый с увлечением играл в солдатики и, казалось, никогда еще не чувствовал себя таким счастливым.

Однако, несмотря на эти маленькие невинные чудаче-

ства, надо признать, что Барбантон и впрямь много сделал для защиты селения.

Он отучил негров заряжать ружья горстями пороха, от чего дула могли разорваться в руках, поранив стрелка и его соседей, но совершенно не нанеся урона врагу; он заменил кусочки чугуна свинцовыми пулями, и меткость стрельбы сразу неизмеримо возросла.

Кроме того, генерал показал новобранцам некоторые строевые упражнения, которые хотя и не могли особо пригодиться в бою, но зато приучали туземцев к дисциплине и повиновению команде, что было немаловажно, так как негры воюют кто во что горазд и ничего не смыслят в тактике.

Если парижанин находил дни бесконечно длинными, то Барбантону, наоборот, казалось, что часы бегут слишком быстро.

Не собираясь останавливаться на полпути, он обучал солдат меткой стрельбе и старался сделать их непобедимыми.

— С десятью тысячами таких воинов я мог бы завоевать всю Африку! * — сказал он однажды своему другу, бросая на него гордые взоры и принимая позу, в какой изображен на Вандомской колонне Бонапарт.

— Правильно! — ответил Фрике, которому все ужасно надоело и который был поэтому мрачнее тучи. — Дойдем по долине Нигера до Тимбукту, подчиним Сунгуйе все страны, какие нам только попадутся, захватим, если пожелаете, Дарфур ** и Кордофан ***, дадим подножку Негусу **** Абиссинскому и вернемся назад по долине Нила, заставив Египет платить дань нашему черному повелителю. То-то позабудемся! Сколько можно прозябать здесь?!

— Ваш план превосходен, однако подождите, пока у меня наберется десяти тысячная армия!

Парижанин не знал, что ответить на эти поразительные слова, и решил больше не препираться, а ждать развития событий.

Был, правда, момент, когда он собирался покинуть будущего Александра Македонского... ***** вернее Суданского... с его мечтами о славе и скромно вернуться на яхту.

* Барбантон повторяет знаменитую фразу Наполеона I.

** Дарфур — плато в Судане между озером Чад и долиной Белого Нила.

*** Кордофан — плато в Судане, к западу от реки Белый Нил.

**** Негус — сокращенный титул императора Эфиопии (Абиссинии) в конце XIX — начале XX века. Полный титул — Негус Негесте (царь царей).

***** Александр Македонский (356—323 гг. до н. э.) — царь Македонии с 336 года, создатель крупнейшей мировой монархии древности.

Но разведчики доложили, что река по-прежнему строго охраняется.

Тогда Фрике смирился и начал изучать язык мандинга, чтобы хоть как-то убить время.

Впрочем, выпадали в жизни юного парижанина и хорошие минуты. Например, он всегда покатывался со смеху, вспоминая об одном курьеze.

Барбантон, желая, чтобы его армия как можно более походила на европейскую, решил учредить в ней воинские звания.

Лаптот немедленно стал капитаном, а наиболее способные воины полуденной страны были возведены в чины сержантов и капралов.

Сержанты и капралы — это, конечно, хорошо, но ведь им полагаются всяческие знаки отличия, которые прикрепляются к одежде! А если одежды нет?!

Значит, надо обойтись без нее, решил жандарм. Надо вытатуировать красные или белые «нашивки» прямо на предплечье — и навсегда, не боясь, что тебя разжалуют, превратиться в сержанта или капрала.

Фрике смеялся так, что чуть не вывихнул себе челюсть, зато Барбантону эта мысль доставила несколько часов тихой радости.

Лаптот первым изобразил на своем теле подобие военного мундира, и за это его, наверное, очень скоро сделают командиром батальона. Неужели зеленые эполеты тоже будут выколоты на его коже? А может, проще все-таки завести одежду?!

...Между тем Фрике старался разузнать что-нибудь о судьбе медальона мадам Барбантон. Задача была нелегкой. Требовались дипломатические ухищрения... и огромное количество алу... чтобы заставить Сунгуйю отдать драгоценную вещь.

Интересующий Фрике предмет и впрямь находился у монарха: последний без малейшего зазрения совести украл его у путешественницы. Не станем, однако, осуждать Сунгуйю — ведь негры подобны детям и не колеблясь берут то, что им приглянется.

К тому же он считал эту вещь могущественным фетишем, вырвавшим супругу жандарма из смертельных объятий гориллы и открывшим ему, Сунгуйе, дорогу к трону.

Чернокожий рассказал все Фрике, когда был в стельку пьян, но не разрешил ему ни потрогать медальон, ни даже взглянуть на него. Негр носил фетиш на цепочке, завернутым в кусок кожи, и считал, что один-единственный чужой взгляд может лишить талисман силы.

Фрике, однако, очень хотелось взять его в руки — хотя бы ненадолго, — чтобы извлечь заветный лотерейный би-

лет. Правда, юноша был не в восторге от того, как приняла его когда-то мадам Барбантон, но все же считал своим долгом постараться вернуть билет владелице.

Поэтому он решил неустанно наблюдать за Сунгуйей и при первой же возможности забрать у него ценную бумагу, оставив сам медальон негру.

И подходящий случай не замедлил представиться.

Однажды ночью монарх по обыкновению пил пиво с алугой в компании Фрике, который предательской рукой все подливал и подливал царьку эту крепчайшую смесь.

Юный парижанин вовсе не собирался тягаться со своим собутыльником и незаметно лил жидкость себе за ворот, отчего вскоре вымок насквозь. Он как раз вышел из хижины, чтобы переменить одежду, пропитавшуюся алкоголем, когда откуда-то послышались громкие возгласы:

— К оружию! Тревога!

Селение пробудилось и наполнилось шумом и женским визгом.

Черные воины быстро и несуетливо заняли свои места, и перед строем появился Барбантон — величественный, великолепный, при полном параде.

Благодаря многочисленным репетициям каждый отлично знал, что надо делать в случае внезапной атаки, и защита была организована мгновенно.

Фрике поспешно вооружился многозарядным винчестером, сочтя его более подходящим для боевых действий, чем любое из длинноствольных охотничьих ружей, и возглавил отряд отборных воинов, защищавших царское жилище и особу самого монарха (в настоящий момент совершенно беспомощного).

Вскоре крики усилились; солдаты обеих «армий» окликали друг друга, подобно героям Гомера, выстрелы гремели все чаще, шум и суматоха стали невообразимыми, бой шел уже повсюду. Это и был тот грандиозный штурм, которого так долго пришлось дожидаться.

Очень скоро стало очевидно, что превосходящие силы противника одержали бы легкую победу, если бы жандарм заранее не позаботился об обороне.

Первый натиск остановили заграждения из бамбука: стрелки, защищенные габиенами *, были за ними в безопасности и метко вели огонь по наступавшим.

Фрике же тем временем достал из своей дорожной аптечки пузырек с нашатырным спиртом, отлил немного в пустотелую тыкву, добавил воды и заставил Сунгуйю залпом проглотить это питье.

* Габиена — род щита в виде корзины из лозы, применявшийся еще в Древнем Риме. (Примеч. авт.)

Пьяного проняло так, как если бы ему дали толченого стекла, размешанного в расплавленном свинце. Он вскочил, встряхнулся, подпрыгнул, стал изумленно тереть глаза и наконец пришел в себя.

Разобравшись в происходящем, Сунгуйя понял, что дело приняло серьезный оборот, и не мешкая включился в события. Ведь он как-никак был тут самым заинтересованным лицом!

...Стрельба на улице почти затихла. Значит ли это, что ряды защитников поредели?

Враги заметно усилили натиск, а громогласных команд генералиссимуса почему-то не слышно.

Что же все это означает?

Может, в сражении произошел перелом? Ведь военное счастье переменчиво!

Так и есть. Враги повалили ограду и, устрашающе крича, приближались к жилищу новоиспеченного царя.

Стрелки Сунгуйи стояли вокруг дворца, непочтительно называемого Фрике «хижиной правительства».

Число осаждающих возросло с неимоверной быстротой.

Дворец, превращенный в крепость, заполнился воинами, в бамбуковых стенах были торопливо прорезаны ножом бойницы для ружейных дул.

Тут командовал Фрике.

Сунгуйя волновался и бледнел, делаясь пепельно-серым.

Парижанин подбадривал его следующими проникновенными словами:

— Защищай-ка свою шкуру, мой африканский монарх! Сейчас не время трусить и бездельничать! И дерись получше, не то не сидеть тебе и твоим потомкам на этом троне!

Обезумевшая, яростная толпа попыталась ворваться во дворец; защищающие его стрелки уже не успевали перезаряжать ружья, снаружи, у входа, завязалась рукопашная схватка... и тут из дома донесся пронзительный свист.

Стрелки Сунгуйи повиновались знакомому сигналу и мгновенно попадали на землю. В тот же миг тонкие стенки хижины как бы вспыхнули сотней огней: это одновременно выстрелила сотня ружей, обрушив на врагов настоящий свинцовый ливень.

Негры повалились как подкошенные и устлали своими телами траву, которая на глазах покраснела от крови. Раненые корчились от боли и с еще большим остервенением бросались на всех, до кого только могли дотянуться, стремясь укусить противника, сбить его с ног или даже вспороть ему живот.

...Осаждающие были явно ошеломлены таким жестоким отпором, но вскоре опять пошли вперед, подчиняясь своему вождю, экс-монарху, здоровенному детине, одетому в форму английского генерала. Его лицо украшали красные и белые полосы, придававшие ему, в сочетании с генеральским мундиром, вид ряженого.

Тем не менее войска противника возглавлял настоящий храбрец, и он сражался как лев, громко подбадривая своих сторонников и вновь и вновь ведя их в атаку.

Число защитников дворца росло, однако им становилось все сложнее противостоять толпе, ярость которой, казалось, удвоилась.

— Сколько можно?!— вскричал Фрике.— Они лезут и лезут! Многие из них бьются просто отчаянно, и мне совсем не хочется стрелять бедняг, как кроликов!.. Я не люблю убивать, но сейчас речь идет о моей жизни! Черт бы побрал этого жандарма вместе с его негром, негритянским тронem и солдатами! Мне все надоело! Хватит! Я вовсе не хочу, чтобы мне отрезали голову! Придется воспользоваться последним средством!

С этими словами Фрике подбежал к своим ружьям большого калибра, стоявшим неподалеку, и по очереди выстрелил из них, целясь в самую гущу нападавших.

Ослепленные дымом, оглушенные грохотом, напуганные огромным числом жертв, враги в беспорядке отступили...

Вождь вновь попытался собрать своих людей, но тут произошло событие, окончательно расстроившее его планы.

За спинами атакующих раздался зычный голос генералиссимуса. Оказывается, Барбантон со своими лучшими стрелками совершил блестящий маневр и зашел противнику в тыл.

— Сдавайтесь!

Несчастные оказались в ловушке, они поняли, что сопротивление бесполезно, побросали оружие и попытались спастись бегством.

Но главнокомандующий предусмотрел абсолютно все, и отступающих повсюду встретили нацеленные на них ружья.

И тут Барбантон, вложив саблю в ножны, вынул револьвер и направился прямо к вождю, который, увидев белого военачальника, застыл как вкопанный. Старый жандарм схватил его за ворот и сказал:

— Это мой пленник! А вы, солдаты, бросайте оружие! Сдавайтесь, или вам придется плохо!

ГЛАВА 15

После победы.— «Черная неблагодарность».— Жестокое обращение с пленными.— Кровавая бойня.— Бесполезные протесты.— Приготовления к отъезду.— Наутро после казни.— Негр считает, что белые обходятся с пленными ничуть не лучше.— Дипломатия дикаря.— Сунгуйя хочет накормить свой народ слоновым мясом.— Знаменитые полководцы не любили охоту.— Барбантон разделяет эту нелюбовь.— В поисках слона.— Похищен змеей!

Обходный маневр, совершенный Барбантоном, решил успех дела. Сунгуйя — счастливый победитель, а его соперник взят в плен самим главнокомандующим!

Никто не знал числа убитых, и эти цифры никого не интересовали.

Зато всех занимали пленные. Их насчитывалось не менее пятисот человек, многие были ранены; побежденных крепко связали и, как дрова, бросили на самый солнцепек.

Фрике и бывшего жандарма очень тревожила судьба этих несчастных.

А победители тем временем утоляли жажду, поглощая невероятное количество пива.

Сунгуйя, ставший после одержанной победы верховным вождем, как будто нарочно старался подтвердить правильность выражения «черная неблагодарность» и едва замечал европейцев, оказавших ему такую неоценимую помощь.

— Вы посмотрите только на этого молодчика, — ворчал Фрике. — Как он нос-то задирает! Хотя бы спасибо нам сказал!

— М-да, — согласился несколько сбитый с толку Барбантон. — По-моему, это просто хамство. Я, конечно, не рассчитывал на титул герцога, но такое невнимание совершенно оскорбительно!.. Боже мой! Что там происходит?! Какой кошмар!

Сунгуйя отдал приказание, от которого все негры пришли в страшное возбуждение и даже оторвались от сосудов с пивом и алугу.

Они бросились к пленникам, оттащили их к ограде и привязали к деревянным столбам.

Несчастливым наверняка было очень больно, но честь не позволяла им стонать или молить о пощаде.

Когда с этим жестоким делом покончили, Сунгуйя объявил, что пленных сейчас станут избивать женщины и дети.

Тут же раздались свирепые крики, и из хижин, потрясая пальмовыми хлыстами, высыпала отвратительная толпа негр-итянок и тощих детей с уродливыми большими животами.

Они обрушили на бедняг град ударов; беззащитные

люди извивались от боли, сжимая зубы, чтобы не закричать, но в конце концов не выдержали и начали испускать душераздирающие вопли. Человеческая стойкость все же не беспредельна!

Тем временем мужчины, радостно подбадривая истязателей, принялись точить сабли.

Фрике и Барбантон догадывались, что за зрелище их сейчас ожидает...

Окровавленные хлысты опускались, подчиняясь знаку Сунгуйи...

По кругу пошли выдолбленные тыквы. Взрослые и дети, женщины и мужчины жадно припадали к пьянящему напитку.

Потом все воины, способные держаться на ногах, вооружились саблями и подошли к ограде, у которой корчились изуродованные и истекающие кровью пленники.

Наши друзья понимали, что чудовище, которому они помогли взойти на трон, вот-вот прикажет казнить всех поверженных врагов.

Надо немедленно вмешаться!

Барбантон и Фрике бросились к тирану и заклинали его не пятнать таким злодейством торжественного дня.

— Подумай, ведь ты жил среди белых, — восклицал жандарм, — а они щадят побежденных! Убивать пленников бесчестно, и тебе надо перенять от европейцев их обычаи. Я покинул вместе с тобой «Голубую антилопу», я обучил твоих людей, я помог тебе победить — так подари же мне жизнь этих несчастных!

— Мой друг прав! — серьезным голосом сказал Фрике. — Ты не должен убивать их! Если ты это сделаешь, мы сегодня же уйдем отсюда и проклянем тебя и твоих подданных всеми возможными проклятиями!

— Но что же мне с ними делать? — отвечал Сунгуйя, путая французские и туземные слова. — Я не могу их кормить, потому что у меня нет запасов пищи. Я не могу дать им свободу, потому что они завтра же снова нападут на меня. Я не могу продать их в рабство, потому что белые больше не покупают рабов. Мне остается только одно: убить их! Они поступили бы со мной точно так же. Ну а он, — и царек указал на вождя, — умрет первым! Надо всегда убивать того, чье место занимаешь! Не возвращаются только мертвые! А вы, белые, если хотите по-прежнему оставаться моими друзьями, не мешайте мне поступать так, как хочется! Здесь я хозяин!

И негодай взмахнул саблей и одним ударом отсек голову свергнутому монарху.

Жестокая речь Сунгуйи послужила сигналом. Позади каждого пленника встал палач, и в ту же минуту, как

покатилась с плеч голова вождя, отовсюду слышались отвратительные звуки: это казнили несчастных.

К сожалению, не все палачи-любители так же ловки, как их предводитель.

Некоторые клинки соскальзывали, и раздраженные неудачей убийцы снова и снова повторяли свои попытки.

Со всех сторон неслись крики, в которых уже не осталось ничего человеческого.

По земле текли реки крови, воины-победители были обогреты ею с ног до головы.

...Оба европейца в ужасе и омерзении отвернулись и поспешили к себе в хижину.

Они не видели, как у убитых вырывали еще горячие сердца и как эти сердца поседались победителями, пьяными от алу и крови.

Не желая больше оставаться с обезумевшими дикарями, Барбантон и Фрике собирались немедленно покинуть селение.

Жандарм пребывал в совершенном отчаянии: ведь он оказался в помощниках у таких извергов! Поэтому бедняга объявил, что отправится в Сьерра-Леоне и подхватит там желтую лихорадку! Уж лучше умереть! Лавры Наполеона больше не привлекали его: ужасная расправа с пленными убила в нем дух завоевателя, а созерцание изнанки военной славы заставило возненавидеть поле брани.

Барбантон поспешно снял с себя мундир, аккуратно уложил его в саквояж, спрятал в зеленый чехол саблю, тяжело вздохнул... и своей властью верховного главнокомандующего отправил себя в отставку. Верный лапсот, встревоженный исчезновением обоих хозяев, застал их за сбором вещей.

Добрый парень, несколько лет проживший в Сенегале среди белых и не принимающий многих туземных обычаев, тоже чувствовал отвращение к чудовищной бойне и людоедству; его бывшие подчиненные выказали шумное недовольство этой брезгливостью и за отказ присоединиться к их трапезе назвали лапсота предателем.

Юный негр не смог привести других слуг: все были мертвецки пьяны. Но кто же в таком случае понесет еду и оружие и сядет за весла на пироге — ведь по реке добраться до английских владений гораздо быстрее и проще?! И друзья решили дожидаться того момента, когда негры протрезвеют.

Наступил вечер; парижане кое-как перекусили рисом и печеными бананами и легли спать, однако после кровавых событий дня их мучили ужасные кошмары, и они то и дело просыпались.

Из опасения мести за свое поведение во время казни

французы даже положили рядом оружие, но беспокойство оказалось напрасным. Когда наутро взошло солнце и встряхнуло над селением пламенеющими волосами, о вчерашних жутких событиях почти ничего не напоминало. Трупы исчезли, и владения Сунгуйи приобрели привычный облик... впрочем, нет: изгородь местами была повалена, некоторые хижины разрушены, деревья поцарапаны пулями, а, главное, вся земля покрыта большими красными пятнами, особо заметными в пурпурном свете наступающего дня.

Сунгуйя, протрезвевший, но с опухшим после вчерашней попойки лицом, по-соседски постучал в дверь к французам. Монарх был настроен весьма благодушно.

На нем красовалась форма английского генерала, снятая с побежденного врага!

Барбантон стал упрекать царька за злодеяния, однако Фрике, как человек более осторожный, поторопился прервать друга.

И поступил совершенно правильно. Во-первых, эти внушения были абсолютно бесполезны, а во-вторых, для двоих белых, оказавшихся среди орды дикарей, подобные речи могли обернуться большой бедой.

Путешественникам оставалось только молчать, укладывать свой багаж и поскорее удирать.

Сунгуйя, удивленный тем, что французы пакуют вещи, все пытался взять в толк, почему его «гости» хотят уехать.

«Эти белые люди недовольны мною! Наверное, они на что-то обиделись. Может, я вчера слишком возвысил голос, когда отказывал им пощадить пленных? Но меня очень разгорячили битва, пиво и алугу! И я ведь не сержусь на них из-за того, что они не захотели казнить моих врагов! Каждый волен поступать так, как привык.

Я же не виноват, что белые живут по другим законам!

В конце концов это война! И почему мне нельзя было забрать у убитого его красивую красную одежду?

У них, правда, так делать не принято. Но на то они и белые!

Хотя Барбато говорил, что они берут у побежденных знамена, пушки, ружья и даже землю — после того, как сожгут их города и оставят голодными всех жителей!

Я велел отрубить пленникам головы. Ну и что из того?

Разве белые не убивают своих пленных? Пускай они не режут им глотки, но зато они их расстреливают! Я сам слышал это от военных моряков в Сен-Луи*. Интересно, что скажет умный генерал?..»

И Сунгуйя изложил парижанам все эти соображения.

— Ложь! — воскликнул в ответ Барбантон. — Впро-

* Сен-Луи — приморский город в Сенегале.

чем... ты прав, бывало и такое... во время восстаний или в гражданскую войну.

— Вот видишь! — сказал негр.

— Но это разные вещи! В гражданскую войну между собою сражаются жители одной и той же страны!

— А разве все черные не из одной страны черных, как белые — из страны белых? Почему же тогда кого-то надо расстреливать, а кого-то — освобождать?.. Да ладно, сделанного не воротишь, и я пришел к вам совсем не за этим. Теперь, когда я сам себе хозяин и мне некого больше бояться, мы с вами хорошенько повеселимся!

— Спасибо,— холодно сказал Фрике,— но наш отпуск кончился, и мы должны возвращаться на корабль.

— Это потом, а пока будем развлекаться.

— Нет такого развлечения, которое могло бы задержать нас. Мы уходим!

— Это потом, а пока будем развлекаться!

— Ну до чего надоедливый! Заладил, как попугай, одно и то же! — ответил Фрике.— Как ты предлагаешь развлекаться?

— Охота, черт побери!

— Охота на кого? В кого стрелять?

— В слона! Ведь ты большой охотник, и у тебя есть большие ружья, из которых можно убивать самых больших зверей! А еще...

— Что «еще»?

— У нас кончилась еда! Завтра все будут голодать, а один слон может несколько дней кормить целую деревню!

— Так бы и говорил, хитрый царь! Значит, тебе надо, чтобы я запас для тебя провизию? Хорошо, я согласен, но только потом ты нас отпустишь!

— Конечно, отпущу.

— Ты дашь пирогу и гребцов, которые доведут нас до Фритауна?

— Да, когда слон будет мертвым.

— А когда его надо убить?

— Завтра.

— Что-то ты слишком торопишься! Неужто у тебя уже есть на примете подходящий экземпляр?

— Да, и я провожу тебя к нему вместе с генералом Барбатом.

— Ладно, по рукам, мы с другом постараемся добыть для тебя эту гору мяса.

Вскоре белые и негры собрались на краю деревни и отправились в лес, туда, где, по словам Сунгуйи, их уже дожидался зверь. Нужно было поторопиться: в случае неудачи селению грозил голод, потому что все долго ожидали нападения и никто не охотился.

Фрике совершенно не разделял веры черного царька в удачу и потихоньку готовил его к тому, что им может и не повезти.

Парижанин совсем не боялся встретиться со слоном — этим великаном лесов Экваториальной Африки (мы с вами уже много раз имели случай убедиться в храбрости юноши!), просто он заметил, что монарх-негр больше всего надеялся на силу своего талисмана, а это, по мнению Фрике, было совершенно бессмысленно.

Что же касается Барбантона, то он ни во что не вмешивался, ничем не интересовался и шел, хмуро опустив голову.

Мечтал ли он по-прежнему о славе, этот бывший главнокомандующий? Или обдумывал план завоевания Судана? А может, сожалел о своей преждевременно оборвавшейся карьере?.. Не стоит забывать и о том, что Барбантону вообще была чужда охота. Как и все крупные полководцы, он пренебрегал подобными забавами.

Разве любили охотиться Конде*, Тюренн**, Густав II Адольф***, Карл XII?**** А Наполеон? А Фридрих Великий?***** Правда, они охотились на людей, причем истребляли свою «дичь» в огромном количестве и кричали «ату, ату!» целым армиям. Неужто вы думаете, что их могло интересовать такое никчемное дело, как травля оленя или даже слона? Гораздо важнее было продумать очередную военную кампанию!

Вот о чем, наверное, размышлял жандарм, когда шагал среди деревьев, по-наполеоновски заложив руку за борт своего теперь уже штатского сюртука.

Группа охотников давно углубилась в лес, но, как и подозревал Фрике, никаких следов слона — ни свежих, ни старых — видно не было.

Однако надежда не покидала Сунгуйю, и он все так же свято верил в фетиш. Время от времени негр сжимал рукой кожаный мешочек с драгоценной вещицей, как будто желая пробудить в талисмানে уснувшую силу.

Фрике бросал на вождя косые взгляды и бурчал про себя: «Почему на это глупое создание не упадет дерево или хотя бы какое-нибудь бревно не пришибет его так, чтобы он ненадолго лишился сознания?! Я бы тогда быстро достал

* Конде Луи II Бурбон (1621—1686) — принц, выдающийся французский полководец, герой Тридцатилетней войны.

** Тюренн Анри де Ла Тур д'Овернь (1611—1675) — выдающийся французский полководец, маршал Франции.

*** Густав II Адольф (1594—1632) — король Швеции, полководец.

**** Карл XII (1682—1718) — король Швеции, полководец.

***** Фридрих Великий, Фридрих II (1712—1786) — прусский король из династии Гогенцоллернов, крупный полководец.

лотерейный билет, а сам медальон, так и быть, оставил бы этому мерзавцу... Провалиться бы ему вместе с его слонами! Господи, как же мне не терпится скорее увидеть месье Андре! Кажется, я отдал бы за это все царства мира... В том числе и твое, Сунгуйя, так глупо спасенное этим простофилей жандармом!»

Вскоре солнце скрылось за верхушками деревьев, и решено было устраиваться на ночлег. На поляне разложили большой костер, чтобы отпугивать львов. (Предосторожность оказалась нелишней: львы рыскали вокруг целую ночь, оправдывая название «Сьерра-Леоне», что означает «Львиная гора».)

В лесу раздавалось рычание леопардов, рев горилл, хохот гиен, однако было похоже, что поблизости нет ни одного слона: его голос невозможно спутать с голосом какого-нибудь другого животного, и кто хоть раз слышал этот трубный звук, тот никогда не забудет его.

Уверенность в успехе не оставляла Сунгуйю даже во сне.

Он блаженно спал, зажав в кулаке свой фетиш, а утром объявил, что в этот день слон обязательно будет убит. Негр даже обещал угостить белых спутников таким рагу из слонятины, какого им никогда не попробовать в Европе.

Фрике весело присвистнул, надел на плечо большой карабин и занял свое место в самом конце колонны рядом с Барбантоном.

Сунгуйя, разумеется, шел впереди отряда, напоминая этакую двуногую ищейку. За ним гуськом тянулись родственники, следом шагали рядовые негры, а замыкали шествие Фрике и Барбантон.

Это объяснялось тем, что шаги белых, обутых в тяжелую обувь, были слишком громкими и могли испугнуть зверя, тогда как босые негры преодолевали любые препятствия — и корни, и камни, и колючий кустарник — совершенно бесшумно.

Юный парижанин заложил в зарядник карабина Гринера два металлических патрона с литыми пулями, повесил его на плечо и, срезав длинную палку, зашагал дальше.

Барбантон размышлял о чем-то, попеременно принимая то одну, то другую наполеоновскую позу, и его длинные ноги двигались механически, как ножки циркуля.

Джунгли молчали, только изредка в непроницаемой гуще зелени раздавался щебет какой-нибудь птицы.

И вдруг вдали послышались громкие крики, которые разнеслись по всему лесу. Услышав их, колонна негров заметалась из стороны в сторону и наконец рассыпалась.

Фрике хладнокровно взял карабин на изготовку, жандарм, оторвавшись от своих размышлений, тоже потянулся за оружием.

Единым строем, выказывая себя верными учениками Барбантона, к ним подбежал весь авангард; негры были явно очень испуганы, но строй сохраняли, отчего морщины на хмуром лице их бывшего предводителя немедленно разгладились.

По команде «мирно!», поданной хорошо им знакомым зычным голосом, они остановились как вкопанные.

— Что случилось? В чем дело? — спросил Фрике, отчетливо выговаривая слова на языке туземцев.

— А-а!.. Вождь! Сунгуйя!

— Смотрите-ка, а ведь и правда, он действительно пропал! Так где же наш обожаемый монарх? Говорите!

— Сунгуйя! Бедный Сунгуйя! Такой великий вождь! О горе!

— Молчать! — рявкнул Барбантон.

Все моментально, как по мановению волшебной палочки, затихли.

— Первый номер, говори ты! Объясни, в чем причина паники? Только коротко, по-военному! Ответ на вопрос — и ни слова больше! Где ваш вождь Сунгуйя?

— Он унесен!

— Кем?

— Змеей!

— Тем хуже для него!

— Нет-нет, постойте, так дело не пойдет! — вмешался Фрике. — Змеи ужасно прожорливы. В этой стране водятся гады величиной с дерево! Такая змея может, пожалуй, и проглотить Сунгуйю, раз ей удалось унести его!..

ГЛАВА 16

Размеры гигантских змей. — Как был похищен негритянский вождь. — Фрике заявил, что никогда не имел дела с безработными монархами. — Болото. — Шоссе через трясины. — Барбантон все еще командует, и ему все еще подчиняются. — От Сунгуйи остались две ноги и лоскут мундира! — Процесс пищеварения у змеи. — Ее смерть. — Тонна копченого мяса вполне заменит мясо слона. — Возвращение по Рокелле. — Яхта: флаг приспущен!

Известно, что самые крупные змеи обоих полушарий (удавы, анаконды *, питоны) не ядовиты. Но хотя они и не имеют ядовитых зубов, этого страшного орудия нападения

* Анаконда — самая крупная змея семейства удавов, обитающая по берегам рек, озер и болот в Бразилии и Гвиане.

и защиты, их все-таки нельзя считать совсем безвредными. Взрослые особи данных пород обладают столь огромной мускульной силой, что их боятся даже крупные млекопитающие. Причем гигантские змеи — вовсе не редкие животные, просто они, по счастью, водятся в таких местах, куда очень редко ступает нога человека — в непроходимых джунглях Африки или в болотных топях.

Говоря о змеях-великанах, нам нет надобности ссылаться на старинные предания или искать сведения у авторов, не заслуживающих доверия, которым в своих описаниях ничего не стоит прибавить змее несколько лишних метров.

В нашем распоряжении имеются цифры, приводимые серьезными путешественниками.

Тропики хранят еще много чудовищных и страшных тайн.

В 1866 году английский капитан Кемпден убил в окрестностях Сьерра-Леоне питона длиной двадцать восемь английских футов (девять метров восемь сантиметров) и диаметром в области желудка сорок сантиметров. Его можно было поднять только вшестером!

Капитан препарировал трофей и привез в Англию, где из него сделали великолепное чучело. Оно находится сейчас в коллекции г-на Х. Н. в Лондоне.

Капитан Фредерик Буйер рассказывает о случае, происшедшем с бригадиром жандармов в Макуриа (Французская Гвинея). На него напал и на всю жизнь сделал калеккой гигантский уж; в конце концов смельчаку удалось-таки убить его. Этот уж имел в длину двенадцать метров! Еще в 1880 году жандарм был жив и работал сторожем на маяке Л'Иль-ан-Мер.

Господин Эмиль Карей, автор увлекательных путевых заметок о Южной Америке и отважный путешественник, видел на реке Амазонке водяную змею, называемую анакондой. В длину она была тридцати восьми футов (двенадцать метров шестнадцать сантиметров), а диаметром — шестьдесят сантиметров. Это, безусловно, самая крупная из упоминаемых им змей. Ее едва сдвинули с места семь человек.

Французский исследователь Адамсон, серьезный ученый и большой любитель приключений, в продолжение пяти лет путешествовал по Сенегалу и встречал ужасных питонов длиной сорок и пятьдесят футов (тринадцать и шестнадцать метров) и диаметром шестьдесят четыре и восемьдесят сантиметров соответственно.

В дополнение к этим сведениям я приведу здесь мои личные наблюдения. Путешествуя в 1880 году по реке Маро (Западная Африка), я как-то заночевал в одном селении. Хозяин хижины показал мне табурет странной формы, в котором я с удивлением узнал позвонки змеи. Он имел сорок семь сантиметров в диаметре!

Туземец ни за какие деньги не согласился продать его мне, уверяя, что это — магический предмет.

Можно привести и другие примеры, но, по-моему, из сказанного уже понятно, какой огромной силой обладает гигантская змея длиной от двенадцати до пятнадцати метров и толщиной с бочонок *. Разве способен человек или даже средних размеров животное справиться с охватившей его безжалостной петлей, с этим холодным телом, состоящим из крепчайших мышечных волокон и подобным живому тросу!.. Человек или зверь, мгновенно задушенные, раздавленные и переломанные, превращаются в жуткое кровавое месиво. Для того, кто попал в кольца голодной гигантской змеи, нет спасения! Лучше уж встретиться с хищником: с ним по крайней мере, имея даже и плохое оружие, можно побороться.

Короче говоря, если Сунгуйю и впрямь унес удав, то его можно считать мертвецом.

По словам очевидцев, чудовище было куда больше тех змей, каких им когда-либо приходилось встречать.

Барбантон скомандовал: «Вольно!» — и негры снова затараторили. Они на разные лады описывали сцену похищения и, кажется, были в страшном отчаянии от того, что потеряли своего царька.

— О! И зачем Сунгуйя убил вчера того, другого?! Мы бы обязательно с ним договорились!

— Ну, знаете, — возмутился Фрике, — чем я-то вам могу помочь?! Или вы хотите, чтобы я нашел для вас нового вождя?! А может, я еще и конституцию вам должен написать?! Я, между прочим, не справочное бюро и никогда не занимался устройством судьбы безработных монархов! Спросите у генерала, может, он знает, как вам помочь. Хотя ему так не понравился ваш царь, что он вряд ли захочет еще раз связываться со всем этим. Однако шутки в сторону!

* Будучи в 1880 году по поручению министерства народного просвещения в Гвинее, я подхватил в тамошних тропических лесах жестокую лихорадку. Когда дело уже шло к выздоровлению, каторжники принесли мне сравнительно небольшого ужа длиной в четыре с половиной метра. Он был так силен, что два человека не смогли распрямить его. Даже мертвую, мы с трудом разогнули змею, чтобы снять с нее кожу. Мясо забрали и съели местные жители. Я тоже попробовал его и нашел, что по вкусу оно напоминает мясо морского угря. Оно очень плотное и тяжелое. (Примеч. авт.)

Судьба Сунгуйи меня не слишком-то интересует, но я все-таки считаю нужным его найти. Змея наверняка оставила след, по нему-то мы и отправимся. Только не галдеть! Покажите мне место, где на вождя напала змея... По-йдемте, генерал! О чем это вы задумались?

— Я думаю о том, что они очень скоро позабудут всю мою науку. Очень жаль!

— Так что же вам мешает остаться с ними, превратить их в настоящих солдат и стать над ними царем... или даже учредить республику и сделаться ее президентом?

Барбантон тяжело вздохнул и промолчал. Кто знает, может, это и впрямь был бы для него наилучший выход?

Вскоре отряд достиг того места, где произошла катастрофа. Вот что, оказывается, там случилось.

На земле лежало сухое дерево, преграждавшее путь группе негров во главе с Сунгуйей. Вождь одним прыжком перескочил через него и при этом задел ногой другое бревно, находившееся рядом. И вдруг оно со страшным шипением поднялось и мгновенно оплело беднягу кольцами. Он не успел даже ничего прохрипеть и был стремительно унесен в чащу.

Этот мнимый ствол дерева оказался гигантской змеей!

Идти по ее следу было очень легко, так как тяжелое тело оставляло на земле нечто вроде колен.

Можно было подумать, что кто-то проволока тут мачту.

Но вскоре след оборвался: впереди расстилалась непроходимая трясина.

Однако Фрике вовсе не собирался отказываться от поисков.

Почва слишком зыбкая? Ну и что из того? Можно сделать фашины* или хотя бы простые настилы из ветвей. Он ни за что не перестанет искать змею, проглотившую человека, на шее которого висит медальон с бумажкой стоимостью в триста тысяч франков! Ни за что!

Негры поняли замысел юноши и начали усердно рубить высокий тростник, росший по краям болота. Они вязали из него тугие снопы и клали их один возле другого на поверхность трясины.

Поначалу они взялись за дело с большим энтузиазмом, как дети, увлеченные игрой, и быстро проложили довольно длинный отрезок пути.

Но постепенно движения чернокожих стали замедляться, тесаки — реже ударять по стеблям, а вскоре туземцы и вовсе бросили работу. То ли их испугала воз-

* Фашина — перевязанный прутьями или проволокой пучок хвороста; применяется при земляных работах для укрепления насыпей, плотин, для прокладки дорог в болотистых местностях.

можная близость змеи, то ли охватила обычная для аборигенов лень.

Но Барбантон не пожелал смириться с этим. Видя, как его другу хочется отыскать змею и ее жертву, он, хотя и не понимал причин такого желания, посчитал своим долгом помогать Фрике. Жандарм собрал вчерашних подчиненных, громко скомандовал: «По местам!» — и все без исключения повиновались ему!

Этот старый служака с его громовым голосом и грозным видом отлично умел управляться со своими черными марионетками: он так завораживал их взглядом, что им и в голову не приходило ослушаться!

Командовал Барбантон или лично, или через лаптота, которому негры тоже подчинялись беспрекословно.

Барбантон забыл, что он в отставке, что его генеральство рассеялось как дым, что он даже не может опереться на волю монарха, поставившего его когда-то начальником. Какое это имеет значение? Он сумел за короткое время своего командования внушить черным солдатам такую привычку к послушанию, так приучить их к дисциплине, что они по-прежнему считали его генералиссимусом. Бывший жандарм встал впереди колонны и приказал:

— Марш-марш!

А потом смело повел через болото пехотинцев, превращенных им в саперов.

Отлично! Дело опять пошло на лад, и сооружение временного шоссе продолжалось.

Хотя жандарм и внушил своим подчиненным большое рвение к работе, ее все-таки приходилось ненадолго прерывать: людям следовало подкрепиться.

Но затем настилка гати возобновлялась.

С момента похищения вождя миновало более четырех часов, хотя они и пролетели для всех незаметно.

Наконец дорога привела к густым зарослям тростника. Растения были так переломаны и утоптаны, что образовалось нечто вроде небольшой полянки. Может, здесь побывало целое стадо гиппопотамов?..

Фрике, который шел одним из первых, не смог удержаться от возгласа удивления и даже ужаса!

Прямо перед ним, в пяти-шести шагах, на болотистой почве лежали две черные ноги, раздавленные и покрытые тучами разноцветных мух; чуть выше колен виднелись два лоскута красной материи — остатки английского генеральского мундира, который был на Сунгуйе. Все остальные части тела несчастного вождя как раз исчезали в огромной, до пределов растянутой пасти змеи.

— Черт возьми! Чудовище здесь!

Гигантская рептилия поглощала покойного монарха.

Переломав и перетерев человеческое тело, обильно смочив его слюной, змея заглатывала добычу с головы. Эта операция была уже на две трети завершена: сейчас исчезнут ноги, и вождь окажется похороненным в живой могиле.

Но какая у этой змеи была голова! Какое туловище! Фрике, прочитавший много книг о путешествиях и сам уже навидавшийся всяческих чудес, даже не представлял себе, что природа способна сотворить подобное страшилище.

Сейчас, когда животное едва не лопалось от сытости, оно было не опасно.

Хотя змея еще и не спала (наевшиеся гады обычно засыпают), она никому не могла причинить вреда своими исполинскими челюстями.

Змеиные зубы загнуты таким образом, что, впившись ими в крупную жертву, животное уже не может выпустить ее. Оно непременно пропустит добычу через все свои пищеварительные органы. Кольцевые мускулы медленно и лениво сжимаются, проталкивая жертву все дальше и дальше, и это продолжается иногда несколько дней — в зависимости от размеров добычи. Иногда даже случается, что часть уже перетертого и смоченного слюной змеиного обеда пожирается мухами и протухает раньше, чем бывает проглочена.

У пресмыкающегося, казалось, жили одни только глаза. Фрике внимательно и холодно смотрел в них: черные, маленькие и подвижные, как у птицы, они время от времени прикрывались веками.

Фрике понимал, что, если такая змея ударит кого-нибудь хотя бы хвостом, это будет равносильно падению на него целого дерева, поэтому ему хотелось поскорее расправиться с чудовищем.

Для этого хватало одного выстрела из карабина Гринера. Фрике не собирался применять разрывные пули — ведь они испортят красивую кожу, которая станет украшением коллекции.

Юноша велел всем отойти подальше, а сам хладнокровно приблизился к змее на расстояние двух метров и собрался выстрелить ей в голову... Однако, подумав, он решил, что даже мгновенно убитое животное (если учесть его вес) может в последней предсмертной судороге нанести очень опасный удар.

Фрике отступил на несколько шагов, вскинул ружье и выстрелил.

Сквозь дымовую завесу он увидел длинное взметнувшееся вверх тело, которое тут же упало на зыбкую болотистую почву. Через мягкую камышовую подстилку брызнула грязная и вонючая вода.

Змея мертва, в ее затылке зияет рана. Пуля пробила шейные позвонки, мгновенно убив чудовище. Но оно оказалось таким живучим, что последняя спазма подняла все его тело и швырнула на смятый тростник.

Теперь Фрике получил возможность рассмотреть рептилию повнимательнее. Невзирая на свою способность ничему не удивляться, он был поражен размерами этого колосса, глубоко погрузившегося в вязкую болотную жижу.

Парижанин подозревал Барбантона, и тот подошел к нему со всей своей негритянской свитой.

— Посмотрите-ка, дружище, какого красивого земляного червячка я уложил!

— Превосходно! Он весит по меньшей мере тонну! А длина-то, длина! Метров двенадцать — тринадцать, если не ошибаюсь! И толщиной с изрядный бочонок! Кстати говоря, что вы собираетесь с ним делать?

— Все очень просто. Ваши негры обвяжут гада длинной и крепкой лианой, вытащат на твердую землю и сдерут с него кожу: она великолепна, и месье Андре с радостью присоединит ее к своей коллекции. А мясо, которого здесь и впрямь около тысячи килограммов, съедят подданные покойного Сунгуйи — оно наверняка ничуть не хуже слонятины. К тому же вы можете объяснить им, что змеиное мясо очень полезно, легко переваривается... в общем, говорите все, что вздумается, лишь бы нам от них как-нибудь отделаться! Заставьте поработать вашу фантазию! Впрочем, я уверен, что они не откажутся от священного мяса змеи, которая закусилась монархом: ведь у него был волшебный талисман, делавший его полубогом, и, значит, съев этот деликатес, они и сами приобретут благодати!

— Ладно, я все понял. Ну а как быть с трупом?

— Не беспокойтесь, я сам извлеку из змеи то, что осталось от Сунгуйи, и утоплю останки в болоте.

— Очень рад, что в траурной церемонии вы обойдетесь без меня: я чувствую к ней глубочайшее отвращение!

— Все зависит от нервной системы. Я, например, относясь к этому совершенно спокойно.

Тут Фрике подошел к мертвой змее, разжал ей тесаком челюсти, широко раскрыл пасть чудовища, используя в качестве рычага кусок дерева, и вытащил оттуда труп чернокожего царька.

Молодой человек увидел на шее жертвы кожаный мешочек с медальоном, быстро достал не принесший никому удачи фетиш и спрятал его в карман.

При этом юноше пришло на ум одно философское соображение: верно говорят — то, что кому-то горе, другому счастье. Бедняга Сунгуйя погиб, и после его смерти

супруга нашего уважаемого жандарма получит медальон вместе с драгоценным лотерейным билетом.

«Кажется, Барбантон ничего не заметил. Тем лучше: не придется объясняться с ним!»

Все произошло именно так, как и хотелось Фрике. Негры без всяких церемоний опустили в тину того, кто совсем недавно был их вождем, завязали на шее чудища петлю из лианы, которая по прочности не уступала канату, вытянули змею из болота, помогли Фрике снять с нее шкуру, разрезали тушу на куски, прокоптили их над костром и спокойно направились к поселку, нагруженные, как мулы контрабандистов.

На какое-то время жители села будут избавлены от голода: ведь чернокожие не только не брезгуют мясом змей, но, наоборот, считают его лакомством и предпочитают мясу многих других животных.

Снабдив провизией целую туземную деревню, Фрике тем самым выполнил свое обещание. Пора было возвращаться на яхту. Негры очень хотели отговорить от отъезда хотя бы бывшего главнокомандующего, но тот, вспомнив ужасный эпилог празднества по случаю победы и собственное добровольное пособничество ей, твердо решил отправиться вместе с другом во Фритаун.

Французы выбрали превосходную пирогу, легкую, крепкую и достаточно большую, чтобы вместить всех шестерых путешественников и их багаж. Над пирогой устроили навес из листьев для защиты от солнца, и она была готова к отплытию в тот же день.

Три негра и лапсот, который охотно сменил свое звание капитана туземной армии на роль простого гребца, сели на весла, и лодка быстро пошла вниз по реке Рокелле.

Через четыре дня спокойного плавания они были уже на рейде Фритауна.

После стольких приключений друзья мечтали об отдыхе.

Барбантон твердо заявил, что он не вернется на яхту, пока там будет находиться его жена, а останется в самом Фритауне. Поэтому, несмотря на то, что на сигнальных вышках казарм и больницы все еще висел желтый флаг, он велел, чтобы пирога подошла к городскому причалу...

— Посмотрите-ка! Посмотрите! — вдруг воскликнул Фрике и указал на легкий силуэт судна, стоявшего примерно в двух кабельтовых от них.

— Что случилось, мой дорогой мальчик? — спросил бывший жандарм. — Я вижу «Голубую антилопу», и у меня сердце разрывается при мысли, что я не могу взойти на нее и пожать руку месье Андре!

— Но на мачте!..

— Черт возьми! И правда! Проклятый желтый флаг! Зараза пробралась и на ее борт!

— Вы разве не видите, что национальный флаг при-
спущен?! Значит, на яхте покойник!

Обоим друзьям пришла в голову одна и та же страш-
ная мысль.

Барбантон уже передумал сходить на берег, он указал
гребцам на судно и скомандовал сдавленным голосом:

— К кораблю, ребята, и побыстрее!

Через несколько минут они уже были у правого трапа
«Голубой антилопы» и ловко карабкались по нему. Когда
же, едва переводя дух, французы ступили на палубу, их
глазам предстала величественная в своей мрачности кар-
тина.

ГЛАВА 17

*Гроб на борту яхты.— Леденящий душу страх.— Жертва
эпидемии.— Прощай, моряк! — Пока двое друзей путешество-
вали.— Мадам Барбантон в отсутствие мужа.— Самопожерт-
вование.— Перерождение моральное и даже физическое.—
Сладкие волнения.— Жандарм обвиняет себя.— Фрике возвра-
щает медальон владелице.— Два выигрыша четы Барбантон.*

На палубе яхты происходила волнующая и печальная
церемония.

Сначала Фрике и Барбантон увидели весь экипаж кора-
бля, построившийся в две шеренги и скорбно молчавший;
потом заметили неподалеку от рулевой рубки длинный
прямоугольный предмет, покрытый национальным флагом,
и поняли, что перед ними стоит гроб.

Страх сжал парижанам сердца, и им показалось, что
миновала целая вечность, пока они наконец с облегчением
не перевели дух.

О, прекрасный эгоизм дружбы! Из заднего люка с тру-
дом поднимался на палубу месье Андре! Он шел туда, куда
призывал его долг.

Значит, их друг жив!

Разумеется, они будут оплакивать неведомого мертвеца,
но можно ли винить их за то, что они испытали радость,
поняв всю беспочвенность тревоги за Андре?!

— А вдруг эта несчастная женщина умерла, и я даже не
успел проститься с ней?! — горестно прошептал жандарм.

Андре подошел к гробу, обнажил голову и, обращаясь
к команде, проговорил следующие слова:

— Я пришел сюда, чтобы вместе с вами проводить

в последний путь нашего замечательного рулевого Ива Танде, которого унесла безжалостная эпидемия. Наш добрый товарищ будет спать в чужой земле, но я позабочусь о том, чтобы за его могилой тщательно ухаживали... К несчастью, большего я для него сделать не могу! Никто из нас не забудет печальной стоянки в Сьерра-Леоне, и мы сохраним в наших сердцах вечную память о друге, погибшем на своем посту! Прощай, Ив Танде! Прощай, отважный моряк! Ты умер честно, так покойся же с миром!

При этих словах капитан подал знак, боцман свистнул в дудку, и гроб, поднятый четырьмя матросами, установили на траурно убранную шлюпку, подвешенную за бортом яхты на таях.

Затем прогремел пушечный залп, и шлюпка вместе с рулевым и гребцами медленно опустилась на воду.

Одновременно снарядили большой катер, к штурвалу которого встал сам капитан, и делегация от экипажа направилась к берегу, чтобы сопроводить гроб на английское кладбище.

И только тут Андре заметил своих друзей.

Он протянул к ним руки и воскликнул:

— Наконец-то вы вернулись! Но при каких печальных обстоятельствах!

— На нашу яхту проникла желтая лихорадка, ведь так?

— Увы! Нас постигло большое несчастье, и дай Бог, чтобы не было еще и других жертв!

— Значит, на борту есть больные?

— Да. Ваша жена, Барбантон! Бедняжка! Пойдемте, дружище, она ожидает вас с большим нетерпением!

— Сейчас, месье Андре! Фрике, не оставляйте меня, я чувствую себя таким несчастным, когда думаю, что эта женщина, которая все-таки носит мою фамилию, заболела опаснейшей болезнью... Она очень плоха? Скажите правду!

— Два дня мадам была при смерти, но теперь самое страшное позади.

— Тьфу-тьфу, чтобы не сглазить! Однако, месье Андре, женщина, которая выздоравливает после желтой лихорадки, не может не нервничать... и, честное слово, мне снова делается страшно!

— Да Бог с вами, мое старое дитя, не говорите глупостей! Уверю вас, что после этого тяжелого потрясения ваша жена и морально и физически стала совсем другим человеком.

— Неужели, месье Андре?

— Чистая правда, мой друг! Лихорадка проникла к нам десять дней назад. Сначала мы были этим очень подавлены, потому что у нас заболело сразу двое и в один день... Я тогда

едва мог двигаться и только давал указания, как надо ухаживать за больными... И как вы думаете, Барбантон, что сделала ваша жена? Она стала сиделкой, днем и ночью дежурила в лазарете, выполняя всю необходимую и малоприятную работу! Ее самоотверженность и стойкость восхищали весь экипаж! Я утверждаю — и такого же мнения придерживается английский врач, посещавший яхту, — что ее энергия и упорство помогли больным куда больше, чем любые лекарства: ведь она поддерживала в людях бодрость духа... Один из наших матросов, без всякого сомнения, обязан ей жизнью... К несчастью, четыре дня назад, когда он находился уже вне опасности, его спасительница заболела сама. К сожалению, ей не удалось выходить того, кого мы с вами сегодня хоронили... Но что же вы медлите? Идите, идите к ней, она то и дело спрашивает о вас, и ваше появление непременно ускорит выздоровление!

— Вы ничего не перепутали, месье Андре? — пролепетал добряк жандарм, в душе которого проснулись воспоминания о прошлом.

— Неужели я стал бы лгать вам? Единственное, чего она боялась, — это умереть, не помирившись с вами!

— Тогда ведите меня к ней, дорогой друг! Клянусь, даже в первом бою я волновался меньше!

Бреван улыбнулся, оперся на плечо Фрике и начал спускаться в нижние помещения яхты. Там он подошел к каюте, дверь в которую была приотворена.

Услышав шаги трех человек, хотя и приглушенные ковром, в коридор высунулся симпатичный юнга, дежуривший возле больной.

— Она спит? — спросил Андре.

— Нет, месье, ее разбудил пушечный выстрел.

— Тогда войдем!.. — И Бреван первым шагнул за порог. — У меня для вас хорошие вести, мадам!

— Мой муж?..

— Он только что вернулся вместе с Фрике!

— Ах, месье, но где же он?!

— Минутку. Входите, дружище, входите, не будьте ребенком!

— Месье Андре, у меня ноги подкашиваются! — прошептал бывший жандарм, которого Андре почти силком втащил в каюту за руку, а Фрике подталкивал сзади.

Барбантон увидел свою жену. Она сидела на постели, опершись о гору подушек. Бледная, похудевшая, с глазами, блестящими лихорадочным блеском... Больная, задыхаясь от волнения, протянула ему руку и разрыдалась.

Жандарму почудилось, что он прирос к полу. Старый солдат растерянно посмотрел на жену, взял ее за руку, громко кашлянул, желая скрыть смущение, и прослезился.

Полноте, да знакомо ли ему лицо этой женщины?! Его жестокое выражение смягчилось, взгляд перестал быть колючим, губы не кривились больше в ехидной усмешке.

Андре сказал правду о ее физическом преображении, но похоже было, что она преобразилась и внутренне.

Больная первой обрела дар речи.

— Ах, друг мой,— сказала она тихим, низким и ласковым голосом,— я уже не надеялась увидеться с вами! Страшная болезнь!.. Какое страдание, какая тоска в сердце!.. Поверьте мне, умереть без вашего прощения было бы ужасно! Я не ценила вас, мой бедный друг, была очень жестока и несправедлива к вам!.. Скажите, вы прощаете меня?

Барбантон, с покрасневшим носом и мокрыми глазами, сдерживаясь изо всех сил, чтобы не разрыдаться, ожесточенно теребил свою бородку.

— Мадам!.. Мой друг!.. Мое дорогое дитя! Я... Я — старая скотина! Господи, я же вел себя с вами как жандарм... по-военному! Я не умел вести себя иначе! Кто мог научить меня хорошим манерам — канаки?! Вы ругали меня за солдафонские повадки — и правильно делали! Я тоже сначала не понимал вас, а потом... потом было уже поздно!

— Вы так добры, ведь вы же ни в чем не виноваты передо мной! Но если вам так кажется... что же, пускай! Я не буду вам противоречить!.. Вы же видите, я собираюсь начать новую жизнь... если только Бог оставит меня в живых!

— Но вы уже почти здоровы! Так сказал месье Андре!

— Желтая лихорадка иногда дает рецидивы... и в очень тяжелой форме! И еще. Я опять о болезни... Вы вернулись, и одна моя тревога сменилась другой! Лихорадка очень заразна... может, вам не стоит бывать у меня?

— Не тревожьтесь, мадам! — вмешался Андре. — Фрике и вашему мужу ровным счетом ничего не грозит, потому что они объездили самые нездоровые места побережья и, к счастью, не заболели. Это значит, что у них выработался иммунитет... Кроме того, я думаю, что благодаря многочисленным санитарным мерам эпидемия скоро прекратится. К тому же мы вот-вот покинем этот зараженный берег. Раскочегарим нашу топку и поплывем на юг. Свежий морской воздух быстро уничтожит все болезнетворные миазмы!.. Мадам, мы оставляем вас наедине с мужем, вам есть о чем поговорить... Пойдем, Фрике!

— Иду, месье Андре!.. Но прежде мне хотелось бы отдать мадам один предмет, добытый мною при весьма странных обстоятельствах. Думаю, вы рады будете получить его.

И парижанин достал из кармана пресловутый медальон.

— Вот то, что я вынул из желудка змеи, имевшей в длину тридцать пять футов! Она проглотила эту безделушку вместе с укравшим ее у вас негром!.. Я даже не пытался открыть медальон, так что взгляните сами, на месте ли еще эта ценная бумага.

Горячо поблагодарив молодого человека, возвращающего надежду на богатство и счастье, мадам Барбантон открыла медальон дрожащими от лихорадки пальцами — и издала легкий взглас разочарования... Он был пуст!

Фрике и Андре вполголоса выругались от досады и удивления, а Барбантон остался почему-то совершенно безучастным.

— Ах,— тихо сказала больная, очень легко принявшая эту неприятность,— раз билет потерян, то нечего о нем и думать! Хотя жаль, конечно, потому что он принес бы нам целое состояние. Ну да ничего не поделаешь, дружок, придется нам с тобой и дальше усердно трудиться рука об руку.

— Решительно, Элоди, вы очень хорошая женщина, и эти слова тронули меня гораздо сильнее, чем вы можете себе представить!.. Да, мы, несомненно, будем счастливы и будем работать... если, конечно, захотим... ведь можно прожить и на ренту! Вот, возьмите... узнаете ли вы это?

Говоря так, Барбантон не спеша извлек из кармана изрядно потертый бумажник, с той же медлительностью вынул из него сложенную вчетверо бумагу и протянул ее жене.

— Как! Неужели билет?!

— Три ноля, две тысячи четыреста двадцать один! Номер моей метрики, как вам известно!

— Вот здорово! — воскликнул совершенно ошеломленный Фрике.— Как же это, жандарм?! Значит, билет был у вас, а вы мне даже ничего не сказали?!

— Извините меня, приятель, но я совсем позабыл о нем! Вот как он попал ко мне: едва лишь я встретился с Сунгуйей после моего бегства... чего уж там, будем называть вещи своими именами... как заметил у него ваш медальон. Мне это совсем не понравилось, и, будь я по-прежнему жандармом, я бы непременно посадил преступника в тюрьму... Однако не мог же я допустить, чтобы эта ценная вещь оставалась в грязных лапах подобной скотины?! Тогда я решил напоить Сунгуйю до потери сознания. Это пришлось ему по вкусу, и он немедленно произвел меня в генералы... Признаюсь без стыда, что я воспользовался его опьянением и вынул из медальона ценную бумагу... Но я сделал это с добрыми намерениями! Я собирался вернуть ее вам, дорогая Элоди, да еще вместе с моей доверенностью!

— Правда?!

— Честное слово! Когда мы приплыли во Фритаун, я собирался просить Фрике передать это вам, но потом заметил желтый флаг на мачте яхты и приспущенное национальное знамя и так разволновался, что позабыл обо всем! Зато теперь!.. Теперь я счастлив. Как же мне повезло!.. Мы с Элоди оба выиграли в этой лотерее: вы, моя дорогая, выиграли много денег, что вовсе неплохо, а я — добрую жену! И я куда богаче вас, мое сокровище! — галантно закончил свою речь бывший жандарм.

Как ни ужасен тот урожай смертей, который собирает желтая лихорадка, многие все же выздоравливают после нее и до конца своих дней могут больше не опасаться этого недуга.

Иногда, кстати, случается, что эпидемия лихорадки прекращается внезапно и необъяснимо.

Протекает эта болезнь по-разному.

Чтобы ее избежать, лучше всего уехать из тех мест, где она распространена, в места с холодным климатом, например, в горы.

Разумеется, следует соблюдать меры предосторожности, которые предписывает накопленный опыт по борьбе с этой болезнью, и непременно уничтожать все вещи, принадлежавшие больным, какими бы ценными они для вас ни были.

И непременно гоните прочь всякие страхи, сохраняйте спокойствие духа, противопоставляйте беде всю вашу энергию! Вот те полезные советы, которые я могу дать.

Андре решил — по мере возможности — прибегнуть ко всем этим средствам.

На яхте «Голубая антилопа» был такой запас угля, что его вполне хватило бы для далекого похода в открытое море, и сразу же по возвращении экипажа с похорон Бреван приказал разжечь огонь в топке машинного отделения.

Он намеревался плыть к мысу Доброй Надежды.

Его решение всех удивило и обрадовало.

Новые горизонты, новые впечатления, возвращение к привычным обязанностям, благотворный морской воздух и, главное, облегчение при мысли, что они покинули зачумленный берег, — все это быстро сотрет из людской памяти грустные события последних дней.

А пока команда занималась дезинфекцией корабля. Его скребли, мыли, окуривали от трюма до верхушек мачт.

Экипаж трудился очень усердно, будучи уверен, что с болезнью покончено.

В самый момент отплытия вдруг обнаружился новый случай заболевания, но лихорадка протекала настолько

вяло, что никого не испугала; наоборот, всем стало ясно, что эпидемия идет на убыль.

От Сьерра-Леоне — вернее, от Фритауна — около тысячи пятисот километров до Кейптауна *, главного города Капской колонии. Яхта шла со средней скоростью десять узлов и через десять дней благополучно достигла Кейптауна, где ее заставили выдержать строжайший восьмидневный карантин.

Ничего другого никто и не ожидал: строгость английской санитарной службы была вполне понятна.

Супруги Барбантон, счастливые, как двадцатилетние молодожены, сошли на берег после пышного торжества, устроенного в их честь. Бывший жандарм не имел больше причин скрываться от жены в африканских дебрях, поэтому ему не терпелось вернуться в Париж, хотя Андре и предлагал им продолжить путешествие и поохотиться в разных местах земного шара.

Было решено, что они сядут на первый же пароход, отходящий в Европу.

Все нежно распрощались с супругами, и экипаж яхты, не исключая и юнги, обещал обязательно навестить чету Барбантон.

Затем на яхту погрузили большой запас свежей провизии и угля, и в одно прекрасное утро она отплыла в неизвестном направлении.

Может, мы с вами еще и встретимся с «Голубой антилопой».

Конец

* Кейптаун, Капстад — портовый город на юго-западе ЮАР, близ мыса Доброй Надежды. До создания в 1910 году Южно-Африканского Союза — административный центр Капской колонии.

Приключения в стране тигров

ГЛАВА 1

Детские слезы.— Переводчик.— Жертва Людоеда.— Злодеяние старого тигра.— Пятьдесят человек за полгода.— Мститель, которого никто не ждал.— Фрике, юный парижанин.— Письмо.— За тигриной шкурой.— Не судите по виду.— На охоте.— След.— Через джунгли.— В чаще тропического леса.— Поляна.— Человеческие останки.— Логово Людоеда.

— Перестань реветь, малыш, скажи, что стряслось? Ну же, успокойся! Как жаль, нет поблизости магазинов игрушек! Барабан, рожок или бильбоке *, наверное, высушили бы твои слезы.

Мальчик не понимал ни слова — ясное дело, перед ним стоял иноземец. Только по интонации можно было догадаться, что чужой человек сочувствует ему. Устремив большие черные глаза на незнакомца, ребенок продолжал беззвучно плакать, сотрясаясь от сдавленных рыданий.

И этот тихий плач больше всяких слов убеждал, что горе у мальчика совсем не детское.

— Послушай-ка,— продолжал склонившийся над малышом взрослый,— этак нельзя! Кричи, катайся по земле, делай что угодно, но только не плачь этими скупыми слезами. Ты плачешь как мужчина. Просто сердце разрывается. Эй, кто-нибудь, объясните же наконец на французском или хотя бы на английском, что случилось с мальчишкой. Сам я из Парижа, на вашем языке пока и двух слов связать не могу. Шуточное ли дело: из Франции попасть в Бирму! **

* Бильбоке — игра привязанным к палочке шариком, который подбрасывается и ловится на острие палочки или в чашечку.

** Бирма — государство в Юго-Восточной Азии, в северо-западной части полуострова Индокитай.

— Я отвечу вам, сударь,— раздался чей-то голос из толпы,— вы узнаете, сударь, о великом горе бедного малыша: да, сударь... именно так — о великом горе.

К путешественнику протиснулся похожий на заклinateля змей высокий худой индус, бронзовый, как дверь пагоды *. Поднеся руку к своему огромному белому тюрбану, он приветствовал иностранца:

— Добрый день, сударь.

— Добрый день, друг,— ответил француз, приятно удивленный, что слышит родную речь.— Но кто же ты такой, если так хорошо говоришь по-французски в самом сердце независимой Бирмы, на берегу великой реки Иравади **?

— Индус из Пондишери ***, сударь, из Французской Индии. Я служил его превосходительству губернатору, сударь... Умею обращаться с оружием, готовить и вообще делать все или почти все, сударь. Кроме того, я ненавижу англичан и люблю французов. Вот так, сударь.

— Прекрасно... А позволительно ли спросить, что ты делаешь здесь?

— Я?... Да просто прогуливаюсь.

— Ну, не бог весть какое занятие. Если у тебя нет на примете чего-нибудь поинтересней, поехали со мной; будешь переводчиком. Я направляюсь в Мандалай ****, а может, и дальше. Что до жалованья, в обиде не останешься. Идет?

— Ах, сударь, вы делаете меня счастливейшим из людей... да, сударь, именно так.

— По рукам! Начинай свою службу прямо сейчас и объясни, почему ребенок так плачет.

— Сударь, это грустная, очень грустная история. В деревне не было мальчика счастливее малыша Ясы, мать в нем души не чаяла. Но два дня назад Людоед подстерг бедную женщину у источника, схватил и сожрал ее. Яса осиротел и поэтому плачет... Вот и все, сударь.

— Бедное дитя...— У путешественника мигом повлажнели глаза.— А кто такой Людоед?

— Большой старый тигр, сударь. Он попробовал человеческого мяса и не признает теперь никакого другого.

* Пагода — буддийский или индуистский храм в виде павильона или многоярусной башни в Китае, Японии, Индии и других странах Восточной и Юго-Восточной Азии.

** Иравади — самая большая река в Бирме (истоки ее — в Китае).

*** Пондишери — город и порт в Индии, на берегу Бенгальского залива.

**** Мандалай — бирманский город на реке Иравади.

— Я знавал крокодилов с очень похожими вкусами. Все они плохо кончили. Но продолжай.

— За полгода Людоед утащил пятьдесят человек.

— Следовательно, двоих в неделю... Хороший аппетит. И здесь не нашлось ни одного молодца, чтобы продрать ему шкуру?!

— Сударь, не многие способны сразиться с тигром.

— Пусть мне покажут его логово...

Индус вздрогнул всем телом, черные глаза сверкнули. Обернувшись к бирманцам, он сказал:

— Это француз, он обещает убить Людоеда.

В толпе послышались смешки, иронические реплики, презрительное фырканье.

Молодой человек покосился на собравшихся, и на щеках его внезапно выступил румянец.

— Скоты! — презрительно прошептал он. — Дают себя задрать как ягнят и еще смеют хихикать над тем, кто хочет избавиться их от чудовища. Ради вас, ослов, я бы и пальцем не шевельнул, пусть Людоед и дальше наводит страх на всю округу, но малышу я обязан помочь. Это наше с ним дело: мать ему не вернуть, но отомстить за нее обещаю.

Не поняв ни единого слова, туземцы продолжали осыпать молодого человека насмешками. А тот распалялся все больше:

— Люди везде одинаковы! Ты оставил родные края, подчиняясь непреодолимому желанию познать неведомое, ты избороздил моря и океаны, презирая опасности и даже саму смерть, ты мечтал приобщить к благам цивилизации все народы земли и трудился для людей всех цветов кожи: белых, черных, желтых, красных, ты отдавал им последнее, что имел, но везде и всегда находились глупцы, которые отталкивали дающую руку и смеялись тебе в лицо! Вот как теперь с этим тигром... Но хорошо смеется тот, кто смеется последним. Завтра зверь будет убит, или я больше не Фрике!

И, обернувшись к Ясе, юный парижанин взял его за руку:

— Ты здесь единственный мужчина, пойдем со мной — вдвоем мы все одолеем.

Мальчик услышал только одну фразу, произнесенную индусом: «Он обещает убить Людоеда». Слезы его мгновенно высохли, в черных глазах вспыхнул огонь: неотступным взглядом он смотрел на незнакомца, обещавшего отомстить за смерть матери.

Француз, не особенно церемонясь, расчистил себе до-

Но мальчик, не обращая никакого внимания на категорический приказ, прыгнул в пересохшее русло ручья и махнул рукой, призывая своего нового друга следовать за ним.

— Этот ручей ведет к источнику,— вполголоса сказал переводчик.

— Позови сумасшедшего мальчишку... скорее... Скажи, что я возьму его с собой, пусть будет рядом. Может быть, кровожадный зверь уже сидит в засаде и готов броситься на нас.

Услышав эти слова, мальчик резко остановился, повернувшись на пятках и присев, как молодой олененок, затем вернулся и пристроился позади Фрике. Глазенки его сверкали удалью и отвагой.

Четверть часа маленькая группа безмолвно, но быстро продвигалась вперед, и вот показался тот самый источник, где тигр-людоед обычно подстерегал свои жертвы.

Парижанин принялся было философствовать на предмет странного недомыслия бирманцев, приходящих за водой к одному и тому же опасному месту и даже не пытавшихся найти другой источник. Впрочем, воды на здешнем плоскогорье было немного.

Но тут внимание молодого человека привлекли многочисленные следы диких животных, глубоко отпечатавшиеся на глинистой почве. Охотник стал разглядывать их, стараясь отыскать нужный.

Хотя зверь побывал здесь два дня назад, это оказалось делом несложным,— тем более что помог маленький Яса, встав на то самое место, где находилась его мать в свой последний час.

— Ага! Вот они,— пробормотал Фрике.— Сюда прыгнула проклятая кошка и схватила бедную женщину передними лапами — ясно различимы следы только задних.

Незадолго до этого туземцы сделали попытку поджечь джунгли, чтобы расчистить подходы к источнику. Но ветер направил огонь только в одну сторону, и пламя пробило в высоких «тигриных зарослях» широкую полосу, похожую на хвост кометы.

«Людоеду весьма пригодилась эта прогалина,— подумал Фрике,— ведь уходить с добычей по выжженной полосе гораздо легче, чем продираться через густой тростник».

Действительно, метрах в двадцати от источника он обнаружил в золе следы большого тигра, причем отпечатки передних лап были гораздо отчетливее задних — это означало, что зверь тащил в зубах тяжелую добычу.

рогу среди зубоскалящей толпы и, в сопровождении переводчика, вошел в довольно просторную хижину, где оставил двух черных слуг сторожить оружие и амуницию.

Поспешно нацарапав несколько строк на листке белой бумаги, он сунул его в непромокаемый конверт, который достал из полотняной сумки, и, обращаясь к одному из негров, произнес:

— Передашь это господину Андре.

Письмо гласило:

«Господин Андре, я сумел раздобыть свежие припасы и нанять переводчика. Обнаружил также «человеколюбивого» тигра, как говаривал покойный г-н Гань.

Через два дня присоединяюсь к вам — с припасами, переводчиком и шкурой Людоеда.

Надеюсь, останетесь довольны вашим несносным

Фрике».

Меж тем жители бирманской деревни, в которой молодой парижанин появился всего несколько часов назад, вовсе не разделяли его непоколебимой уверенности в скорой победе.

К ним уже приезжали офицеры британской армии, специально вызванные из Английской Бирмы для охоты на Людоеда, — высоченные бородачи с румянцем во всю щеку, плечистые и крепкие, в роскошных мундирах и отлично вооруженные. На своих великолепных конях — не кони, а загляденье: удила в пене, пар из ноздрей, — они прочесали джунгли вдоль и поперек, но все тщетно. Тогда с шумом и треском, пуская впереди себя сигнальные ракеты, сквозь «тигриные заросли» цепью пошли загонщики.

Они выгнали на охотников носорога, черную пантеру, леопарда и лося, ставших добычей красных мундиров, но Людоед, столь же хитрый, сколь свирепый, сумел избежать ловушки.

Чего же ожидать от этого путешественника, явившегося неведомо откуда, всего лишь с двумя черными слугами и двумя ружьями? Разве мог он преуспеть там, где потерпели неудачу профессиональные охотники?

Да и внешность его доверия не внушала: невысокого росточка, с бледным лицом, не загоревшим даже под палящими лучами тропического солнца, совсем просто одетый...

Так рассудил бы поверхностный наблюдатель.

Меж тем взгляд незнакомца был быстр и остер, как

удар шпаги. В его голубых глазах, сверкавших из-под белого шлема, читалось одновременно хладнокровие и бесстрашие; атлетически мощная шея со вздувшимися мускулами, квадратные плечи, выпуклая грудь, расправившая голубую моряцкую форменку,— все говорило о необыкновенной силе юноши, а легкая, пружинистая походка — о чрезвычайной ловкости.

Да! Пожалуй, Людоеду следовало бы трижды подумать, прежде чем встать на пути такого человека.

Парижанин, зная цену времени, тут же закинул за плечо патронную сумку, надел пояс с револьвером в кобуре и тесаком в ножнах, загнал два металлических патрона в патронник тяжелого карабина среднего калибра и подождал второго негра:

— Лаптот! *

— Да, хозяин.

— Возьми мой большой карабин для охоты на слона, нож, револьвер, патронную сумку, полдюжины галет и лопот солонины.

— Готово, хозяин,— отозвался негр через две минуты.

— Мы пойдем искать большого старого тигра, и, возможно, придется заночевать где-нибудь в джунглях.

— Ны в пербый рас ночевать лес. А багажа зтеречь?

— Багаж, мой милый, посторожит себя сам. Или, еще лучше, парнишка посидит в хижине, а ты, сударь переводчик, не знаю пока, как тебя зовут, проведешь нас к источнику, у которого Людоед устраивает засады.

— Меня, сударь, зовут Минграссами. Ваш покорный слуга.

— Прекрасно. Покажешь источник и возвращайся, если не захочешь пойти со мной.

— В Индии мне случалось охотиться на тигров, сударь. Я останусь при вас. Я тоже француз... Пусть вещи сторожит мальчик.

— Будь по-твоему. Ты, кажется, храбрый малый, так что мы поладим, особенно если любишь охоту.

Но когда осиротевший мальчик узнал от переводчика, что его оставляют в хижине, он негодуяще замотал головой и со всех ног помчался к джунглям — со скоростью, которой трудно было ожидать от восьмилетнего ребенка.

— Что такое? — воскликнул парижанин. — Не думает же он, что мы возьмем его с собой? Это было бы даже не легкомыслие, а чистейшее безумие. Эй, малыш, возвращайся в хижину!

* Носильщик — от *фр.* *laptot*.

И никаких следов борьбы. Видимо, несчастная женщина была оглушена ударом лапы, которым хищные кошки валят с ног свою жертву — будь то животное или человек.

Через сто метров зверь остановился, положив тело на землю, возможно, чтобы ухватить его поудобнее.

На сероватой почве осталась высохшая лужица крови, над которой с гудением кружился рой омерзительных мух.

Фрике со своими спутниками прошел за тигром около двух километров, все время держась просеки, выбритой огнем. Затем дорогу пересек высохший ручей. Тут кончалась выжженная полоса. Огонь не смог пробиться сквозь наполненную песком глубокую рытвину и, не находя новой пищи, погас.

Тигр без малейшего колебания ступил на эту новую дорогу и шел по ней около километра, не останавливаясь и не выказывая ни малейших признаков усталости, о чем свидетельствовал ровный четкий шаг.

Внезапно характер почвы изменился. Ручей дошел до пересохшего болота, на котором, благодаря влажности подпочвы, буйствовала растительность, такая щедрая и изобильная, какой она бывает только в тропиках.

Чего здесь только не было! Тиковые деревья *и арековые пальмы **, туи ***и орешники, индиго ****и тамаринды *****; бамбуковые заросли и каучуковые пальмы, латании *****и фиговые деревья возвышались среди плотных кустов карликовых лимонов, ротанговых пальм *****и густой дурман-травы *****.

Сквозь эти буйные заросли путешественникам пришлось продвигаться гуськом. Фрике, сжимая карабин чуть выше патронника, левой рукой отводил ветви, жестоко

* Тиковое дерево, тик — из семейства вербеновых; произрастает в лесах Азии от Индии до Индонезии.

** Пальма арековая, арека — род тропических пальм с перистыми листьями; семена одного из культивируемых видов входят в состав бетеля — пряной жевательной смеси.

*** Туя — из вечнозеленых хвойных деревьев или кустарников семейства кипарисовых.

**** Индиго — здесь: индигоносные растения (индигофера и др.), т. е. растения, из которых добывался индиго — краситель синего цвета.

***** Тамаринд — восточноазиатское тропическое вечнозеленое дерево семейства цезальпиниевых.

***** Латания — род пальм с кроной веерных листьев.

***** Пальма ротанговая, ротанг — лианы рода каламус семейства пальм.

***** Дурман — род трав, реже кустарников или деревьев семейства пасленовых; произрастают преимущественно в тропиках и субтропиках.

хлеставшие юношу своими колючками — невозможно было пустить в ход тесак, ибо звук ударов мог испугнуть зверя, возможно, именно сейчас пожиравшего добычу. Сомнений не было — они находились вблизи логовища тигра.

Лоскуты ткани, там и сям повисшие на ветвях, отмечали продвижение зверя — по ним охотники могли убедиться, что они на верном пути.

Внезапно чуткое ухо Фрике уловило необычный звук. Бесшумно обернувшись, он властным жестом приказал спутникам остановиться. Те старались ничем не выдать своего страха, хотя блестящая кожа негра покрылась сероватыми пятнами, а зубы индуса отбивали барабанную дробь.

Все трое замерли на месте, а парижанин один осторожно двинулся вперед. Вскоре он почувствовал ужасный запах гниющего мяса, усилившийся благодаря влажности и жаре. Но охотник смело шел к месту, откуда исходило зловоние, и вскоре оказался на поляне, со всех сторон окруженной стеной кустарника, над которым большие деревья образовали своими кронами непроницаемый свод.

Несмотря на все свое хладнокровие и непоколебимую отвагу, Фрике с трудом сдержал готовый сорваться крик изумления и ужаса.

На влажной голой почве валялись в беспорядке почти полностью обглоданные останки — обломки скелетов с торчащими ошметками зловонной плоти.

Останки эти принадлежали, увы, людям, и потрясенный Фрике с первого взгляда понял, что здесь нашли свой конец не менее тридцати человек.

Среди костей были разбросаны золотые кольца, серебряные браслеты, окровавленные клочья одежды и пряди волос. Парижанин попал на кухню Людоеда.

Но почему же пусто это логовище, куда скрывается для своих жутких пиршеств свирепый зверь?

Ведь чуткий, опытный слух не обманул Фрике: звуки, которые он только что слышал, приказав своим спутникам остановиться, были хрустом костей, разгрызаемых мощными челюстями.

Но вокруг — никого!

Фрике, не в силах больше выносить ужасного зловония, подался было назад, как вновь в нескольких шагах среди зарослей послышались все те же звуки, затем — хриплое приглушенное рычание.

Бесстрашный парижанин, выпрямившись, крепче сжал карабин, пристально всмотрелся в кусты и прошептал:

— Людоед здесь!

ГЛАВА 2

Кровожадны ли представители семейства кошачьих? — Дикие животные не нападают на человека. — Хвастливые рассказы охотников. — Почему тигр стал Людоедом? — Трусливый и кровожадный. — В логове. — Тигр отступает перед парижанином. — Вызов. — Фрике не хочет возвращаться с пустыми руками. — Снова у источника. — Ребенок предлагает себя как приманку. — В засаде. — Прыжок тигра. — Выстрел. — Конец Людоеда. — Что может натворить пуля из карабина «Экспресс».

Некоторые бывалые охотники, движимые мелким тщеславием, в ущерб истине, желая похвастаться и приумножить свою славу, прибегают к одной далеко не новой хитрости.

Они пытаются приувеличить опасности своего ремесла, упирая в особенности на кровожадность животных, ставших их добычей.

Чаще всего им верят на слово: охотничьи подвиги совершаются без свидетелей, а представители семейства кошачьих своего мнения на сей счет не высказывают.

И, однако же, тем, кто возвратился живым и невредимым после стычек с тиграми, львами или пантерами, есть что рассказать, не приукрашивая выдумками реальность и не высасывая из пальца истории, опровергаемые как другими охотниками, так и самой жизнью.

Конечно, не каждый европеец с его расшатанной нервной системой способен выдержать такие испытания: полное одиночество в тропическом лесу и в совершенной темноте; зловеющий рык, доносящийся издалека; тревожное ожидание — подойдет ли зверь на расстояние ружейного выстрела; каменная неподвижность в засаде в течение нескончаемо долгих часов; ночные страхи и призраки, порожденные болезненно напряженным воображением; сердце, готовое выскочить из груди при приближении гордого животного, когда его стройный силуэт вырисовывается в бледном свете луны.

Но все не так страшно, как кажется: охотник может разве что подхватить насморк в дурную погоду, а в старости рискует заполучить ревматизм, но он не подвергается ни малейшей опасности до того момента, как берет животное на мушку и тихонько спускает курок.

Многие не поверят, и, однако же, это — истинная правда, что бы ни утверждали герои, по дешевке заполучившие звание полубогов.

Нет сомнения, что лев, тигр и пантера могут обнаружить присутствие охотника: у этих кошек очень тонкий слух, они прекрасно видят в темноте, не говоря уж об обонянии. И если хищники почему-либо не постыжились удалиться, почуяв подозрительный запах, увидев незнакомый предмет или услышав непривычный шум, то позволяют прицелиться в себя, не делая ни малейшей попытки предотвратить выстрел.

Охотнику стоит только свистнуть, чтобы зверь покинул подозрительное место одним прыжком. Если тот опустит ружье, хищник, имеющий столь кроважскую репутацию, спокойно уйдет, не тронув и волоска на голове человека.

Ибо, несмотря на все уверения людей, пишущих «pro domo sua» *или, как говорят в народе, «нахваливающих своего святого», плотоядный хищник никогда не нападает на человека — разве только самка, защищая своих малышей.

Разумеется, раненый зверь становится страшен и отстаивает свою жизнь со всей энергией, на какую способен, но нет ни одного примера, чтобы он напал первым. Только в этом и состоит героизм людей, занимающихся истреблением хищников: они добровольно подвергают себя риску в случае промаха погибнуть ужасной смертью в когтях рассвирепевшего зверя.

Эта опасность вполне реальна, хотя существует множество свидетельств, что и раненая кошка далеко не всегда нападает на стрелявшего.

Среди всех этих писак есть один, достигший большой известности, он гордо носит завоеванный им — разумеется, по заслугам — титул; весьма славный, не будем спорить, но слегка комичный, напоминающий по своей звучности прозвища, которыми любят награждать себя цирковые борцы.

Речь идет о Жюле Жераре **, прозванном Истребителем Львов, — именно его безобидная мания весьма способствовала распространению этой прискорбной ошибки.

Меньше всего хотели бы мы приуменьшить заслуги храброго охотника или оспорить право, по которому он носит свой гордый титул. Однако при всем нашем восхи-

* В защиту себя и своих дел (лат.).

** Жерар Сесиль Жюль Базиль (1817—1864) — французский офицер, служивший до 1855 года в Алжире и приобретший европейскую известность своими охотами на львов, за что и был прозван «Истребителем Львов». Арабы называли его «ужасный француз». Утонул в реке Ионг, предприняв экспедицию во Внутреннюю Африку.

щении человеком, прославившимся истреблением львов, то, что он пишет на своих визитных карточках,— ребячество.

Неоспоримая заслуга Жерара в том, что он был первым французским охотником на львов, но ему следовало бы воздержаться от искажения истины ради удовлетворения мелкого тщеславия, тем более что рассказанные им небывлицы не раз опровергались, и это было весьма болезненно для его чрезмерного самолюбия.

Нет, лев, как и тигр и пантера, не нападает на человека, если только хищник не ранен: можно сказать, не было ни одного случая, чтобы охотник стал жертвой нападения, прежде чем напал сам.

К тому же — черт возьми! — выстрелить в зверя легче легкого; куда труднее выследить хитрую кошку, которая не только не атакует охотника, но с изумительной ловкостью избегает его в течение пятнадцати, двадцати, а то и тридцати ночей, приводя беднягу в бешенство!

Однако эта истина, подтвержденная правдивыми свидетельствами храбрейших охотников, никак не может пробиться сквозь хвастливые рассказы Жерара, ибо публика любит все чудесное, даже когда оно доходит до полного абсурда и неправдоподобия.

Достаточно назвать бесстрашного солдата и храброго охотника генерала Маргерита, Жака Шассена, Гордона Камминга, Уильяма Болдуина, Констана Шере, Ипполита Бетуя и Пертюизе — того самого Пертюизе, который всегда встречал льва лицом к лицу, не прячась в засаде, и рассказал о переживаниях и о тягостях охоты в Африке в книге, полной юмора и подлинно галльского веселья.

А г-н Бетуй, со своей стороны, вполне справедливо заметил в статье, опубликованной в 1875 году в журнале «Шас иллюстре»: «Достойно сожаления, что подобные глупости были написаны таким охотником, как Жюль Жерар: ибо его утверждение, что лев первым нападает на человека, еще и сегодня разделяется почти всеми.

Будь это так, Жерару не пришлось бы столь долго охотиться на львов: если не первый, так второй наверняка загрыз бы его, потому что зрение и слух у животного гораздо более развиты в сравнении с человеком и, следовательно, именно хищники могли бы застать его врасплох, а не он их...»

Но, может небезосновательно возразить нам читатель, заинтригованный приключениями юного парижанина в стране тигров, если хищники не нападают на людей — кроме случаев, когда они ранены или защищают малы-

шей,— почему же наш друг Фрике как раз сейчас идет по следу тигра, получившего за свои кровавые злодеяния прозвание Людоеда?

Что ж, чрезвычайно редкий случай людоедства лишь подтверждает общее правило.

Постаревший тигр с трудом находит себе пропитание в джунглях. В один прекрасный день, подгоняемый голодом, он приближается к жилищу человека и, встретив у источника женщину или ребенка, после долгих колебаний набрасывается на добычу, не оказывающую ему никакого сопротивления.

Можно быть уверенным, что только жгучее чувство голода заставило тигра позабыть присущую хищнику осторожность.

Утолив голод без особых усилий, недостаточно быстроногий, чтобы охотиться, как прежде, на копытных, и слишком слабый, чтобы осмелиться сразиться с буйволом, он вновь и вновь возвращается к источнику, где добыча сама идет к нему и не способна защищаться.

Одним словом, тигр нападает на человека только вследствие голода, трусости и бессилия, поскольку безоружный человек — одно из самых слабых созданий: он не имеет ни быстрых ног, ни естественных средств защиты.

Не следует упускать из виду один нюанс: отвратительное предпочтение, которое тигр оказывает человеческому мясу, объясняется только тем, что он не может раздобыть себе другой пищи.

Поэтому он поступает со своими жертвами точно так же, как и с дикими обитателями джунглей: охотится на них, устраивая хитроумные засады, внезапно прыгает и уносит добычу в свое логово.

Это не жестокость кровожадной твари, которая в горячке убийства бросается на все живое, чтобы разорвать на клочки,— это законное право зверя, который охотится, чтобы утолить голод.

Но тигр не становится от этого менее опасным для людей, ибо он выбирает своими жертвами слабейших: женщин, детей, безоружных мужчин, бросаясь на них, подобно молнии, так что они не успевают даже вскрикнуть.

Когда же являются английские офицеры со своей шумной свитой и громоздким охотничьим снаряжением, свирепый Людоед, если только не ранить его, избегает встречи с ними и ничем не обнаруживает себя, несмотря на то, что вынужден терпеть муки голода.

Именно поэтому после всех скачек в лесу на горячих

лошадях, криков загонщиков, пальбы и треска ракет наш зверь не показывался целых две недели.

Все это время ему пришлось голодать, довольствуясь крысами, лягушками и ящерицами, почитая за величайшую удачу возможность поест падали.

Жители деревни уже было обрадовались, решив, что избавились от Людоеда, как вдруг зверь унес в джунгли мать маленького Ясы.

...Фрике, еще не дойдя до логова тигра, услышал хруст мощных челюстей хищника, которому он помешал довершить пиршество, и теперь приготовился к отражению неминуемой атаки.

Но хитрый зверь, почуяв преследователей, предпочел отступить — именно так ведут себя при приближении человека все дикие обитатели леса, начиная от слона и кончая самыми крохотными зверушками.

Внезапное появление охотника вспугнуло тигра, и он оставил свое убежище, захватив, однако, с собой часть добычи, которую, не в силах удержаться, стал догрызать в ближайших кустах.

Фрике был раздосадован и удивлен этим отступлением, так как ожидал, что тигр, застигнутый врасплох в собственном логове, встретит врага лицом к лицу.

Можно представить разочарование молодого человека, когда он убедился, что не может пробиться сквозь непроходимое сплетение веток, лиан и колючек: зверь, в случае нужды, мог проползти на брюхе в этих зарослях, как будто специально запутанных самой природой, создавшей из них непреодолимое препятствие, но человек, стесненный одеждой и оружием, не мог сделать и шагу.

Храбрец Фрике подумал, что Людоед, не стерпев открытого нападения, покинет убежище и вернется в логово.

Подобрав камень, юноша бросил его в том направлении, откуда исходил хруст, сопровождаемый глухим гневным рычанием, а сам тут же вскинул карабин, приготовившись к атаке.

Камень упал, зашуршали ветки, затем послышался треск ломаемого кустарника.

Рычание смолкло, наступила полная тишина.

Людоед скрылся.

Недоумевающий Фрике решил вернуться к своим товарищам, которые застыли в тревожном ожидании на том самом месте, где он велел им оставаться.

— Ах, хозяин,— дрожащим голосом проговорил черный слуга,— как моя бояться! Моя никогда не видеть

тигр... не знать вовсе... противная тварь. Моя рада, что тигр бежать от вас...

— Истинно так,— подхватил красноречивый индус,— тигр обратился в бегство, сударь... так, сударь... грозный зверь испугался вас.

— Все это прекрасно,— буркнул Фрике,— но придется вернуться в деревню несолоно хлебавши! И без того тошно — такое дело сорвалось... Но стать посмешищем этих желтых кукол, что скалили зубы в деревне, нет, это выше моих сил. Однако почему так горячится малыш?

Мальчик, увидев, как расстроился его новый друг, затараторил быстрой скороговоркой.

— Что он говорит? — спросил у переводчика молодой француз.

— Сударь, малыш говорит, ничего еще не потеряно. Он сделает так, что сегодня вечером вы убьете тигра... так, сударь, сегодня вечером.

— Но как?

— Он говорит, что нужно вернуться к источнику, как будто мы пришли из деревни. И тигр обязательно туда явится, сударь.

— Но кто же выманит его на открытое место?

— Сам малыш, сударь... так он говорит. Вы будете рядом с ним, а он станет «тем, кого едят».

— Иными словами, маленький храбрец предлагает себя в качестве приманки,— кивнул парижанин, изумленный отвагой и хитроумием мальчика.— Ну что ж, идет! Мы затравим зверя, и, будь спокоен, я не допущу, чтобы он тебя загрыз.

Они двинулись обратно той же дорогой, не заботясь больше о тигре, который, после ухода врагов, вероятно, вернулся в свое зловонное логово.

У подножия великолепного тамаринда сделали привал, по-братски разделив припасы, которые негр достал из дорожной сумки: галеты с куском вяленого мяса. Затем, переговариваясь о том о сем, стали терпеливо ожидать захода солнца.

Мальчик, проявлявший после встречи с парижанином неукротимую энергию, поднялся первым, сделав остальным знак, что час настал.

Фрике приказал обоим слугам возвращаться в деревню и прийти к источнику, как услышат выстрел.

Те уже повернулись, чтобы уйти — с неосознанным эгоизмом людей, желающих избежать опасности, но тут мальчик задержал за руку удивленного переводчика.

По обычаю своей страны, индус носил на запястьях

и щиколотках несколько массивных серебряных браслетов, которые мелодично позвякивали при каждом его движении.

Малыш Яса просил дать ему браслеты, уверяя, что это необходимо для успеха предстоящей охоты. И поскольку индус ничего не понимал, добавил на местном наречии:

— Ты же знаешь, у всех, кого схватил тигр, были браслеты; когда люди шли к источнику, раздавалось «дзинь, дзинь, дзинь». Я тоже должен делать «дзинь, дзинь» твоими браслетами, тогда Людоед придет за мной, но белый сделает «бум!» и убьет его.

— Изумительно! — радостно вскричал Фрике, едва лишь индус перевел ему слова маленького бирманца. — Это так просто, что наш план не может не удался. Отдай малышу свои побрякушки и беги в деревню, время дорого.

Через несколько минут негр с индусом скрылись из виду, спеша вернуться в деревню с вполне понятной резвостью, а парижанин остался вдвоем со своим маленьким спутником.

Бывают в жизни минуты, когда предчувствия оказываются сильнее разума: им слепо подчиняется даже не суеверный человек.

Вот и Фрике был убежден, что встреча с тигром неизбежно состоится именно сегодня и чудовище будет повержено.

Прошло минуты две. Осторожно ступая, француз следовал за ребенком, прижав приклад к левому плечу и сжимая ствол правой рукой, готовый в любой момент открыть огонь. Мальчик шел впереди, слегка помахивая руками, на которых позвякивали в такт его шагам серебряные браслеты.

Напряженно вглядываясь и прислушиваясь, оба ловили малейший шорох, легчайшее движение — и вот Фрике увидел, как всего лишь в двадцати шагах справа колеблется высокая трава.

«Это тигр!.. — обожгла его мысль. — Похоже, проклятая тварь идет за нами от самого логовища».

Инстинктивно остановившись, он быстро отступил метров на пять-шесть, увлекая за собой Ясу, переставшего звенеть браслетами. Вероятно, это движение спасло жизнь обоим: чудовищный тигр, молнией метнувшись из зарослей, прыгнул на то самое место, где они только что стояли. Ощутив под своими мощными когтями пустоту вместо добычи, за которой он ринулся наугад, тигр застыл в изумлении, присев на задние лапы и подобравшись перед следующим прыжком.

Момент был удобный. В мгновение ока парижанин вскинул карабин. Выстрел грянул, как удар грома.

Пуля настигла Людоеда в прыжке... Перекувырнувшись, подобно зайцу, он рухнул на спину.

— Пах! В точку! — закричал охотник, в котором тут же проснулся парижский сорванец.

Действительно, бесстрашному стрелку повезло: он сумел одним выстрелом свалить зверя, которого не всегда можно остановить и несколькими пулями.

Мальчик, до сих пор державшийся с хладнокровием, совершенно не свойственным его возрасту, дал наконец волю чувствам.

Испустив пронзительный крик, похожий на рычание молодого хищника, он устремился к тигру, лапы которого все еще конвульсивно подергивались. Фрике едва успел схватить его за руку.

— Стой, малыш, он еще дрыгается! Эти твари так живучи, что многим пришлось жестоко поплатиться. Да в тебя дьявол вселился, что ли?

Вывернувшись из рук Фрике, мальчишка схватил камень и изо всех силенок швырнул его в грудь тигра, уже переставшего шевелиться.

— Вот тебе, гадина! — взвизгнул он.

Фрике тоже подошел к Людоеду и стал рассматривать его с любопытством, вполне естественным для охотника, сделавшего удачный выстрел.

Пуля, выпущенная из карабина «Экспресс Даугол», вошла в череп чуть ниже уха и произвела совершенно поразительное действие: затылок был фактически снесен, и на его месте торчали обрывки шкуры и обломки костей, через которые вытекала мозговая жидкость.

— Эге,— сказал Фрике, покачивая головой и усмехаясь,— ничем не хуже разрывной пули. Рассказали бы — не поверил.

Однако для тех, кто изобрел новое оружие, ничего неожиданного в этом нет.

Как известно, пуля «Экспресс» имеет форму заостренного овала. Полное отверстие, начинающееся с острого конца и проходящее через всю пулю, немного не доходит до тупого конца.

Это сделано для того, чтобы уменьшить вес пули, но сохранить массу и придать большее ускорение при столкновении с твердым телом. Отверстие заполняется воском, чтобы воздух не врывался в него во время полета и не нарушал заданной траектории.

Поначалу удивляет, что современные конструкторы

оружия не только не обращают внимания на сплющивание пули, но даже стараются его увеличить, точнее, ввести в заданные параметры.

Поскольку пуля «Экспресс» выплавляется из особо твердого свинца, она не превращается, подобно пуле из обычного свинца, в бесформенную массу при столкновении с твердой поверхностью. Обычно она расширяется, приобретая форму гриба и утраивая таким образом свою поверхность. Что до пробивной силы, то она уменьшается совсем немного, учитывая ту громадную диспропорцию, которая существует между ее весом (33,72 г) и весом заряда, достигающего 10,5 г для 14-миллиметрового калибра*.

Не существует такой живой материи, которая способна была бы устоять перед метательным снарядом, выпущенным при помощи подобного количества пороха. Пуля, изменившая или сохранившая свою форму, все равно входит в живую ткань, дробя и раскалывая все, что встречается на ее пути, и оставляя входное отверстие, в которое можно засунуть кулак.

Меж тем выстрел переполошил всю деревню. Негр и переводчик, как и приказал им хозяин, со всех ног побежали на выстрел, а за ними ринулись все жители.

Охотник стоял, опираясь на карабин, и невозмутимо разглядывал свою жертву. Поздравления и радостные крики бирманцев тронули его так же мало, как их презрительные насмешки.

— Да, да... все лезут в друзья, когда добьешься успеха, уж мне ли не знать. Ступайте-ка себе, плевал я на ваши льстивые уверения... А эту зверушку будьте так добры отнести в деревню, только чтобы никто не прикасался к когтям и усам. Мне нужна целая шкура. Скажи им это на их тарабарском** языке, слышишь, «сударь»!

— Да, хозяин,— ответил переводчик.

— А ты, мой храбрый мальчуган,— сказал Фрике, обращаясь к юному спутнику,— пойдешь со мной, нечего тебе делать с этими горластыми бездельниками. Я тебя полюбил: в этой деревне ты — единственный мужчина.

* Известно, что обычная пуля 16 калибра весит 31 г, а заряд — от 4 г до 4,5 г очищенного пороха. Понятно, что пуля «Экспресс» посылается двойным зарядом.

** Тарабарский — здесь: непонятный.

ГЛАВА 3

Взгляд назад.— В силу каких причин состоялась экспедиция «Голубой антилопы» от Гавра до Сьерра-Леоне.— От Сьерра-Леоне до мыса Доброй Надежды.— Прощание с супругами Барбантон.— «Куда мы отправимся теперь?» — Земной рай для охотника.— Млекопитающие и пернатые, кошачьи и толстокожие, парнокопытные и стопоходящие, членистоногие и водоплавающие...— В путь по направлению к Бирме.— Прибытие в Рангун.— Плавание по Иравади.— Удачное начало.*

Прежде чем продолжить наше повествование, следует, быть может, вкратце напомнить читателю о событиях, составляющих содержание предыдущей книги — «Приключения в стране львов».

Богатый землевладелец Андре Бреван, некогда бесстрашный путешественник, а теперь образцовый хозяин поместья, пригласил на открытие охотничьего сезона нескольких своих друзей.

Охотники — семеро парижан — приехали, заранее радуясь грядущей удачной охоте в местах, слывущих землей обетованной для любителей пострелять пернатую дичь.

К несчастью, в ночь, предшествующую охотничьему празднику, на земли имения совершили налет браконьеры. Они так основательно перепугали чутких птиц, что для парижских немвродов ничего не осталось, и перед ними замаячила перспектива вернуться домой несолоно хлебавши.

Тогда-то и было принято решение: всей компанией на собственном корабле отправиться в те загадочные и чарующие места, где любая дичь водится в изобилии. После роскошного обеда, которым может угостить только миллионер, понимающий толк в яствах, семеро гостей, раздосадованных своей неудачей, весьма возбудившись как при виде великолепных охотничьих трофеев, помещенных хозяином в гостиной, так и от обилия вин лучших марок, щедро льющихся в бокалы, скрепили обязательство торжественной клятвой.

Было решено отправиться сначала в Экваториальную и Южную Африку, а затем в Азию.

По общему согласию главой экспедиции был выбран

* Рангун — город и порт, в настоящее время — столица Бирмы; в 1886—1947 годах административный центр английской колонии Бирма.

Андре Бреван — не только знаток и любитель всех видов спорта, но и человек, прекрасно знающий лучшие охотничьи уголья мира и обладающий бесценным опытом путешественника.

Дав друг другу слово, хозяин и гости расстались, договорившись встретиться через два месяца в Гавре.

Андре, приехав в Париж, тут же разыскал своего друга Виктора Гюйона, по прозвищу Фрике («Воробей»), личность совершенно необыкновенную, старого товарища по кругосветному путешествию, — одним словом, героя романа «Кругосветное путешествие парижского мальчишки».

Узнав, что его друг намеревается вновь бороздить моря и океаны, Фрике забросил все дела и с величайшей радостью согласился принять участие в экспедиции. Было решено, что он немедленно отправится в Брест и там найдет экипаж матросов, механиков и кочегаров из Бретани*.

В последний день перед отъездом Фрике пошел проститься со своим другом, бывшим унтером войск колониальной жандармерии, Барбантоном — еще одним героем «Кругосветного путешествия...».

Старый служака, некогда дававший жару канакам и каторжникам, проявлявший чудеса отваги и изумлявший своим добродушием, теперь стал несчастнейшим из людей... И виной тому был неудачный брак.

Супруга его оказалась настолько злобной и сварливой, что жизнь бывшего жандарма, а ныне владельца табачной лавочки, превратилась в сущий ад, и каждый день он с сожалением вспоминал о счастливых временах, когда худшее, что ему грозило, — попасть на вертел к людоеду!

Встреча с Фрике вновь пробудила в нем страсть к путешествиям, которая дремлет в душе каждого, кто странствовал по свету. В одно мгновение собрав чемодан, он оставил супруге магазин и совместно нажитое добро и без колебаний отправился вместе с Фрике в Брест.

Тем временем Андре купил в Англии великолепную яхту и взял курс на Гавр, где его уже ждали Фрике, Барбантон и экипаж.

Все было готово для долгого плавания. Наступил условленный день. С последней почтой Бреван получил письма от семи приглашенных, давших слово отправиться в путь, — все семеро в последний момент отказались.

Столько трудов, столько денег затрачено — и неужели все это брошено на ветер?

* Бретань — историческая провинция на западе Франции.

Вовсе нет. Андре принял решение: раз эти трусливые охотники, пугливые моряки, горе-путешественники нарушили слово, то он и без них отправится в путь на яхте «Голубая антилопа» — с экипажем, верным Фрике и старым товарищем по оружию.

Они отплыли в Экваториальную Африку, высадились в Сьерра-Леоне, разбили лагерь в девственном лесу, охотясь на львов, которых здесь было несметное количество, и вскоре по счастливому стечению обстоятельств им удалось спасти из лап чудовищной гориллы белую женщину из Европы, которую обезьяна схватила прямо среди охранявших ее людей и унесла, как ребенка.

Жандарм остоленел, узнав в чудом спасенной даме свою жену! А та, оправившись от ужасного потрясения, рассказала своим спасителям, каким образом она здесь очутилась.

Через несколько дней после бегства мужа госпожа Барбантон обнаружила, что на ее билет промышленно-художественной лотереи выпал выигрыш в триста тысяч франков.

Но естественная радость была вскоре омрачена: деньги невозможно получить без доверенности, которую муж не позаботился ей оставить.

Будучи особой весьма решительной, она стала разыскивать беглеца, узнала через частное сыскное агентство, куда он направился, и первым же пароходом отплыла в Сьерра-Леоне.

В доказательство всех этих невероятных совпадений она предъявила ошеломленным слушателям лотерейный билет, спрятанный в висевшем у нее на шее медальоне, и попросила бывшего жандарма выдать ей наконец доверенность, ради которой и было предпринято столь опасное путешествие.

«Ну, это мы еще посмотрим», — сказал Барбантон, насмешливо улыбаясь.

Охотники вернулись во Фритаун, столицу английской части Сьерра-Леоне. В городе свирепствовала желтая лихорадка — эпидемия началась, пока они отсутствовали.

Кружным путем охотники добрались до стоявшей на рейде яхты. Андре из чувства сострадания взял на борт незадачливую путешественницу.

Но бывший жандарм, преодолев многие сотни километров, чтобы избавиться от своей несносной половины, не мог вынести ее появления на узком пространстве небольшого судна.

Ночью он бежал с судна, взяв с собой двух черных

матросов. Это бегство стало как бы сигналом к целой цепи несчастий. Андре, неудачно упав с лестницы, сломал ногу, а госпожа Барбантон обнаружила исчезновение медальона с лотерейным билетом.

Фрике счел своим долгом разыскать Барбантона. Для него снарядили небольшую моторную лодку, и вместе с двумя механиками-европейцами и тремя черными слугами, среди которых был носильщик-сенегалец, он отправился вверх по реке Сьерра-Леоне, справедливо полагая, что его друг не мог избрать другого пути в глубь континента, поскольку в городе свирепствовала эпидемия.

Искусно выпросив сенегальца, он узнал, что один из спутников Барбантона по имени Сунгуйя — из племени мандингов и был некогда вождем, но затем лишился грона и попал в рабство. Он поступил на службу к Бревану лишь затем, чтобы сбежать с яхты, как только окажется поблизости от родных мест.

Носильщик добавил, что Сунгуйя, суеверный, как все африканцы, свято верит в магическую силу гри-гри, или талисманов. Увидев, как белую женщину спасли из лап гориллы, он решил, что та обладает чрезвычайно могущественным талисманом. И стоило ей показать во время рассказа медальон с билетом, как мандинг сказал себе:

«Так и есть! Вот он, ее гри-гри! Если я его заполучу, то никто не сможет помешать мне вернуть трон».

Нет никакого сомнения, решил Фрике, что будущий монарх украл медальон у мадам Барбантон, пока та спала.

Расспросив лодочников, стоящих на рейде, парижанин узнал, что беглецы действительно поднялись вверх по реке — двое черных и белый. Фрике отдал приказ как можно быстрее плыть за ними следом.

К несчастью, путь им преградило нагромождение скал. Затем лодка едва не затонула во время ночевки. На севшую на мель в результате отлива посудину напали крокодилы, и экипаж едва не погиб. Когда же лодка наконец смогла двигаться дальше, она наткнулась на гиппопотама, которого пришлось буквально изрешетить пулями.

Вскоре продвижение по реке стало невозможным, потому что ее перекрыли враги Сунгуйи. Путешественникам пришлось сойти на землю и пробиваться вперед по суше. Фрике одолел в схватке носорога и наконец после всяких необыкновенных приключений добрался до родной деревни претендента на трон.

Юноша нашел бывшего жандарма в пышном облачении в чине командующего войсками своего нового друга.

Благодаря обученному по-европейски войску Сунгуйя победил своих врагов в большом сражении, но победа эта была омрачена невероятной жестокостью мандинга. Оба европейца, не в силах это терпеть, решили оставить Сунгуйю.

Однако черный монарх потребовал, чтобы сначала они обеспечили дичью его подданных, ибо вслед за победой наступил голод, а одной славой невозможно прокормиться даже на десятом градусе северной широты.

Снарядили экспедицию за слонами; Сунгуйю, идущего впереди цепи охотников, внезапно схватила гигантская змея и утащила в болото.

Целый день парижанин и его спутники шли по следу змеи и наконец отыскивали ее, дремлющую и отяжелевшую,— она проглотила бедного монарха целиком.

Убив змею, парижанин ободрал ее и извлек из желудка несчастного Сунгуйю; на шее покойного висел обернутый в кожу медальон госпожи Барбантон. Тщательно спрятав его, Фрике дал сигнал к возвращению в деревню.

Через три дня молодой человек и отставной жандарм были уже на рейде Фритауна; у них сжалось сердце при виде желтого флага *, поднятого на фок-мачте, и национального флага, приспущенного в знак траура.

Это могло означать только одно — на борту кто-то скончался!

Можно представить, с какой стремительностью кинулись они на яхту, оказавшись на палубе как раз в тот момент, когда по приказу капитана совершался обряд похорон матроса, сраженного желтой лихорадкой.

Андре рассказал Фрике и Барбантону о героическом поведении госпожи Барбантон, ставшей добрым гением судна, охваченного болезнью сразу же после их отъезда. Только благодаря самоотверженным заботам этой женщины многие моряки вырвались из лап смерти, а энергия и сила духа супруги жандарма оказали самое благотворное воздействие на экипаж — во многом ее заслуга, что болезнь наконец отступила.

К несчастью, бесстрашная женщина, в свою очередь, оказалась поражена ужасным недугом, но было сделано все, чтобы спасти ее, и теперь она пребывала вне опасности.

Все эти события самым радикальным образом изменили характер госпожи Барбантон. Впрочем, верно говорится, что, делая добро, сам становишься лучше.

* Сигнал о том, что на борту находятся больные.

Таким образом, бывший жандарм получил вместо мегеры, отравлявшей ему жизнь, добрую и любящую жену.

Вскоре яхта, на полной скорости покинув негостеприимный берег, вышла в открытое море, а затем быстрым удачным броском достигла мыса Доброй Надежды.

Отбыв срок положенного карантина, супруги Барбантон, полностью примирившиеся и чрезвычайно довольные друг другом, выразили желание вернуться в Европу.

В самом деле, у бывшего жандарма не было никакого резона продолжать путешествие, ибо он обрел, сам того не ожидая, и добрую супругу, и кругленькое состояние.

Итак, Андре с Фрике предстояло продолжить путешествие вдвоем.

Когда супруги Барбантон, сияя, как новобрачные, сели на пароход, плывший в Саутхемптон *, Фрике, все еще взволнованный прощанием моряков со своей спасительницей, спросил Андре:

— Куда же мы отправимся теперь?

— Может быть, ты сам скажешь, какую страну предпочитаешь?

— Хм, пожалуй, есть такая, господин Андре.

— Так назови... «Антилопа» немедленно отправится туда.

— Назвать не могу, вы должны мне в этом помочь. Я предпочитаю страну, названия которой еще не знаю, но где можно наилучшим образом поохотиться.

— А, мой милый,— сказал Андре с улыбкой,— и тебе уже не чужд азарт подлинного охотника. Ты начинаешь по-настоящему ценить это благороднейшее времяпрепровождение. Впрочем, у тебя есть все необходимое: легкий шаг, верный глаз и здоровый желудок; ты невероятно вынослив, твое хладнокровие меня изумляет и восхищает, а о твоей ловкости нечего и говорить. Тебе недоставало только священного огня, страсти — и вот наконец ты воспламенился... Что ж! Необходимо найти применение всем этим превосходным качествам: я покажу тебе страну, которую пока еще мало знают, но именно эта страна — рай земной для современного немврода. Там ты найдешь в невероятном количестве все виды крупной, средней и мелкой дичи, какие только способен вообразить. Они так многообразны и многочисленны, что именно там ты сможешь завершить свое охотничье образование.

— Здорово! — Глаза Фрике заблестели.

— Даже если захочешь, не сможешь поразить всех

* Саутхемптон — город и порт в Великобритании.

животных, оказавшихся в прицеле твоего ружья, настолько богат и разнообразен этот мир,— продолжал Андре.— Я назову тебе четвероногих, первых, какие приходят в голову, из тех, что встретишь в джунглях, в горах и на равнине: слоны, носороги, тигры, леопарды, лоси, буйволы, медведи, черные пантеры, антилопы-нильгау * и все остальные виды антилоп, лающие олени, рыси, вараны **, выдры... да мало ли кто еще, ты всех их там увидишь, даже дикую лошадь, из которой китайцы делают ветчину... даже мускусную кабаргу ***, чьи выделения продаются на вес золота.

— Классно! — в восторге вскричал Фрике.

— Что до пернатых, то их и вовсе невозможно ни перечислить, ни описать. Ты предпочитаешь тех, что плавают и живут у берега? Тогда у тебя соберется превосходная коллекция, в которую войдут все виды цапель, гусей и уток, а также пеликаны, фламинго, аисты, журавли, ибисы ****, крачки *****, нырки *****, дупели *****, вальдшнепы *****, и зимородки *****, величиной с ворону!

— Черт возьми! — вырвалось у парижанина — у него даже закружилась голова.

— Пернатые равнин или лесов? Там водятся фазаны бесчисленных разновидностей, один другого лучше, и нигде больше таких не встретишь: золотистый фазан, трехцветный, серый, белый, фазан-аргус, серебристый фазан с черным брюшком, переливчатый фазан, голубой, коричневый, стреловидный фазан, которого называют также птицей девственниц — ну, это просто чудо, священная птица! А лофофора ***** — еще одно сокровище, эту птицу тщетно пытались поселить в Европе... А павлины, которые резвятся на лужайках среди диких ананасовых зарослей!

— Павлины? Дикие?.. Неужели?

* Антилопа-нильгау — парнокопытное животное семейства полорогих.

** Вараны — семейство ящериц — хищников, обитающих в Восточном полушарии.

*** Кабарга — парнокопытное животное подотряда жвачных. Обитает в горной тайге Азии.

**** Ибисы — семейство птиц отряда голенастых.

***** Крачки — подсемейство птиц семейства чаек.

***** Нырки — птицы семейства утиных.

***** Дупели — птицы семейства ржанковых.

***** Вальдшнепы, лесные кулики — птицы семейства ржанковых.

***** Зимородки — семейство птиц отряда рапсодовых.

***** Лофофоры — птицы семейства павлинов.

— И сколько! А еще вересковые петухи, индюки, дикие куры, дрофы, рябчики, куропатки, перепела, восхитительные на вкус, горлицы, самые разнообразные породы голубей, флориканы * — лучшая дичь в Индокитае, паразитические птицы-носороги, называемые также калао **, а также осоеды ***, разноцветные попугаи и все виды колибри ****.

— Неужели есть страна, где все это водится?

— И еще много чего другого, не говоря уж о пресмыкающихся, на которых постоянно рискуешь наступить невзначай во время охоты.

— Эка невидаль! Надеваешь высокие сапоги да внимательно смотришь под ноги. И эта страна называется?..

— Бирма.

— В таком случае, да здравствует Бирма! Господин Андре...

— Милый Фрике...

— Подумать только, чего лишились ваши парижские лодыри! Они просто рехнулись. Упустить шанс попасть в такое место! Они свободны, богаты... Надо же, еще считают себя охотниками! А знаете, между нами говоря, хорошо, что они отказались, не то вам пришлось бы тащить этих лежебок на носилках.

— Наверное, ты прав, и я жалею об их отказе только потому, что умные, хотя и трусоватые люди сами себя лишили такой радости, таких сильных переживаний, таких возможностей встретиться с чудесным...

Нет нужды говорить, что последовало за этим разговором.

Итак, «Голубая антилопа» взяла курс на Рангун, столицу Английской Бирмы, расположенную под 16°45' северной широты и 94°4' восточной долготы.

Сделав остановку на острове Реюньон *****, а затем на Цейлоне, чтобы пополнить запасы продовольствия и угля, яхта через тридцать пять дней без всяких приключений

* Флориканы, флорикины — птицы семейства курино-голенастых.

** Калао — семейство птиц-носорогов, характеризующихся длинным и массивным клювом, снабженным наростами.

*** Осоеды — хищные птицы семейства ястребиных.

**** Колибри — подотряд птиц отряда длиннокрылых. Длина тела от 5,7 до 21,6 см; вес от 1,6 до 20 г., 319 видов.

***** Реюньон — остров в Индийском океане в группе Маскаренских островов; владение Франции.

бросила якорь в Рангуне, занимающем ключевую позицию в заливе Мартабан * и дельте Иравади.

В Бирму, называемую независимой, ведет только один путь, так как англичанам удалось отрезать ее от моря, округлив свои владения за счет земель, примыкающих к юго-восточной части Бенгалии ** и простирающихся до перешейка, соединяющего малайзийский полуостров *** и королевство Сиам ****. Этот путь — великая бирманская река Иравади.

Хотя длина знаменитой реки достигает почти двух тысяч километров, иными словами, она в полтора раза превосходит Рейн и так же полноводна, как Ганг, течение ее, как у всех рек Индокитая, весьма неравномерно, а потому и судоходство чрезвычайно затруднительно. Только суда малого водоизмещения могут преодолеть 1200 километров, отделяющие порты Бассен и Рангун от порта Бам. Одна из английских компаний имеет несколько пароходов, регулярно осуществляющих этот рейс, а также буксиров, транспортирующих шаланды ***** с товарами.

Андре приехал в Индокитай вовсе не за тем, чтобы застрять в центре английской колонии, а потому пробыл в Рангуне ровно столько времени, сколько было необходимо для подготовки длительной экспедиции в глубь страны.

Было решено, что яхта останется на рейде Рангуна, а по реке отправится паровой шлюп с достаточным количеством продуктов, боеприпасов, одежды и снаряжения.

Когда все было готово, Андре, вручив капитану бразды правления яхтой, взял с собой механика, кочегара, носильщика-сенегальца и двух негров, которые в свое время сопровождали Фрике в экспедиции по побережью Сьерра-Леоне, — все они взошли на борт прекрасного шлюпа, который был прицеплен к нескольким шаландам, ведомым буксиром.

* Мартабан — прежнее название залива Моутама на севере Андаманского моря Индийского океана, у берегов Бирмы.

** Бенгалия — историческая область на юге Азии, в бассейне нижнего течения Ганга и дельты Ганга и Брахмапутры. В период описываемых событий — одна из провинций Британской Индии. В 1947 году Западная Бенгалия вошла в состав Индии, Восточная Бенгалия — Пакистана (с 1971 г. — государства Бангладеш).

*** Малайзийский полуостров Малакка — полуостров на юго-востоке Азии, южная часть Индокитая.

**** Сиам — официальное название Таиланда — государства на юго-востоке Азии, на полуостровах Индокитай и Малакка, — до 1939 года и в 1945—1948 годах.

***** Шаланда — небольшое, мелкосидящее, обычно несамостоятельное судно, баржевого типа, служащее для погрузки и выгрузки судов и т. п.

Буксир шел медленно: река в этом месте отличается весьма капризным нравом. Собственно, река Рангун представляет собой один из многочисленных водных потоков, образующих громадную дельту Иравади. Ниже города в нее впадают река Пегу и другие более мелкие речушки, так что она становится достаточно полноводной, но в верхнем течении сильно мелеет.

Рангун сливается с Иравади около ничем не примечательного городка Нгунгун. Буксир преодолел это расстояние за один день. Ему понадобилось почти пять дней, чтобы дотянуть свои суденышки до Мидая, где располагались английские таможни.

Мидай был, в сущности, обыкновенной деревушкой в четырех километрах от англо-бирманской границы, но приобрел благодаря расположению чрезвычайное значение для казны, ибо здесь облагались пошлиной все товары, доставляемые вверх и вниз по течению, — как европейские, так и туземные.

Мысль о таможенном досмотре заранее злила Андре. Предстояло показать, пересчитать и переписать все разнообразие предметы, находящиеся на шлюпе, заплатить довольно крупную сумму, что для богатого человека, понятно, безделица, и потерять много времени, что совсем не пустяк; наконец, снести все укусы чиновных комаров, самых несносных из всех существующих.

Начальник таможни производил досмотр лично. Андре, представившись, объяснил ему в двух словах цель своего путешествия: он-де любит охоту и приехал на своей яхте из Франции в Бирму с заходом в Сьерра-Леоне; в Бирме надеется поохотиться не хуже, чем в Африке, а торгоя его совершенно не интересует.

Англичанин, фанатично любящий, как и большинство его соотечественников, все виды спорта, вежливо наклонил голову, приветствуя француза, и просто произнес: «All right!» *

Шлюп двинулся вниз по реке, находящейся под прицелом пушек форта и крепости, а также орудий верхнего редута **, сооруженного, чтобы обеспечить полный контроль над нижним течением реки.

Французский флаг, почти никогда не встречающийся в этих местах, приветствовал английский юнион-джек ***,

* Все в порядке! (англ.)

** Редут — фортификационное сооружение в виде квадрата, прямоугольника или многоугольника, подготовленное к самостоятельной обороне (опорный пункт в системе укрепленных позиций).

*** Юнион-джек — имеется в виду государственный флаг Великобритании (Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии).

и через час шлюп уже плыл вниз по реке за пределами английских владений.

По совету капитана буксирного судна Андре нанял лоцмана *, решив продолжать путь на собственный страх и риск.

Здесь уже начинались места, богатые разнообразной дичью, и друзья, столь надолго отлученные от любимого занятия, смогли наконец открыть второй этап охотничьего путешествия несколькими удачными выстрелами.

Среди прочих трофеев им удалось подстрелить двух гигантских аистов, которых именуют также марабу: ** их изумительные белые перья чрезвычайно ценятся модницами.

На следующий день Андре решил двинуться в глубь бирманской территории, поднявшись по Джену, левому притоку Иравади, впадающему в нее при Магуэ.

Фрике он поручил раздобыть на берегу свежие припасы и отыскать хоть какого-нибудь переводчика, поскольку от лоцмана, знавшего только несколько английских слов, толку было мало.

Мы видели, как парижанину удалось выполнить эти два поручения, а заодно расквитаться с тигром-людоедом.

ГЛАВА 4

Триумфальное возвращение.— Знакомство.— Отец-наседка.— «Буду есть верескового петуха!»— Старый охотник-бирманец и его таинственный помощник.— Национальное оружие — дах.— Через джунгли.— Крик верескового петуха.— Первый выстрел.— Первая добыча.— Петухи.— Что было в корзине старика.— Уж вместо охотничьей собаки.— Фрике стреляет влет и мажет.— Гипноз.— Змеиный пир.— Истребитель Тигров обращен в бегство пернатым.

Андре, оставшийся в лодке с двумя матросами-европейцами и черным слугой, чрезвычайно взволновался, получив нацарапанное Фрике письмо, где тот извещал его, что отправляется в поход на тигра-людоеда.

* Лоцман — специалист по проводке судов в пределах определенного участка (при заходах в порты, при плавании в каналах и т. д.), где требуются особо точные знания местных условий плавания.

** Марабу — род крупных птиц семейства аистовых с голой головой и большим сильным клювом.

«Чертов мальчишка! Второго такого не найдешь. Затеять подобную охоту, не предупредив меня, вернее, предупредив слишком поздно! Если бы я хоть знал, где его искать. Ему кажется, нет ничего проще покончить со старым матерым тигром; он мне сообщает об этом так, будто собрался поохотиться на безобидную зверушку. А я теперь изнывай от беспокойства — вернется он или нет!»

День прошел, не принеся никаких известий. Наступила ночь, и руководитель экспедиции встревожился уже не на шутку, но вдруг заметил, что на правом берегу движутся, приближаясь к воде, какие-то огоньки.

В то же самое время до его ушей донеслись радостные крики, барабанная дробь и громкая музыка, словно играли сразу несколько бродячих оркестров.

Широко улыбнувшись, Андре радостно воскликнул:

— Тигр убит, и бирманцы на радостях закатали кошачий концерт моему сорванцу!

Он не ошибся: вскоре показались вопящие во все горло, барабанящие и дудящие в трубы факельщики; следом два туземца несли привязанного к палке Людоода, а за ними шел сияющий от гордости Фрике с карабином через плечо в сопровождении переводчика, черного слуги и малыша Ясы.

Завершала процессию толпа деревенских жителей, несущих припасы и расхваливающих на все лады бесстрашного Истребителя Тигров.

Нетрудно представить, с какими чувствами встречал Андре своего друга, явившегося со столь необычной свитой.

С жаром пожав руку Андре, Фрике сделал знак выйти вперед индусу Минграссами, а сам взял за руку мальчика.

— Вот вам толмач, господин Андре. Он родом из Пондишери * и, стало быть, наш индийский соотечественник. А вы, мэтр Минграссами, знайте, что этого джентльмена зовут Андре Бреван и все мы ему подчиняемся.

Индус, подняв сложенные лодочкой ладони над головой, увенчанной тюрбаном **, низко поклонившись, сказал:

— Я буду верно служить вам, сударь, так... Ибо я истинный француз и ненавижу англичан... Вот, сударь!

— Ты знаешь бирманский язык?

* Пондишери — город и порт в Индии, в Бенгальском заливе.

** Тюрбан — главным образом у народов Индии — головной убор в виде полотнища легкой, часто шелковой ткани, обернутого вокруг головы прямо поверх волос, иногда с украшениями.

— Так же хорошо, как и французский, скажу без хвастовства.

— Прекрасно. Завтра мы установим тебе жалованье и содержание.

— Полностью доверяюсь вам, сударь, и добавлю, что для меня большая честь служить французам из Европы... так, сударь, именно так.

— Что до этого парнишки,— сказал Фрике,— то это новобранец нашей экспедиции, потому что я решил его усыновить...

— Как? Еще одного? — спросил Андре с доброй улыбкой.

— Черт возьми! Это всего лишь третий! А кроме того, Его Величество, то бишь мой бывший негритенок, стал теперь крепким мужчиной, а мой китайчонок Виктор вот-вот добьется титула мандарина... * Да вы же знаете, господин Андре, что мне на роду написано стать наследкой и пестовать приемных цыплят. Я был так несчастен, пока не встретился с вами, что теперь, когда вижу сироту, у меня сердце разрывается.

— У него нет родителей? — спросил Андре.

— Его мать стала последней жертвой Людоеда.

— Дорогой Фрике, мне нет нужды говорить, что ты хорошо поступил. Я рад прибавлению к нашему семейству.

— Вы не представляете, какой он умный, какой славный... Я научу его болтать по-французски, вот будет радость для него и для меня. И при этом молодчина, смельчак, каких нечасто встретишь! Сам предложил себя в приманку для тигра и даже бровью не повел.

— Ах да! Я не успел поздравить тебя с удачной охотой. Ты прекрасно дебютируешь на Азиатском континенте, так что позволь мне выразить свое восхищение.

— Черт возьми! Я старался как мог усвоить ваши уроки, чтобы стать наконец охотником. Теперь дело сделано: я полюбил охоту! Но я не почиваю на лаврах: раз уж мы приехали сюда охотиться, я присмотрел для нас еще одну дичь.

— Решительно, ты балуешь меня, мой дорогой егермейстер **.

— Итак, в двух словах. Я расспросил переводчика Сами, чем здесь можно поживиться, и он рассказал мне,

* Мандарин — европейское название крупных чиновников в старом феодальном Китае.

** Егермейстер — главный егерь в охотничьем хозяйстве.

что тут в невероятных количествах водится восхитительный вересковый петух. А мне не удалось раздобыть мяса, кроме поросят. Я предпочел бы верескового петуха. А вы?

— Вполне с тобой согласен в оценке этого изумительного представителя семейства куриных, но должен заметить, что вересковый петух, как правило, прячется в колючих кустарниках, куда невозможно пробраться даже небольшой собаке.

— Знаю, господин Андре.

— А известно ли тебе, что птица чрезвычайно пуглива и срывается при первом же выстреле?

— Да, мне об этом сказали, но вряд ли это испортит нам охоту.

— Хорошо, коли так, но каким образом мы к ним подберемся?

— Сами, от которого я получил исчерпывающие сведения, обещал все устроить. «Будьте покойны,— сказал он мне, украшая свою речь благозвучным «сударь», как, кроме него, никто не умеет произнести,— я знаю одного старика, который проведет вас к нужному месту через колючие заросли. С его помощью вы добудете столько птицы, сколько пожелаете. Есть у него такой зверек, который прекрасно выслеживает верескового тетерева, а еще лучше — петуха...» — «Тетерева или петуха,— отвечал я,— не имеет значения. Перед вертелом все равны. Но как быть с этими ужасными зарослями?» — «И об этом не беспокойтесь,— молвил мой индус,— мы рассчитим проход, для этого у нас есть дах». И я взял с собой старика с его зверьком. Видите эту старую развалину? Сидит и жует бетель * с важностью бронзового Будды **, а на ремне через плечо у него висит плетеная корзинка. Пусть будет при нас, а?

— Черт возьми! Если только он может нам помочь... Я чувствую, что мы добьемся успеха, хотя еще не представляю каким образом.

— Эй, Сами!

— Сударь!

— Дай старику поесть и позаботься о нем.

— Да, сударь, не беспокойтесь ни о чем. Он будет

* Бетель — здесь: пряная жевательная смесь из листьев бетеля (азиатское тропическое растение семейства перечных), семян пальмы арека (см. выше) и небольшого количества извести.

** Будда — имя, данное основателю одной из трех мировых религий — буддизма Сиддхартхе Гаутаме (623—544 гг. до н. э.); в буддизме — существо, достигшее состояния высшего совершенства.

спать на гряде листьев, рядом со мной, на берегу. А сам я сейчас разожгу костер, чтобы приготовить ужин; огонь будет гореть всю ночь.

— Чего хотят эти люди? — спросил Андре.

— Вернуться в деревню.

— В самом деле, пора. Вот, раздай им деньги и поблагодари.

Через пять минут никого из бирманцев не осталось на берегу, но еще долго слышались удивленные и радостные возгласы людей, благодаривших европейцев за то, что те избавили их от ужасного зверя и в придачу одарили деньгами.

На следующее утро оба друга приготовились к загадочной охоте на верескового петуха, выпив предварительно крепчайшего горячего кофе с галетами — настоящий матросский завтрак, который, если добавить к нему стакан можжевелового отвара, способен наилучшим образом предохранить от ужасной лесной лихорадки.

Старик, заметно повеселевший после нескольких глотков вина, объяснил Сами план действий, а тот передал его Андре и Фрике.

Охотникам предстояло разделиться на две группы и идти гуськом параллельно на расстоянии семи-восьми шагов. Одну группу возглавит старик, другую — переводчик. Они станут расчищать дорогу.

Следом двинутся в одной группе Андре, а в другой Фрике, вооруженные охотничьими ружьями 16-го калибра знаменитой фирмы Хаммерлес, а замыкать каждую группу будут черные слуги с карабинами крупного калибра — на тот случай, если встретится опасный зверь.

У индуса и старого бирманца оружия не было, за исключением туземной сабли, именуемой «дах».

Эта сабля, или скорее тесак, толстый и тяжелый, используется, как мачете * мексиканцев или секач южноамериканцев, для самых разных дел: им рубят дрова, растирают табачные листья, режут мясо, раскалывают тростниковые стебли и стволы бамбука, сдирают кору с пальмового дерева, расчищают дорогу в джунглях, обрубая лианы и ветки деревьев.

У этого тесака очень длинная рукоять, за которую можно взяться обеими руками, но зато нет гарды **. Подобно южноамериканскому секачу, клинок вкладывает-

* Мачете — большой нож для расчистки кустарника, для рубки сахарного тростника.

** Гарда — металлический щиток выпуклой формы на рукоятке шпаги, сабли и др.

ся между двумя кусками дерева, которые связываются веревкой или заковываются железным кольцом.

Ножны делаются также из дерева, выдолбленного внутри: две половинки, как и рукоять, закрепляются веревками или кольцом.

Таково это примитивное оружие, которое служит и рабочим инструментом, и боевым клинком.

У людей, принадлежащих к средним и высшим классам, дах совершенно такой же, только рукоять и ножны богато украшены. Дерево или буйволиный рог заменяются рогом носорога или слоновой костью, кольца делаются из золота или серебра и инкрустируются драгоценными камнями. Ножны обтягиваются кожей, прошитой золотой или серебряной нитью.

Наконец, это подлинно национальное оружие является и знаком отличия: когда император хочет отметить кого-нибудь из своих вельмож или еще более приблизить к своей особе, он жалует ему дах, на ножнах которого крепится золотой или серебряный листок.

В этом случае оруженосец несет дах, шествуя перед сановником, удостоенным высочайшей милости.

Всадники кладут его поперек седла или же носят на ремне за спиной. Пешие прячут в складках юбок, или несут в руках, или вскидывают на плечо, не вынимая из ножен.

Без даха ни один бирманец, будь он богат или беден, не сделает и шагу.

Андре и Фрике боялись, что их проводники поднимут адский шум, обрубая этими тяжелыми тесаками небольшие ветки, но, к их удивлению, индус и бирманец с необыкновенной скоростью и совершенно бесшумно расчищали дорогу в колючих кустарниках.

Они двигались вперед в полной тишине, но вот в лесу послышался звонкий крик, внезапно резко оборвавшийся.

Старый бирманец, обернувшись к Андре, идущему за ним по пятам, выдохнул какое-то слово; француз угадал, что оно означало.

Этот призыв, звучный, как труба, и есть крик верескового тетерева.

Они прошли еще полсотни метров, и вновь раздался крик — настолько близко, что охотник стал напряженно всматриваться, считая, что птица рядом, всего в нескольких шагах.

Но, как ни старался он соблюдать все меры предосторожности, под его сапогом внезапно хрустнула ветка.

Безмятежного спокойствия леса как не бывало. Из кустов раздалось прерывистое шипение и хрипы, тревожный крик, затем хлопанье крыльев, задевающих о ветви.

Андре увидел, как над джунглями взмыла вверх огромная, похожая на фазана птица. С поразительным хладнокровием выждав момент, когда птица начала камнем падать вниз, Бреван вскинул ружье и выстрелил влет.

Подбитая птица, кувыряясь, тяжело опустилась на землю.

Старый бирманец, утративший на миг свой привычный бесстрастный вид, вытаращил глаза, с почтением взирая на человека, так ловко уложившего верескового тетерева.

А негр тут же вручил карабин хозяину и, как змея, юркнул в заросли. Через пять минут он с торжеством возвратился, держа за шею великолепную птицу с оперением серебристо-черного цвета с вкраплениями зеленого и синего, весом не менее пяти килограммов.

— Здóрово, господин Андре,— радостно закричал Фрике,— прямо в десятку!

— Что же ты не последовал моему примеру, ведь выстрел поднял всю стаю этих чудесных созданий?

— Ваша правда... У меня глаза разбежались, в какую целиться. А потом... шум крыльев, промелькнули, и все. Черт возьми! Мне надо еще многому научиться, чтобы стать таким стрелком, как вы.

— Поверь мне, Фрике, за этим дело не станет. Но кажется, нам надо идти за стариком, который подает какие-то знаки, и черт меня возьми, если я хоть что-нибудь в них понимаю. Ну-ка, Сами,— сказал он переводчику, как раз подошедшему вместе с Фрике,— спроси у него, что он хочет.

— Он говорит, сударь, что ваш выстрел испугнул всех тетеревов.

— Знаю, черт возьми!

— Но зато остались тетерки.

— Вот как! И где же они?

— Ничего не могу об этом сказать, сударь, но его зверушка нам покажет. Посмотрите...

Старик, положив корзинку на землю, открыл крышку, и оба француза, несмотря на все свое бесстрашие, вздрогнули, увидев свернувшуюся клубком крупную змею.

— Мы прямо как дети,— сказал вдруг Андре, первым придя в себя,— ведь это же просто уж, самое безобидное на свете пресмыкающееся.

— Может быть,— прошептал Фрике,— но я, признаться, терпеть не могу подобных тварей. Впервые вижу такую охотничью собаку.

Старик же, вытащив из корзины змею длиной около двух метров, накрытую колпачком, как сокол, осторожно снял с нее головной убор, нацепил на шею колокольчик, раскрыл ей пасть и, плюнув в нее красной от бетеля слюной, выпустил на свободу, бормоча какие-то непонятные слова.

Змея юркнула в кусты, и, если бы не колокольчик, ее бы не найти.

Вскоре в лесу раздались испуганный крик и шумное биение крыльев.

— Тетерка! — тихо сказал Минграссами. — Сидит на яйцах и пытается их защитить.

— Твоя очередь, Фрике, бегом туда!

Парижанин уже собрался скользнуть под кусты, как вдруг старик жестом остановил его и пронзительно свистнул, делая знак молодому охотнику нагнуться.

— Вижу ее... Бедняга! Сидит на гнезде.

— Стреляй!

— Ну как убить ее в собственном гнезде!

— Давай без сантиментов! Или ты охотник, или нет, а есть нам всем надо.

Тетерка, чувствуя, что невидимый враг подобрался совсем близко, наконец тяжело поднялась в воздух. Фрике выпалил сразу из обоих стволов, но промазал.

— Вот незадача! — воскликнул он в досаде.

Раздался третий выстрел, и бедная птица, описывающая круги над своим гнездом, как лошадь на манеже, камнем упала вниз.

— К счастью, у меня не двуствольное ружье, — спокойно заметил Андре, — этим игрушкам нельзя доверять.

Старик свистнул еще раз, более пронзительно и более властно, и уж вернулся к хозяину, хотя и с большой неохотой.

Старик вновь уложил его в корзину, глядя на Андре все с тем же восхищением и лишь покосившись на Фрике.

Маленький отряд вновь двинулся вперед по лесу, который, к счастью, стал немного реже.

Метров через сто старик сделал знак остановиться и вновь открыл корзину.

— Внимание! — сказал переводчик. — Еще одно гнездо.

Фрике, приобретший, хотя и в ущерб своему самолюбию, большой опыт, ринулся сквозь кусты за змеей, направляемый звяканьем колокольчика.

Снова раздались испуганный крик и хлопанье крыльев.

Тихонько приблизившись к гнезду, парижанин вдруг

забыл о своих кровожадных намерениях при виде совершенно неожиданного зрелища.

Тетерка, выгнувшись и вздыбив оперение, распростерла крылья и принялась кружить вокруг гнезда, стараясь защитить яйца от ужа.

А уж, не обращая никакого внимания на крики, удары крыльями и клювом, с необыкновенной быстротой скользил вокруг бедной птицы, не спуская с нее немигающего взора.

Мало-помалу тетерка, утомленная бесконечным кружением, замороженная тусклым взором холодных глаз, начала бессознательно крутиться на одном месте.

А змея все убыстряла движения и сужала круг так, что наконец измученная схваткой, цепенеющая от ужаса тетерка рухнула на землю и застыла, словно пораженная параличом.

Не теряя ни секунды, уж проскользнул в гнездо — обыкновенную ямку в земле, схватив яйцо, разбил скорлупу и с величайшим наслаждением выпил содержимое, затем проделал то же самое со вторым и третьим, не обращая ни малейшего внимания на Фрике, который не спеша приближался к гнезду.

— Приятного аппетита, дружище! А мне достанется цыпочка, и не придется тратить патронов.

Но парижанин явно недооценил хозяйку гнезда.

Тетерка быстро оправилась от оцепенения, вызванного маневрами ужа. Рассвирепев при виде нового врага, уже протянувшего было руку, чтобы ухватить ее за шею, она бросилась на него с остервенением курицы-наседки, защищающей своих малышей, жестоко расцарапала ему руки и едва не выклевала глаза.

Фрике не мог ни выстрелить, ни защититься от неистовых атак наседки. Ему ничего не оставалось, как с достоинством ретироваться. Задыхаясь от смеха, он выбрался из кустов.

Вслед за ним выскользнул уж, еще не вполне насытившийся, но подчинившийся свисту хозяина.

— Ну, что такое? — спросил Андре, которому не терпелось узнать, чем вызвано столь внезапное и необъяснимое отступление.

— Что такое? Взбесившаяся тетерка... всего-навсего. Разве вам не случалось видеть, как большие собаки, поджав хвост, отступают перед курицей с цыплятами?

— Случалось, конечно.

— Представьте себе курицу весом в десять фунтов,

вцепившуюся мне в физиономию! Прыгает, царапается, клюется... Хищный зверь, да и только. Я едва не лишился глаз и, клянусь честью, предпочитаю сражаться с тиграми.

— Что же ты теперь будешь делать?

— Оставляю ее в покое, вот что. Я мог бы снести ей голову, но такая смелость заслуживает уважения. Пусть живет. Я и без того получил удовольствие, узнав, как охотится старик, и надолго запомню его «легавого ужа». Подумать только, что в Европе найдутся люди, которые не поверят, когда мы будем об этом рассказывать!

ГЛАВА 5

Дурное настроение лоцмана.— Жертвоприношение Гаутаме.— Туземное судно.— Мачта длиной в тридцать девять метров.— Красных рыбок позолотить, а белых посеребрить.— Бирманский Будда будет доволен.— Иравади.— Своенравность ее течения.— Регулярные наводки в десять метров.— Торговый флот из семидесяти тысяч парусных и весельных лодок.— Бирманские столицы.— Капризы монархов.— Ара, Амарapura и Мандалай.— В путь, в страну тиковых деревьев.

Два друга, вполне довольные приключениями на берегах Джена, а также тем, что удалось раздобыть переводчика, решили вновь спуститься по этому маленькому притоку Иравади и продолжить путешествие по большой реке — единственному пути, ведущему в глубь страны.

Все предвещало успех экспедиции: превосходная конструкция шлюпа, совершенство мотора, умелые руки механиков и опыт лоцмана. Однако чем дальше продвигался шлюп, тем больше мрачнел лоцман.

Его настроение стало настолько заметно, что Андре решил обратиться за разъяснениями к переводчику.

Минграссаами, или Сами, как все его теперь называли, тут же выяснил причины дурного расположения духа лоцмана.

— Ну, что? — спросил Андре, присутствовавший при коротком, но весьма оживленном разговоре.

— Лоцман, сударь, хочет оставить службу.

— Ба! Чем же мы ему не угодили?

— Этот человек, напротив, говорит, что всем доволен, но он боится, что туземные власти обвинят его в том, что он погубил белого джентльмена. Поэтому он хочет уйти.

— Но это же бред! — вскричал Андре.— Пусть объяснит толком, что стряслось.

— Сударь, я скажу вам всю правду,— продолжал Сами, понизив голос.— Я не смел этого делать из опасения, что вы будете смеяться надо мной.

— Да говори же, изверг! Не тяни!

— Лоцман, сударь, обеспокоен тем, что вы не испросили благословения у Гаутамы.*

— Что?

— Да, сударь, когда начинают плавание по Иравади и собираются подняться вверх по течению, следует согласно обычаю совершить жертвоприношение Будде, которому поклоняются бирманцы.

— Не может быть! Ей-богу, во время моих путешествий я попадал в самые невероятные передраги, но ни разу от меня не требовали соблюдать обычаи местной религии.

— О сударь! Он не говорит, что вы должны совершить жертвоприношение... но просит позволения совершить его самому. В противном случае он хочет уйти.

— Но я, кажется, дал моим слугам полную свободу делать то, что они считают нужным. Никто не обвинит меня в нетерпимости. Я уважаю свободу совести. Так что пусть совершает свое жертвоприношение, и я даже готов оказать ему помощь, насколько это в моих силах.

— У него нет рыбок...

— Каких еще рыбок?

— Тех, что приносят в жертву Гаутаме...

— Приятель, ты говоришь загадками, и сейчас слишком жарко, чтобы получать удовольствие от разгадывания китайских головоломок. Возьмите улов у рыбаков, я заплачу, и пусть себе совершает свое жертвоприношение, пока я буду отдыхать после обеда.

Озабоченное лицо лоцмана прояснилось, как по мановению волшебной палочки, едва лишь переводчик сообщил ему, что сказал хозяин.

Не теряя ни секунды, он направил лодку к большой туземной шаланде, поднимающейся по реке.

— Что он собирается делать? — спросил Андре, с любопытством разглядывая встречное судно — подлинный шедевр индокитайского судостроения.

Действительно, нет ничего более необычного, чем эти

* Гаутама, Готама — в древнеиндийской мифологии один из семи великих риши (божественных мудрецов, провидцев).

суденышки, сооруженные с полным знанием того, что требуется для плавания по реке. Киль делается из полого дерева, выдолбленного тогда, когда оно еще не засохло; к нему бирманские судостроители прикрепляют шпангоуты* со стыками внакрой; корма высоко приподнята над водой, как у гондолы;** рулем служит весло, прикрепленное к левому борту, и лоцман, стоя на возвышении, украшенном замысловатыми деревянными скульптурами, управляет судном при помощи бруса, соединенного с рулем.

Особый интерес представляют мачты и паруса.

Нижняя мачта состоит из двух длинных шестов, закрепленных слева и справа от кия. Вершины их соединяются, образуя треугольник, скрепленный внутри поперечными брусами.

Центральная рея, сделанная из нескольких бамбуковых стволов, привязана к мачте фалами*** и изогнута, подобно луку; в фалы пропущены многочисленные кольца, к которым крепится парус из чрезвычайно легкой ткани, из которой туземцы шьют свою одежду: только такая ткань годится для паруса столь огромного размера.

Английский инженер капитан Генри Юл измерил рею одного такого судна водоизмещением около ста тонн. Длина реи, даже без учета ее изгиба, достигала тридцати девяти метров, а площадь паруса — ста семидесяти квадратных метров.

Отсюда ясно, почему гнау — индокитайские лодки — не могут идти против ветра.

Вскоре лодка французов подошла почти вплотную к туземной гнау, на передней палубе которой стояли капитан и помощники. Над кормой реял белый, вышитый по краям серебряной нитью флаг с довольно грубым рисунком, изображающим символ империи — выгнувшийся колесом павлин с распушенным хвостом.

Привлекала внимание весьма характерная курьезная деталь: флагшток был увенчан европейским стеклянным графином. Бирманцы обожают подобные вещицы и используют их где попало, так что нередко можно встре-

* Шпангоуты — ребра судов, к которым крепится наружная обшивка.

** Гондола — одновесельная плоскодонная длинная венецианская лодка с каютой или специальным тентом для пассажиров, с поднятым носом и кормой.

*** Фал — снасть, при помощи которой поднимают на судах паруса, реи, флаги, сигналы и проч.

тить пагоду, украшенную самой обыкновенной бутылкой из-под сельтерской воды.*

Лоцман, улучив момент, когда две лодки оказались рядом, перепрыгнул на туземное судно.

Механик тут же уменьшил скорость, чтобы паровой шлюп шел вровень с парусным судном.

Оживленно поговорив минут пять, оба лоцмана, при-
дя, видимо, к согласию, направились к лесенке, ведущей
в трюм, скрылись в нем и почти тут же появились вновь.
Пожав друг другу руки и обменявшись пространными
речами, они наконец расстались.

Андре и Фрике с интересом следили за их переговора-
ми, знакомясь, таким образом, с неизвестными им ранее
сторонами бирманской жизни.

Лоцман перебрался с туземной шаланды на свое судно,
держа за ручку бамбуковое ведро.

Любопытный Фрике подошел поближе и увидел в этом
примитивном сосуде несколько белых и красных рыбок,
беспокойно мечущихся в воде.

— Кажется, это и есть необходимое жаркое,— пробормо-
тал он.— Наш лоцман либо купил, либо выпросил этих
милых рыбешек у своего собрата. Если я еще раз соберусь
в эту страну, надо будет запастись аквариумом.

Лоцман, не обращая никакого внимания на присут-
ствие непосвященных, хранивших, впрочем, полное мол-
чание, вытащил одну за другой рыбок, очистил их от
тины, бережно обтер тряпкой и разложил на чистой сухой
ткани. Рыбки подпрыгивали, конвульсивно дергая жа-
брами.

Между тем лоцман достал из-за пояса маленький лаки-
рованный ящичек, раскрыл его и осторожно вынул тонкие
листочки золота и серебра.

Взяв красную рыбку — китайского сазана,— бирманец
накрыл его золотым листочком, тотчас же прилипшим
к слизи, выделяемой жабрами, и бросил в воду, бормоча
какие-то таинственные слова.

Следующая рыбка была белой — уклейка с перламу-
товой чешуей. Она была накрыта серебряным листочком
и отправлена в воду тем же манером, что и первая.

Десять рыбок — пять красных и пять белых — пооче-
редно последовали в реку, после чего лоцман вновь занял

* Сельтерская вода — минеральная вода источников Зельтерса (ФРГ), а также аналогичная искусственная столовая вода, приготовляе-
мая путем насыщения питьевой воды углекислым газом с добавлением
щелочных солей.

свое место у руля с безмятежным видом человека, которому отныне ничто не может угрожать.

— Это все? — спросил Фрике у переводчика.

— Все, сударь,— важно ответил индус.— Злые духи умиротворены, и Гаутама дарует нам счастливый путь.

— Спасибо за доброе пожелание. И поскольку всякий труд заслуживает награды, дай лоцману сто су*, чтобы вспрыснуть удачу...

Шлюп уже заскользил вперед, набирая скорость; берега великой реки стремительно проносились мимо, а прибрежные птицы, испуганные звуком мотора, разлетались в разные стороны.

— По правде говоря, очень странный обычай,— тихо сказал парижанин, встав рядом со своим другом, спокойно курившим сигару.— Вы столько всего знаете, господин Андре... Слышали вы о таком?

— Кто-то мне об этом рассказывал. Но в любом случае тут нет ничего удивительного, учитывая непостоянный нрав реки, по которой мы плывем. Естественно, здешним людям приходится думать о том, как умиротворить злых духов, и чем еще могут они объяснить коварство Иравади?

— А на вид такая спокойная река!

— Внешность, как известно, обманчива. Это одна из самых опасных для судовождения рек мира, потому что течение ее чрезвычайно изменчиво. К тому же теперь март, наиболее сухое время года. Могу поклясться, что ее режим не превышает 2000 кубических метров в секунду. В марте 1877 года он был не больше 1300 метров и уступал Роне** и Рейну. Но когда наступает август, на страну обрушиваются тропические ливни, принесенные юго-западным муссоном***. Масса воды во время паводка превосходит Конго****, достигая 56 000 кубических метров в секунду! Это было зафиксировано в августе все того же 1877 года, и на англо-бирманской границе разница в уровне воды доходила до десяти метров. Поэтому, несмотря на существенное понижение уровня в данный момент, сред-

* Су — старинная французская монета; чеканка прекратилась в 1799 году, однако название сохранилось для обозначения монеты в 5 сантимов. Сантим — разменная монета Франции и ряда других стран.

** Рона — река в Швейцарии и Франции.

*** Муссоны — устойчивые сезонные ветры, направление которых резко меняется на противоположное (или близкое к противоположному) 2 раза в год.

**** Конго — здесь: река в Центральной Африке.

няя составляющая, тщательно вычисленная английскими учеными, равна 13 000 метров в секунду, приблизительно как у Ганга*.

— Но значит,— прервал Фрике, жадно слушавший эту небольшую лекцию по географии,— страна может быть затоплена поднявшейся водой, все сметающей на своем пути. Теперь я не удивляюсь, что туземцы из кожи вон лезут, лишь бы предохранить себя от подобного бедствия. Хотя я и потратился на сто су, чтобы отблагодарить нашего лоцмана за его рыбешек, но, пожалуй, оценил его труды слишком дешево.

— Бывают, конечно, значительные разрушения, но все не так ужасно, как мы воображаем. Вода поднимается каждый год в определенное время, уровень примерно одинаков, и все знают заранее, какие места будут затоплены. Именно в это время Бирма приобретает свойственный ей неповторимый облик: практически все ее жители пересаживаются на лодки.

— Но ведь и теперь река вовсе не простаивает: мы то и дело встречаем лодки. А я-то думал, что это полудикая страна, где даже торговли нет!

— Черт возьми! Ну ты и скажешь! Подумай, ведь каждый год по реке спускаются и поднимаются тридцать пять пароходов и семьдесят тысяч прочих судов, причем у некоторых водоизмещение достигает 150 тонн. Учти, что внешняя торговля одной только Английской Бирмы в 1878—1879 годах измерялась суммой в 550 миллионов франков!**

— И при этом здесь можно встретить диких слонов, тигров, носорогов и прочую живность? Да еще столько, что второго такого места не найдешь в обоих полушариях. По крайней мере я не видывал ничего подобного, хотя немало побродил по свету.

— В этом и состоит очарование Бирмы. Здесь, как в Индии, следы самой утонченной цивилизации соседствуют с проявлениями ужасающего варварства. Но Бирма защищалась дольше*** и не так изучена, как Индия, а потому контраст воистину поразителен. Так что лучшего

* Ганг — река в Индии и Бангладеш.

** Франк — денежная единица во Франции, Бельгии, Швейцарии и ряде других стран.

*** В начале XIX в. Бирма являлась одним из крупнейших государств Юго-Восточной Азии. В результате англо-бирманских войн была захвачена английскими колонизаторами. С 1886 по 1937 год входила в Британскую Индию.

места для путешественника, а особенно для охотника не найти. Поэтому я и решил, что для нас, странствующих немцев, совершенно необходимо в ней побывать, и выбрал ее в качестве второго этапа нашего путешествия. Вскоре мы поднимемся по одному из притоков Иравади, не важно — правому или левому, лишь бы он вывел нас к зарослям тиковых деревьев. Потом снова вернемся на Иравади и осмотрим развалины столиц, покинутых местными монархами.

— Вот как? Похоже, здесь меняли столицы, как... как пальто.

— Чуть реже, — улыбнулся Андре, — но тем не менее был период всего в семьдесят пять лет, когда это происходило трижды.

— А знаете ли, двадцать пять лет для столицы маловато.

— В самом деле? Гм, я к тому же ошибся: это происходило не три раза, а пять.

— Не может быть!

— Суди сам. Ава, если не ошибаюсь, была столицей Бирмы в течение четырех веков. В тысяча семьсот восемьдесят третьем году ее оставили по прихоти короля, одного из сыновей знаменитого Аломпра*. Он сделал королевской резиденцией Сагаин, до того бывший загородным замком.

— Что-то вроде бирманского Версаля?

— Совершенно верно. Через три года преемнику этого монарха пришлось в голову построить себе совершенно новую столицу, в семнадцати километрах от Авы, на левом берегу Иравади. Ей дали имя Амарапура, что означает «Град Вечности». Но в тысяча восемьсот девятнадцатом году король оставил этот новый город и переселился в Аву...

— Три столицы! Забавно.

— Затем в тысяча восемьсот тридцать седьмом году без всяких причин монарх бросил Аву, и до тысяча восемьсот пятьдесят седьмого года столицей вновь стала Амарапура.

— Четвертая перемена! Может, это и нравилось переезжающим, но для мебели слишком вредно, если верить парижской поговорке, что два переезда равняются одному пожару.

— И вот бедный Град Вечности, оставленный в 1857

* Аломпра, Алаунг-Фра — бирманский император XVIII века, один из виднейших исторических деятелей Бирмы.

году и приговоренный к смерти новой необъяснимой прихотью правившего тогда короля, ныне превратился в жалкие руины. По приказу монарха в семи километрах к северо-востоку от развалин прежней столицы была возведена новая, получившая название Мандалай. Строительство ее было закончено пятнадцать лет назад.

— А знаете, господин Андре, что удивляет меня почти так же, как необузданная страсть королей к прогулкам из города в город? Почему их подданные всюду следовали за ними, как бараны?

— Ты забываешь, что восточным деспотам принадлежит все, что оказывается в пределах их владений, как на земле, так и в ее глубинах. Собственность короля — это леса и поля, металлы и драгоценные камни, дикие животные и люди, люди в особенности. Разве ты не знаешь, что стены Мандалая, молодой столицы, покоятся на человеческих костях?

— Что?!

— Это, впрочем, не ново. Известно, в Палестине в былые времена считалось, что во главу угла при возведении любого строения должен быть заложен «живой камень», чтобы отгонять духов и злых демонов.

— Допустим! Но иностранцы, жившие в Амарапуре, имели же право остаться в своих домах?

— В тысяча восемьсот пятьдесят седьмом году такое действительно произошло. Когда король повелел уходить из столицы китайцы — а их было очень много, и они даже выстроили собственную пагоду — отказались бросить свои дома. Их оставили в покое, мудро рассудив, что незачем прибегать к насилию: сама жизнь заставит их переселиться. И действительно, лишившись покупателей, эти торговцы очень скоро запросились в Мандалай и были чрезвычайно довольны, когда их согласились принять.

— А этот юный город, он хоть любопытный, оригинальный?

— Пусть это будет для тебя сюрпризом, поскольку, надеюсь, мы очень скоро его увидим. Но прежде всего нам необходимо обследовать берега реки. Как бы не пропустить тиковые леса, когда будем подниматься к северо-востоку.

— А дальше в северной Бирме их нет?

— Некоторые географы утверждают, что тиковое дерево, или тектона, не произрастает дальше шестнадцати градусов северной широты. Но они ошибаются, ибо тектону можно обнаружить и севернее. Бирманская тектона

гораздо интереснее тиковых деревьев Тенассерима* и Мартабана**. Скоро мы ее увидим, и у нас будет прекрасная возможность поохотиться в девственном лесу, где еще можно встретить самых опасных представителей животного мира.

— Да будет так! Я не прочь продолжить серию, которую открыл покойный Людоед. Раз дикие леса, где нас ждет столько приключений, находятся выше по реке, отправимся туда! В путь, к тектоновым лесам!

ГЛАВА 6

Вверх по притоку Иравади.— Земледельческие культуры.— Фрике хочет стать метким стрелком.— Пробуждение на реке.— Восход солнца.— Неожданная дичь.— Это слон? — Обыкновенный носорог.— Семейство черных пантер.— Двое против одного.— Ужасные муки толстокожего.— Дуплет, который удастся только один раз.— Освобожденная жертва.— Неблагодарность — дочь благоденствия.— Ярость зверя.— Череп носорога и пуля «Экспресс».— Недостатки брони.— Экспонат для коллекции.

Поднявшись вверх по Иравади, шлюп, как и в прошлый раз, вошел в один из ее многочисленных притоков, приносящих дань великой реке.

Лоцман не только прекрасно знал все притоки, но, как оказалось, мог дать полезный совет и охотникам. А поскольку для обоих друзей охота составляла главную прелесть путешествия, они решили целиком положиться на лоцмана в выборе наиболее подходящего места.

Им не пришлось раскаяться в своем решении.

Вскоре шлюп, предусмотрительно снизив скорость, оказался среди девственных лесов.

Деревни встречались все реже и реже, земледельческие культуры постепенно исчезли, уступив место джунглям. В свои права полностью вступила природа.

Во время плавания Андре и Фрике смогли по достоинству оценить, с каким изумительным терпением и изобретательностью бирманцы, ближайшие родичи китайцев, которых никто не превосходит в искусстве ирригации***, обрабатывают свои поля.

* Тенассерим, Танинтайн — город на юге Бирмы.

** Мартабан, Моутама — здесь: город и порт на берегу одноименного залива.

*** Ирригация, орошение — подвод воды на поля, испытывающие недостаток влаги; вид мелиорации.

Все участки, находившиеся ниже уровня реки и неизбежно затопляемые во время паводка, были засеяны рисом.

Но особенно проявились здравый смысл и мудрость трудолюбивых крестьян в том, как разумно и толково чередуются рисовые поля с другими культурами — табаком, маисом, фасолью, чечевицей, кунжутом*, бататами** и сахарным тростником.

Все эти небольшие поля, расположенные в шахматном порядке, ежедневно орошаются водой, скопляющейся в углублениях почвы и стекающей к посевам, благодаря целой системе каналов и шлюзов, гениально простых по своему устройству.

Среди ровных, словно вылизанных, полей возвышаются фруктовые деревья, прижившиеся в Бирме ценой изумительно терпеливых трудов: финиковые пальмы, оливковые и гранатовые деревья, а также персики, груши, вишни, сливы, которые выглядят очень странно в соседстве с хлебным деревом, манго, банановой пальмой и гуаявой***.

За фруктовыми садами простираются заросли индиго и древовидного хлопчатника, вокруг которого вьются стебли бетеля; затем рощи апельсиновых и лимонных деревьев, тамариндов, латаний или веерных пальм, ююбы, арековых пальм, камедных и каучуковых деревьев.

Вот в последний раз сверкнул на солнце золотой купол пагоды, и вновь к реке подступают джунгли с их непроходимыми зарослями колючего кустарника, островками бамбука, гигантскими травами, а Иравади расстилает все дальше свой голубой пояс, стиснутый подступающими к берегу осокой, панданусом****, диким льном и папирусом*****.

Нечего и говорить: речной и болотной птицы было

* Кунжут — род одно- и многолетних трав семейства сезамовых (кунжутных). 35 видов. Возделывают кунжут индийский.

** Батат, сладкий картофель — растение семейства выюковых, мучнистые корневые клубни которого употребляются в пищу.

*** Гуаява, гуайява — вечнозеленое дерево семейства митровых с сочными ароматными плодами; возделывается в тропиках многих стран.

**** Панданус — род древовидных растений семейства пандановых, распространенных в тропиках Восточного полушария. Плоды некоторых видов съедобны, а волокнистые листья используют как материал для плетения циновок, корзин и т. п.

***** Папирус — многолетнее травянистое растение семейства осоковых. Из стеблей папируса в эпоху античности (преимущественно — в Древнем Египте) изготовляли бумагу, одежду, обувь, циновки и т. п.

в изобилии. То и дело взлетали испуганные стуком мотора ибисы и утки-мандаринки, белые цапли и фламинго, марабу и зимородки-рыболовы, аисты и пеликаны... У Фрике появилась хорошая возможность набить себе руку: он никак не мог забыть неудачу с вересковым петухом и во что бы то ни стало хотел научиться бить влет. А поскольку умение это приобретается только постоянными упражнениями, парижанин, устроившись на передней палубе, палил без передышки по голенастым и перепончатым, стараясь выбирать наиболее трудную цель.

Успехи он делал поразительные, так что Андре не переставая хвалил его, а сам занимался ощипыванием птиц, которых подбирали члены экипажа.

Стемнело. Шлюп бросил якорь посреди реки. Все безмятежно заснуло, отринув прочь заботы и не вспоминая о том, какие коленца, бывало, откидывал прилив и какими неприятностями это грозило, особенно если поблизости бродили стада гиппопотамов или банды крокодилов.

Прошло уже три дня с тех пор, как лощман принес в жертву Гаутаме позолоченных и посеребренных прыбков. Шлюп рассекал своим форшттевнем* прозрачные и глубокие воды притока, называемого Ян, или Киук-Ян, который впадает в Иравади на высоте двадцать первой северной параллели. Путешествие по этим диким местам пока больше напоминало невинную прогулку в свое удовольствие.

Примерно на тридцать километров Ян поднимается к северо-западу, а затем разделяется на четыре ветви, образуя некое подобие гусиной лапы. Первая течет с юго-запада на северо-восток, вторая — с запада на восток, третья — с северо-запада на юго-восток, четвертая же, главная, ветвь катит свои воды с севера на юг, образуя многочисленные излучины.

Первые три ветви короткие — от сорока пяти до пятидесяти километров, но зато последняя достигает двухсот. Хотя эта река с ее ответвлениями находится сравнительно недалеко от обжитых мест, орошает она почти совершенно пустынную местность, простирающуюся на западе до английской границы, до которой около пятидесяти лье.

Двое друзей, обследовав место слияния четырех ветвей и изучив их направление, без колебаний выбрали самую длинную, ибо именно по ней можно было подняться до тиковых лесов.

* Форшттевень — массивная часть судна, являющаяся продолжением киля и образующая носовую оконечность судна.

На четвертый день Фрике проснулся очень рано, слегка подрагивая в утреннем тумане, заполнившем за ночь низкие влажные берега тропической реки.

Вместо того чтобы свернуться калачиком под теплым одеялом, парижанин решил согреться в работе и поехать вместе с неграми на берег: черные слуги каждое утро отправлялись туда за дровами, необходимыми для запуска мотора.

Андре, испытывший на себе влияние тех же самых метеорологических условий, проснулся, естественно, в сходном состоянии и принял то же самое решение, что и его друг, хотя заранее они не сговаривались.

Велико же было их удивление, когда они почти одновременно с разных сторон подошли к лодке, пребывая в уверенности, что друг еще сладко спит.

Фрике прихватил с собой охотничье ружье 16-го калибра, из которого можно было стрелять только дробью,— вполне достаточное оружие для охоты на птиц, которая так увлекла парижанина; Андре же предпочел карабин «Экспресс» калибра от 14 до 25 миллиметров.

Они поздоровались без слов, но сердечно и сели в легкую шлюпку, напомнив неграм, что грести нужно совершенно бесшумно.

Вскоре снопы длинных красных лучей пронизали туман, который после этого рассеялся чрезвычайно быстро. Верхушки деревьев, до сих пор совершенно не различимые, вдруг словно загорелись, засверкали, тогда как стволы их еще терялись в оседавших на глазах сероватых хлопьях.

Воздух, до сих пор матово-плотный, похожий на необработанное стекло, стал внезапно изумительно прозрачным, глаза могли видеть с необыкновенной ясностью предметы на таком расстоянии, на каком обычно они не видны; а ухо различало звуки, которые невозможно слышать в другое время дня,— одним словом, все приобрело тот странный облик, который возникает только при восходе и закате тропического солнца, появляющегося и исчезающего внезапно, без рассвета и сумерек.

Оба друга наслаждались великолепным зрелищем. Они видели его сотни раз, но еще никогда вдвоем. Однако эстетические чувства не заглушали в них охотничьего инстинкта. Зоркий Фрике первым углядел над широкими, еще сверкающими от росы листьями осоки черную тушу, медленно продвигавшуюся вдоль реки.

Подав знак гребцам, которые тут же подняли весла, он стал пристально вглядываться в заросли осоки.

— Что там? — тихо спросил Андре.
— Какой-то зверь барахтается в грязи... Здоровенный, прямо как слон.

— Ого!

— Слышите? Ворчит «фру! фру! фруф!».

— А может, это и в самом деле слон... Что здесь удивительного? В Бирме много диких слонов.

— Черт возьми! В таком случае я попал впросак...

— Почему же?

— С моим-то ружьишком, которое стреляет только дробью! Все равно что швырнуть в него картофелиной.

— А мой карабин? Впрочем, не стоит его трогать. Для такой охоты мы не готовы, и у нас еще будет возможность раздобыть пару бивней для нашей коллекции.

— А если он нападет на нас?

— Послушай, Фрике, не повторяй глупостей, которые рассказывают охотники, не покидавшие Елисейских полей*. Где, черт возьми, ты встречал диких зверей, которые нападали бы на человека без всякого повода?

— Верно! Ну и дурак же я! Эти комнатные путешественники нарасказывали нам в детстве столько басен, что, боюсь, мне не удастся избавиться от них до самой старости.

Андре в ответ только улыбнулся и, вытянув шею, стал, в свою очередь, вглядываться вперед.

— Черт! Теперь и я вижу твоего зверя. Но это не слон... Это носорог...

— Противная тварь, терпеть их не могу! — откликнулся Фрике. — Один такой едва не расплющил меня в лепешку на берегу Рокелле, когда я шел по следам нашего друга Барбантона.

— Дьявольщина! — сказал Андре, казалось, не слышавший замечания своего друга. — Он дальше, чем я думал. До него не меньше ста двадцати метров.

— Неужели вы собираетесь стрелять отсюда? — спросил Фрике.

— Почему бы и нет? Я вполне могу смертельно ранить его или же убить на месте. Но в любом случае отгоню. Не нравится мне его соседство. Из всех крупных животных только носороги да буйволы бросаются в слепой ярости на непривычный для них предмет. Он может и потопить лодку. Словом, попробую, а вы все садитесь поближе друг к другу и не двигайтесь. Ты тоже, Фрике: у моего карабина очень сильная отдача — вас опрокинет как карточный домик.

* Елисейские поля — одна из главных магистралей Парижа.

Молодой человек, медленно подняв карабин, с силой прижал приклад к плечу и прицелился, наведя мушку на шею чудовища.

Он целился очень тщательно, а носорог, не подозревая о присутствии врагов, с наслаждением барахтался в воде, доходящей ему до брюха, и время от времени тянулся к свисающим у воды сочным стеблям травы, разгрызая их с громким чавканьем.

Охотник уже готов был нажать на спусковой крючок, когда в лесу внезапно раздался хрипло-яростный пронзительный крик, похожий на звук гигантской пилы, врезающейся в твердое дерево.

Удивленный и, несмотря на всю свою мощь, слегка встревоженный, носорог бросился было из воды, но выбраться на берег не успел.

Едва отзвенел в еще влажном воздухе крик, который, несомненно, был сигналом к нападению, как из кустов в стремительном броске метнулись вытянутые в воздухе фигуры: два хищника, действуя с великолепной слаженностью, набросились на беззащитного в воде увальня.

— Черные пантеры! — воскликнул Андре и хладнокровно опустил ружье.

— Черные пантеры! — эхом отозвался Фрике. — Я тоже хочу посмотреть... Этих зверушек я встречал только в Ботаническом саду. Говорят, им нет равных по силе и свирепости. Ай-яй-яй! Плохи твои дела, толстячок!

Носорог меж тем испустил ужасный, пронзительный и яростный вой, в котором звучали боль, бешенство и страх.

Его положение действительно было отчаянным.

Свирепая пара пантер, столь же стремительных, сколь бесстрашных, застигла его врасплох, совершенно лишив возможности защищаться.

Самец, впрыгнувший на спину и глубоко вонзивший в толстые складки бугорчатой кожи мощные клыки, изогнув спину в типичной для всех кошачьих позе, рвал противнику шею, стремясь добраться до шейной артерии.

Самке, уступающей спутнику в силе, не удалось совершить столь же мощный прыжок. Передними лапами она вцепилась в круп носорога и, бешено вгрызаясь в его бедро, рвала сухожилия.

— Господин Андре, — прошептал Фрике, — если бы у этого пузана был не такой скверный нрав, мне стало бы его жалко. Смотрите, как рвут его пантеры — ей-богу, они сервируют его на обед еще живым!

— Не успеют, пожалуй. Внимание! Не то чтобы мне было так жаль носорога, но эти зверюги просто отвратительны. А кроме того, шкура черной пантеры так красива, и это такая редкость, что я попробую раздобыть для нас хотя бы одну.

— Вы хотите стрелять отсюда?

— Еще бы, черт возьми! На ста двадцати метрах даже посредственный стрелок обязан всадить пулю в шляпу, которая гораздо меньше головы самца...

Раздался мощный звук выстрела из карабина «Экспресс», многократно повторенный эхом.

Самец, как подброшенный пружиной, выпрямился и застыл на несколько секунд, выгнув спину, запрокинув голову и подняв передние лапы прямо перед собой, словно изображение на гербе, а затем рухнул вниз, задев самку.

Та, не обратив никакого внимания на выстрел, который, возможно, приняла за раскат грома, издала ужасающий вопль при виде упавшего мертвого самца.

Решив, что его убил носорог, она прыгнула ему на спину, пытаясь вцепиться зубами в горло и вырвать когтями глаза.

— Внимание! — снова прошептал Андре.

— Вот это класс! — не выдержал Фрике. — Хочет сделать дубль с черными пантерами. Что за человек!

Второй выстрел грянул в тот самый миг, когда пантера вцепилась в морду носорога.

Пуля вошла между лопатками прямо в позвоночник — пантера сдавленно зарычала, но не разжала зубов.

Носорог, обезумев от ужаса и невыносимой боли, бешено затряс головой, не в силах заставить умирающую пантеру разомкнуть челюсти.

Однако от резкого движения головой длинная губа носорога, похожая на маленький хобот и уже наполовину разорванная пантерой, не выдержала и оборвалась окончательно.

Судорожно взмахнув лапами, перекувырнувшись, как кошка, пантера рухнула на труп самца.

Изуродованный, окровавленный, взбешенный носорог, освободившись от своих врагов, жалобно замычал и закружился на месте, будто пораженный безумием. Вода вокруг него окрасилась в красный цвет.

Но внезапно он гневно рыкнул, увидев через кровавую пелену, застилавшую ему глаза, какие-то неподвижные фигуры, над которыми поднимался беловатый дымок.

Из-за резкой отдачи после двух выстрелов из карабина лодка двинулась вперед и вышла из высоких зарослей осоки, до сих пор полностью скрывавших ее.

— Ну, теперь он точно бросится на нас! — вскричал Фрике, безошибочно оценив агрессивные намерения зверя.

— Разумеется, — ответил Андре, с полным хладнокровием переломив ружье и вложив в стволы два металлических патрона, — он плывет в нашу сторону, хотя и истекает кровью. Клянусь честью, тем хуже для него. Я снесу ему череп. Сидите спокойно, надо подпустить уродца поближе.

С этими словами Андре перешел на нос, без всякого страха и с некоторым любопытством разглядывая чудовищного зверя, плывущего к лодке с поразительной скоростью.

Невозможно было представить ничего отвратительнее этой изувеченной морды с вырванной губой, обнажившей верхнюю челюсть, с висящими лохмотьями кожи и разорванными веками, из-под которых сверкали налитые яростью глаза; ничего страшнее этого рыка, который вырывался из полураскрытой пасти.

Секундное замешательство, дрогнувшая рука, осечка — и лодка превратится в щепу, а все четверо пассажиров будут расплющены в лепешку.

Носорог был уже в десяти футах.

— Черт возьми, ну и уродина, — успел все-таки сказать Фрике, неисправимый болтун, — однако... пора, знаете ли!

Эти слова в какой-то мере заменили команду «огонь!».

Андре в третий раз нажал на спусковой крючок карабина.

Он целил в середину черепа, в то углубление, в основе которого лежит костяная пластина, защищающая мозг.

Настоящая броня!

Охотник подпустил зверя на пять шагов, чтобы выстрелить почти в упор. Это был опасный маневр, но отменный стрелок, уверенный в надежности своего оружия, ни на секунду не потерял хладнокровия.

Ни одно живое существо не может устроить перед пулей «Экспресс».

Ужасная пуля пробила череп, и зверь, остановленный на полном ходу, вдруг застыл на месте, как пораженный молнией, — с широко открытыми глазами и с разинутой пастью. Не успев ни вскрикнуть, ни даже захрипеть, он стал медленно погружаться в воду, как получившая про-

боину лодка, и, опустившись на дно, остался лежать среди растущей в тине травы, прекрасно видный в прозрачной воде.

Конвульсивное движение ног, несколько пузырьков воздуха, вырвавшихся на поверхность воды,— и все было кончено.

— Ну, что скажешь, парижанин? — безмятежно спросил Андре.

— Что скажу? Скажу, господин Андре, что это ужасно. Голова лопнула, как тыква... Клак! — и мозги наружу. Какая жалость, что он утонул! У него великолепный рог, да и голову вполне можно было бы препарировать.

— А кто тебе сказал, что мы оставим его гнить под водой? Я тоже хочу чем-нибудь разжиться. Нет ничего проще: наши лихие ребята поднырнут к нему с якорной цепью и затралят за ногу на берег. Впрочем, еще лучше будет, если встанем здесь на якорь — надо ведь и пантер захватить. Что до рубки дров, то на сегодня я себя осваиваю: я достаточно размялся и вдобавок зверски голоден. Вернемся — позавтракаем.

ГЛАВА 7

Пантера с острова Ява... и из других мест.— Сувенир для отсутствующих.— Две великолепные шкуры.— Полный вперед! — Тектоновый лес.— Многочисленные ценные качества тикового дерева.— Тиковое дерево и императорские сокровища.— Какофония.— Птица-носорог.— Легкомыслие пылкого, но неопытного охотника.— Промах.— Калао отступают.— Еще одна попытка.— Мудрые предосторожности.— Недостатки ружья калибра 16 миллиметров.— Клюв и рог птицы-носорога.— Парижанин и его приемный сын.*

Черная пантера уступает в размере обычной пантере, но намного превосходит ее в свирепости, а это кое-что да значит! Она исключительно красива и обладает чудесным мехом. С виду — хрупка и грациозна, но на самом деле отличается феноменальной силой и изумительной ловкостью.

Кто хоть раз видел, не забудет этого необыкновенного зверя: черную морду гигантской кошки с короткими ушами и слегка изогнутым носом; поблескивающие золотом

* Ява — остров в Малайском архипелаге (см. выше).

глаза, томно сощуренные и покрытые легкой поволокой; всегда полуоткрытую пасть с белыми зубами, сверкающими еще ярче по контрасту с черной шерстью.

Если у обычной пантеры блестящая желтая шерсть усеяна красивыми темными пятнами, сгруппированными «в букеты», то есть по пять или шесть, то у черной переливающаяся серебром шкура на первый взгляд выглядит совершенно однотонной. Но, присмотревшись, можно обнаружить те же самые пятна — только здесь они, напротив, чуть чернее тона шкуры, но рисунок их совершенно тот же, что у желтой пантеры. Их труднее заметить, ибо это черные пятна на черно-серебристом фоне.

Фрике, ловко и быстро освежавший самку, в то время как Андре проделал то же самое с самцом, не уставал восторгаться красотой изумительных шкур.

Выразив еще раз восхищение прекрасным дуплетом своего друга, парижанин задумался, а затем спросил, почему черную пантеру называют пантерой острова Явы.

— Наверное, потому,— ответил улыбаясь охотник,— что этот зверь водится в Индокитае и в Бенгалии.

— Может быть, сие объяснение достаточно для других, но, признаюсь, не для меня.

— Тебе трудно угодить. Но добавить ничего не могу. Ученые мужи, решив, что черная пантера встречается только на Яве, дали ей название яванская пантера. Ну а если жизнь опровергла их непогрешимые суждения, то, право, это не моя вина. Впрочем, такое происходит не в первый и не в последний раз. Майор Ливисон из британского экспедиционного корпуса в Индии застрелил черную пантеру на континенте, а не на острове. Наш соотечественник Тома Анкетиль встречал этого зверя в Бирме... Я мог бы привести еще много примеров, да и о нашем не стоит забывать.

— Значит, вот как пишется история... естествознания,— усмехнулся парижанин,— но в любом случае черная пантера, будь она островная или континентальная,— зверь совершенно великолепный. Хотел бы я поглядеть, какую мину скорчат наши горе-охотники, когда мы доставим из дорожных сундуков эти шкуры, смазанные маслом.

— Ах да! Я ведь почти забыл об этих неверных друзьях... Ладно, пусть себе предаются домашним удовольствиям и наслаждаются прелестями сидячей жизни, а нам надо заняться носорогом. Кстати, какой приблизительно длины наши пантеры? Мне кажется, они превышают размеры, указанные в описаниях.

— Метра у меня нет, но я знаю, что у моего ружья ствол длиной в семьдесят пять сантиметров. Так что

измерить их не составит труда. Готово! Муженек имеет длину в один метр сорок пять сантиметров от кончика носа до основания хвоста. Супруга чуть поменьше — один метр тридцать сантиметров, что тоже совсем неплохо...

Шлюп, подошедший к месту сражения, стоял под парами, пока друзья обдирали зверей. Затем один из черных слуг бесстрашно бросился в реку и зацепил якорной цепью ногу мертвого носорога. Таким образом, его удалось довольно легко отбуксировать к берегу, не очень крутому в этом месте, и вытащить на лужайку. Носорог лежал на траве, подобно жареной индейке, украшенной кресс-салатом*.

Андре хотелось сохранить шкуру, но пантеры так потрудились над ней зубами и когтями, что в некоторых местах кожа, хотя и отличающаяся исключительной плотностью, превратилась в лохмотья.

Только голова, несмотря на глубокие раны, представляла некоторый интерес — как благодаря очень красивому рогу, достигавшему семидесяти пяти сантиметров в длину и двадцати пяти сантиметров в диаметре у основания, так и из-за великолепной пробоины, оставленной в черепе пулей «Экспресс».

Андре не без труда удалось саблей отрубить голову; ее подняли на борт, с тем чтобы препарировать по всем правилам как экспонат для коллекции.

Шлюп вновь двинулся вверх по течению. Спустя два дня без всяких приключений путешественники достигли великолепного леса из тиковых деревьев, разделенного рекой на две части.

Этот громадный лес поражает воображение путника, замирающего от изумления и восторга перед его необозримостью: всюду, куда хватает глаз, видны только величественные деревья, рядом с которыми ничто не может расти.

Их прямые стройные стволы сероватого оттенка и шероховатые на ощупь устремляются в небо, подобно огромным колоннам; вершины увенчаны шапкой из листьев, темно-зеленых с внешней стороны, бархатистых с белыми прожилками — с внутренней.

А как странен и непривычен подлесок, темный и пустынный, где под ногами на лишенной растительности земле пружинит толстый слой полусгнивших листьев, опавших в течение веков.

Листва этих гигантов не пропускает воздух и солнеч-

* Кресс-салат — однолетнее овощное растение семейства крестоцветных, листья которого используют в пищу.

ный свет. И если найдется рядом с ними какое-нибудь одинокое растение, то это ровесник тектоны, добившийся права на жизнь в ожесточенной борьбе за существование.

Только на лужайках, залитых горячим солнечным светом — там, где гигантские деревья были сражены молнией или срублены рукой человека, — тропическая природа щедро рассыпает все свои сокровища.

Тиковому дереву нет равных по твердости и крепости: черви бессильны перед ним, оно не гниет в соленой воде, хорошо переносит и сухость, и влажность — словом, равно неуязвимо в воздухе, в воде и на земле. Поэтому его используют для строительства домов и храмов в Индии и в Индокитае, а во всех странах мира — при сооружении кораблей и оснастки.

Остов судна, мачты, обшивка, деревянные панно в роскошных каютах пароходов — для всего этого используется тектона.

Ее полированная поверхность очень красива; однако это дерево требует чрезвычайной внимательности при обработке, поскольку волокна его расположены весьма неравномерно и неудачное движение рубанком вызывает появление множества осколков и заусенцев.

Считалось даже, что неумелый или невнимательный рабочий может погибнуть, если пренебрежет мерами предосторожности при работе с тиковым деревом.

Конечно, утверждения, что тиковое дерево обладает какими-то особыми ядовитыми свойствами, совершенно лишены оснований. Но не следует забывать, что в тропиках даже небольшая ранка нагнаивается очень быстро и может вызвать опаснейшее воспаление, не говоря уже о столбняке, против которого нет лекарства.

Таким образом, к смерти может привести самая обыкновенная заноза, а при работе с древесиной тектоны эта опасность возрастает многократно.

Многочисленные ценные качества тикового дерева и широкая сфера его применения служат источником громадных доходов для бирманской казны — иными словами, для императора, которому принадлежат все тектоновые леса.

Надзирать за ними приставлены специальные чиновники, наподобие наших лесников. Впрочем, уследить за ними самими весьма трудно, и они умело пользуются выгодами своего положения.

Но, несмотря на воровство, неудачные или преждевременные вырубki, продажу участков жадными до наживы чиновниками; несмотря на расточительность императоров, щедро жертвующих бесценное дерево своим прибли-

женным, монастырям и заезжим филантропам*, обещающим построить «дома отдыха» для путешественников и паломников, тектона остается самым надежным источником дохода, а леса — почти нетронутыми, ибо распахивать их запрещено, а добраться до них при бирманских средствах передвижения довольно трудно.

Поэтому можно назвать эти леса девственными, ибо только дикие звери чувствуют себя в них как дома и размножаются в необыкновенных количествах.

Шлюп встал на якорь в выбранном Андре месте, и Фрике, осмотревшись, увидел на берегу участок, почти совершенно лишенный травы, с многочисленными следами крупных животных, в частности, буйволов и слонов.

— Место отличное,— сказал он своему другу,— завтра мы сможем себя показать. А пока я прогуляюсь по берегу, осмотрю наши охотничьи угодья.

— В два часа дня? В такую жару? Да ты спятил. Ложись лучше в гамак и отдохни после обеда.

— Нет смысла, господин Андре, у меня зуд в ногах. Уж я-то себя знаю: сам не сомкну глаз и вам не дам поспать... Ого! Что это за гам? И какая суматоха там, вверху, среди листвы!

Кочегар, выпуская пар из трубы, решил позабавить маленького Ясу, уже вполне освоившегося со своим новым положением, и дал несколько свистков.

При этом необычном звуке, который, вероятно, не раздавался здесь никогда, птицы, неподвижно сидящие в листве, спасаясь от невыносимой жары, с пронзительными криками стали разлетаться в разные стороны.

Фрике не обратил бы никакого внимания на это стремительное бегство, если бы не различил в какофонии диких криков нечто необычное — звонкое клекотанье, какие-то сдавленные рычания, сопровождаемые шумом крыльев и щелканьем клювов.

Он увидел, как несколько крупных черно-белых птиц, размером с индюшку, но с огромными бесформенными и странными на вид клювами, тяжело снявшись с вершины дерева, стоящего у берега, перелетели на сотню метров дальше от реки.

— Я уже где-то видел этих странных птиц... Да, да,

* Филантроп — тот, кто занимается благотворительностью, филантропией.

я видел их на острове Борнео*. Они называются... черт возьми! Что с моей памятью?

— Ты хочешь сказать, что это калао, не так ли?

— Точно... калао.

— И кажется, если я верно разглядел, эти принадлежат к виду, именуемому птица-носорог. Ну, друг Фрике, один удачный выстрел, и наша коллекция пополнится великолепным экземпляром.

Эти слова произвели эффект горсти пороха, брошенной в костер, буквально подпалив пятки парижанину.

Схватить охотничье ружье шестнадцатого калибра, зарядить его на бегу дробью и броситься к тому месту, где укрылись беглянки,— все это было для него делом одной секунды.

Прошло несколько минут, и раздалось два выстрела... слишком поспешных выстрела, о которых опытный охотник скажет: «Весьма скверный дуплет».

Именно так и подумал Андре, спокойно сидя на складном стуле. Вскоре показался Фрике — явно сконфуженный, весь в поту и без добычи.

— Я мог бы сказать, что это невезение, господин Андре, но не буду: оправдываться нечем, я просто мазила.

— У тебя ветер в голове, так будет вернее.

— Как это?

— Черт возьми! Бросаешься в лес сломя голову, даже не посмотрев, высоко ли дерево, на котором сидят птицы, не изучив толком их повадок и не рассчитав дальнобойность своего ружья. Ну-ка, скажи, какова, по-твоему, высота этих тиковых деревьев?

— Ну... примерно метров сорок.

— Холодно, мой милый вертопрах. Прибавь по меньшей мере метров двадцать, и ты окажешься ближе к истине.

— Не может быть! Шестьдесят метров?

— Возможно, и больше, но уж наверняка не меньше. Шестьдесят метров уже требуют дальнобойного ружья, а стрелять приходится, держа ружье почти вертикально,— поэтому дробью шестнадцатого калибра невозможно снять этих птиц, учитывая их вес и размеры.

— Согласен, ваша правда! Возьму карабин «Экспресс».

— Тогда ты разнесешь птицу в клочья. Поверь мне, наилучшим решением будет взять ружье восьмого калибра и дробь номер три, а не нулевую, которую ты схватил

* Борнео, Калимантан — самый крупный остров в Малайском архипелаге (см. выше).

впопыхах. У этой дробин, заключенной в металлические патроны, вполне достаточная убойная сила.

— Хорошо! Сейчас заменю ружьишко — и бегом за добычей.

— Ого! Какой бес в тебя сегодня вселился? Я никогда тебя таким не видел.

— Демон охоты, господин Андре. Это он меня кусает и подталкивает. Но вы ведь этого и желали?

— Рад за тебя, но даже в охотничьем азарте не следует забывать о мерах предосторожности. Мы не у себя в Босе. Вместо того чтобы лететь на всех парах без боеприпасов, без пищи и воды, сделай мне одолжение, собери свою охотничью сумку. В твоём патронташе тридцать ячеек для патронов: возьми двадцать с дробью и десять с пулями. Не забудь фляжку с кофе, а к нему пару-тройку галет.

— Но зачем мне все это? Я пройду не больше километра, ну, может быть, два.

— Э, когда ходишь по этому проклятому лесу, никогда не знаешь, что может произойти.

— Но я отлучусь всего на часок!

— Надеюсь, иначе не пустил бы. Впрочем, ты не ребенок, а калао, конечно, стоит того, чтобы за ним побегать. Это очень странная птица: от кончика клюва до хвоста в ней метр двадцать сантиметров; оперение шелковистое; черная с голубоватым отливом спина резко контрастирует с белоснежным брюхом; хвост белый с черной продольной полосой, а на голове хохолок из заостренных перышек — в целом, очень приятная на вид птица, но в ней не было бы ничего замечательного, если бы не ее голова. Представь себе, что к этой маленькой головке с хохолком привешен огромный клюв, длиной от тридцати до тридцати пяти сантиметров и толщиной в десять сантиметров у основания, а у той разновидности, которую именуют птицей-носорогом, на верхней части клюва имеется еще роговой отросток, слегка загибающийся назад, длиной от семи до восьми сантиметров. Он действительно очень похож на рог носорога.

— Это украшение, должно быть, дьявольски тяжелое?

— Вовсе нет. Сам клюв образован из очень пористой мышечной ткани, и только верхний слой представляет собой ороговевшую пластину, отличающуюся чрезвычайной прочностью и твердостью. Так что, несмотря на устрашающие размеры, клюв не слишком стесняет птицу. Если ты сумеешь подобраться к ней тихонько и подглядеть, как она ест, то увидишь весьма любопытную вещь. Поскольку из-за огромных размеров клюва и слишком

коротких лапок эти птицы не могут клевать корм, подобно мелким пташкам, и разрывать добычу клювом и когтями, подобно крупным, им приходится заглатывать ее целиком. Для этого они хватают облюбованный корм — ягоды, зерна, орехи и прочее, подкидывают вверх и ловят с ловкостью жонглера в широко раскрытый клюв.

— Послушайте... это очень похоже на туканов*. Я как-то видел их, они проделывают то же самое своим клювом, напоминающим банан.

— Совершенно верно. Тукан чрезвычайно похож на калао, но разница в размерах здесь такая же, как между волнистым попугайчиком и гигантским ара**. Однако довольно теорий: один ружейный выстрел даст тебе больше, чем все ученые труды, вместе взятые.

— После ваших рассказов мне еще сильнее хочется раздобыть эту птицу. Я не мешкая за ней отправляюсь. До скорого, господин Андре.

— До свиданья, дружище. Постарайся вернуться не с пустыми руками.

Фрике быстро, как опытный путешественник, собрался в поход, следуя заботливым указаниям друга, закинул ружье за спину и скорым шагом направился в тектоновый лес.

Но не успел он сделать и десяти шагов, как услышал, что следом кто-то семенит: это был маленький бирманец Яса, решивший, без всякого сомнения, увязаться за ним на охоту.

Первым движением Фрике было отослать мальчика на шлюп, но на выразительном смуглом личике была написана такая мольба, ручонки тянулись к нему с такой доверчивостью и любовью, а единственное слово, которое он произносил, — «Фли-и-ке!», — звучало так жалобно, что парижанин уступил.

— Господин Андре, малыш пойдет со мной, — крикнул он другу.

— Хорошо, — ответил тот. — Так даже лучше, не забредешь слишком далеко.

Через четверть часа Фрике оказался там, где, по его предположениям, должны были таиться в вершинах деревьев калао.

Он продвигался вперед с величайшей осторожностью, надеясь захватить птиц врасплох и пустить в ход новое ружье.

Но внезапно тишину леса разорвали хлопанье крыльев,

* Тулканы, перцеяды — семейство птиц отряда дятлообразных.

** Ара, ара — название 2 родов длиннохвостых попугаев. 17 видов, в Америке (от Мексики до Парагвая).

щелканье клювов и квохтанье, так что у юноши не осталось никаких сомнений — его присутствие было обнаружено.

Добыча снова ускользнула.

— Клянусь честью! — сказал себе парижанин. — Я пойду за ними, пусть даже они приведут к самому дьяволу! С меня пот льет градом, но малыш держится молодцом. Да, за этим мужичком мне не угнаться... они здесь, похоже, из бронзы. Но если он устанет, сделаем привал. А пока — вперед, не то опять придется возвращаться с пустыми руками.

ГЛАВА 8

В погоню за птицами-носорогами. — Разочарование и упрямство. — Наконец-то! — Первая добыча. — Невероятная легкость калао. — О воздушных мешках у птиц вообще и у калао в частности. — Поляна. — Встреча с королевским тигром. — Что могут сделать два патрона с дробью номер три. — Отступление. — Кровавый след. — Мертв! — Ужасные раны. — Последний выстрел, чтобы добить умирающего. — Скучный ужин. — В обратный путь. — После трех часов ходьбы. — Вот так штука!

Андре недаром сказал: «Никогда не знаешь, что может произойти в этом чертовом лесу!»

Фрике довольно скоро пришлось убедиться в мудрости друга и возблагодарить небо за предусмотрительность, проявленную при сборах на охоту.

Калао не слишком хорошо приспособлены к полету, но компенсируют несовершенство крыльев чрезвычайной бдительностью. Как бы ни были они поглощены своими обычными занятиями — обдирать кору с деревьев, срывать орехи, чистить с громким квохтаньем перья, — они всегда остаются настороже и готовы в любой момент возвестить тревожным криком об опасности.

При приближении любого подозрительного существа эти пернатые шумно взлетают, оглашая воздух пронзительными воплями, и устраиваются в сотне шагов дальше, не столько садясь, сколько валясь на ветки и совершая странные, похожие на раскачивание маятника движения головой и хвостом, которые служат взаимным противове- сом, но, кажется, в любой момент могут перевесить друг друга.

На первый взгляд эти птицы настолько неуклюжи, их

поведение настолько неразумно, равновесие столь неустойчиво, что возникает обманчивое впечатление их чрезвычайной уязвимости. Неопытный охотник, раззадоренный тем, что они отлетают всего на сотню метров, стремится настичь их, воображая, что для этого достаточно удвоить осторожность и ни в коем случае не прекращать преследования.

Это убеждение еще более крепнет оттого, что хитрые птицы иногда подпускают человека довольно близко.

Полный надежд, тот крадется, стараясь ступать как можно тише, съежиться и стать как можно незаметнее; вот он, дрожа от азартного нетерпения и полагая, что подобрался незаметно, прицеливается — но тут стая с шумом снимается, оглушая неумеху какофонией пронзительных криков.

Право, от этого можно сойти с ума!

Фрике с таким упрямством и ожесточением преследовал калаа, что незаметно для самого себя — минута за минутой, дерево за деревом — прошагал почти полтора часа, и каждую секунду ему казалось, что вот сейчас он наконец подстрелит птицу.

Впрочем, он мог бы уже добиться успеха, если бы не был сбит с толку своей первоначальной неудачей, виной чему был калибр его ружья. Он совершенно забыл, что у ружья восьмого калибра дальность вдвое больше.

Но наконец взбешенный бесплодностью своих трудов, изнемогая от усталости, поскольку пришлось пробираться то на четвереньках, то просто ползком по влажной, липкой почве, он вскочил и в ярости выстрелил в самую середину стаи как раз в тот момент, когда птицы-носороги с насмешливым квохтаньем перелетали подальше.

Едва смолк звук громкого выстрела, многократно отраженный гигантскими деревьями, как раздались жалобные крики с вершины тектоны:

«Крааа! Крааа! Крааа!»

Одна из птиц повисла на ветке головой вниз, зацепившись за нее одной лапой и полураскрыв крылья.

— Наконец-то! — вскричал охотник не помня себя от радости. — Одна, кажется, готова. А ружье восьмого калибра классно бьет! Ну-ка, моя пташка, иди ко мне, не заставляй себя просить! Поживей, поживей! Вот так, моя красавица! Ты станешь украшением нашей коллекции.

Действительно, птица, смолкнув и выпустив из судорожно сжатой лапы ветку, за которую держалась, тяжело упала на землю.

Малыш Яса с пронзительным воплем ринулся к добы-

че, завоеванной столь тяжким трудом, а Фрике, не уступающий мальчику в ребячливости, отложив ружье, принялся выкидывать коленца, которые привели бы в изумление даже тропическую Терпсихору*.

— Спасибо, дружок,— сказал он сияющему малышу,— очень мило с твоей стороны притащить мне добычу, но только брось ее скорее, ведь она величиной почти с тебя самого и, должно быть, тяжеленная! Ну и силач же ты, однако! Тащишь так, будто это жаворонок. Что такое? — проговорил француз в изумлении, приподняв птицу за шею.— Вот это да! Она никак не меньше нашего гуся и, следовательно, должна весить от двенадцати до пятнадцати фунтов, а тянет всего лишь на три! Странно! Очень странно! Но если ты такая легкая, отчего так плохо летаешь? Впрочем, нам жаловаться грех — легче будет нести.

Если бы Фрике, малый, впрочем, довольно образованный, дал себе труд изучить анатомию некоторых птиц, он узнал бы, что у калао чрезвычайно развит так называемый воздушный мешок, иными словами — резервуар для воздуха, поступающего из трахеи и легких; у некоторых птиц он непосредственно соединяется с костью крыльев.

Кроме того, между кожей и мясом имеются карманы — на боках, на шее, спине, в крыльях и даже на лапах. Эти карманы надуваются при вздохе, так что воздух заполняет не только все тело птицы, но и ее пористый клюв. Этим и объясняется легкость такой грузной на вид птицы, как калао-носорог: размером она с хорошую индюшку, а вес ее едва превышает полтора килограмма.

Фрике, подивившись легкости добычи, не мог налюбоваться прекрасным черным оперением, отливающим синим и зеленым, белизной брюшка, а особенно чудесным клювом с ярко-красным роговым отростком, контрастирующим со светло-желтым цветом самого клюва, темнеющего у основания.

Затем парижанин сказал:

— Ничто так не освежает охотника, как добыча. Я больше совсем не чувствую усталости, а ты, малыш?

Однако мальчуган был не в силах понять, что говорит его друг. Ухватив птицу за голову, он взвалил ее себе на плечо, так что тело калао почти целиком закры-

* Терпсихора — в греческой мифологии одна из 9 муз, покровительница танцев.

ло ему спину. Затем затанцевал перед Фрике, как бы пригласывая следовать за собой.

И этот молчаливый ответ был красноречивее всяких слов.

— Ну, вперед! — сказал Фрике. — Ты молодчина! Нам нужно раздобыть еще одного летающего носорога, и вдвоем мы его добудем.

Фрике отличался предусмотрительностью, а потому, проворно перезарядив ружье, положил в карман пустой латунный патрон, которым можно пользоваться много раз, и зашагал следом за своим неутомимым маленьким спутником.

Но, к великому своему удивлению, как ни таращил охотник глаза и ни напрягал слух, больше не видел и не слышал ничего, что указывало бы на присутствие птиц.

Вероятно, гром выстрела и свист дробы в ветвях, крик смертельно раненного товарища испугали стаю до такой степени, что она улетела на непривычно далекое расстояние. Возможно также, что от потрясения увеличилась и дыхательная способность пернатых: воздушные мешки раздулись гораздо больше обычного, что уменьшило вес тела и облегчило полет.

— Ничего не поделаешь, — вынужден был вскоре признать Фрике, раздосадованный столь стремительным бегством. — Что ж! Раз так, надо подумать о возвращении на шлюп, потому что мы, кажется, сами того не замечая, отмахали несколько километров. А господин Андре был совершенно прав, заставив меня запастись кофе и галетами! Сейчас перекусим, хлебнем кофе, а потом ноги в руки и вперед. Верно, мальчуган?

— Тя, — ответил приемный сын.

— Вон смотри, премилая полянка с цветами, и деревья не такие высокие и не такие угрюмые, как эти здоровенные глупые тектоны. Может быть, на них растет что-нибудь съедобное, а может, там есть источник... Если ты не против, двинемся туда: я бы охотно заел галету чем-нибудь вкусеньким и выпил бы холодной водички, чтобы побережь кофе. Пошли, но будем начеку! Эти поляны в чаще леса! На вид красивенькие, но зверья там!..

С этими словами наш болтунишка взял ружье в руки и, держа его наперевес, двинулся к поляне — до нее было около двухсот метров.

Поляну отделял от тиковых деревьев полупересохший ручей, в котором вода плескалась на самом дне. Ближайшие к ручью тектоны стояли от него примерно в десяти шагах, а на другом берегу вздымались великолепные дере-

вя, зеленая листва которых указывала, что почва достаточно пропиталась влагой. Посреди этого зеленого свежего оазиса стояли группой тонкие жесткие кокосовые пальмы, которых Фрике никак не ожидал здесь увидеть.

— Здесь мы будем как сыр в масле,— сказал парижанин, уже собираясь перескочить через ручей.— Что такое?

И он остановился как вкопанный, услышав чей-то сладкий зевок.

— Есть тут кто-нибудь? — полюбопытствовал Фрике своим неизменным насмешливо-добродушным тоном.— Секундочку! Шутки в сторону!

В ту же минуту цветущие ветви кустарника, растущего на другом берегу ручья, раздвинулись, и к воде вышел огромный тигр, без сомнения, отсыпавшийся после обеда в райском уголке.

Это был настоящий королевский тигр с черными полосами на блестящей шкуре, с короткими мощными лапами и широкой грудью, с приплюснутой мордой и длинными усами, большими желтыми глазами со зрачками в форме буквы «I».

Он сладко потягивался, зевая, когда вдруг перед ним возник юный парижанин — надо признать, несколько растерянный, несмотря на свою вошедшую в поговорку самоуверенность.

Впрочем, хищник был изумлен не меньше — застыл в неподвижности, очевидно, не зная, на что решиться.

Фрике быстро вскинул ружье и почувствовал, как по спине его пробежал холодок: он вспомнил, что ружье заряжено дробью.

Тигр, увидев большую железную палку на уровне глаз, мягко пригнулся, так что грудь его почти коснулась земли.

«Сейчас прыгнет»,— пронеслось в голове Фрике.

И он не мешкая дал залп из обоих стволов прямо в морду зверя. Пах! Пах! Оба выстрела раздались почти одновременно, но их заглушил бешеный рев, вырвавшийся из пасти раненого хищника.

Все четыре лапы распрямились, подобно пружинам; Фрике едва успел пригнуться, и тигр, перелетев через его голову, тяжело рухнул на землю.

Схватить на руки маленького Ясу, так и не выпустившего из рук калао, и помчаться прочь оказалось для парижанина делом одной минуты. Его единственной мыслью было: «Сначала укроем мальчугана, а там будет видно».

За несколько секунд он пробежал метров пятьдесят, а остановился, когда понял, что тигр их не преследует. Тут юноша вытащил из кармана пустые патроны, зарядил

порохом и пулями, затем вложил в стволы и вздохнул с облегчением.

— Кажется, котику хватило... повезло нам! Но кто мог ждать такой встречи? И с ружьем, в котором нет ничего, кроме дробин! Правда, ружье восьмого калибра, а в патроне двенадцать с половиной граммов пороха и семьдесят граммов дроби третьего номера... Должно быть, зверю попало в морду все — и порох, и дробь, и пыж. Надо взглянуть.

Охотник пошел обратно: маленький бирманец следовал за ним по пятам; глаза мальчугана сверкали, как черные алмазы, он по-прежнему волочил за собой калао, бывшего его по икрам.

Фрике без труда обнаружил следы тигра и пошел по ним с такой уверенностью, как если бы видел зверя: путь был забрызган кровью, показывавшей, что тигр получил серьезную рану.

Кроме того, зверь, по всей видимости, ослеп, ибо несколько раз наткнулся на деревья, оставляя на коре большие розовые пятна.

Пройдя метров двести, Фрике наконец увидел распростертого на земле тигра. Хищник был еще жив: бока его конвульсивно вздрагивали, а лапы дергались в тщетном усилии подняться.

Но это была агония, и, видимо, мучительная, если судить по тому, как была изрыта когтями земля и как ободрана кора ближайшего тикового дерева.

Фрике вне себя от изумления не мог поверить своим глазам.

— Черт возьми! Королевский тигр убит дробью! Это невероятно. Расскажи я об этом опытным охотникам, они сочтут меня хвастунишкой. И, однако, это такая же истина, как солнце в зените... У, какая зверюга! Он мог бы меня прикончить одним ударом лапы. Дьявол меня раздери, он ничуть не уступает по размеру покойному Людоеду! Да, здорово у нас идут дела, у господина Андре и у меня. Нам решительно все удастся в этой стране тигров. Черт, опять я разболтался, как попугай мамыши Бигорно, доброй хозяйки матросского кабачка из Лорьяна...* Пора и делом заняться.

Во время этого монолога конвульсивные движения лап и подергивание боков тигра почти прекратились, а хрипы стали едва различимы. Зная, насколько живучи эти ужасные звери, Фрике решил нанести для верности последний удар и, прицелившись в сердце, выстрелил.

Глубокий вздох вырвался из груди тигра, тело сотряс

* Лорьян — город и порт на западе Франции, на полуострове Бретань.

ла крупная дрожь — и зверь замер. Последний выстрел, в сущности, был ни к чему.

Маленький Яса, смотревший на эту сцену в зловещем молчании, испустил пронзительный крик в тот самый момент, когда хищник содрогнулся в последний раз; затем, схватив Фрике за руку и сжав ее изо всех сил, мальчик навзрыд заплакал.

Фрике, успокоив малыша ласковыми словами и нежным поглаживанием, смог наконец рассмотреть нанесенные дробью раны.

Верхняя часть черепа была буквально раскрошена, глазницы пусты и залиты кровью, кожа на морде висела лохмотьями. Голова превратилась в кашу из запекшейся крови, раздробленных костей, ошметков мяса и шерсти.

Некоторые дробинки попали через пробитый череп в мозговую ткань. Однако кошачьи, как мы уже говорили, настолько живучи, что тигру удалось проползти еще около двухсот метров!

Таков был этот чудесный выстрел — один из самых необычных за всю карьеру юного охотника, хотя подобные удачи не так редки, как может показаться.

Но пора было подумать о возвращении. Фрике пришлось скрепя сердце отказаться от мысли взять с собой добычу. Впрочем, он решил, что можно будет подвести шлюп поближе к этому месту и вернуться за трофеем вместе с черными слугами.

Вынув из кармана две галеты, француз по-братски разделил их, и оба мальчишки, маленький и взрослый, принялись весело грызть жесткое печенье, походившее на обожженную глину. Затем они вволю напились кофе из фляжки и, приободрившись после этого по-охотничьи скудного ужина, приготовились двинуться в обратный путь.

Фрике, закинув ружье за спину и привязав тушку калаа к поясу, быстро определил направление и весело зашагал вперед в сопровождении своего маленького друга.

...Они шли уже довольно долго, и кругом, куда хватало глаз, виднелись только тиковые деревья.

Парижанин, несмотря на свою выносливость и самоуверенность, начал с тревогой думать, что время тянется как-то уж слишком долго.

— Никогда не поверю, что я мог зайти так далеко... — бормотал он, по привычке разговаривая сам с собой в виду отсутствия собеседника, понимающего по-французски. — Недаром господин Андре меня предупреждал... Да и вообще, правильно ли мы идем? Эти деревья похожи друг на друга, словно их отливали в одной форме. По солнцу не сориентируешься: его совершенно не видно за густой

лиственной... Что же до всяких туземных хитростей, больше похожих на инстинкт животного, чем на разумное поведение человека, это мне явно не по зубам, и моему парижскому носу здесь вынюхивать нечего. Подумать только, я, старый, опытный путешественник, которому были нипочем даже леса Борнео, мог так увлечься погоней за этими проклятыми калао! Даже компаса не взял! И почему я не подумал о том, чтобы делать засечки ножом на этих кеглях, которые по ошибке зовутся тиковыми деревьями? Хоть бы о мальчике с пальчик вспомнил... Надо же быть таким идиотом!

Фрике вытащил часы и ошеломленно уставился на них — прошло уже больше трех часов! Полтора часа назад он убил тигра и, следовательно, должен быть недалеко от шлюпа, если, конечно, правильно выбрал направление.

Взглянув на малыша, он убедился, что тот переступает своими маленькими ножками без всяких признаков усталости, и ласково ему улыбнулся. Они двинулись дальше, по-прежнему видя перед собой только тектоны.

Парижанин уже начал подумывать, что самоуверенность все-таки не доводит до добра, как вдруг улыбка озарила его лицо, и он радостно закричал:

— Наконец-то! Можно сказать, пришли... Вот эту группу деревьев я хорошо помню, тут ошибки быть не может, я еще тогда обратил на нее внимание. Как говорится, попали в самую точку!

Фрике так хорошо попал в самую точку и так верно оценил направление, что через пятьдесят метров остановился как вкопанный, ошеломленно глядя на труп тигра.

ГЛАВА 9

Невозможно двигаться по прямой, если нет компаса.— Заблудившиеся в девственном лесу, на снежной равнине и в море описывают круги, сами того не сознавая.— Привал на поляне.— Бедро тигра на ужин.— Постель из шкуры тигра.— Гастрономические предрассудки.— «Бооль».— На следующее утро.— Тщетные планы.— Безответные сигналы.— Фрике утверждает, что дела все хуже, и он прав.— Лесная школа.— Эхо.— Гора.

Приведите человека, полностью владеющего своим телом и разумом, на какую-нибудь большую ровную площадку, завяжите ему глаза и попросите пройти всего лишь сто метров по прямой.

На его пути нет никаких препятствий: он знает, что опасаться нечего и можно смело двигаться вперед.

И вот — пошел... Не сделав и тридцати шагов, откля-

няется все больше в сторону. Сам того не замечая, он забирает вправо, описывая полукруг.

Он движется дальше, считая шаги, и, когда ему кажется, что сто метров пройдено, снимает повязку, ищет глазами поставленную цель и с изумлением видит, что стоит к ней спиной.

Даже на ста метрах он отклонился в сторону на целый полукруг более или менее правильной формы.

Увеличьте расстояние, если позволяет местность, хотя бы до двух-трех километров и проделайте этот опыт сколько угодно раз с самыми разными людьми — вы столкнетесь с одним и тем же явлением: человек не может идти по прямой линии с завязанными глазами и, заворачивая почти всегда направо, описывает круг или несколько кругов.

Человек, заблудившийся в тумане, неосознанно проделает то же самое даже на хорошо знакомой ему местности: он будет кружить без конца, пока не наткнется на какой-нибудь ориентир, с помощью которого сумеет определить направление.

А сколько раз это случалось с охотниками в туманные осенние дни! Моряки, потерпевшие кораблекрушение и лишившиеся компаса, не знают, куда плыть, если туман или облака скрывают от них солнце и звезды. Что бы они ни предпринимали, их несет по воле волн, и они описывают все те же роковые круги, пока наконец не появятся небесные светила.

В заснеженных степях России несчастные путники, застигнутые метелью, часто погибали, не в силах выбрать правильное направление, обреченные постоянно кружить на одном месте.

Этот феномен можно объяснить как угодно, но факт остается фактом: человек не способен двигаться по прямой, если у него нет компаса или если он лишен возможности ориентироваться по звездам; оказавшись предоставлен самому себе на волнах океана, в песчаной или снежной пустыне, в дебрях девственного леса, он будет возвращаться по своим следам и запутывать их, пока не убедится сам, что движется по кругу и почти всегда в направлении слева направо.

Особенно коварен в этом отношении тропический лес.

Горе тому охотнику или путешественнику, который отважился углубиться в него, не подумав о том, как станет возвращаться,— не отмечая свой путь засечками на деревьях или поломанными ветками.

Он должен всегда помнить о том, что необозримые тропические леса для европейца — день без солнца, ночь без звезд, океан без компаса. А потому следует отмечать свой путь таким образом, чтобы на обратном пути не возникло ни малейших сомнений, — именно это должно быть первейшей заботой, перед которой отступают все другие, какими бы важными они ни казались.

Фрике пренебрег этой элементарной предосторожностью, которая ничуть не помешала бы охоте на калао, и оттого оказался в критическом положении.

А меж тем стоило бы только, проходя мимо, оставлять на деревьях зарубки или гнуть ветки, и все было бы в порядке. Мы настоятельно рекомендуем сей способ всем путешественникам, оказавшимся в аналогичной ситуации.

Как уже было сказано, следует делать засечки или заламывать ветки, но только с правой стороны. В противном случае при возвращении путешественник рискует запутаться, поскольку не сможет определить, движется ли он вперед или в обратном направлении.

Это должно быть строжайшим правилом для путника: засечки справа — при движении вперед, слева — на обратном пути.

Наш герой, исходивший столько лесов, побывавший в джунглях Борнео и Экваториальной Африки, конечно, прекрасно знал это. А пренебрег мерами предосторожности только потому, что считал, будто отошел от шлюпа всего лишь на несколько сотен метров.

Теперь он ясно увидел, в каком положении оказался, однако не совершил еще одной ошибки, какую часто делают заблудившиеся в лесу: не бросился искать свои следы, а, усевшись недалеко от трупа тигра, к которому его привело роковое движение по кругу, стал размышлять.

— Итак, мы заблудились и, кажется, изрядно влипли. Я вел себя, как зеленый новичок, это ясно, и незачем больше ломать голову — все равно уже ничего не поправить. Только слабаки и дураки любят заниматься самоубийством. Если калао улетали от меня по прямой линии, то до шлюпа не больше двух лье, поскольку мы шли за ними полтора часа. Затем примерно столько же бродили по окрестностям, пытаюсь вернуться, но, как случается со всеми в подобной ситуации, попали на то же самое место. А это означает, что расстояние до господина Андре остается все таким же — те же два лье. Следовательно, нам

надо всего лишь, без лишней суеты и стараясь не забирать в сторону, преодолеть это маленькое расстояние. В принципе вещь совсем простая, но только не в джунглях. Возможно, придется попотеть целый день... может быть, два, прежде чем выберемся... Если, конечно, господин Андре, который наверняка бросится на поиски, не обнаружит нас раньше. Сегодня же вообще ни о чем не стоит думать. Через час стемнеет, а времени у нас остается, только чтобы соорудить хоть какое-нибудь укрытие. Завтра на рассвете двинемся. Только бы нам не разминуться с господином Андре — это уже будет верх невезения. Если же мы застрянем в этом чертовом лесу, что вполне возможно, надо подумать, как продержаться. У нас еще две галеты... на сегодня ужин, стало быть, есть. Утром надо думать о завтраке... может быть, зажарим калао, хотя очень бы не хотелось... или отведаем тигрятины? А почему бы и нет? Отбивная из тигра... я и не такое едал. К счастью, можно развести костер, трут и спички лежат себе в моей сумке. Кстати, отчего бы не изжарить тигриную отбивную прямо сегодня? Ты ведь поел бы мяса, мой сударик?.. Да? Черт возьми, я тоже... Но в таком случае надо пошевелиться: разделать зверя, принести дров, приготовить жаркое и лечь баиньки — и все это за один час. Ну что ж, приступим.

Парижанин тут же достал свой превосходный нож с пилкой, шилом, пробойником, маленьким секатором и широким клинком и приступил к разделыванию туши.

Поскольку не было смысла пытаться сохранить шкуру, превратившуюся в лохмотья на морде и на затылке, операция заняла не более четверти часа.

— Вот нам постелька,— сказал Фрике, быстро сворачивая шкуру. И добавил, ловко отрезав от туши кусок мяса: — А вот и жаркое. Теперь галопом к поляне. У нас всего три четверти часа до темноты.

С помощью маленького бирманца юноша быстро набрал огромную вязанку сухих веток, укрепил две рогатины для вертела, опытной рукой быстро разжег костер, побежал к ручью и налил во фляжку, где уже не было кофе, воды. Затем, присмотрев красивое коричневое дерево*, отломил тонкую пахучую ветвь, на которую нанизал свой шашлык, и, подождав, пока прогорят дрова, положил вертел на рогатины.

* Коричневые деревья — деревья или кустарники рода *коричник*, из коры которых приготавливают корицу.

Некоторые гурманы*, не отягощенные предрассудками, утверждают, что мясо крупных хищников из семейства кошачьих, хотя и не идет ни в какое сравнение с мясом травоядных, вполне съедобно и даже обладает своеобразным, не лишенным приятности вкусом.

Солдаты нашего экспедиционного корпуса в Африке не раз получали добавку к своему пайку в виде мяса пантеры, подстреленной ловким охотником. Утверждают, что это было очень вкусно — пальчики оближешь.

И царю зверей была оказана честь побывать в полковых котлах. Те, кому доводилось пробовать это мясо, дружно его хвалят, говоря, что оно весьма разнообразило скудный рацион.

Справедливости ради надо сказать, что у наших солдат в Африке были такие специи, которые доступны не всякому: их кушанья были приправлены молодостью и острым чувством голода после марш-броска в полной выкладке. Чего только не станешь есть в таких обстоятельствах, особенно если полевая кухня задержится.

Итак, мясо хищников можно есть**, пусть без большого удовольствия, но и без отвращения.

Вот и Фрике приступил к своему шашлыку так, как это может сделать двадцатидвухлетний юноша, пообедавший одной галетой, а затем три часа бродивший по лесу.

Хладнокровно поглощая обугленные с одной стороны и кровоточащие с другой куски мяса, не вспоминая о том, что для некоторых любителей вкусно поесть еда без соли немислима, он с одобрением взирал на маленького товарища, поедавшего свою порцию с таким же рвением и быстротой.

Когда оба насытились, Фрике, набравший вполне достаточное количество дров, расположил их таким образом, чтобы костер мог гореть достаточно долго сам по себе; затем расстелил на земле окровавленную шкуру тигра, подсыпал вокруг нее земли, чтобы сделать небольшую насыпь, зарядил ружье, положив его так, чтобы было под рукой, воткнул в землю нож, завел часы и, положив мальчика на прекрасный, мягкий, как атлас, меховой покров, растянулся рядом.

* Гурман — любитель и знаток тонких, изысканных блюд; лакомка.

** Как-то раз я решил попробовать на голодный желудок мясо леопарда — этого двоюродного, чтобы не сказать родного, брата пантеры. Но то ли сам я был не в расположении, то ли зверь мне попался неподходящий, я не смог, несмотря на все усилия, проглотить ни кусочка этого мяса — очень жесткого, жилистого и чрезвычайно пахучего. (Примеч. авт.)

Как все тонко организованные натуры, парижанин, хоть и устал, не смог заснуть сразу и долго лежал, прислушиваясь к шумам и шорохам в джунглях. Что и говорить, обстоятельства ко сну не располагали: то была подлинная симфония в исполнении бродячих виртуозов — ночных хищников, вышедших на охоту.

Только к полуночи Фрике наконец задремал, прослушав завывание шакала, тьяканье лающего оленя, рычание тигра, ворчание черной пантеры, крик лося и уханье совы.

К великому своему удивлению, он услышал также рев дикого слона, которого бирманцы называют, пользуясь звукоподражательным словом, просто «бооль».

Судя по всему, лесных великанов было много, ибо их «бооль» раздавался часто и с разных сторон.

Сон сморил молодого человека как раз тогда, когда он предавался размышлению, насколько рев слона, слышимый издалека, похож на далекий разрыв снаряда крупного калибра.

Ночь прошла благополучно. Костер потух, но хищники держались на почтительном расстоянии от двух друзей: их отпугивал резкий запах свежесодранной шкуры тигра.

Фрике, проснувшись от первых лучей солнца, с поляны сумел разглядеть, в какой стороне поднимается светило, и соответственно определить свое местонахождение.

Помня, что река Ян, на которой бросил якорь шлюп, течет с юга на север, он понял, что двигаться надо на запад.

Однако выбор правильного направления еще ничего не решал, поскольку Фрике предвидел, что придется столкнуться с теми же затруднениями, что и накануне.

Если бы предстояло идти по открытому пространству или хотя бы по такому лесу, в котором проглядывает солнце, то ничто не могло бы помешать путникам придерживаться заданного направления — за неимением компаса, само солнце направляло бы их. Но, к несчастью, им предстояло вновь углубиться в тектоновый лес, а листва тиковых деревьев, как уже было сказано, совершенно не пропускает солнечных лучей.

«Допустим, я попытаюсь идти по прямой,— размышлял Фрике,— но что из этого выйдет? Обязательно начну забираться вправо. Не пройдем и километра, как начнем описывать кривую. Предположим, я буду стараться сам сворачивать налево, чтобы избежать уклона, но в этом случае я могу забрать влево больше, чем нужно. Тем не менее надо идти; к тому же по пути я могу и даже обязан встретить ручей, впадающий в Ян».

Этот план был превосходен, потому что при невозможности следовать в нужном направлении действительно мог спасти какой-нибудь ручей. Тогда им останется только идти вниз по течению до места, где он впадает в реку, а затем уже двигаться вдоль реки, зажигая по ночам костры, а днем стреляя из ружья: над водой эхо разносится гораздо дальше, чем в лесу.

Услышав звук выстрелов, на шлюпе поймут, что Фрике надо искать вдоль реки, и сделают несколько заходов вверх и вниз по течению.

Однако идти вдоль берега тропической реки — задача не из легких, так как именно на этих узких полосках земли, пропитанных влагой и прожаренных солнцем, буйство растительности превосходит всякое воображение.

Впрочем, Фрике был не из тех, кто склонен чрезмерно задумываться о грядущих затруднениях. Убежденный в том, что его маленький спутник сможет выдержать еще один день пути, ибо по выносливости даст несколько очков вперед взрослому мужчине, парижанин смело покинул поляну и решительно углубился в тектоновый лес.

Как опытный путешественник, он знал, что необходимо беречь силы, а потому двигался неторопливо, без суеты, свойственной неопытному пловцу, заплывшему слишком далеко и стремящемуся вернуться на берег: чем судорожнее он гребет, тем быстрее выдыхается.

Ведь и сам парижанин нырнул в океан зелени, как в воду; надо было действовать, используя все свои возможности, но соблюдая предельную осторожность, ибо на кон поставлена жизнь.

Часа полтора они шли, не останавливаясь, затем Фрике замедлил шаг, рассудив, что пройдено то расстояние, которое накануне они преодолели в погоне за калао.

К несчастью, несмотря на все усилия выдержать направление, Фрике не мог сказать, где же они все-таки находятся и, главное, в какой стороне шлюп. Вполне возможно, что они еще больше отошли от него, вместо того чтобы приблизиться.

— Ну, хоть одно средство проверить это у меня есть, — сказал он. — Ясно, что господин Андре нас ищет. Сейчас он наверняка бродит по лесу, дав надлежащие инструкции тем, кого оставил на борту. Все наши прекрасно знают звук моего ружья. Попробуем выстрелить два раза — может быть, мне ответят.

Прижав приклад к плечу, юноша дважды нажал на спусковой крючок, сделав такую паузу между выстрелами, что услышавшие не должны были усомниться в их значении.

Затем он стал ждать. Но увы! Как ни напрягал он слух, его чуткое ухо не слышало ничего; никто не откликнулся на поданный сигнал, быстро затихший в густой листве, столь же непроницаемой для звука, как и для света.

— Положительно, наше приключение становится опасным,— сказал парижанин.— Совершенно очевидно, что мы выбрали неверный путь. Но куда же идти? Если бы я мог увидеть солнце хотя бы на мгновение, я бы понял, где мы находимся, и сумел определить направление. Хоть бы какая-нибудь полянка показалась! Может быть, повернуть назад? Двинуться налево? Или, наоборот, направо? Пожалуй, надо положиться на волю случая и идти вперед, в надежде встретить хоть какой-нибудь ручеек. Сколько их должно быть здесь в сезон дождей! Но вот беда: сейчас разгар сухого сезона, и все маленькие ручейки пересохли. И по их руслу не поймешь, в каком направлении течет вода. Да, вот уж невезение так невезение! Ну, двинемся вперед наудачу.

Блуждая по лесу, Фрике не раз пытался завязать разговор со своим маленьким спутником. Конечно, из этого мало что получалось, поскольку оба не имели никакого представления о языке друг друга.

Но маленький бирманец, привязавшийся к «приемному отцу», с невероятным упорством спрашивал, как называется тот или иной предмет, без конца повторял услышанное слово и в конце концов заучил некоторые из них.

И вот теперь Фрике, пользуясь представившейся прекрасной возможностью, показывал мальчику то нож, то дерево, то собственную руку, взглядом спрашивая, как это называется.

Малыш без колебаний находил нужное слово, произнося его с восточным акцентом.

Тогда оба заливались смехом, и нельзя было понять, какой мальчишка — большой или маленький — находил больше удовольствия в этой игре и кто из них хохотал громче.

Фрике, в свою очередь, спрашивал, как называются те же самые предметы по-бирмански, и тоже пытался затвердить слова, но мы должны признать, будучи людьми беспристрастными, что успехи «папаши» были куда скромнее, нежели у его «сынка».

Забавляясь таким образом, как два прогульщика, сбегавшие с уроков, они сами не заметили, как разменяли еще полтора часа.

— Итак,— сказал Фрике, посмотрев наконец на

часы,— мы топаем уже три часа. Этому проклятому лесу нет конца! И ни одной полянки, ни одного холмика или пригорка! Ничего, кроме ковра из мха, на котором даже не слышно наших шагов; ничего, кроме этих громадин, куда ни кинь взор, и листвы, раскаленной добела, но не пропускающей солнечных лучей. Если судьба задалась целью отдалить нас от шлюпа с таким же рвением, как мы к нему стремились, то теперь до него больше двадцати километров. Ну, попробуем еще выстрелить... Боюсь, опять потрачу даром два патрона.

Увы, как и в первый раз, на сигнал никто не ответил.

Но звук двух выстрелов не затих сразу, а был повторен многократным эхом.

— Ого, эхо! — сказал Фрике. — Значит, ландшафт меняется... Поблизости находится либо холм, либо озеро, либо река. Надо идти вперед... Так! Начинается подъем, и довольно крутой. Холмы или горы... Это мне подходит. Поднявшись наверх, мы, может, чего-нибудь и разглядим... В этом спасение.

Потом, заметив вытоптанный мох, вырванные с корнем молодые деревья и покосившиеся старые, Фрике заметил:

— Здесь погуляла недурная компания слонов, и следы совсем свежие. Какая жалость, что нельзя на них поохотиться: пара бивней совсем не повредила бы нашей коллекции!

ГЛАВА 10

Тяжкая болезнь Белого Слона бирманского императора.— Безуспешные попытки лечения.— Недобрые предзнаменования.— Что такое Белый Слон? — Альбинос или больное животное? — Белый или серый? — Отчего обожествляется слон.— Буддизм на Востоке.— Душа человека переселяется в души животных.— Трудности с обретением преемника.— Ухищрения полномочного представителя императора.— Новые сведения и новая экспедиция.— Заем у носителя титула.— На поиски Белого Слона.*

Уже целый год здоровье Белого Слона, принадлежащего императору Бирмы, внушало самую серьезную тревогу приближенным его величества.

Трижды священный слон, восемьдесят лет воплощавший триединство власти — религиозной, военной и гражданской,— на глазах худел, теряя аппетит, становился

* Альбинос — организм, лишенный пигментации.

раздражительным и угрюмым и, очевидно для всех, медленно, но неотвратно приближался к своему концу.

Все попытки отвлечь его светлость от мрачных дум и излечить от поразившего его недуга оказались тщетными.

Дополнительно к уже пожалованному ему поместью, которым слон обладал, как принц крови, и на доходы от которого обеспечивалось достойное его ранга содержание, ему было даровано новое поместье, гораздо большее и намного богаче первого. Этот щедрый дар императора превратил его светлость в самого богатого вельможу империи.

Когда его воон (главный министр, управитель дома) был уличен в весьма незначительных махинациях — обычных грешках чиновника, ведающего назначениями и финансами, — его светлости предоставили право на свое усмотрение решить судьбу виновного. Схен-Мхенг (Владыка-Слон), пренебрежительно обнюхав воона хоботом, удовлетворился тем, что поставил свою чудовищную ногу на голову сановника и раздавил ее, как яйцо.

Но сделал он это как бы нехотя, рассеянно, явно думая о другом и не обращая никакого внимания на знаки расположения и почтения, которыми обычно сопровождается подобная «замена» министра.

До сих пор в его распоряжении был только один гаук (остроконечная палка погонщика слонов), сделанный из золота и инкрустированный драгоценными камнями, с хрустальной рукояткой, украшенной сапфирами и рубинами; император, известный своей щедростью, преподнес ему в дар второй.

Его светлость одарили также новой попоной из пурпурного сукна, усеянной крупными рубинами и изумрудами, а император собственной августейшей рукой украсил ее знаменитым султаном, сделанным из изумрудов, — тем самым султаном, который украшает Белого Слона на большой картине французского художника, написанной с фотографического снимка.

На лбу священного животного сверкали «девять колец из девяти драгоценных камней», оберегающих от порчи и отгоняющих злых духов, — теперь он носил их постоянно, а для большей надежности еще два кольца были надеты на бивни.

Каждый день Схен-Мхенга облачали в парадное одеяние.

Голова его, как и у всех бирманских вельмож и самого

императора, была украшена золотым платом с начертанными на нем титулами; между глаз сиял полумесяц из драгоценных камней; с ушей свисали огромные золотые подвески; великолепная попона, слепящая взор обилием драгоценностей, затмевала блеском солнце; его любимые мау (погонщики слонов) вздымали над ним четыре золотых зонтика, а для того чтобы сам он также мог наслаждаться зрелищем великолепия и богатства, за его золотой кормушкой установили огромное зеркало, сделанное по специальному заказу в Европе: изготовление и перевозка этой драгоценности потребовали огромных затрат.

Знаменитая золотая кормушка всегда была наполнена нежной пахучей травой, почками деревьев, изысканными фруктами. Император со всей щедростью восточного владыки повелел украшать пищу драгоценными камнями.

Все усилия были тщетны. Схен-Мхенг хирел на глазах, его крупное отощавшее тело било дрожь. Он с трудом стоял на своих бугорчатых ногах. Хобот уныло свисал между двумя огромными бивнями; взгляд, некогда чрезвычайно живой и недобрый, был мутен и неподвижен — красноватые глаза альбиноса постоянно смотрели в одну точку; слон, казалось, прислушивался к самому себе.

Короче, Схен-Мхенг оставался равнодушен ко всему.

Едва-едва притрагивался он к лакомствам, которые тащили к нему в изобилии его слуги, его солдаты и офицеры и даже сам император.

Словом, все предвещало наступление неминуемой катастрофы, и становилось ясно даже для самых невнимательных глаз, что его светлость Схен-Мхенг скоро умрет.

Но для любого, кто знает, чем является для Бирмы белый слон, какое влияние он оказывает на все живое и неживое в этой стране, понятно, предвестием каких ужасных бедствий должна была стать его кончина, если прежде не будет найден преемник.

На императора и всю его семью это должно было навлечь великие несчастья, а империи грозили неминуемые чума, голод, землетрясения, наводнения и пожары.

Единственным средством избежать этого было найти наследника Белого Слона, а потому чиновники всех рангов во всех концах страны стремились отыскать хоть малейшую возможность получить сведения о слоне, который мог бы стать преемником Схен-Мхенга.

Во все концы посылались разведчики, снаряжались

дорогостоящие экспедиции в места, где с наибольшей вероятностью можно было обнаружить священное животное, и делалось все это как для того, чтобы успокоить императора, обуреваемого страхом за судьбу династии, так и ради огромного вознаграждения, обещанного счастливцу.

...Но кстати говоря, что же представляет собой Белый Слон? Существует ли вообще в природе слон, которого можно назвать белым? Некоторые отвечают на этот вопрос утвердительно, но и сомневающихся не меньше.

Итак, послушаем ученых мужей.

Преподобный отец Сан Жермано в своей книге «Описание Бирманской империи» рассказывает о Белом Слоне, пойманном в 1806 году, к великой радости императора, только что потерявшего своего Схен-Мхенга. Для преподобного Сан Жермано этот слон — белый.

Говорят, именно этот слон, о здоровье которого тревожится вся Бирма, живет сейчас при дворе бирманского императора.

Британский капитан-инженер Юл видел Белого Слона в 1850 году и нашел, что он весьма неважно выглядит, а цвет его «совершенно однотонный, напоминает те пятна, которые можно увидеть на ушах и хоботе обычного слона. В целом его вполне можно назвать белым», — заключает английский офицер.

Кажется, не о чем спорить, но, с другой стороны, наш соотечественник Тома Анкетиль, весьма добросовестный и объективный исследователь Бирмы, заявляет, что цвет этого слона, цвет, кстати, весьма нечистый, является следствием некоего дефекта эпидермы*, иначе говоря — это самая обыкновенная кожная болезнь.

Стало быть, Белый Слон вовсе не альбинос, а просто слон, пораженный паршой, чесоткой или даже чем-то вроде проказы**.

Французский путешественник, проводший в Бирме несколько лет и имевший возможность обстоятельно исследовать все стороны ее жизни, отстаивает свою точку зрения с большой горячностью, но ему не откажешь и в здравом смысле.

«Вообразите себе неочищенную резину со всеми чужеродными включениями, или пропылившийся, засохший сапожный клей, или корку черствого сыра; перемешайте

* Эпидермис — поверхностный слой кожи позвоночных животных и человека, состоящий из многослойного плоского эпителия.

** Проказа, лепра — хроническое инфекционное заболевание.

все эти цвета, и вы получите непередаваемый оттенок, отличающий кожный покров животного, совершенно неоправданно именуемого Белым Слоном. Его подлинный цвет — выцветший грязно-серый... Если добавить к этому, что на отдельных участках тела имеются покраснения и пятна мертвенно-бледного цвета, а сама кожа в трещинах и кое-где отслаивается, то можно сделать вывод о какой-то серьезной кожной болезни. По моему мнению, этот грязно-серый цвет, совершенно не свойственный здоровым животным, свидетельствует о некоей патологии, о каких-то злокачественных изменениях в организме слона.

Этот слон не отличается терпением, покорностью, добротой и живостью, столь характерными для обычных слонов. Я изучал его с величайшим вниманием — и когда он бодрствовал, и когда спал. Кожа его совсем не одного тона. На ушах, на хоботе, в углах губ, в суставных сочленениях можно обнаружить трещины, из которых сочится какая-то клейкая жидкость, гнойнички и болезненного вида пятна...

По размерам он превосходит обычного слона, голова у него чрезмерно большая, повадки угрюмые, взгляд мутный и свирепый, глаза налиты кровью. Он кажется ленивым и вялым, но способен неожиданно прийти в ярость. К нему приближаются очень осторожно, с опаской, потому что он убил нескольких своих мау (погонщиков), а искалеченных им охранников никто просто не считает.

Честное слово, можно подумать, что это чудовище понимает свое значение и что бесчисленные почести вскружили ему голову...

Но я все же думаю, что это просто болезнь...»

Наверное, можно согласиться с суждениями столь проницательного исследователя, тем более что и капитан Юл отметил болезненный вид слона.

Но как бы то ни было, идет ли речь об альбиносе, белом, сером, мертвенно-бледном или золотушном слоне, животное, называемое Белым Слоном, которое встречается чрезвычайно редко в Сиаме и в Бирме, — это самое настоящее божество, божество того же ряда, что змеифетиши в Дагомее*, священные крокодилы индусских браминов** или же бык Апис*** в Древнем Египте.

Но отчего же обожествляют этого болезненного вели-

* Дагомея — прежнее название государства Бенин (в Западной Африке).

** Брамины, брахманы — жрецы брахманизма — одной из древнейших религий, возникшей в Индии.

*** Апис — в древнеегипетской мифологии священный бык, почитавшийся как земное воплощение бога Пта — создателя всего сущего, покровителя искусств и ремесел.

кана буддисты Сиама и Бирмы? Причем обожествление это абсолютно. Можно было бы подумать, что для образованных жителей Сиама и Бирмы этот слон — всего лишь традиционный атрибут королевской власти, подобно лошадям цвета кофе с молоком, которые везут английскую королеву на открытие или закрытие сессии британского парламента.

Однако это не так: для всех, независимо от ранга и образования, Белый Слон — божество.

Объяснить этот феномен можно, на наш взгляд, следующим.

Число почитателей Будды достигает без всякого преувеличения трехсот пятидесяти миллионов, поскольку эта религия является главенствующей на островах Ява, Суматра*, Борнео, в Тибете, Монголии, Пегу**, Лаосе, Непале, Бутане***, Ассаме****, Цейлоне, Индии, Мунипури, Бирме, Сиаме, полуострове Малайзия, Камбодже, Кохинхине*****, а главное, в огромной Китайской империи.

Буддизм вышел из брахманизма, как бы очистив и реформировав его; среди буддистов существуют многочисленные секты, отличающиеся большой терпимостью по отношению друг к другу.

Но к какой бы секте ни принадлежали буддисты, все они считают Всевластного Будду существующим вечно и воплощающим высшую мудрость, Верховный Разум, ставящий своей целью вести человечество к совершенству. С этой целью Будда время от времени, в неопределенные сроки, воплощается в избранных Мудрецов, которым надлежит обучать людей совершенствоваться в добре.

Эти апостолы, эти избранные принадлежат к сфере божественного как частички проявления Будды. Через них он выражает себя в течение известного периода, чья продолжительность по-разному исчисляется той или иной

* Суматра — остров в Малайском архипелаге (см. выше).

** Пегу — государство с одноименной столицей на юге Бирмы. В середине XVIII века вошло в единое Бирманское государство.

*** Бутан — в настоящее время — государство Южной Азии, в Восточных Гималаях. В XIX — первой половине XX века — английский протекторат (по 1947 г.).

**** Ассам — в результате англо-бирманских войн был присоединен к Британской Индии. В настоящее время — штат на северо-востоке Индии.

***** Кохинхина — название Южного Вьетнама в европейской литературе в период господства французских колонизаторов.

сектой, от нескольких тысяч до нескольких миллионов лет. Считается, что по окончании этого срока всевидящий Будда возгласит наступление эры благоденствия, морального совершенства и вечного покоя; это будет нирвана*, саморастворение в божестве, полный отрыв от земной реальности с ее радостями и скорбями.

Однако воплощения Будды могут происходить только посредством промежуточных воплощений, неизбежных после смерти живого существа, безразлично, великого или ничтожного. Говоря коротко, Будда воплощается в человека только после серии воплощений в животных.

Именно поэтому все ламы**, бонзы*** и монахи обязаны питаться исключительно растительной пищей; этим объясняется то великое почтение, которым окружены все живые существа.

От человека божество вновь последовательно переходит к животным: млекопитающим, птицам, рептилиям, рыбам, насекомым — и обратно.

Но поскольку слон является самым мощным и самым умным из всех животных, буддисты сделали вывод, что в нем промежуточно воплощается тот элемент божества, который затем предназначен для самых выдающихся апостолов. Что же до редчайшего и почти неуловимого Белого Слона, то в нем, конечно, воплощается достойнейший из избранных — в ожидании, когда завершится эволюционный цикл.

Таким образом, Белый Слон, заключающий в себе душу одного из Будд, выбранных для воплощения Всевластного Будды, сам становится божеством...

Отсюда ясно, какая тревога охватила императора, его двор, чиновников и весь народ при виде очевидного и нарастающего недуга, поразившего священного слона. Тревога эта была тем больше, что уже в течение долгого времени второго белого слона в Бирме не было.

У повелителя Сиамы, намного превосходящего богатством своего соседа, а главное, обласканного милостью Всевластного Будды, таких слонов насчитывалось шесть: тем самым соседнее королевство было надежно защищено от катастрофы, которая грозила Бирме.

Поэтому император Бирмы, убедившись, что излечить

* Нирвана — в буддизме — состояние высшего блаженства, конечная цель стремлений человека, слияние с божеством.

** Лама — монах-священник у буддистов-ламаистов (ламаизм — одно из течений в буддизме).

*** Бонза — европейское название служителей буддийского культа в Японии.

Схен-Мхенга никакими средствами невозможно, послал одного из своих министров к богатому соседу с просьбой уступить ему за любую цену Белого Слона.

Но, увы! Король Сиам отказал наотрез. Нисколько не смутившись этим обстоятельством, полномочный представитель, получивший в свое распоряжение громадные средства, написал повелителю, что миссия его счастливо завершена и что он вскоре прибудет вместе со Схен-Мхенгом. И тут же с бесстыдством, столь характерным для азиатского чиновника, укатил в Английскую Индию, где в течение полугода вел жизнь, достойную набоба*.

Истратив последнюю рупию**, он возвратился в Мандалай в траурной одежде и с выражением глубочайшей скорби на лице.

— Мой слон? — закричал несчастный монарх, не видя преемника Будды.

— О мой господин! Прикажи отрубить голову твоему недостойному слуге, — отвечал жалобным голосом обманщик, стуча лбом о ступеньки трона.

— На что мне твоя голова? Она стоит не больше пустой бутылочной тыквы. Где мой бооль?

— Увы, мой повелитель! Англичане, обуреваемые ревностью, страхом и жадой мести, отравили в море его светлость Белого Слона. Если бы Схен-Мхенг ступил на землю твоего царства, их владычество в Индии рухнуло бы.

— Будь прокляты англичане! — вскричал император.

— Будь прокляты англичане! — завопили хором придворные, к которым присоединил свой голос и неверный посланник, сам не ожидавший, что его выдумку так легко примут на веру.

Меж тем здоровье Схен-Мхенга продолжало стремительно ухудшаться, и император в полном отчаянии уже не знал, какому же Будде молиться.

Дурной пример посланника оказался заразителен, и многие предприимчивые люди, бесцеремонно пользуясь доверчивостью монарха, запустили руку в государственную казну.

Распространился слух, что в нескольких весьма удаленных от столицы провинциях видели живых белых слонов — они-де бродят в тектоновых лесах, в местах, почти недоступных для человека.

* Набоб — титул правителей индийских провинций, отколовшихся от империи Великих Моголов.

** Рупия — денежная единица Индии, Индонезии, Пакистана, некоторых других стран.

Несчастный император приказал отправиться на поиски священного животного, выделив для этого огромные средства и поставив во главе экспедиций весьма подозрительных личностей. Но экспедиции не принесли никаких результатов, кроме разве того, что императорские рупии перекочевали в карманы мошенников.

Император же впал в такое отчаяние, что приближенные стали всерьез опасаться за его здоровье.

Тогда-то и пришел к правителю благочестивый пунги (монах), объявивший, что знает место, где можно найти настоящего Белого Слона, и берется проводить туда охотников и загонщиков, необходимых для его поимки.

Удрученный император поверил, что перед ним вновь забрезжила надежда, ибо безупречная репутация монаха не позволяла сомневаться в достоверности принесенных им сведений.

К несчастью, казна почти опустела вследствие неудачной покупки слона у короля Сиам и затрат на экспедиции под руководством мошенников, без зазрения совести использовавших ради наживы слепую веру главы государства.

Но мудрый пунги сумел найти весьма оригинальный выход из положения.

Он предложил субсидировать поиски нового Схен-Мхенга из доходов нынешнего носителя титула. Это решало разом все затруднения, а потому к священному слону направилась торжественная депутация для вручения послания императора, написанного на большом пальмовом листе.

Император умолял Схен-Мхенга не сердиться, что часть его дохода будет истрачена на поиски возможного преемника, клятвенно обещая, что в кратчайшие сроки заем будет возмещен.

Как и следовало ожидать, носитель титула не стал возражать, и потому тут же приступили к снаряжению экспедиции.

Пунги утверждал, что Белый Слон находится неподалеку от реки Киендвен, что уже в течение нескольких месяцев его видели в одних и тех же местах и нет никаких сомнений в благополучном исходе дела, ибо он сам приведет охотников туда, где слон бывает чаще всего.

Выстроили огромный плот с дощатым полом и навесом из желтого шелка, натянутого на колья из слоновой кости, покрытой изумительной резьбой.

Этот плот предназначался для Белого Слона: корабли должны были вести его на буксире по Иравади до ее

слияния с Киендвеном, а затем следовало подняться по притоку до того места, где, по уверению пунги, обретался будущий Будда.

Шесть других плотов, значительно уступавших в роскоши первому, но также очень удобных, предназначались для слонов, которым предстояло принять участие в поимке дикого собрата. Эти плоты были прицеплены к буксиру, как и первый, но в отличие от него могли двигаться под парусом и на веслах; на них помещались мау, которые почти никогда не расстаются со своими слонами,— только им и подчиняются эти великаны.

Что до буксиров, то на них разместились загонщики и следопыты, выдрессированные для охоты лошади и ловкие всадники; там же везли провизию для людей и корм для животных — все было предусмотрено, чтобы, не теряя ни мгновения, приступить к охоте.

Водный путь давал немало преимуществ: прежде всего в быстроте передвижения в сравнении с путешествием по суше; кроме того, и люди и животные должны были прибыть на место загона в превосходном состоянии, не утомившись после долгой дороги.

Только гребцам предстояла тяжелая работа и ночью и днем: отдохнуть они могли бы только при благоприятном ветре. Некоторым из них суждено было погибнуть из-за непосильного труда, но что значила подобная малость!

От успеха экспедиции зависели благоденствие империи и безопасность монарха, а потому они покорились своей участи с чисто азиатским смирением.

И надо сказать, каждый превзошел самого себя и сделал гораздо больше того, что требовал от него долг.

Когда флотилия была спущена на воду, ветер был слабым; гребцы, взявшись за весла, продемонстрировали чудеса выносливости, и вскоре все суда, сопровождаемые громкими приветственными криками радостной толпы, исчезли из виду.

Им понадобился всего один день, чтобы при помощи ветра и попутного течения преодолеть сто километров, отделяющих Мандалай от места слияния Иравади с Киендвеном.

Теперь предстояло самое трудное: подняться вверх против течения реки. Правда, расстояние было короче — около пятидесяти километров.

Однако течение Киендвена было столь быстрым, что для преодоления этого участка пути потребовалось два дня сверхчеловеческих усилий.

Никто не дрогнул, и пунги мог бы обещать бесстраш-

ным труженикам вечное блаженство — ибо суда наконец встали у деревни Амджен, расположенной под двадцать второй северной параллелью.

Немедля приступили к высадке и разгрузке, готовясь продолжить путь в тектоновом лесу.

ГЛАВА 11

Как ловят диких слонов.— Следопыты.— Неприязнь прирученных слонов к диким.— Частоколы.— Самки для приманки.— Предательницы.— Экспедиция на марше.— Министр.— Передовые разведчики.— Гауда.— Опасность солнечного удара.— Тропическая жара.— Первые следы.— Пастбища слонов.— Будда велик! — Белый Слон! — Несвоевременное любопытство руководителя экспедиции.— Неосторожность.— Тревога.— Выстрел.— Гибель Белого Слона.

Для поимки диких слонов бирманцы используют те же средства и приемы, что и индусы, — их применяют с незапамятных времен, и ничего лучшего с тех пор не было придумано, так что англичане, известные своим практическим умом, охотно их позаимствовали, чтобы управляться с боевыми и вьючными слонами.

Как известно, любой дикий слон на территории Бирмы целиком и полностью принадлежит императору, и только ему дано право распоряжаться этим животным — разумеется, после его поимки.

Поэтому вся страна разделена на специальные участки, управлять которыми поставлены доверенные офицеры, имеющие в своем распоряжении многочисленный штат, состоящий на содержании государства.

Те, кто в него входит, принадлежат к элите общества: управляющий отбирает их с величайшим тщанием и имеет полное право казнить или миловать; но поскольку служба их окружена чрезвычайным почтением, все они, от первого до последнего, обладают льготами, вызывающими всеобщую зависть.

Но служба их чрезвычайно трудна, ибо они должны не только отлавливать диких слонов, но и укрощать их, воспитывать, дрессировать. Лучшие следопыты и лучшие дрессировщики вознаграждаются в высшей степени щедро, равно как и те, кто выказал смелость или особо отличился, но нужно сказать, что щедрость эта вполне заслужена их трудами.

Руководитель, сам досконально знающий все тонкости

охоты на слонов, требует, чтобы его подчиненные умели выслеживать стадо, не вспугнув его; чтобы по отпечатку стопы, по ширине и глубине следа могли определить, кому он принадлежит: взрослому слону, слоненку или старому животному; свежие ли это следы или нет; сколько слонов в стаде и сколько среди них с бивнями; идет ли стадо одной группой или разделяется на несколько; прошло ли по тропе к водопою одно животное или это следы всего стада; является ли данное место лежищем или пастбищем и так далее и тому подобное.

Они должны определять возраст и пол преследуемого слона по его крику: тревожному реву или трубному звуку «бооль», показывающему, что слон беспокоится или раздражен.

Но это еще не все. Успешно осуществив все приготовления к охоте, они должны принимать участие в опасном предприятии по поимке животного: набросить лассо на шею; загнать в условленное место, предвидя все движения слона; отсечь пути к отступлению, что требует солидных топографических познаний; избежать бешеных атак слона; натянуть веревки, чтобы заставить его споткнуться, и многое другое.

Как видим, хотя ремесло охотника на слонов почетно и приносит большой доход, но это отнюдь не синекура*.

Разумеется, все эти приемы используются только при поимке живых слонов; тем, кто охотится на толстокожих ради слоновой кости, нет нужды прибегать к подобным ухищрениям.

Когда императору срочно нужны новые слоны, охотники стараются отловить как можно больше взрослых животных, которых начинают дрессировать сразу же после поимки.

Для отлова используют в основном два способа, и уже через полгода, как ни удивительно, эти опасные и мощные животные становятся надежными помощниками человека.

Первый способ состоит в том, что диких слонов загоняют при помощи прирученных.

Как говорит Тома Анкетиль, такая охота почти никогда не обходится без жертв: это самый волнующий и самый опасный способ отлова слонов.

Сначала выслеживают стадо, а затем с величайшими предосторожностями начинают его окружать. Как только охотникам, сидящим на прирученных слонах, удастся это

* Синекура (от лат. *sine cura* — без заботы) — хорошо оплачиваемая должность, не требующая большого труда.

сделать, они, выбрав самого красивого и сильного самца, начинают безжалостно его преследовать.

Прежде всего стараются набросить на него лассо, второй конец которого привязан к седлу или к шее слона-помощника.

Если погонщику удастся осуществить этот сложный маневр, то слон-помощник призывно трубит, зовя на помощь других слонов.

Все они, окружив дикого собрата, пытаются его остановить и даже в случае необходимости повалить на землю, а погонщики в это время накидывают на него дополнительное лассо и натягивают низко над землей веревки, о которые он спотыкается.

Так с помощью ручных слонов, которые с невероятным ожесточением нападают на дикого, загнанному слону спутывают ноги и отдают под охрану неверных собратьев.

В ожесточенной борьбе дикий слон с яростью набрасывается на своих врагов, не щадя, естественно, и погонщиков. Случается иногда, что, обезумев от страха, он кидается вперед, не разбирая дороги, врывается в деревья и, наконец, бросается в расщелину или овраг, увлекая за собой ручного слона вместе с погонщиком.

В этом случае неизбежно погибают все трое.

В подобной охоте категорически запрещено стрелять в слона, которого пытаются отловить; допускается это лишь тогда, когда животному удастся вырваться из окружения и пуститься в бегство, но убивают его только в том случае, если у него есть бивни или если его нападение грозит смертью погонщику.

Во время охоты с ручных слонов снимают обычный балдахин, называемый гауда, и заменяют его низким седлом. Это необходимо, поскольку охотятся в джунглях и, как правило, на пересеченной местности, а это небезопасно для погонщиков: слоны вступают в схватку с таким ожесточением и азартом, что забывают о сидящем на их спине человеке. Часто это заканчивается ужасными падениями в самые опасные моменты охоты.

Второй способ отлова слонов состоит в сооружении частокола. Этот способ применяется только весной, в сезон спаривания. Для него требуется очень большое количество людей, а также самок-приманок — одним словом, это весьма дорогостоящее предприятие.

В Бирме, как и в Индии, такую охоту обозначают словом «кедда», причем оно означает и саму ограду, и все то, что необходимо для загона.

Ограду строят с помощью брусьев или необработанных

стволов деревьев в том месте, где изобильно растут трава и кусты, до которых особо лакомы слоны.

Внутри первого забора ставится еще один. Брусья, образующие его, должны быть чрезвычайно прочными и глубоко врытыми в землю, чтобы выдержать яростные удары слона, вес которого в зрелом возрасте достигает трех-четырёх тонн.

Расстояние между ними оставляется такое, чтобы человек мог пройти свободно, а слон не мог даже голову просунуть.

Две ограды образуют, таким образом, коридор шириной от трех до четырех метров, в нем устанавливаются передвижные ворота.

Излишне говорить, что кедда строится именно тогда, когда ожидается приход диких слонов.

Сначала за стадом идут следопыты, затем его окружают загонщики, образуя круг диаметром в несколько километров; наконец, к диким слонам выпускают самок, обученных приманивать самцов: прекрасно понимая, чего хотят от них хозяева, они пускаются на поиски самцов, уходя иногда довольно далеко в лес.

Свою предательскую миссию слонихи исполняют с невероятной ловкостью и коварством: призывают дикого самца нежными криками, приближаются к нему с великолепно разыгранной робостью, гладят хоботом и незаметно увлекают по направлению к кедде, а там, удваивая ласки, стараются заманить излишне доверчивого ухажера в ограду. Как только за ним закрываются передвижные ворота, дело сделано.

Чем объяснить, что самки с такой охотой предают своих сородичей? Это тем более удивительно, что еще год или два назад коварные загонщицы, возможно, бродили по тем же лесам и были так же свободны, как их наивные собратья, которых они с помощью человека этой свободы лишили.

Можно только дивиться, сколь быстро и сколь полно они покорились власти новых хозяев.

Но и это еще не все. Едва несчастный слон оказывается в ограде, слониха спешит подогнать его к натянутым веревкам и лассо, мешает двигаться и защищаться, избавляя тем самым охотников от труда пленения жертвы.

Но иногда столь просто дело не обходится. Самец, недоверчивый, как истинный дикарь, останавливается перед непонятным сооружением, не обращая внимания на ласки обольстительницы, которая испускает пронзительные крики, полные разочарования и досады.

Крики служат сигналом. Стоящие в засаде прирученные самцы стремглав бросаются к дикому собрату, ошеломленному внезапной атакой: его окружают, подталкивают, так что он все равно оказывается в ограде.

Если же несчастный начинает сопротивляться, его оглушают ударом и, зажав боками, принуждают двигаться в кедду.

Тут наступает очередь людей: войдя между брусьями в ограду, они накидывают на пленника лассо, опутывают ноги веревками и в конце концов валят на землю.

А через полгода это непокорное, бешено сопротивлявшееся животное становится кротким и послушным. Слон понимает любую команду человека, и даже ребенок может управлять им.

Охотники, посланные императором на поиски Белого Слона, обнаруженного пунги, собирались использовать первый из описанных способов.

Во главе отряда был поставлен один из министров, которому в качестве прямого представителя императора были даны широчайшие полномочия. Поскольку губернатор провинции, где оказалось священное животное, не известил об этом своего повелителя, приказано было немедленно сместить ротозея, лишить сана и отправить в Мандалай, где должна была решиться его участь.

Подобное преступление считалось государственной изменой, и виновного ожидали ужасные пытки и мучительная казнь, ибо не было никаких сомнений, что он утаил нахождение на своих землях Белого Слона.

Но даже если он действительно ничего об этом не знал, то в столь серьезном деле само незнание было величайшим преступлением!

Корабли и плоты встали на якорь у берега, и матросам, изнуренным двухдневной борьбой с быстрым течением, предстоял наконец вполне заслуженный отдых. Охотники же сразу двинулись в лес.

В авангарде ехали конные разведчики, которых включили в экспедицию в последний момент из числа кавалеристов, постоянно находившихся при императоре, чтобы сопровождать его, если ему самому вздумается отправиться на охоту.

Всадникам предстояло рассыпаться веером по всем направлениям, найти следы диких слонов, а затем вернуться к основному отряду.

Отряд состоял из двенадцати слонов, и только двое несли на своей спине гауду. Десять других были заседланы, и на каждом восседали два человека — мау на шее и загонщик в седле.

Слоны, несущие гауду, предназначались для министра и бооха — старшего офицера, командовавшего загонщиками.

Как уже было сказано, гауда представляет собой нечто вроде балдахина, накрепко привязанного к спине слона подпругами. Внутри его расположены друг напротив друга два сиденья, на каждом из которых могут свободно разместиться два человека.

Сзади находится небольшое откидное сиденье для слуги, который держит в руках зонтик, даже если солнце скрылось за тучами, — как символ власти, а также опахало, чтобы отгонять мух, — в отличие от зонтика вещь весьма полезную.

В железные кольца, укрепленные на краях скамеек, вправляется кисейная ткань*, хорошо защищающая от палящего солнца, или же более плотная материя для прохладной погоды.

Если гауда предназначена для монарха, ей стараются придать форму трона, а в передней части прикрепляют хти — священный символ царской власти, украшающий также крыши пагод. Он сделан из железа, покрытого позолотой, и можно легко представить, с какой роскошью украшен.

Отряд двинулся вперед по плавинунам, расположенным вдоль берегов реки, на которых не росло ничего, кроме густой травы.

Для лошадей этот участок пути был чрезвычайно труден: копыта их скользили и вязли на гладкой почве, гораздо более приспособленной для широких пористых стоп слонов.

После изнурительного марша, занявшего полдня, на пустынной равнине стали все чаще встречаться небольшие рощицы — верный знак приближения леса.

А добраться до леса было необходимо, причем как можно скорее: слоны сильно страдали от жары на ничем не защищенной травянистой поверхности, обжигаемой безжалостным солнцем.

* Кисейная ткань, кисея — легкая прозрачная хлопчатобумажная ткань с ткацким рисунком.

Мау опасались, что животные получат тепловой удар, хотя все меры предосторожности были приняты и головы слонов покрыли холщовой тканью, смоченной в масле.

...Первый день пути завершился без всяких происшествий; разведчики на совершенно измученных лошадях вернулись к отряду, и на опушке леса был разбит лагерь.

Разведчики обнаружили очень много следов, но все они были старыми — по меньшей мере трехнедельной давности.

Пунги не выказал ни малейшего удивления, объяснив, что трава на равнине, чрезмерно обожженная солнцем, стала жесткой и потеряла привлекательность для слонов, которые ушли с пастбища, но недалеко, и завтра до наступления темноты они обязательно будут обнаружены.

На рассвете следующего дня разведчики, как и накануне, рассыпались веером по окрестностям, сидя на лошадях, еще не оправившихся от безумной гонки по равнине и лесу.

Пунги, безмятежно улыбаясь, не стал их останавливать, хотя и предупредил министра, что делать это совершенно не нужно, ибо он сам приведет охотников в нужное место.

К полудню был устроен привал, и разведчики вновь вернулись ни с чем. Министр уже начал искоса поглядывать на монаха, сохранявшего полную невозмутимость.

— Ты уверен, что не ошибся, пунги?

— Я сказал тебе, что до темноты мы увидим слонов. Ты нетерпелив, как белый человек или женщина. Умей ждать!

Прошло еще три часа, в течение которых бонза не произнес ни единого слова.

Головной слон вступил на тропинку, проложенную, очевидно, дикими животными. Тропинка вела к обширной поляне, окаймленной, как озеро, зеленой растительностью и деревьями, которые становились все более высокими и все более частыми.

Почва здесь была болотистая, покрытая водными растениями и пучками густого мха, среди которых там и сям пробивались струйки прозрачной, восхитительной на вкус воды.

— В этом месте пасутся слоны,— бесстрастно сказал монах, указывая на поляну.— И пить они приходят сюда же.

— Да будут истинными твои слова! — ответил министр.

— Слушай... и больше не высказывай сомнений.

В этот момент послышался топот, слегка приглушенный густой травой, и к ним выскочил загонщик на лошади, роняющей белые клочья пены.

— Господин... слоны! — пронзительно крикнул он.

— А Белый Слон?

— Схен-Мхенг с ними! Будда велик!

Со всех сторон мчались разведчики с тем же известием, удесятерившим силы всех участников экспедиции.

Усталость, тревога, сомнения — все исчезло без следа. Сердца наполнились безудержной радостью: священный слон близко, император будет счастлив и щедро вознаградит тех, кто его доставил.

Диких слонов немного — не больше дюжины. Вожаком у них, конечно же, Схен-Мхенг — кому же, как не ему, быть повелителем?

Животные движутся по противоположному краю поляны, ни о чем не подозревая, так что можно легко разместить ручных слонов на опушке, за деревьями. Когда все будет готово, всадники громкими криками погонят слонов к засаде.

План был принят, и все тут же приступили к его исполнению.

Домашние слоны, двигаясь гуськом, бесшумно окружили поляну. Успех предприятия казался тем более предрешенным, что охотники подходили к диким слонам с подветренной стороны.

За толстыми стволами тиковых деревьев уже можно было различить лесных исполинов. Министр, дрожа от нетерпения, сам захотел взглянуть на стадо, дабы убедиться, что священное животное находится именно здесь.

Вывавшись из гауды, он подкрался к зарослям кустарника, обрамлявшего поляну, и оказался от слонов на расстоянии примерно двухсот метров.

Это была большая неосторожность с его стороны: в пятидесяти метрах от стада и, следовательно, в ста пятидесяти метрах от края поляны стоял на страже вожак, слон необыкновенного роста и мощи.

Сомнений быть не могло: мертвенно-бледная кожа, более белесая, чем сам белый цвет, указывала, что пунги не ошибся.

Министр не смог удержаться от восторженного восклицания при виде живого воплощения великого Будды.

А вслед за этим неосторожным возгласом раздался гнусавый звук, напоминающий звучание тромбона*.

Белый Слон, совершенно равнодушный к ожидающим его почестям, украшениям и роскоши, подал стаду сигнал к бегству.

Слоны тут же сорвались с места и, расставив уши, подняв хобот и закрутив хвосты штопором, рванулись по направлению к лесу.

Скоро они исчезнут из виду, и министр, проклиная свое невезение, уже готовился отдать приказ преследовать беглецов и настигнуть их во что бы то ни стало.

Но вдруг раздался оглушительный выстрел. Белый Слон, остановившись, словно пораженный молнией, испустил жалобный вопль, зловеще слившийся с отголоском выстрела, и тяжело рухнул наземь.

ГЛАВА 12

*Трудности путешествия в лесу.— Парилка.— Фрике охотно выпил бы кружечку пива.— Не можешь идти — надо бежать.— На вершине холма.— Спуск.— Поляна.— Солнце.— Фрике убеждается, что все время шел в противоположную сторону.— Кобра-капелла, или очковая змея.— Наконец-то! — Вода! — Танталовы** муки.— Последние минуты ожидания.— Вслед за жаждой идет голод.— Четыре тонны мяса на двоих.*

Итак, Фрике сказал: «Горы, это мне подходит... Когда доберемся до вершины, пойдем, где мы находимся... Может быть, в этом наше спасение».

Как человек многоопытный, побывавший в разных передрягах, он решил, что надо штурмовать эти горы, которые, впрочем, были скорее холмами, покрытыми лесом; их высота едва достигала четырехсот метров.

Француз не сделал ошибки, часто совершаемой новичками, и не пошел прямо по склону, хотя тот был не очень крутым, а благоразумно замедлил подъем, двигаясь вверх зигзагами. Его юный товарищ, чувствующий себя в тенистой прохладе леса, как рыба в воде, никак не мог приспо-

* Тромбон — духовой мундштучный музыкальный инструмент низкого регистра; отличается большой силой звука.

** Тантал — в греческой мифологии лидийский или фригийский царь, обреченный богами на вечные муки («танталовы муки»): стоя по горло в воде и видя спускавшиеся с дерева плоды, он не мог утолить жажду и голод, т. к. вода уходила из-под его губ, а ветвь с плодами отстранялась.

собраться к слишком медленному темпу и от нетерпения начал подпрыгивать.

— Спокойно, сударик мой,— без конца повторял ему Фрике, как будто тот мог его понять,— спокойно! Незачем вам прыгать, как козлику... Хотите доказать мне, что у вас имеются ножки? Я и сам знаю. А вам следовало бы знать, что гимнастическое упражнение, называемое подъемом в гору, весьма утомляет даже и в умеренных широтах, а здесь, в тропиках, и вовсе невыносимо. От этого упражнения, мой азиатский гаврош*, ноги начинают подгибаться, грудь отказывается дышать, затылок наливается свинцом, мозги плавятся, пот льет градом, а пить хочется так, как потерпевшему кораблекрушение. Вы скоро в этом убедитесь.

Фрике не ошибся. Не прошло и четверти часа, как малыш, обливаясь потом, словно только что вышел из бани, умирая от жажды и изнемогая от усталости, сбавил шаг и пошел рядом со своим другом.

— Ну, разве я не был прав, говоря, что в благородном ремесле альпиниста не все состоит из одних роз? Хлебника вот нектара,— сказал Фрике, протягивая Ясе фляжку, в которой еще оставалось немного воды.— А главное, брось свои припрыжки, не то вскоре ляжешь на бочок, высунув язычок. Давай-ка передохнем пять минут.

Отдышавшись на толстом стволе тектоны, выступающем из земли, подобно спине крокодила, они вновь стали подниматься под непроницаемым куполом из листьев, постепенно накаляемых солнцем.

Несмотря на изумительную выносливость, Фрике чувствовал себя не в своей тарелке из-за усиливающейся жары и духоты — не было ни единого дуновения ветерка, и на равнине парилка была бы уже невыносимой.

Кроме того, он хорошо знал, что среди многих тягот, подстерегающих путешественника, подъем на лесистые горы — одно из самых ужасных испытаний.

Здесь же приходилось подниматься, находясь в атмосфере, более всего напоминающей мавританскую баню, и дело ежеминутно могло кончиться тепловым ударом.

Тот, кто не испытал ничего подобного, никогда не поймет, каких это стоит усилий и сколько приносит страданий.

Прошло еще четверть часа, затем полчаса.

Парижанин, как всегда полный неукротимой энергии, продолжал подъем — правда, все чаще останавливался,

* Гаврош — отважный и неунывающий парижский мальчуган, герой романа Виктора Гюго «Отверженные» (1862).

чтобы дать маленькому бирманцу возможность перевести дух.

Но вскоре малыш в полном изнеможении стал спотыкаться на каждом шагу.

— Дай-ка мне руку,— сказал, задыхаясь, Фрике,— я возьму тебя на буксир. Что, пить хочешь, не можешь больше? Ну, пей... Тут во фляжке еще что-то трепыхается, молиться на нее, что ли... Давай, давай, это все тебе... Черт возьми! Лихо ты заглотнул! Тянешь, как работяга, у которого глотка горит! Ну, пока хватит, потом получишь еще. А я уж как-нибудь перебыюсь.

Хотя на этот раз привал длился дольше, малыш поднялся с трудом, и было совершенно ясно, что идти он не сможет.

Фрике нежно вытер ему лоб, обмахнул куском коры, срезанной с тектоны, и дал сделать еще несколько глотков из фляжки. Затем, вручив малышу свой импровизированный веер, взял его под мышки и ловко посадил себе на плечи.

— Но, лошадка! — сказал охотник, ласково улыбаясь, хотя пот заливал ему глаза, а в горле как будто торчал кусок пакли.— Вот что значит необходимость! Вначале я едва ноги передвигал. Когда взял на буксир юнгу, дело пошло лучше. Теперь, когда несу его, шагается совсем легко. Нужно только не останавливаться, и тогда можно протянуть еще долго... Черт возьми! Тяжеленько становится... Хорошо, что у меня костяк крепкий, иначе развалился бы на куски. Мальчуган, бедняга, будто свинцом наливается. Ну, не киснуть! Вперед, парижанин, вперед, и чтоб никаких остановок... уж очень паршивое здесь место. А вот кружечку пивка я бы хватил с удовольствием!

Меж тем окаянный лес простирался всюду, куда хватало глаз, ничто не предвещало каких-либо изменений — все те же прямые толстые стволы тиковых деревьев вздымались вверх, и Фрике все так же поднимался в гору.

Если бы не этот подъем, юноша вполне поверил бы, что, как и накануне, кружит по одному и тому же месту.

Он не останавливался, боясь, что не сможет идти дальше, тяжело передвигая одеревеневшие ноги и уже почти ничего не соображая, только отирая время от времени багровое лицо. Думал он только об одном: двигаться вперед; страшился только одного: упасть, а значит, погибнуть самому и обречь на смерть малыша.

Тем не менее, героически сопротивляясь всем тяготам этого ужасного пути, Виктор Гюйон все еще сохранял способность шутить, не покидавшую его никогда:

— Хорошая вещь пиво! Только, кажется, источник

здесь — ничуть не меньшая роскошь. Какая глупая страна! Ни одному робинзону не посоветую в ней селиться... Нет даже какой-нибудь завалающей лианы, чтобы пососать ее... Ни одного дерева, из тех, которые не зря называют странническими, потому что они позволяют утолить жажду несчастному путешественнику... Нет даже цветов, собирающих воду в свои чашечки, из которых, помнится, пили мы с Мео, моим славным тигром на Борнео... Хм! Ведь раньше я занимался дрессировкой тигров... а теперь бью их почем зря! Уф! Больше не могу...

С трудом ворочая языком, Фрике успел только приклонить карабин к дереву и положить на землю ребенка, немного отдохнувшего благодаря этому хитроумному, но утомительному способу передвижения, а затем не столько сел, сколько рухнул и на какое-то мгновение застыл в полном изнеможении, не в состоянии не только двигаться, но и думать о чем-либо.

Положение было действительно отчаянным: во фляге не осталось ни капли воды, и юноша чувствовал, что в буквальном смысле слова умирает от жажды.

— Кажется... кажется, шутки кончились,— пробормотал парижанин посиневшими губами, невидяще глядя перед собой и тяжело дыша.— Если я не сумею найти чего-нибудь, что возместит вытекший из меня пот, то мне конец... и малышу тоже. Кончится когда-нибудь этот чертов подъем?

И вдруг он вскрикнул от радости. Несколько минут передышки хватило, чтобы туман, застилавший ему глаза, рассеялся и он смог осмотреться. Тут же возродилась надежда, а с ней и силы.

Только сейчас Фрике увидел, что находится на ровной поверхности: деревья уже не уходят рядами вверх, а стоят прямо.

Они достигли вершины холма, и подниматься больше не нужно.

С полным основанием рассчитывая, что непроницаемый купол из листьев на пологом склоне будет обязательно прорван и что можно будет таким образом определить свое местонахождение, Фрике вскочил, готовый продолжать путь.

Малыш, сделав ему знак, что может идти, встал рядом.

Они начали медленно спускаться, всего за несколько минут, не ощутив усталости, прошли довольно значительное расстояние и остановились на краю небольшой поляны, освещенной лучами солнца. Несмотря на отчаянность своего положения, Фрике расхохотался во все горло.

— Ну и ну! Пришли, называется! Просто в лужу сели... Надрывались полтора дня, чтобы выйти на запад, а притопали на восток. Направлялись туда, где солнце заходит, а сами повернули на восход! Стало быть, шлюп где-то у черта на рогах за нашей спиной... Если господин Андре разыскивает меня столь же успешно, то я ему не завидую. Ну да ладно, мы все-таки сменили одно корыто на другое — только бы удалось найти воду! Вперед, малыш, не вешать носа! Идти мы уже не можем — значит, надо бежать.

В колючем кустарнике, растущем на поляне, друзья нашли кисловатые на вкус ягоды, которыми слегка притупили жажду; затем стали продираться сквозь заросли, которые становились все гуще и гуще. Тектоновый лес, судя по всему, кончился, что очень обрадовало Фрике.

Кроме того, ему показалось, что глинистая земля становится влажной.

Однако, как ни спешил он скорее спуститься, пришлось замедлить шаг под угрозой, что колючий кустарник превратит кожу в лохмотья. Фрике пустил в ход широкий нож-мачете, чтобы расчистить хоть узкую дорожку. Надежда пробудила в нем гигантскую силу: не обращая внимания на усталость, он прокладывал путь, забыв про голод, который начинал ощущать все сильнее, и даже про жажду, ужасную жажду, раздиравшую пересохший рот, но, услышав внезапно странный свистящий звук, застыл с поднятой ногой и занесенной над кустом рукой.

— Не нравится мне это шипение... Похоже, где-то здесь змея. А я еще удивлялся, как мы до сих пор не встречали этих гнусных тварей... Б-р-р! Холодный пот прошибает... Осторожней!

Сделав еще два шага, он вновь услышал свистящий звук, остановился и, смертельно побледнев, увидел, как в метре от него поднимается готовая к броску змея.

По раздувшейся шее, на которой выделялись чешуйки желтовато-коричневого цвета, Фрике сразу же узнал страшную найю — кобру, называемую также очковой змеей из-за двух пятен на голове, действительно напоминающих очки.

Эта змея толщиной в руку и длиной не больше двух метров чрезвычайно опасна и агрессивна — особенно если, потревоженная внезапно, чует присутствие рядом живого существа.

Как правило, подобно всем другим представителям животного мира джунглей, она не нападает на человека, кроме тех случаев, когда ее случайно задевают, проходя мимо, или же застают врасплох. Тогда, впад в ярость,

очковая змея раздувает шею до необыкновенных размеров, издает бешеное свистящее шипение, в мгновение ока свернувшись кольцами, поднимается на хвосте и наносит стремительный удар головой, как если бы в ней была пружина.

Ее шея, принимающая выпукло-вогнутую форму, напоминает головной убор, отсюда, возможно, ее второе название на португальском языке: кобра-капелла — шляпочная змея.

Фрике, прекрасно зная, что укус ее вызывает почти мгновенную смерть, понял: секундное замешательство, одно неверное движение — и он неминуемо погибнет.

У него даже не было времени снять с плеча карабин, чтобы раздробить пулей голову опасной рептилии. Застыв на месте с поднятой рукой, в которой был зажат широкий нож, парижанин пристально смотрел, как опытный дуэлянт, в глаза своему врагу, чья голова мерно раскачивалась на уродливо вздувшейся шее.

— Черт возьми! Кобра... — сдавленным голосом произнес он.

Звук его голоса вывел змею из оцепенения: распустив кольца, она метнулась с быстротой молнии, целясь человеку в грудь.

Но Фрике недаром славился своим искусством в фехтовании, научившем его безошибочно определять момент атаки противника, чтобы парировать в ту же секунду — в то ничтожно краткое мгновение, когда острие шпаги или клинок сабли почти касается тела.

Столь велика сила этого искусства, что нужное движение совершается инстинктивно, — сделать его тем проще, что змея в отличие от человека, нанося удар, не помышляет о возможном отступлении.

Фрике взмахнул тесаком в тот момент, когда широко открытая пасть находилась всего в полутора дюймах от его груди и он уже мог видеть ядовитые зубы, плотно сидящие в фиолетовых деснах. Удар пришелся как раз посередине мешка на шее, которому змея обязана своим названием. Отрубленная голова покатилась на землю, но тело, подчиняясь силе инерции, продолжило свое движение, и обрубок ударил юношу в грудь.

— Ну, это не считается, — сказал он со своим обычным хладнокровием, увидев красное пятно крови на куртке. — Хотя я вовремя остановил красавицу. Если бы я не спешил так, то вскрыл бы эту тварь ради удовольствия посмотреть, что у нее в желудке. Ладно! Как-нибудь в другой раз.

В другой раз! Решительно, этого парижского сорванца ничем не проймешь!

Наш герой уже собирался продолжить свой путь, но вдруг его внимание привлек еще один звук. И тут этот человек, без единой жалобы переносивший все тяготы, свалившиеся на него в последний день, с полным присутствием духа встретивший и отразивший нависшую над ним смертельную угрозу, издал прямо-таки звериный вопль.

Все его хладнокровие вмиг улетучилось: забыв о лианах, колючках и режущей траве, он как сумасшедший бросился на этот звук, не разбирая дороги, не вспомнив даже о мальчугане, бегущем за ним по пятам.

Только те, кто умирал от жажды на раскаленных почвах в знойной атмосфере тропиков, поймут, как может помутиться рассудок человека, заслышавшего неподалеку божественное журчание источника.

С окровавленными, иссеченными руками и лицом Фрике, сам не зная как, оказался перед небольшой впадиной, наполненной прозрачной, как хрусталь, водой, а перед ней возвышалась груда камней, из которой сочилась блатная струйка небольшого источника.

— Вода!.. О! Вода! — воскликнул юноша, забыв обо всем на свете и падая перед источником на колени, готовый хлебать эту влагу с жадностью изнемогающего от жажды животного. — Нет, — он резко отстранился, — нет, я сошел с ума! Надо подождать... Если начну пить сейчас, могу погибнуть. Ах, как я понимаю теперь наших командиров в Алжире: они ставят в авангарде бывалых солдат, и те охраняют колодцы, выставив штыки. Если я не хочу умереть, то надо сначала просто прополоскать горло, не проглотив ни капли. Сейчас вода — это нежнейший и желаннейший яд... Гыр-гыр-гыр!.. Немножко полегче, но зверски хочется пить. Еще немного терпения. Всего каких-нибудь десять минуточек, каких-нибудь четверть часика — и можно будет всласть нахлебаться, не опасаясь, что лопнешь, как надутая жаба. Ой! А что же малыш? Надо же, забыл о нем, куда ж ему было поспеть с его маленькими ножками — я мчался как полоумный. Эй! Яса, Яса! Давай сюда! Здесь бьет фонтан, настоящий фонтан!

В этот момент мальчуган выскочил из зарослей и сломя голову помчался к источнику.

Фрике бесцеремонно ухватил его за штанишки со словами:

— А ну-ка стоять, сударик мой. Вы все утро тянули

сиропчик, не в упрек вам будь сказано. Но сейчас извольте воздержаться, не то будет бобо. Пить будете только вместе с папочкой.

Наконец, после нескончаемо долгих минут ожидания, оба мальчишки, припав к воде, смогли утолить жажду — пили с наслаждением, долгими глотками, заливая полыхавший внутри огонь.

Но едва исчезло мучительное ощущение жажды, как на смену ей пришло чувство голода.

— Нам зверски не везет, — воскликнул Фрике, — только покончили с одним, как надо приниматься за другое. Какая досада: все время нужно что-то заглатывать! Ужасно глупо, но есть все равно хочется. Только что я даже не думал об этом, и, кроме воды, мне ничего было не надо. Но вот вам свежая водичка — действует на аппетит не хуже аперитива*. Да ведь мы целый день ничего не ели; тигриная отбивная была ужасно давно, вчера вечером. Значит, так: теперь или никогда приступить к охоте и раздобыть хоть какую-нибудь дичь, пригодную для вертела.

Чтобы быть во всеоружии, Фрике зарядил один ствол ружья дробью, а второй — пулей. Потом в сопровождении своего приемного сына двинулся вдоль тоненькой струйки, постепенно превратившейся в ручеек, весело журчащий между серых каменных глыб.

С десяти утра до четырех пополудни в джунглях так жарко, что все звери, спасаясь от зноя, прячутся в норах и логовищах.

Заставить их выскочить можно, разве что наступив на них, и только к вечеру они выходят на свет в поисках пищи. Напрасно Фрике лазил по кустарникам и шарил в высокой траве — он не встретил ни единого четвероногого, маленького или большого, и ни одна птица не появилась в небе и не вспорхнула из-под ног.

Он уже собирался вернуться в лес, чтобы подождать более благоприятного для охоты часа, злясь на себя, что напрасно утомил малыша, как вдруг заметил стадо слонов, пасущихся на поляне, всего лишь в трехстах метрах от него.

— Слоны! — сказал он, вытирая пот со лба. — Пожалуй, это слишком. Мне вполне хватило бы козы, зайца, фазана, павлина, на худой конец. Убить слона, который весит четыре тонны, на обед двум парнишкам, которые

* Аперитив — слабый спиртной напиток для возбуждения аппетита.

съедают, дай Бог, четыре фунта,— это очень жаль. Но раз ничего больше нет, а в желудке хоть шаром покати... Ладно! Пусть будет слон... вон тот большой серый... удобно стоит.

Охотник хотел подобраться к слонам ползком, скрываясь в высокой траве; животные не могли его учуять, потому что он находился с подветренной стороны. Но тут стадо, охваченное непонятной паникой, ринулось прочь с пастбища, мчась галопом к опушке, за которой стояли Фрике и малыш-бирманец.

Оба поспешно спрятались за дерево, потому что стадо неслось, не разбирая дороги. Когда оно оказалось в двадцати шагах, Фрике стал спокойно выцеливать слона, которого заранее выбрал, и нажал на курок в тот момент, когда на мушке оказалось плечо великана.

Слон рухнул одновременно со звуком выстрела.

— Теперь мы можем пообедать, но повторяю — очень жаль. Бедная зверюга! И охнуть не успела!

ГЛАВА 13

Прекрасный выстрел.— Ошеломление слишком удачливого охотника.— Окружен со всех сторон.— Французский бокс.— Слон берет Фрике в плен.— Отчаяние, вызванное гибелью Белого Слона.— Фрике и министр.— Уважение, оказываемое англичанам.— «Голубая антилопа» становится боевым кораблем.— Фрике объявляет войну императору Бирмы.— Соблазн выкупа.— Путь к реке.— Посадка на корабли.— Внезапное появление Андре.— Смелее!

Фрике еще никогда, с тех пор как взял в руки крупнокалиберное оружие, не добивался такого поразительного успеха. А ведь стрелял он не из карабина восьмого калибра с его ужасной пулей «Экспресс» — нет, это было гладкоствольное ружье. Конечно, калибр у него тот же самый, и если вкладывается круглая пуля из особо твердого свинца весом в шестьдесят пять граммов, то пороховой заряд весит те же семнадцать с половиной граммов, что и в карабине.

Чтобы понять, какое действие может произвести эта пуля, нужно вспомнить, какой ударной силой она обладает. Хотя мы уже называли эту цифру, будет небесполезным напомнить, что оружие восьмого калибра, давая начальную скорость в 446 метров в секунду, придает ударную силу порядка двух тысяч сорока восьми килограммов!

Если сопоставить силу давления с относительно неболь-

шим объемом пули, станет понятно, что этот жалкий кусочек свинца и ртути (в соотношении девять к одному) диаметром в двадцать два миллиметра способен пробить любую мышечную и костную ткань.

В несколько прыжков Фрике подбежал к рухнувшему на бегу слону. Тот упал головой вперед, как если бы передние ноги подломились прежде задних. На длинные бивни пришелся весь вес громадного тела, и они глубоко вонзились в землю, причем удар был настолько силен, что один бивень надломился у основания. Хобот подогнулся ко рту, наполненному кровью и землей. Глаза были открыты, веки не двигались; бока перестали вздыматься, и только толстые складки кожи еще слегка подрагивали в последней конвульсии.

Фрике не верил своим глазам — неужели возможно поразить столь мощное животное единственным выстрелом! Но смерть слона была мгновенной.

Чуть повыше левого плеча охотник увидел небольшую дырочку, из которой струйкой текла багровая кровь.

— Должно быть, пуля попала в сердце, — сказал он. — Не хвастаясь, скажу: выстрел был совсем неплох. Если бы тогда, на берегу Рокелле, я так же удачно прицелился бы в носорога, то уложил бы его наповал. Бедная зверюга! Не повезло ему, что нам так хочется есть! А цвет какой странный! Никогда не видел слонов с таким необычным оттенком. Похоже на ситный хлеб, прослоенный серым войлоком.

Произнося этот монолог, Фрике вооружился ножом и уже готовился вырезать из этой горы мяса кусок по своему вкусу, но застыл на месте, услышав яростные пронзительные крики людей и тяжелый характерный топот стада слонов.

Можно представить себе его удивление при виде двенадцати слонов, из которых десять были заседланы, а на спинах двоих возвышались гауды.

По крику мау слоны послушно остановились: охотники легко соскользнули с седел и одним прыжком оказались на земле, тогда как важные персоны, восседавшие в гауде, неторопливо спустились по шелковой лесенке.

С жалобными воплями все бросились к мертвому животному. Некоторые рвали на себе одежду, царапали до крови грудь и даже лицо.

— Кажется, я попал впросак с этим слоном, — сказал Фрике самому себе, — но они сами виноваты: отчего нельзя было повесить таблички с надписью: «Охота запреще-

на». Ого! Минуточку, минуточку! Ну-ка, уберите лапы, я не люблю, когда меня хватают, и быю без предупреждения. Вас и всего-то двадцать человек!

Вновь прибывшие, заметив наконец Фрике и безошибочно признав в нем убийцу священного животного — грех, который парижанин в своем извинительном невежестве рассматривал как простое нарушение правил охоты,— бросились к нему с явно недобрыми намерениями.

Самый нетерпеливый или же самый смелый, уже протянувший руки, получил удар ногой в живот и рухнул навзничь.

— Эй,— крикнул Фрике,— давайте лучше договоримся по-хорошему. Нечего меня хватать, как преступника, не говоря ни слова. Я этого не люблю, повторяю еще раз. Извольте объяснить, в чем дело.

Нападающие, завопив еще громче, образовали кольцо, и один из мау, гибкий и ловкий, как обезьяна, в свою очередь, бросился на молодого человека. Фрике, прислонившись спиной к дереву и бесстрашно глядя на окружающих его людей, выкинул навстречу левый кулак.

— Вот уже и два готовеньких,— насмешливо подытожил парижанин при виде распластавшегося на спине бедняги с залитым кровью лицом.— Однако ружье я пускать в дело не хочу: не было бы хуже.

Третий, а затем и четвертый нападавший поочередно свалились на землю под ударами бесстрашного европейца, который продемонстрировал им превосходство французского бокса перед всеми другими видами единоборства.

— В тактике вы не сильны, мои желтые друзья... Нет чтобы броситься на меня одновременно, а они подходят, соблюдая очередь. Ай! Кто это меня зажал?

Бирманцы оказались не такими наивными, как это показалось Фрике. Видя, что имеют дело с решительным, ловким и сильным человеком, они тихонько подвели одного из слонов к дереву, спиной к которому стоял защищавшийся.

Подчиняясь приказу своего мау, умное животное, вытянув хобот, подхватило Фрике под мышки, подняв его в воздух с такой же легкостью, как ребенок держит за хвост мышь.

Некоторое время слон покачивал добычу в воздухе, как бы вопрошая хозяина: «Хватить его, что ли, о ствол дерева?»

Погонщик сделал знак и что-то ласково произнес.

Дрессированный великан бережно опустил пленника на землю, а точнее, в подставленные руки людей.

Фрике тщетно пытался стряхнуть с себя навалившихся на него бирманцев: его держали крепко. Он выронил тесак в тот момент, когда слон схватил его, ружьем быстро завладели противники, наконец, малыш Яса, о чем-то быстро переговоривший с главарем нападавших, делал ему умоляющие знаки, явно призывая не сопротивляться.

— Ладно! Уступаю силе. Мне не стыдно признать, что меня одолели двадцать четыре человека при помощи двенадцати слонов.

Как только Фрике перестал вырываться, его отпустили. Юноша ожидал, что его крепко свяжут, но ему оставили полную свободу передвижений. Впрочем, любая попытка к бегству была бы полным безумием: не было никакой надежды ускользнуть от изумительных следопытов и охотников, не говоря уж о слонах, чей нюх значительно тоньше, чем у лучших охотничьих собак.

Появилась многочисленная группа всадников, которые при виде мертвого слона разразились ужасными воплями.

Потом бирманцы, простершись перед трупом, стали биться головой о землю, рыдать и царапать себя ногтями; поднявшись, все воздели руки к небу, бросая все более и более угрожающие взгляды на убийцу, который уже совершенно ничего не понимал.

Но вскоре ему кое-что стало ясно.

После тщетной попытки заговорить по-французски с тем, кто по виду был главарем, он обратился к нему по-английски, причем без всяких церемоний и довольно дерзко.

Министр, как и большинство бирманцев, принадлежавших к высшей касте, довольно бегло говорил по-английски, но, вместо того чтобы ответить Фрике прямо, велел передать через своего бооха (офицера), что пленнику следует изъясняться более почтительно.

Фрике, расхохотавшись, бросил в ответ:

— Скажите пожалуйста! Ваш патрон, сударь мой, такая важная шишка?

— Мой патрон,— невозмутимо ответил боох,— первый министр его величества императора.

— Ах, вот как! Счастлив познакомиться. А теперь передайте ему от меня, раз ему несподручно затруднять собственную глотку, что мне плевать на все его титулы и, будь он хоть трижды министр, не ему учить меня правилам поведения. Кушай на здоровье, приятель!

Офицер, ошеломленный подобной дерзостью, перевел сказанное министру, который вновь разразился возмущенной тирадой, однако в тоне его послышалась неуверенность.

— Ага! Задело за живое,— усмехнулся Фрике,— скажите-ка еще этому достойному вельможе, что для меня он не больше чем дикарь. Это со мной он обязан обращаться почтительно, потому что я европеец и француз.

— Значит, вы не англичанин? — живо спросил офицер.

— Вы и сами могли бы это заметить по тому, как я коверкаю язык наших, а теперь и ваших соседей.

— Значит, вы не англичанин...

— Можно подумать, это что-нибудь меняет.

— Нет... но...

— Понимаю. Вы хотите сказать, что раз я не англичанин, то со мною можно не церемониться, а своих подданных правительство ее величества в обиду не дает. Так ведь? Я и сам вижу по вашему министру, который опять раздувается от чванства. Только учтите, что я прибыл сюда на военном корабле... А экипаж на нем такой, что от вас только клочья полетят... И если здесь нет представителей моего правительства, чтобы защитить меня, то я сумею сам о себе позаботиться.

— Вы говорите правду, чужестранец? — спросил министр, который, как и все азиаты, терялся перед натиском и энергией, а потому соизволил наконец напрямую обратиться к пленнику.

— Скоро сами узнаете. Пусть только волос упадет с моей головы, и наши пушки разнесут вдребезги жалкие лачуги вашей столицы! Ах, я, видите ли, не англичанин! — повторил Фрике, оскорбленный до глубины души и решивший идти напролом, как человек, которому нечего терять, а выиграть можно все.— Со мной, значит, можно не церемониться, потому что я принадлежу к гуманной нации, которой отвратительны кровавые методы подданных ее величества. Ну, милые мои, теперь вы узнаете, что такое француз и как поступает в минуту опасности гражданин нашей республики.

Министр, боох, охотники и даже сам пунги, оробевшие перед таким натиском, молча переглядывались, и Фрике уже показалось, что он выиграл, но тут министр горестно спросил:

— Зачем вы убили Белого Слона?

— Так это Белый Слон? Какое мне, впрочем, дело до

его цвета. Убил, потому что мы оба умирали с голода — я и мальчуган. Да не беспокойтесь, заплатят вам за ваше четвероногое сокровище!

— Священный слон бесценен.

— А, так он у вас священный... К сожалению, на нем это не было написано. Значит, от денег вы отказываетесь? Хорошо, не хотите золота и серебра, получите чугуном... ядрами наших пушек.

Министр окончательно растерялся. Возможно, он отпустил бы бесстрашного молодого человека, потому что был напуган угрозами Фрике, а пуще всего опасался объявленной им войны, которая угрожала и его собственному благополучию, ибо император имел обыкновение перекладывать государственные расходы на плечи своих приближенных.

Но, с другой стороны, иностранец должен был заплатить охотникам, ибо труды их пропали даром, а достоинство было оскорблено убийством Схен-Мхенга.

Француз произнес слова об оплате... а это всегда звучит сладкой музыкой в ушах азиата. Следовательно, отпустить француза было бы непростительной ошибкой.

Кроме того, злосчастная история с покупкой Белого Слона у короля Сиама, якобы отравленного англичанами, произвела самое тягостное впечатление на императора и его окружение. Никто не поверит, что подобное могло повториться при сходных обстоятельствах. Никто даже слушать не станет министра, и не поможет здесь свидетельство его людей. С императора, пожалуй, станется приговорить всех к смертной казни.

Итак, самым разумным представлялось вернуться как можно скорее в Мандалай, прихватив с собой француза. Если императору будет предъявлен убийца священного слона, это спасет всех участников экспедиции. А судьбу виновного пусть решает сам монарх.

Быстро посоветовавшись с офицером и пунги, министр убедился, что они вполне разделяют его мнение.

Боох сообщил пленнику, что ему предстоит отправиться в Мандалай, чтобы лично дать объяснения императору.

Фрике, видя, что дело проиграно, не потерял присутствия духа.

— Стало быть, вы меня арестовали,— сказал он с поразительным спокойствием,— в нарушение всех человеческих прав берете меня под стражу за проступок, совершенный без злого умысла, о котором я сожалею, ибо

всегда неуклонно соблюдал обычаи тех стран, где бывал. В свою очередь, я возлагаю на вас всю ответственность за последствия ваших действий. Древние римляне, осажденные Ганнибалом*, продали поле, где был разбит лагерь их врага... Вы, разумеется, понятия не имеете ни о римлянах, ни о Ганнибале... Но это не меняет дела. Ссылаясь на этот исторический прецедент, заявляю вам: я, Виктор Гюйон по прозвищу Фрике, незаконно взятый вами в плен, объявляю войну императору Бирмы! И будьте уверены, вам придется дорого заплатить... Это так же верно, как то, что я был султаном на Борнео и по-прежнему остаюсь парижанином!

Поскольку охотникам на слонов больше нечего было делать в лесу, министр решил без задержки отправиться в обратный путь. Он приказал разведчикам на лошадях возглавить отряд и вести его назад той же дорогой.

Кроме того, он велел накормить измученного Фрике, затем усадил его в своей гауде, передав маленького Ясу офицеру. Колонна слонов двинулась следом за всадниками по направлению к реке.

Излишне говорить, какие оскорбления посыпались на голову охотников, вернувшихся без Белого Слона, какими проклятиями осыпали француза, которому, впрочем, не было от этого ни жарко ни холодно.

Посадка на суда производилась в строго определенном порядке. Сначала на плоты повели лошадей и слонов, но плот, предназначавшийся для Белого Слона, так и остался пустым: сиротливо возвышался балдахин** из желтого шелка с реявшим на нем королевским штандартом — белым флагом с вышитым красным шелком павлином, — теперь приспущенным в знак траура.

Затем на суда поднялись мау, а следом — охотники.

Фрике до последней минуты рассчитывал на какой-нибудь счастливый случай, чтобы вырваться на свободу, но и ему пришлось в свою очередь пройти по трапу — обыкновенной доске — на корабль министра. Спустя пять минут все уже были на борту, якоря подняты, и маленькая флотилия двинулась вперед под тройным воздействием ветра, течения и работы гребцов.

* Ганнибал (247 или 246—183 гг. до н. э.) — знаменитый карфагенский полководец, неоднократно побеждавший римлян. В 202 году потерпел поражение в битве при Заме, после которого Карфаген утратил значение великой державы.

** Балдахин — навес из ткани на шестах или столбах (неподвижный или переносной).

Фрике же предавался философским размышлениям: «В конце концов, когда бы еще мне представилась возможность побывать в их столице? А там я как-нибудь договорюсь с этими милыми людьми, которым, кажется, улыбаются ухватить богатый выкуп...»

И вдруг он с криком рванулся к поручням. До берега было не больше пятнадцати метров.

Но десяток рук удержали его.

В ответ на крик Фрике раздалось удивленное и гневное восклицание:

— Тысяча чертей! Я не ошибся: это и вправду Фрике! Его увозят эти мерзавцы!

На берегу показались два всадника на взмыленных конях — европеец и негр.

Фрике сразу узнал Бревана и сенегальца.

— Господин Андре! — закричал бедняга. — Меня взяли в плен, везут в Мандалай... за то, что я убил Белого Слона. Эти скоты обвиняют меня в святотатстве.

— Вот как! — насмешливо воскликнул Андре, обретая свое хладнокровие. — Они, значит, думают, что можно не церемониться с французами, раз у них нет консульства в этой идиотской стране! Смелее, Фрике! Главное, выиграй время... Обещай, запугивай, используй все средства... обратись к англичанам. А я немедленно помчусь к шлюпу, а затем на всех парах к «Антилопе» и отдам все необходимые распоряжения. Мы освободим тебя, хотя бы пришлось спалить весь город. Смелее!

— Осторожно, господин Андре! Они собираются стрелять...

— Ба! Таким стрелкам мудрено будет попасть в меня!

Андре предусмотрительно подался в сторону, прищипив лошадь. То же самое проделал сенегалец, и оба всадника в мгновение ока скрылись в густых зарослях травы.

— Кто этот человек? — спросил у Фрике министр, тщетно пытаясь скрыть беспокойство.

— Человек, который не убивал вашего слона цвета ситного хлеба и в которого вы собирались выстрелить только за то, что он говорил со мной.

— Никто из наших не стрелял.

— Просто не успели. Но за эту попытку вы также заплатитесь.

— Вы решительно не хотите сказать, кто этот человек?

— Отчего же не сказать... Этот человек командует французским военным флотом, стоящим на рейде у Рангуна. Скоро вы о нем услышите!

ГЛАВА 14

Бесполезные сигналы.— Следы Фрике.— Едкий сок мха.— Тигр и его шкура.— Встреча с четырьмя охотниками.— Бирманские лошади.— Как Андре и сенегалец в мгновение ока преобразились из пехотинцев в кавалеристов.— Аргумент, против которого нет возражений.— Цель оправдывает средства.— Слишком поздно! — Возвращение.— Уплата долга.— Щедрость.— Шлюп.— В путь к английской границе.— Топка дровами и спиртом.— На всех парах.

Андре, оставшийся на шлюпе, когда Фрике отправился поохотиться на калаа, начал беспокоиться уже через два часа после ухода друга.

Сигналы, которые подавал парижанин, не достигали стоянки, выстрелы замирали во влажном воздухе под куполом из листьев.

Прошел третий час, затем четвертый, и Андре встревожился не на шутку: из леса не доносилось ни одного сигнала, ни единого крика или выстрела.

Все это было совершенно необъяснимо, и догадки мелькали в смятенном уме Бревана, причем некоторые из них, как он сам сознавал, были совершенно неправдоподобными.

Но ведь бескрайние девственные леса чрезвычайно опасны даже для опытного путешественника, а с новичком здесь могло произойти все что угодно.

Настала ночь, и Андре, не находя себе места от беспокойства, стал увещевать сам себя: смелый, сильный и ловкий парижанин обязательно должен выпутаться даже из самого затруднительного положения.

Но перед глазами Бревана так и стоял Фрике, заплывавший в тектоновом лесу: он не может правильно сориентироваться, а ночью ему грозят тысячи опасностей, ибо хищники выходят на охоту.

Инстинкт опытного путешественника не обманул Бревана. Обнаружив, что Фрике по непростительному легкомыслию отправился в лес без компаса, он сразу все понял: «Фрике заблудился... Любой ценой нужно завтра его найти».

Уже по истечении первых двух часов Андре, в свою

очередь, стал подавать сигналы. Каждые десять минут он стрелял из ружья восьмого калибра; потом, решив, что одного выстрела недостаточно, приказал всем своим людям стрелять одновременно.

Топка шлюпа была разогрета, и в промежутках между выстрелами кочегар давал пронзительный свисток.

Наконец, Андре приказал дать очередь из пулемета — этот резкий, сильный звук должен был разнестись очень далеко.

Ночью никто не сомкнул глаз — сигналы подавались непрерывно, но на них по-прежнему не было никакого ответа.

На рассвете Андре отправился на поиски друга в сопровождении Сами и сенегальца, которые несли, помимо оружия и боеприпасов, запас провизии на два дня.

Андре засек по компасу местоположение шлюпа и, дав приказ остающимся безостановочно подавать сигналы выстрелами и свистками, углубился в лес.

Следы Фрике удалось обнаружить довольно быстро, благодаря одному на первый взгляд незначительному обстоятельству.

Как мы уже говорили, в тектоновом лесу нет никакой растительности, поскольку листья тиковых деревьев не пропускают солнечных лучей. Но есть одно исключение: у подножия гигантов прекрасно произрастает очень густой мох, образуя светлый, мягкий ковер.

Фрике был обут в тяжелые сапоги, подкованные гвоздями, — при каждом его шаге несколько стебельков мха оказывались раздавленными, и из них начала сочиться жидкость, вероятно очень едкая, ибо те места, куда он ступал, окрасились в буроватый цвет.

Неопытный человек мог бы и не обратить внимания на это легкое изменение цвета, но для искушенных охотников таких следов было более чем достаточно.

При этом Андре не забывал делать зарубки, так что даже ребенок мог бы легко найти обратный путь.

Вскоре они подошли к тому месту, где Фрике подстрелил калао. Сами определил позицию стрелявшего по отпечаткам подошв, сенегалец подобрал белое перо, а Андре нашел войлочный пыж для ружья восьмого калибра.

До сих пор калао увлекали Фрике почти по прямой линии на восток.

Видя, что стрелок продолжает идти в том же направлении, Андре сразу понял, что произошло:

— Безумный мальчишка решил убить второго калао, чтобы принести пару — по одному на брата.

Затем, посмотрев на компас, определил, что Фрике по-прежнему шел прямо.

Они шли уже довольно долго, и Андре начал бормотать себе под нос:

— Куда же он, черт возьми, идет?..

— Хозяин,— прервал его Сами — господин Фрике потерял направление. Видите, он поворачивает... Посмотрите на компас.

— Верно! — воскликнул и сенегалец.

— Надо же! — сказал Андре, удивленный тем, что индус и сенегалец одновременно заметили невольную ошибку Фрике.— Все-таки нам, белым, далеко до них: я бы тоже стал поворачивать, сам того не замечая. Но послушай, Сами, почему он не догадался пойти назад по своим следам? Ведь мы безошибочно следуем за ним, благодаря тому, что мох изменил цвет.

— Оттого, что мох темнеет только через несколько часов, когда сок разъест раздавленные стебельки.

— Ты совершенно прав,— ответил Андре,— это так просто, что сразу не догадаешься. Я обязательно воспользуюсь твоим наблюдением... Ого! Он все больше и больше забирает вправо. Но, возможно, он заметил свою ошибку и хочет поглядеть на солнце... Видите, как он решительно двинулся в сторону этой поляны? О! Тысяча чертей! Да это же тигр...

— Тигр, хозяин, но ободранный...

— И получивший свою порцию свинца! Молодчина, Фрике!

— А вот и кострище, где обжарили кусок тигрятины, а рядом шкура, на которой спали.

— Ну, пока все хорошо. Однако местá здесь небезопасные. Вперед!

— Хозяин, он все больше поворачивает...

— Так здорово поворачивает, что если будет продолжать в том же духе, то мы вернемся к месту привала,— сказал Андре, поглядывая на компас.

И действительно, они вернулись туда вслед за Фрике и сами сделали привал, с аппетитом отобедав, благо запасов съестного было более чем достаточно.

Подкрепившись и передохнув несколько минут, они вновь тронулись в путь.

Андре по-прежнему шел впереди, не зная устали, к великому удивлению черного и желтого спутников, которые

никак не предполагали, что белый человек может быть настолько вынослив.

Что до Фрике, то, описав полный круг, он двинулся в прямо противоположном от шлюпа направлении, очевидно, совершенно об этом не подозревая.

Вскоре трое путешественников достигли цепи холмов; с легкостью преодолев подъем и спустившись, они, к своему великому удивлению, обнаружили четырех человек, расположившихся у того самого источника, где Фрике смог наконец утолить жажду.

Четыре великолепные лошади бирманской породы, привязанные к дереву, с жадностью поедали дробленый маис, а всадники, привольно разлегшись на траве, весело болтали, непрерывно жуя бетель.

Андре подошел к ним — при виде белого человека бирманцы встали и почтительно склонились.

Пока Сами спрашивал их о Фрике, Андре, большой знаток и любитель лошадей, внимательно рассматривал этих благородных животных, происходивших из Северной Бирмы, где они бродят дикими табунами.

Китайцы на них охотятся, поскольку мясо этих животных весьма ценится в Поднебесной империи. Бирманцы, напротив, стараются захватить их живыми, помещают в обширные загоны и приручают, чтобы затем продавать, естественно, ради обогащения императорской казны.

Несмотря на небольшой рост — всего четыре фута пять дюймов, — они отличаются необыкновенной выносливостью и неприхотливостью; в этом отношении сравнить их можно только с арабскими скакунами. Конечно, северобирманские лошади значительно уступают последним в изяществе и особенно в легкости хода: у этих животных крупная квадратная голова, широкая морда, мускулистая шея и сильно развитая грудь.

Но зато у них широкий лоб, прямая посадка головы, выразительные живые глаза очень красивого разреза, чуткие нервные ноздри, а силуэт хоть и не такой «летающий», как у арабского скакуна, но достаточно изящный, чтобы сгладить некоторую тяжеловесность головы.

Наконец, бабки* у них такой правильной формы, которую редко можно встретить.

— Ну что? — спросил у переводчика молодой человек, закончив осмотр лошадей и выделив два их бесспорных достоинства: силу и скорость.

* Бабка — надкопытный сустав ноги у лошади.

— Они говорят очень странные вещи, сударь, эти бирманцы. Они честные охотники, сударь, именно так.

— Видели они Фрике?

— Да, сударь.

— Он жив?

— Да, сударь.

— И невредим?

— Да, сударь... но его взяли в плен.

— Кто же это?

— Бирманцы, которые приехали ловить Белого Слона!

— Что такое?!

— Это священный слон... Схен-Мхенг... Это Будда, сударь. Господин Фрике убил его...

— Будда?

— Да. Белый Слон, который должен был заменить нынешнего и стать Буддой... именно так, сударь.

— И Фрике схватили из-за этого?

— Кажется, да.

— Но где? И кто? Охотники-бирманцы?

— Люди императора, посланные за священным слоном. В этом сомнений нет, сударь.

— А эти? Они кто такие?

— Они мне объяснили, сударь. Сейчас я вам все расскажу.

— Да скорее же! Не тяни!

— Да, сударь, конечно, сударь,— повторял переводчик, во все глаза глядя на хозяина, которого никогда еще не видел столь взволнованным и бледным.— В каждом округе правит от имени императора губернатор, в распоряжении которого находится многочисленный отряд охотников.

— Я знаю... дальше!

— Так вот, эти охотники посланы губернатором, чтобы следить за ловчими, посланными от императора, и всячески мешать им поймать Белого Слона, что, как они уверяют, сделать нетрудно, и затем самим попытаться поймать Схен-Мхенга и спасти своего господина от гнева монарха. Но выстрел господина Фрике разрушил все планы. Вот и все, сударь.

— Они видели, как увели Фрике?

— Да. Его увезли на слоне. Слонов было двенадцать! И еще много людей. Теперь весь отряд, должно быть, уже грузится на плоты и лодки, чтобы плыть вниз по реке.

— Спроси, далеко ли это отсюда.

— Два часа пешим ходом.

— То есть полчаса верхом.

И Андре, обратившись прямо к охотникам, как будто они могли его понять, спросил в лоб:

— Хотите заработать много денег?

Сами перевел слово в слово.

— Что мы должны сделать, господин? — осведомился один из них.

— Продать мне ваших лошадей.

— Невозможно, господин... лошади принадлежат императору.

— Скажите, что они случайно сломали себе шею...

— Невозможно.

— Очень хорошо. В таком случае я их просто беру. Сами и ты, лаптот, придержите-ка двоих молодцов, а я займусь остальными. А теперь свяжите им руки и ноги, да покрепче. Вот так! Цель оправдывает средства.

Индусу и сенегальцу, мощным, как борцы, не нужно было повторять дважды. Как будто подброшенные пружиной, они накинулись на охотников, ошеломленных внезапностью нападения, и схватили их за горло. Затем, уложив на землю, в мгновение ока стянули ремнями руки и ноги.

Двое других, с ужасом глядя на револьвер, который наставил на них Андре, даже не пытались сопротивляться и покорно дали себя связать.

— Лаптот,— сказал Андре,— на коня! Поедешь со мной. А ты, Сами, останешься стеречь пленных. Отвечай за них головой, понял?

— Да, сударь, положитесь на меня.

— Скажи, что им не причинят зла. Лошадей мы вернем, по крайней мере надеюсь. Но если это не удастся, им щедро заплатят. Жди нас, мы скоро. Вперед, лаптот!

Андре легко вскочил на крепкого каракового* коня, которого негр взнуздal в мгновение ока.

Оба двинулись на рысях вдоль берега ручья, который должен был привести их к месту, где стояли на якоре бирманские суда.

Вскоре они обнаружили следы, оставленные слонами,

* Караковый — темно-гнедой с подпалинами (о масти лошадей).

но, как мы уже видели, опоздали, прискакав в тот момент, когда якоря были подняты и бирманская флотилия двинулась по быстрому течению Киендвена.

И это было к лучшему, ибо два друга, конечно, предприняли бы безумную попытку освободить Фрике, что неминуемо кончилось бы гибелью или, по крайней мере, пленом.

Андре возвратился в состоянии холодного бешенства, что случалось с ним чрезвычайно редко. Связанные бирманцы лежали на земле и дружелюбно переговаривались с Сами, который, будучи по натуре весьма осторожен, не выпускал тем не менее револьвера из рук.

Как и все азиаты, бедняги покорно склонились перед силой; трепеща перед грозным европейцем со сверкающим взором и необычайно бледным лицом, они попросили переводчика сказать, что сделают все, что от них потребуется.

— Сами,— сказал Андре, не сходя с седла,— развяжи их, всех четверых. Хорошо... Сядь на одну из свободных лошадей, на другой пусть едет кто-нибудь из бирманцев. Он поедет с нами. Мы галопом поскачем к шлюпу, а трое других пусть добираются на своих двоих. Они легко найдут дорогу по зарубкам на деревьях. Объясни им получше, так чтобы поняли: я верну лошадей целыми и невредимыми, и они получают щедрое вознаграждение. С ними расплатится их товарищ, который поедет с нами. Торопись! Сейчас каждая минута стоит целого дня.

Бирманцы подчинились почти с охотой, тем более что тон европейца не оставлял никаких сомнений: любое сопротивление будет бесполезным, а любое возражение — пустой тратой сил.

Впрочем, магические слова о щедром вознаграждении заранее примирили их с неизбежностью.

...Бирманские лошади с блеском подтвердили свою репутацию: взлетая вихрем на холмы и играючи с них спускаясь, они затем без видимого напряжения преодолели тектоновый лес и с мокрыми, как после дождя, боками выскочили к месту, где стоял на якоре шлюп с остывшей топкой.

Андре сдержал слово: бирманец, получив рупий больше, чем ему доводилось видеть за всю жизнь, рассыпался в благодарности, и тут молодой человек приказал вынести четыре охотничьих ружья, предназначенных для обмена с туземцами, но сейчас им предстояло сослужить другую службу.

— Бери,— сказал он бирманцу, а Сами перевел,— это тебе и твоим товарищам.

Охотник, без сомнения, не ожидавший такой щедрости, застыл как пораженный молнией. Азиату, естественно, казалось невиданным, что человек исполняет обещание, когда, вооруженный и сильный, мог бы этого не делать!

Андре, сенегалец и индус быстро взошли на шлюп. Было отдано распоряжение немедленно разводить пары.

Только резкий свисток вывел наконец бирманца из восторженного оцепенения. Шлюп, развернувшись почти на месте, полетел вперед по полоске воды, скрытой высокой травой, со скоростью морской птицы.

— Подбавьте-ка, ребята! — сказал Андре механику и кочегару.

Дрова безостановочно летели в топку, винт крутился все быстрее и быстрее, а из трубы вырвались клубы дыма с искрами, от которых вспыхивала сухая трава.

— Какая у нас скорость? — спросил Андре после десятиминутного молчания.

— Около семи миль.

— Это чуть больше обычной скорости в стоячей воде.

— Благодаря течению мы выиграем еще милю.

— А две можно?

— Если бы у нас был уголь... Когда топишь дровами, давление падает.

— Хорошо, я что-нибудь придумаю.— И, подозвав лоцмана, Андре спросил: — Ты сможешь вести шхуну и ночью?

— Да, хозяин.

— Сколько времени нам понадобится, чтобы дойти до английской границы при этой скорости?

— Около двадцати часов.

— Нам нужно быть в Мидае через пятнадцать часов.

— Невозможно, хозяин. До Мидая сто семьдесят миль.

— Знаю... надо делать всего лишь одиннадцать с половиной узлов в час.

Механик и кочегар молча переглянулись, не выразив, однако, ни сомнений, ни удивления.

— Машина надежна? — Обычно мягкий голос Андре прозвучал отрывисто.

— Выдержит любое давление.

— Что и требуется. Дров у нас примерно на шесть часов.

— Да, сударь.

Подозвав резким жестом сенегальца и Сами, Андре направился к задней рубке и приказал слугам вытащить бочонок литров на сто. Взяв затем кожаное ведро, которым обычно черпают воду из-за борта, подставил к кранику и заполнил примерно на треть.

— Вот, кочегар, полейте-ка дрова и продолжайте в том же духе, пока число оборотов винта не достигнет одиннадцати с половиной тысяч.

— Но, сударь, это же спирт!

— Превосходный, почти стопроцентный... Когда давление начнет падать, вы его мигом поднимете. Только следите за клапанами: если поползут вверх, положите на них какой-нибудь груз.

— Сударь, если вы мне дадите достаточно этого спиртика, я обязуюсь достичь двенадцати узлов,— сказал кочегар, весело опрокидывая содержимое ведра в топку.

— В добрый час! Вот как надо говорить... и делать.

Мотор, внезапно разогревшись, взревел и бешено застучал, зашипели смазочные масла, лопасти винта стали вращаться с безумной скоростью, а остов шлюпа затрещал.

За одну минуту давление поднялось на целую атмосферу*, и пар с пронзительным свистом вырвался из клапанов.

Исступленная работа машины длилась примерно десять минут, затем давление стало падать. Но ведро с новой порцией спирта уже стояло наготове.

Андре отошел к рубке, чтобы самому следить за расходом горючего, ставшего для него теперь дороже всех сокровищ мира.

— Похоже, хозяин сильно горюет по своему дружку,— тихо сказал кочегар механику,— коли велит лить в топку такое сладенькое молочко...

— А ты что, пробовал?

— Пальцы облизал.

— Смотри, не глупи... с хозяином шутки плохи. Сам знаешь, почему он так обхаживает машинку... Ну и задаст же он перца тем, кто схватил нашего парижанина.

— Да что ты?

— Толмач шепнул мне... видно, будет жарко.

— Все равно,— с грустью сказал кочегар,— везет же некоторым машинам!

* Атмосфера — внесистемная единица давления.

ГЛАВА 15

Кочегар завидует своему паровику.— Спирт кончился.— Давление падает.— Как из сала можно сделать отличное топливо.— На английской границе.— Телеграфные депеши.— Шлюп продолжает путь.— Фантастическая скорость.— Четырнадцать узлов в час! — В Рангуне.— Яхта.— У губернатора.— Английская политика.— Фрике приговорен к смерти за святотатство.— Через неделю! — Рекруты капитана-бретонца.

В течение десяти часов шлюп, благодаря спирту, шел очень быстрым ходом. Андре позаимствовал этот хитроумный способ повышения скорости у американцев, использующих его в безумных гонках речных пароходов, принадлежащих соперничающим навигационным кампаниям. Впрочем, теперь эти гонки устраиваются все реже, и мода на них проходит.

Давление поддерживалось на высоком уровне, поскольку дрова в топке постоянно поливали спиртом. Винт крутился бешено: маленькое судно шло с головокружительной скоростью, которая, однако, вовсе не удовлетворяла Андре.

Отдав последние распоряжения на злосчастной стоянке у тектонового леса, Бреван почти не размыкал губ. Не сводя глаз с манометра*, он, казалось, не замечал ничего вокруг — его интересовало только давление.

Когда стрелка ползла вверх, выражение его лица немного смягчалось. Но едва она начинала опускаться, как француз на глазах мрачнел, словно виноват был безобидный прибор.

— Сударь, бочонок пуст, — жалобно сказал Сами, успевший сильно привязаться к своему новому хозяину и принявший его беду близко к сердцу.

— Матерь Божья, — простонал кочегар, — машина все выкала, ни капельки мне не оставила!

— Давление падает, — тут же сказал механик.

— Этого можно было ожидать, — спокойно произнес Андре. — Лоцман, сколько еще остается до Мидая?

— Пятьдесят миль.

— Нужно пройти их за четыре часа.

— Как прикажете, хозяин.

— Мы прошли Ян и вышли в Иравади. Здесь течение быстрее, не так ли?

— Да, хозяин... Можем выиграть полмили в час.

— Хорошо. Сами и ты, лаптот, тащите из камбуза** вот тот оцинкованный ящик.

* Манометр — прибор для измерения давления жидкости и газа.

** Камбуз — кухня на судне.

Слуги с трудом вытащили его на палубу.

— Возьмите топор и снимите крышку.

Несколькими ударами индус ловко открыл таинственный ящик. Он оказался доверху наполнен копченым салом — это был неприкосновенный запас экспедиции.

— Я понял! — весело крикнул механик. — С этим салом наши дрова будут гореть не хуже, чем со спиртом. Здорово!

— Здесь около ста килограммов. Хватит?

— Если будем сжигать двадцать пять килограммов в час, то я отвечаю за все даже при средненьких дровишках...

Несколько кусков было ловко брошено в середину топки; дрова шумно затрещали, в топке вспыхнуло светлое пламя, а из трубы вырвался едкий дым.

— Давление вновь поднимается! — ликуя, воскликнул Андре.

— Это вполне заменяет уголь и не так опасно, как спирт.

— Матерь Божья, — бормотал меж тем кочегар, — какой закуской патрон потчует нашу машину. Никогда такого не видел: поить и кормить топку так, будто она человек.

— Многого ты, дружище, не знаешь, — отвечал механик, — поколесил бы, как я, по Америке, увидел бы, что ребята рубят корабль на дрова, после того как сожгут мачты, палубу и камбуз со всем содержимым.

— Как же это — без судна?

— Зато машина может продержаться целый час!

— Ну и лихие же ребята в Америке! Все в распыл, только чтобы быстрее! Наш хозяин, кажется, скроен по той же мерке.

— Для сухопутного парень что надо! Уж я-то знаю, можешь мне поверить, даже на флоте таких не больше дюжины наберется...

Андре не позволил себе ни минуты отдыха с тех пор, как пустился на поиски Фрике: сначала пеший поход, потом скачка на лошадях, затем долгое бодрствование на борту шлюпа — все это вкупе с переживаниями и тревогой за судьбу друга наконец оказало свое действие на его могучий организм.

Убедившись, что машина, благодаря новому топливу, творит чудеса, чувствуя себя разбитым и опустошенным, он прилег и забылся в спасительном, хотя и тяжелом сне.

...Разбудил его пронзительный свисток.

— Где мы, черт возьми? — спросил Бреван, с трудом возвращаясь к действительности из мира грез.

— Подходим к Мидаю, сударь,— ответил Сами, сияя от радости,— выиграли целых сорок пять минут.

— Прекрасно! Друзья мои, вы получите щедрое вознаграждение, на водку всем хватит...

— На водку — это славно... — пробурчал кочегар. — Наконец-то и до нас дошло дело... Машина-то притомилась, наглотавшись спирта. А я изнываю от жажды...

— Стоп! — скомандовал Андре. — Осторожнее, лоцман, осторожнее!

Шлюп подошел к пристани. Бреван быстро выпрыгнул на берег и велел немедленно показать ему телеграф.

Там он отправил депешу следующего содержания:

«Капитану Плогоннеку, на борт «Голубой антилопы», рейд Рангуна.

Готовы ли подняться Мандалаю несмотря низкий уровень воды? Сделайте все возможное. Максимальная скорость. Необходимо весь экипаж, если возможно, еще люди. Предстоит весьма опасное щекотливое предприятие.

Жду вашего ответа. Мидай. Андре БРЕВАН».

Через два часа был доставлен ответ, переданный со скоростью, которой могли бы позавидовать и телеграфисты цивилизованной Европы.

«Господину Андре Бревану, Мидай.

Необходимо двенадцать часов разгрузить яхту. Уровень воды очень низкий. Судно может задеть грунт, но пройдем. Смысл телеграммы кажется понят. Будете довольны. Рангун — Мидай сто шестьдесят миль. Потребуются шестнадцать часов, десять миль в час, против течения. Жду новых распоряжений.

ПЛОГОННЕК,

капитан яхты «Голубая антилопа».

Ответ не заставил себя ждать.

«Спасибо. Рассчитываю на вас. Выхожу навстречу. Обязательно дождитесь меня».

Затем Андре бегом вернулся на шхуну, стоявшую на яоре неподалеку от угольного склада, принадлежавшего Речной навигационной компании.

— Что с машиной? — спросил он у механика. — Не повреждена?

— Так же хороша, как в начале пути... Просто невероятно! Я ее осмотрел внимательнейшим образом — как с иголки! Ну, отдельные детали слегка барахлят...

— Можно из нее еще раз выжать то же самое?

— Да, сударь, если у нас будет уголь.

— Хорошо.

Андре помчался к агенту угольной компании и купил две тонны самого лучшего угля, который тут же погрузил на шлюп.

Все это заняло не более получаса.

Шлюп уже стоял под парами, из клапанов вырывался свист.

Андре велел поднять на мачту французский флаг и командовал: «Вперед!» Затем, встав рядом с лоцманом, попросил Сами перевести:

— Нам предстоит пройти около ста семидесяти пяти миль (342 км).

— Да, хозяин.

— Мы должны их преодолеть за двенадцать часов... Слышишь? Любой ценой, за двенадцать часов.

— Это дело механика. Я же обязуюсь вести шлюп так, чтобы мы не сели на мель и не столкнулись с плотами или другими судами.

— Хорошо... ты не пожалеешь. Механик, какая у нас скорость?

— Двенадцать миль, сударь.

— Мало. Можно ли разогреть старушку посильнее?

— Это уже опасно.

— Нам нужно делать четырнадцать миль в час.

— Невозможно, сударь. Разве что благодаря течению...

— Лоцман,— вновь обратился Андре к бирманцу,— какова скорость течения?

— Две мили в час, хозяин.

— Превосходно! Полный вперед! И смотри в оба!

Действительно, маленький шлюп летел вперед со скоростью двадцать пять километров в час, доступной лишь для крупных пароходов и совершенно необычной для судна такого небольшого водоизмещения.

Неистово стучал поршень, бешено крутился винт, а из слишком узкой топки извергались клубы черного дыма, образующие над водой тянувшийся за суденышком шлейф. Каркас шлюпа стонал и скрипел; казалось, в любую секунду машину может разорвать под давлением горячего пара. К счастью, теперя паровик не надо было взбадривать спиртом — возможно, он не смог бы во второй раз выдерживать таких резких скачков давления.

Было похоже, что все живое и неживое на шлюпе слилось в едином порыве, одном смелом устремлении: люди держались с непоколебимой стойкостью, а машина отвечала им тем же.

И через двенадцать часов после отхода из Мидая показался рангунский рейд; труднейшее плавание счастливо завершилось, но счастье такого рода дается в руки только истинно сильным людям.

Андре сразу же увидел стоящую у пирса под парами «Голубую антилопу»: на мачте развевался штандарт, показывающий, что она готова к отплытию. Один трап был уже поднят, и несколько человек собирались втянуть на борт второй.

Шлюп был встречен громким «ура», ибо прибытия его ожидали с нетерпением — послание Андре всколыхнуло весь экипаж.

Молодой человек проворно взобрался на борт яхты, обменялся быстрым рукопожатием с капитаном, подждавшим у мостика, и увел его в свою каюту.

Через двадцать минут Андре появился на палубе, переодетый в костюм для визитов. Капитан успел сообщить ему все, что касалось состояния судна, и, в свою очередь, получил необходимые объяснения.

Капитан проводил хозяина до трапа, свисавшего у борта, к которому притулился измочаленный шлюп.

— Итак,— сказал он,— вы непременно хотите повидаться с английским губернатором?

— По крайней мере, я хочу получить гарантии нейтралитета. Видите ли, англичане, объявившие себя борцами за цивилизацию, обычно помогают белым, ставшим жертвой произвола туземных властей, будь у этих туземцев черная, желтая или красная кожа, но только при одном условии — если эта помощь не наносит ущерба их собственной эгоистической политике. Настоящей помощью было бы требование освободить моего бедного друга, но, если они этого не сделают, я хочу, чтобы они закрыли глаза и заткнули уши, когда мы начнем бомбардировку Мандалая.

— А если они откажутся?

— Бомбить будем все равно, но больше для вида, для прикрытия смелого налета на город. Именно поэтому мне не хотелось открывать все карты в телеграфной депеше. Через два часа я вернусь.

Шлюп несколькими взмахами винта доставил Андре к пирсу, откуда он немедленно отправился во дворец губернатора, к счастью, находившийся неподалеку.

Двери роскошного особняка легко раскрылись перед французским миллионером, владельцем собственной яхты, известным путешественником, прославившимся охотничьими подвигами,— и Андре оказался в кабинете его превосходительства губернатора, полномочного представителя ее величества королевы, императрицы обеих Индий.

Андре лаконично, как человек, знающий цену времени, изложил причины своего приезда в Бирму и все, что произошло вплоть до ареста Фрике.

Губернатор, слушавший гостя с учтивым вниманием, здесь счел возможным прервать его.

— Я знаю, что вы собираетесь сказать мне... возможно, я знаю даже больше, чем вы. Жизни вашего друга угрожает серьезная опасность...

— Я так и полагал, ваше превосходительство; именно поэтому, прежде чем предпринять самую отчаянную попытку спасти его, я пришел просить помощи британского правительства, во имя прав и общих интересов всех цивилизованных наций.

— К великому моему сожалению, сэр, это невозможно.

— Невозможно? Ваше превосходительство...

— Случай исключительный. Затронуты религиозные чувства народа, традиции культовых обрядов. Я оказал бы вам содействие в любом другом деле... Но вы же знаете, правительство ее величества исповедует принцип широчайшей веротерпимости, и это касается всех религий, исповедуемых подданными нашей обширной империи. Веротерпимость означает, помимо всего прочего, оказание всяческого покровительства служителям культа и верующим.

— Но ваше превосходительство! Неужели вы позволите, чтобы европеец, француз, был казнен этими дикарями?

— Священное животное... Да, нелепость, но этого требуют интересы государства, а, стало быть, сие совершенно неизбежно. Даже из самых гуманных побуждений мы не можем допустить конфликта с фанатиками, хотя бы виновным оказался подданный ее величества. Это закон, не допускающий никаких толкований; ваш друг помешал отправлению религиозного культа, признанного нашим правительством.

— Но ведь это произошло не в ваших владениях, а в независимой Бирме!

— Ну, не так уж она независима! Впрочем, наши подданные исповедуют ту же веру...

Андре понял: сколь ни абсурдны эти доводы, ему не сломить упорства англичанина, исходящего из эгоистических интересов британского владычества.

— Хорошо,— сказал он,— значит, мне придется действовать самому.

— Это ваше право. Как представитель ее величества я не имею возможности оказать вам помощь, но как европеец искренне вам сочувствую и желаю успеха.

— Очень благодарен вашему превосходительству. При вашем благожелательном нейтралитете я вполне уверен в успехе.

— О! Мой нейтралитет даже более благожелателен, чем вы думаете,— с улыбкой ответил губернатор.— Не сомневаюсь, что ваши действия вызовут серьезные сбои в проржавевшем механизме этой азиатской империи. Скажу по секрету, что нас это весьма и весьма устраивает. Поэтому, хотя вы уже сейчас можете рассматриваться как воюющая сторона, мы сохраним за вами право закупать оружие, боеприпасы, продовольствие и топливо у наших служащих... Кроме того, я хочу вручить вам превосходный план Мандалая, составленный нашими инженерами, где отмечены все сильные и слабые места города... Следовательно, вы сможете действовать с полным знанием дела. Могу также сообщить, что ваш друг заперт в пагоде, где расположены апартаменты Белого Слона; он должен быть казнен через неделю, в день годовщины коронации императора. Так донесли наши агенты. До свидания, сэр, не могу вас задерживать, ибо время дорого.

— Еще раз благодарю ваше превосходительство,— сказал, прощаясь, Андре.— Неделя! Времени гораздо больше, чем нужно. Через неделю Фрике будет на свободе или я сам погибну.

...Через полчаса после этой беседы маленький шлюп занял свое место рядом с плотами на палубе «Голубой антилопы». Паруса были подняты, а лоцман, на верность и ловкость которого Андре вполне мог положиться, встал у штурвала. Судно двинулось вверх по Иравади.

Бревана ожидал на яхте приятный сюрприз.

Капитан со всем вниманием отнесся к фразе из депе-

ши: «Необходим весь экипаж, если возможно, еще люди. Предстоит весьма опасное и щекотливое предприятие».

Морской волк, умеющий читать между строк и понимающий все с полуслова, поспешил завербовать десятка два авантюристов без всяких предрассудков, каких не счесть в любом крупном порту мира,— они готовы служить любому делу, лишь бы им хорошо платили.

Среди рекрутов были дезертировавшие с судов матросы, просоленные водами всех океанов, проворовавшиеся коммивояжеры * и маклеры, контрабандисты, лишившиеся заработка,— все они, как принято говорить, отведали мяса «бешеной коровы» и с большой охотой приняли предложение бретонского моряка.

Узнав, что им заплатят кругленькую сумму за несколько дней и еще более высокое вознаграждение в случае успеха, предвидя возможность хорошенько поработать кулаками во время налета на какой-нибудь дворец, где можно будет к тому же славно поживиться, искатели приключений преисполнились неподдельным энтузиазмом.

Присоединившись к храброму экипажу яхты и удвоив тем самым его численность, они полностью подчинились распорядку судна, хотя вид имели весьма разношерстный — настоящий сброд. Все хорошо помнили сказанное капитаном при найме: еды вволю, щедрая плата и пуля в лоб при первой же глупости.

Такие аргументы всегда обладают высшей степенью убедительности для людей, имеющих свои счеы с обществом.

Андре одобрил действия капитана, назначил каждому двести франков в день с дополнительной выплатой такой же суммы по возвращении, в случае освобождения пленника.

Поскольку члены экипажа тоже должны были участвовать в опасном предприятии, им было обещано такое же вознаграждение сверх жалованья.

Можно представить, какими ликующими криками было встречено сообщение о подобной щедрости. Сам капитан, несмотря на свою бретонскую флегматичность, был в восторге.

* Коммивояжер — разъездной агент торговой фирмы, предлагающий товар по имеющимся у него образцам.

— Знаете ли, сударь,— сказал он Андре, когда они ушли на заднюю палубу,— с такими головорезами мы делаем невозможное...

— Теперь я уверен в успехе...

— Еще бы! У нас вдвое больше людей, чем было при отплытии. С молодцами такой закалки можно совершить самый рискованный налет.

— Черт возьми! Франсуа Гарнье * захватил дельту Тонкина с отрядом в сто двадцать человек... Неужели же мы не сумеем взять бирманскую столицу, имея сорок отважных ребят?

ГЛАВА 16

Ящерица.— Легенда об Аломпре.— Мертвый город.— Перед Мандалаем.— Столица и ее окрестности.— Лошади китайского торговца.— В знак признательности.— Императорский город.— Закрытые ворота.— Двор в трауре.— Предстоит казнь святоотатца.— Готовься к бою! — Кавалерийский отряд.— Через город дикарей.— Обеспечить отступление.— Невыносимая жара.— Подземный шум.— Первые толчки землетрясения.— Первый выстрел из пушки.— Что может сделать динамитный заряд с дверью из тикового дерева.

Хотя течение было довольно слабым, «Голубая антилопа» не без труда поднималась по Иравади, подвергаясь немалой опасности. Путешествие, которое в сезон дождей было бы легкой прогулкой, теперь требовало, ввиду низкого уровня воды, соблюдения бесконечных предосторожностей: яхта шла на малой скорости, к великому отчаянию Андре.

Впрочем, малой эту скорость можно было считать только в сравнении с обычным стремительным бегом «Голубой антилопы», ибо, несмотря на все препятствия, она достигала двенадцати километров в час.

От Рангуна до Мандалая примерно восемьсот пятьдесят километров пути. Итак, яхте требовалось полных шесть дней, чтобы добраться до столицы Бирмы, по-

* Гарнье Франсуа — лейтенант французской армии; в 1873 году руководил захватом Тонкина (северные районы Вьетнама).

сколько из соображений безопасности нужно было идти по реке только в дневное время.

Меж тем английский губернатор, хорошо осведомленный обо всем, что происходило при дворе бирманского императора, предупредил, что бедному Фрике осталось жить всего неделю.

Можно понять, с какой тревогой и нетерпением Андре спешил на помощь другу и как бесил его медленный ход яхты. В то же время он понимал, что нужна осторожность: любая авария означала бы крах всех надежд.

Итак, Андре пришлось смириться, но его решимость сразу же нанести удар только окрепла...

Намереваясь подвергнуть город обстрелу, хотя бы в целях устрашения, Бреван тщательно осмотрел свою 14-миллиметровую пушку — все было в полном порядке.

Удовлетворенный состоянием орудия, он стал заботливо накрывать его просмоленным брезентом, хорошо предохранявшим от дождей, как вдруг взгляд молодого человека упал на маленькую ящерицу весьма отталкивающего вида: зацепившись за внутреннюю часть брезента, она пристально смотрела на него своими холодными змеиными глазами.

Андре, питавший бессознательное отвращение ко всем рептилиям, брезгливо стряхнул брезент, так что ящерица оказалась на палубе; он уже собирался сбросить ее ногой в воду, как лоцман в необычайном волнении кинулся к ней от штурвала, поднял и умоляюще проговорил, обращаясь к Андре:

— Хозяин, оставьте ей жизнь, окажите великую милость!

— Еще одно священное животное... Ну, пусть живет, если это доставляет тебе такое удовольствие,— сказал Андре, поняв не столько слова, сколько жесты бирманца.

— Спасибо, хозяин! Да защитит вас дух божественного Аломпры!

Андре, подозвав Сами, попросил выяснить, чем можно объяснить такую привязанность к отвратительному созданию.

— Этот человек, сударь, говорит, что в маленькой зверушке живет душа Аломпры.

— Спроси, тот ли это Аломпра, который стал основателем нынешней бирманской династии?

— Он говорит, что это тот самый Аломпра, и хочет, чтобы я перевел любопытную историю, связанную с ним.

— Я охотно послушаю его историю... Надо же хоть как-то скоротать время.

Вот что рассказал лоцман. По его словам, это произошло в 1752 году. В провинции Ава, неподалеку от деревни Мокесобоо, жил богатый крестьянин по имени Алоон.

Рядом с усадьбой Алоона находился великолепный монастырь — Кхиунг, а его настоятель Тсайя был одним из самых почитаемых людей в этой провинции.

Люди из Пегу, напав на жителей Авы, разграбили обитель. Алоон, поспешно отправившись туда, снабдил провизией монахов, которые лишились всего и умирали от голода.

Прощаясь с настоятелем, Алоон, вдруг услышал какой-то странный шум, и на лице его изобразилось живейшее беспокойство.

— Пра (господин),— сказал он настоятелю,— вам надо немедленно уйти из Кхиунга, иначе вы погибнете, и все ваши пунги вместе с вами.

— Что вы хотите сказать? — спросил встревоженный настоятель.

— Скоро начнется землетрясение, самое ужасное из тех, которые были до сих пор... Бегите, пра! Прошу вас, во имя Гаутамы!

Алоон говорил так вдохновенно и убедительно, что потрясенные пунги покинули Кхиунг. Едва ступили они за порог священной ограды, как здание рухнуло.

С тех пор пунги, чудесным образом спасшиеся от гибели, стали считать Алоона божественным посланцем, ибо он предсказал землетрясение — подлинное бедствие для Бирмы.

Они не ошиблись: человек этот действительно был послан свыше, потому что вскоре сумел освободить нашу страну от ига ненавистных захватчиков.

Новые орды пегуанцев пришли на наши земли. Алоон, собрав всех соседей, встал во главе и, неожиданно напав на грабителей, наголову разбил их и обратил в бегство. Вдохновленный первым успехом, он провозгласил священную войну против поработителей, и под его знамена вскоре встали все бирманцы, способные носить оружие.

Хотя солдаты Алоона были плохо вооружены и почти не обмундированы, он сумел разбить войска пегуанцев. Монахи, признательные за оказанную услугу, во всем поддерживали божественного посланца, так что он по праву стал вождем народа. Алоон прогнал пегуанцев из Авы, а затем из страны и, наконец, короновался под именем Алоон-пра (господин Алоон), откуда и произошло имя Аломпра.

Это был мощный правитель, подлинный император: он завоевал Ассам, Мунипур, Типерери, Пегу, Тенассерим, Аракан, Тавуа и готовился к походу на Сиам, но внезапно скончался после восьми лет царствования, став основателем династии...

С тех пор тайна предвидения землетрясения передается из поколения в поколение потомкам Аломпры, служителям веры и тем, кого члены семьи сочтут достойным. Тайна эта трижды священна — как достояние государства, как таинство веры и как божественное откровение.

— Однако,— с удивлением сказал Андре,— для простого лощмана ты знаешь слишком много.

— Я принадлежу к роду Аломпры,— с гордостью произнес лощман,— а ремесло мое считается благородным.

— Ну хорошо. Ты рассказал мне очень интересную историю, но я не вижу, какая связь существует между этим маленьким зверьком и твоим предком,— разве что в ящерице живет его душа.

— Не могу сказать... Эта тайна принадлежит многочисленным потомкам Аломпры.

— Даже мне не можешь? Ведь я очень скоро покину вашу страну.

— Может быть... Но только перед самым вашим отъездом из Бирмы.

— Ну, как хочешь. Бери свою зверушку, которая как две капли воды похожа на самую обычную ящерицу, и продолжай служить мне столь же ревностно, как прежде. Надеюсь,— сказал Андре тише,— предок не предупредит тебя, что мы собираемся воевать с людьми твоей расы. Боюсь, это могло бы охладить наши отношения.

Бреван не придал ни малейшего значения услышанной легенде, не подозревая, какую необычайную и драматическую роль она сыграет в судьбе Фрике.

Плавание продолжалось, и утром шестого дня яхта подошла к грандиозным руинам Авы, мертвого города, бывшего в течение четырех веков столицей Бирмы. Только мощные прямоугольные стены устояли перед разрушительным временем, а все внутреннее пространство заполнили джунгли; некогда широкие улицы стали тропинками. По этим руинам трудно было представить, сколь мощный и богатый город некогда располагался на этом месте.

В шести километрах от мертвого города находится Амарapura — город, умирающий с 1857 года, то есть с того времени, когда король решил перенести столицу в Мандалай.

Наконец, еще через шесть километров к северо-востоку показался и сам Мандалай.

«Голубая антилопа» на протяжении всего пути держалась левого берега: здесь было глубже, чем у правого, благодаря постоянной работе по расчистке дна, производимой Навигационной компанией специально для прохождения ее паровых судов.

Яхта встала на якорь в двух километрах от юго-восточного угла городских укреплений. Отсюда был хорошо виден город сквозь широкую просеку в стене зелени, покрывающей берег.

Как и Амарapura, Мандалай построен по обычному плану китайских городов. Город расположен в двух километрах от Иравади, с которой его соединяет широкая аллея, застроенная домами, складами и пакгаузами *. Нынешняя бирманская столица представляет собой правильный квадрат, каждая сторона которого равняется двум километрам, и обнесена высокой зубчатой кирпичной стеной, с тремя воротами с каждой стороны.

Широкие проспекты, вымощенные щебнем, прорезают город насквозь, пересекаясь под прямым углом в центре. Между большими улицами раскинулся причудливый лабиринт улочек, переулков и тупичков.

Дома, большей частью построенные из бамбука и покрытые бамбуковыми же циновками, пальмовыми листьями или даже дерном, все без исключения возвышаются на сваях на полтора метра над землей. Кирпичные строения

* Пакгауз — закрытое складское помещение для хранения грузов.

встречаются только на главных проспектах; их очень немного, и зачастую у них земляная крыша.

В центре города расположен второй пояс укреплений, также квадратной формы. Эта вторая стена защищает королевскую резиденцию: здесь находится дворец императора, дома для жен его величества и для министров, а также пагода Белого Слона. В самом центре города во дворце возвышается трон монарха, увенчанный стрелой с семью спиралями — это символ горы Меру *, центральной вершины мира.

Дворец находится примерно в трех километрах от реки, иными словами, в пределах досягаемости для пушки четырнадцатого калибра, как тщательно рассчитал по плану Андре еще во время путешествия.

Наконец, чтобы покончить с кратким, но необходимым описанием места действия, следует добавить, что внутренние укрепления отделены от остального города широким рвом, через который переброшены с каждой стороны три моста, ведущие к крепким воротам.

Едва яхта заняла исходную позицию, Бреван как опытный стратег решил произвести рекогносцировку **, поручив капитану все подготовить для прицельного огня по городу и королевской резиденции.

Андре взял с собой Сами и сенегальца, не желая, чтобы его сопровождал кто-либо из европейцев.

Он без труда ориентировался в незнакомом городе благодаря плану, подаренному британским губернатором, и потому не привлекал к себе внимания туземцев, которые, вероятно, принимали его за англичанина с двумя цветными слугами.

Сначала Бреван без колебаний направился в сторону пригорода, где стояло несколько красивых трехэтажных домов, принадлежавших китайцам; эти дома, несомненно, были гораздо роскошнее и удобнее, чем городские особняки.

Сразу же выбрав самый большой из этих домов, стоявший рядом с обширными складами, он непринужденно

* Меру — действующий вулкан в Восточной Африке, в Танзании. Высота 4567 метров.

** Рекогносцировка — разведка с целью получения сведений о расположении противника, особенностях местности, где предполагаются боевые действия.

вошел в него и оказался лицом к лицу с подданным Поднебесной империи — чистеньким китайцем с блестящим выбритым черепом, в костюме светло-голубого цвета. Китаец вежливо поднялся навстречу и осведомился на хорошем английском, чем он может быть полезен.

Андре без лишних объяснений спросил, может ли тот немедленно продать ему трех лошадей.

Китайцев не зря прозвали евреями Дальнего Востока. Как и евреи, они торгуют всем, что душе угодно, и их не смущает никакая просьба, будь то купля или продажа.

Так что в словах Андре не было ничего неожиданного, хотя француз понятия не имел, чем обыкновенно промышляет этот торговец.

— Нет, ваша милость,— сказал китаец,— у меня нет лошадей.

На лице Андре выразились разочарование и недовольство, но китаец поспешил добавить:

— Договориться всегда можно. Я намереваюсь послать в Верхнюю Бирму большой отряд для поимки диких лошадей. Они отправляются верхом и с вьючными животными. Так что продать вам лошадей я не могу, но могу одолжить на время.

— Превосходно! Где они, ваши лошади?

— На пастбище, в пяти минутах отсюда.

— А посмотреть на них можно?

— Как прикажете, ваша милость,— сказал китаец, тут же направившись к выходу, и затрусил впереди, показывая дорогу Андре с его спутниками.

Они подошли к обширному, обнесенному крепкой оградой лугу, где паслось около сорока тех великолепных бирманских лошадей, достоинства которых Андре уже вполне оценил.

Сделка была заключена тут же, животные выбраны, взнузданы и заседланы; трое всадников уже прощались с китайцем, но тут Андре, словно спохватившись, сказал:

— Кстати, вон та яхта, что стоит неподалеку от пригорода, принадлежит мне. У меня большой экипаж, и я совсем не прочь, чтобы мои ребята немного размялись. Вы не могли бы одолжить мне на один день и на тех же условиях десятка три ваших лошадей?

— Ну конечно, ваша милость... У меня часто их просят

моряки с английских пароходов. Никто так не любит лошадей, как моряки.

Несмотря на всю свою тревогу и озабоченность, Андре не удержался от улыбки при этом философском наблюдении. Простившись наконец с торговцем, он неторопливо двинулся к городу в сопровождении индуса и негра.

За десять минут они пересекли пригород и подъехали к аллее, ведущей на мост; без колебаний вступив на него, с тем безразличным видом, который присущ праздным людям, совершающим обыкновенную прогулку, въехали под сводчатые ворота, обрамленные башенками с позолоченной крышей, и оказались на одном из широких центральных проспектов.

Улица была в гораздо лучшем состоянии, чем можно было ожидать в азиатском городе. С одной стороны был проложен узкий канал с питьевой водой, добываемой за пятнадцать миль отсюда и доставляемой в город по акведуку.

До сих пор Андре не видел ничего, что могло бы помешать даже немногочисленному отряду решительных людей. Город, казалось, вымер: не только проспект, но и боковые улицы были совершенно пусты. Возможно, император повелел своим подданным в знак траура сидеть по домам.

Вскоре три всадника оказались у стены, окружающей королевскую резиденцию. Прямо перед началом проспекта они увидели наглухо запертые ворота. Это были настоящие крепостные ворота: высокие и прочные, они были сделаны из тектоны, обитой железом.

В десяти шагах от ворот неподвижно стоял часовой с ружьем, в медной каске, затянутый в красный мундир — явное подражание английской военной форме, — но при этом в юбке и босой, что выглядело невероятно комично.

Через посредство Сами Бреван попросил пропустить их в императорскую резиденцию.

— Спросите офицера, — ответил, отходя на шаг в сторону, часовой.

Справа от ворот располагалось караульное помещение, у дверей которого пятеро солдат в таком же обмундировании, но вооруженные только саблями чудовищных размеров, сидя на корточках в пыли, играли в кости.

Увидев иностранца, в дверях показался офицер. Пин-

ками построив игроков в ряд, он направился к Андре. Офицер, в отличие от своих босоногих подчиненных, был обут в кожаные сапоги.

— Что вам угодно, пра? — вежливо спросил он на довольно сносном английском.

— Я хочу поговорить с императором,— холодно ответил Андре.

— Сейчас это невозможно, пра...

— Тогда с его министром.

— Это также невозможно... Двор в глубоком трауре... Все дела приостановлены, пока убийца Схен-Мхенга не искупит кровью свое преступление. Это произойдет послезавтра.

— Вот как! — Андре невольно вздрогнул.— Тем более мне необходимо поговорить с императором или министром.

— Эти ворота могут открыться только по прямому приказу императора и только после заслуженной казни чужеземца. Мне отрубят голову, если я дам вам пройти... Но даже если бы я захотел открыть, не смог бы этого сделать: ворота заперты изнутри, ключи находятся во дворце... Не нужно настаивать, пра! Приходите послезавтра.

— Что ж, хорошо,— кивнул Андре, поворачивая лошадь.

Через пятнадцать минут, держа в руках часы, он, в сопровождении обоих спутников, стоял у дома китайского торговца.

— Ну как, ваша милость,— спросил тот,— довольны вы моими лошадьми?

— Более чем доволен,— ответил Андре,— а потому прошу дать мне тридцать других как можно скорее.

— Сию секунду, ваша милость... только достану седла и уздечки.

— Договорились. Действуйте, а уж за мною дело не станет.

Через пять минут Андре был на яхте.

Еще через две минуты капитан командовал: «Готовься к бою!», боцман пронзительно засвистел в свисток, передавая приказы матросам.

Каждый боец получил револьвер, саблю, автоматический карабин и сто двадцать патронов. Канониры встали

у пушки, со шлюпа сняли пулемет и поместили так, чтобы держать под обстрелом аллею, ведущую из пригорода в город.

Все это заняло не больше пятнадцати минут.

Из сорока четырех человек, находившихся на борту, Андре отобрал тридцать, которым предстояло совершить вместе с ним налет на королевскую резиденцию. На яхте остались только капитан, семь матросов-канониров, механики, кочегар, два кока и юнга.

Все прочие, выстроившись на берегу, с нетерпением ожидали сигнала к выступлению.

— Динамитные шашки! — приказал Андре.

Два канонира, очень огорченные тем, что остаются на яхте, тогда как товарищи выступают в поход, поспешно бросились в арсенальную каюту и осторожно вынесли четыре шашки, которые Андре отдал четверем бойцам, объяснив, что нужно с ними делать. Затем, зарядив карабины и револьверы, все быстрым шагом двинулись к дому китайца. Напоследок Андре, обменявшись парой слов с капитаном, сверил его часы со своими.

Китайский торговец превзошел самого себя. Он поднял на ноги всех своих служащих и соседей, которым заплатил не скупясь: дружно принявшись за работу, они отловили, взнуздали и засадили тридцать лошадей, привязанных теперь к перилам веранды.

Андре вытащил из дорожной сумки круглый футляр, разломил его надвое и высыпал в подставленные ладони сияющего китайца новенькие золотые монеты.

Выбрав лошадей по вкусу, бойцы вскочили в седла: рекруты капитана — с той легкостью, которая отличает авантюристов, все испытавших в жизни, а матросы — с проворством морских волков, привыкших лазить по реям.

Добравшись до первой линии крепостных стен, Андре оставил у ворот шесть человек, чтобы обезопасить тылы, — теперь его бойцы полностью контролировали вход.

Обеспечив таким образом отступление, Андре разделил оставшихся людей на две группы по двенадцать человек: они двинулись параллельно, на расстоянии трех метров друг от друга. Сам же Андре ехал по середине проспекта, возглавив маленький отряд.

Всадники скакали в полной тишине, нарушаемой только топотом копыт и ржанием какой-нибудь вставшей на

дыбы лошади, истомившейся в ограде и жаждущей порезвиться.

Духота стояла такая, что можно было задохнуться. Как ни привыкли моряки и авантюристы к жаре, им стало не по себе: в этом пекле таилась какая-то непонятная угроза. Им казалось, что они едут по раскаленным углям; пот заливал глаза, раскрытые рты судорожно хватали воздух, легкие, кажется, готовы были разорваться. У присмиривших лошадей на боках выступила пена.

От такой жары могли сдохнуть даже саламандры.

Внезапно раздался какой-то рокочущий звук. Но это была не гроза, на небе — ни единого облачка. Затем — но, может быть, это только показалось? — почва закачалась под ногами. Земля колебалась, встряхиваемая резкими толчками, испуганные лошади, опустив голову и упираясь ногами, замерли на месте.

Справа и слева раздался зловеющий треск — уже рушились деревянные дома; кирпичные, покрывшиеся трещинами, тоже готовы были рухнуть.

Землетрясение!

— Вперед! — звонко крикнул Андре.

На какое-то мгновение подземные толчки затихли. Отряд на полном скаку устремился дальше.

Перед тяжелой, наглухо закрытой дверью в королевскую резиденцию прохаживался давешний часовой, а на пороге караульного помещения стоял все тот же офицер.

Они узнали чужеземца. Андре приказал им сдаться, и воины императора тут же побросали оружие и капитулировали, даже не сделав попытки к сопротивлению.

Впрочем, с их стороны это было вполне разумно.

— Ваша милость! Будьте так добры, прикажите связать нам руки и ноги!

— Ладно, — коротко бросил Андре, — упакуйте этих славных ребят. У них хватило здравого смысла не мешать нам.

И пока моряки ловко, как люди, привыкшие вязать морские узлы, связывали бирманцев, Андре уложил динамитный заряд под ворота — там, где плотно сходились две створки.

Затем, посмотрев на часы, отдал приказ:

— Всем спешиться! Отойти назад!

Всадники спрыгнули на землю и отошли на двадцать шагов, держа коней под уздцы.

Андре хладнокровно зажег фитиль своей сигарой, а затем присоединился к отряду.

Внезапно со стороны реки раздался характерный завывающий звук, нарастающий с каждым мгновением: все сразу узнали гул пролетающего снаряда, с невероятной скоростью разрывающего плотные слои атмосферы.

По ту сторону стены грохнул взрыв.

— Наш капитан Плогоннек воистину сама точность, — пробормотал Андре.

Вслед за тем раздался ужасный треск — взорвалась динамитная шашка. Город был охвачен паникой: слышались испуганные крики жителей, выскакивающих из домов, отчаянные вопли животных, грохот падающих домов, гул подземных толчков. Земля содрогнулась от нового толчка, а ворота заволокло облаком белого дыма; когда же он рассеялся, огромная тектоновая дверь предстала расколотой надвое — в эту брешь могли свободно проехать два всадника.

— Вперед! — скомандовал Андре.

Моряки и авантюристы дали шпоры лошадям, но земля вновь заколебалась: толчок был так силен, что лошади опять стали упираться. Крепостная стена, которая выдержала несколько землетрясений за двадцать пять лет, на сей раз покрылась трещинами и могла рухнуть в любой момент.

Тучи красной пыли от раскрошившихся кирпичей завихрились кровавыми облаками, а над потрясенным городом поднялся единый вопль ужаса.

Из королевской резиденции тоже доносились крики, но не испуганные, а яростные. Похоже, что это вопила чем-то разъяренная толпа.

Несмотря на усиливающиеся подземные толчки, крики приближались. Встревоженный Андре, забыв про землетрясение, кинулся к пролому, рискуя быть задавленным.

Он заглянул в щель, и из груди его вырвался крик тревоги, почти ужаса. Правда, тут же овладев собой, схватил за повод испуганную лошадь и, потрясая зажатым в руке револьвером, устремился внутрь, даже не посмотрев, следуют ли за ним его люди.

Злоключения парижанина продолжаются.— В Мандалае.— Зал аудиенций.— Фрике наотрез отказывается снять сапоги.— Перед императором.— Смертный приговор.— Казнь слоном.— Что Фрике называл апелляцией.— Слишком много чести.— Появление ящериц.— Их пение.— Нервозность ящериц перед землетрясением.— Побег.— Выстрел из пушки.— Бешеная гонка.— Вперед! — Кавалерийская атака.— Спасен.— Возвращение в Рангун.— «Голубая антилопа» отплывает в неизвестном направлении.

Как мы помним, Андре появился на берегу Киендвена спустя несколько мгновений после отплытия бирманской флотилии, увозящей охотников на слонов и взятого в плен Фрике.

Не забыли мы и какими быстрыми фразами обменялись два друга, что крикнул Андре в тот момент, когда расстояние между ним и Фрике неуклонно увеличивалось.

Надо сказать, парижанин, несмотря на свою вошедшую в поговорку самоуверенность, уже начинал слегка тревожиться при мысли о последствиях приключения, но, увидев Андре, вновь обрел привычные дерзость и самомнение.

Поэтому Виктор Гюйон совершенно искренне угрожал похитителям, что скоро в дело вступит «главнокомандующий французским военным флотом, стоящим на рейде в Рангуне». Об ином исходе дела юноша и помыслить не мог, ни секунды не сомневаясь, что бирманская армия будет разбита, столица захвачена, а сам он освобожден.

Почему бы и нет? Фрике судил по себе: в подобной ситуации сам он предпринял бы даже невозможное, а для людей такого закала предпринять невозможное — значит добиться успеха.

Министр, командовавший охотниками, боох-офицер, монах-буддист и бирманские моряки из экипажа главного судна не могли понять, чем объясняется самообладание француза, и поначалу это приводило их в замешательство.

Когда же бесстрашный юноша, без стеснения и запросто обращаясь к министру на своем немыслимом английском, стал живописать боевую мощь французского флота, превосходные качества кораблей, количество пушек, на-

дежность машин, отвагу и ловкость моряков, то бирманцам стало не по себе.

О! Если бы не было этого злосчастного выстрела из карабина, оборвавшего жизнь «преемника Будды»! Министр немедленно отпустил бы на свободу маленького чужеземца, чей острый взгляд пронизывал его до костей: при мысли, что он станет виновником войны, с вельможного азиата ручьями лил пот.

Так или иначе, Виктору удалось завоевать уважение бирманцев, ибо даже самые дикие народы ценят отвагу и смелость. Кроме того, поскольку Фрике должен был предстать перед самим монархом, на него смотрели как на важного государственного преступника и относились с должной предупредительностью.

Оружие у парижанина забрали, но при этом рассыпались в любезностях, столь милых сердцу восточного человека, и в цепи не заковали, не связали — просто пригладывали, ни на минуту не выпуская из виду, что в данном случае было совершенно достаточно.

Кормили его обильно, постель была мягкая в превосходном месте на передней палубе — и он не переставал повторять сам себе, что катается как сыр в масле.

«Я сейчас в положении человека, упавшего с седьмого этажа и имеющего время подумать: «Лететь мне нравится, но вот что ждет на земле?» А, будь что будет! Сейчас надо радоваться, а погоревать всегда успею».

Спокойствие и несокрушимая самоуверенность парижанина не были поколеблены, когда он блуждал по тектоновому лесу; он остался невозмутим и теперь, когда перед его глазами возник Мандалай, нынешняя столица так называемой независимой Бирмы.

Он сошел по трапу; всадники из эскорта подвели ему коня, Фрике легко вскочил в седло и дорогу до королевского дворца коротал в обществе все того же министра.

Меж тем слух о возвращении экспедиции, столь торжественно отправившейся за Белым Слоном, подобно молнии распространился по столице.

Повсюду говорили о неудаче, не видя священного животного. Охотников, вернувшихся с пустыми руками, встречали насмешливыми выкриками.

Наконец колонна подошла к воротам, ведущим в королевскую резиденцию; въехав в них, Фрике спешился в большом дворе, где справа располагались небольшая

пагода и башенка с колокольней, а слева — какие-то большие плоские здания, похожие на амбары и довольно жалкие на вид.

Караул с саблями наголо окружил его и повел через двор мимо здания, где вершился суд, и мастерской, где чеканилась монета; наконец, француз оказался у небольшой двери в довольно низкой стене.

Министр, рассудив, что пленника такой важности не следует вести в зал суда, предназначенного для преступников, своей волей приказал препроводить его в зал для аудиенций, что было большой честью.

Сказав несколько слов по-бирмански офицеру, командующему караулом, сановник отправился с докладом к императору.

Офицер открыл дверь и пропустил юношу в манхгау — иначе говоря, хрустальный дворец. Дойдя до монументальной лестницы, офицер разулся и попросил Фрике снять сапоги, ссылаясь на требования этикета — никто не смеет появляться перед императором в обуви. Но Фрике отказался наотрез, сказав, что он здесь не гость, а пленник и приведен к императору против воли. Если его величеству не угодно принять посетителя в сапогах, то пусть прикажет отпустить его на все четыре стороны... Он, Фрике, нисколько не будет обижен.

Офицер настаивал, но парижанин не уступал и с насмешливым видом перефразировал героический ответ Леонида* в битве при Фермопилах: «Снимайте сами!»

Вот так и случилось, что Виктор Гюйон по прозвищу Фрике оказался, по-видимому, первым европейцем, ступившим под своды роскошного портика в сапогах, обыкновенных охотничьих сапогах, в которых ходят на уток; пройдя через портик, он вошел в огромную залу, обтянутую великолепнейшим шелком, — в глубине, на высоте полутора метров, возвышался под балдахином трон бирманского суверена.

Фрике, не увидев второго сиденья, взял мягкую подушку и, не спрашивая ни у кого разрешения, уселся, потурецки скрестив ноги, поглядывая по сторонам не столько с тревогой, сколько с любопытством.

* Леонид — в 488—480 гг. до н. э. царь Спарты, командовал союзным войском в битве с персами при Фермопилах в Центральной Греции. Вместе с отрядом из 300 спартанцев и 700 феспийцев защищал проход у Фермопил до конца.

Ждать ему пришлось недолго. Не прошло и десяти минут, как зарокотал барабан. Внезапно раздвинулись портьеры, закрывающие огромную дверь, предназначенную для выхода императора, слуги шумно распахнули створки, и в зал двумя рядами вошли солдаты с саблями наголо, в медных касках, красных мундирах и босиком. Они выстроились в два ряда, справа и слева от трона.

За ними выступил сам властитель, следом хлынула многочисленная свита придворных; монарх величественно сел на трон, а одна из его жен поставила перед ним золотую шкатулку с бетелем, золотую плевательницу и чашу с водой.

Император был одет очень скромно, что особенно бросалось в глаза в сравнении с неумеренной роскошью придворных: белая полотняная рубаша до колен, перехваченная в талии шелковым поясом, шаровары из легкой ткани и черные туфли с загнутыми носками без задников — вот и все.

Надо сказать, что его величество облачается в свой знаменитый наряд, усыпанный драгоценными камнями, только на время торжественных церемоний и официальных приемов. Вес одеяния достигает пятидесяти килограммов!

При виде императора Фрике вежливо встал и приподнял пробковый шлем, тогда как охранявшие его солдаты в буквальном смысле слова распластались по полу. Монарх, остановившись всего в трех шагах от пленника, явно пораженный его спокойствием и хладнокровием, приставил к глазам лорнет*.

В свою очередь, парижанин глядел на императора в упор, как человек, привыкший к неожиданным встречам с самыми опасными хищниками; ему не нужен был лорнет, чтобы разглядеть на этом внешне бесстрастном лице следы сильнейшего волнения.

«Ничего, красивый мужчина,— сказал себе Фрике,— не похож на этих игрушечных царьков, которых мне столько раз доводилось встречать в наших странствиях. Но зачем ему понадобилось просверливать в мочках ушей такие дырки, что можно вставить палец?»

Молодой человек как раз раздумывал над этой странной модой, когда один из наиболее безвкусно разряжен-

* Лорнет — складные очки с ручкой.

ных придворных заговорил: на довольно сносном английском он вкратце изложил, как этот человек, явившийся с Запада с ужасающим оружием, совершил неслыханное святотатственное деяние, посягнув на территорию и имущество его величества.

Затем в зал внесли в качестве вещественного доказательства тяжелый карабин. Никто из придворных не умел им пользоваться, и Фрике пришлось оказать любезность — объяснить, как нужно управляться с ружьем без собачки.

Император настолько увлекся этим объяснением, что даже перестал пускать в золотую плевательницу длинную струю красной от бетеля слюны. В нарушение принятого этикета он обратился к юноше лично.

— Вы ведь француз,— сказал он тихим и неуверенным голосом человека, утерявшего, если можно так выразиться, привычку говорить.

— Да, француз! — гордо ответил парижанин, вставая и приподнимаясь на цыпочки, чтобы казаться хоть немного повыше.

— Что вам понадобилось в моей стране?

— Я хотел увидеть земли, почти не известные моим соотечественникам, и найти подходящие места для охоты.

— Жаль, что вы француз... я люблю ваш народ: французы оказали мне много услуг. Зачем вы убили бооля?

— Потому что мы с малышом умирали с голода, заблудившись в тектоновом лесу, а другой дичи нам не встретилось.

— Мне принадлежат все бооли... их нельзя убивать под страхом смертной казни. Как с иностранца я бы с вас взял только штраф и выслал бы из империи. Но, к великому несчастью для меня, моей семьи и народа, вы убили священного бооля. За это святотатство вам придется заплатить жизнью. Даже англичане не смогли бы спасти вас. Вы будете казнены через неделю: вашу голову раздавит стопой мой Белый Слон. В ожидании казни вы будете заключены в одном помещении со Схен-Мхенгом, и все ваши желания будут немедленно исполнены. Да будет жертвоприношение угодно Гаутаме.

Император произнес все это монотонным протяжным голосом, без всякого выражения гнева и неудовольствия,

хотя брови его были нахмурены, в лице не было ни кровинки, а губы страдальчески кривились.

— Ступайте,— сказал он, вставая.— Теперь вы увидите меня только перед смертью... я передам вам послание для Гаутамы.

— Ах, послание для твоего дурацкого божка, дружище! А чугунных ядер четырнадцатого калибра не хочешь? Ты их получишь бесплатно от канониров с «Голубой антилопы». Так-то вот. А насчет того, что твой плешивый старикан, твой Белый Слон раздавит мне голову, словно у меня на плечах орех какой-нибудь... ну, это мы еще посмотрим! Вот бесцеремонный царек! Осуждает человека на смерть, даже охнуть не дает... без суда, без апелляции! Эй, минуточку! Мы еще разберемся с вашим приговором, да и не только с ним.

Но монарх удалился при первых же словах Фрике — в бешенстве тот заговорил по-французски, так что понять его здесь никто не мог.

Первой мыслью Виктора, когда он оказался в предназначенных ему роскошных апартаментах, было потребовать к себе маленького Ясу, с которым его разлучили с момента посадки на корабль.

Как и обещал император, желание его было тут же исполнено, и бедный малыш, проявляя больше эмоций, чем можно ожидать от мальчика-азиата, в слезах бросился на шею своему другу, которого уже не чаял увидеть.

Поскольку Фрике предстояло стать главным действующим лицом искупительной церемонии, в ходе которой Белый Слон должен был раздавить его голову на специально приготовленной для такого случая плахе из тектонового дерева в присутствии подданных и придворных, император приказал, чтобы днем и ночью за ним следили четверо вооруженных солдат.

Видимо, монарх не слишком полагался на надежность толстых кирпичных стен и тектоновых дверей. Боялся ли он побега или опасался покушения на свою жизнь? Но как бы то ни было, Фрике вынужден был терпеть постоянное присутствие желтокожих надзирателей, не спускавших с него глаз ни на секунду.

Впрочем, кормили пленника не хуже первого министра: поварам Его Величества было приказано приложить все старания, чтобы осужденный пребывал в добром здравии и кушал с аппетитом, иначе жертва может не понравиться Гаутаме.

«Со мной носятся как с писаной торбой, кормят на убой,— думал Фрике,— значит, в самом деле обращаются как с приговоренным к смерти. Но мы еще посмотрим...»

Ничто не могло поколебать его уверенности в своем спасении, и чем быстрее бежали часы, тем ближе оно ему казалось, ибо Бреван, по его мнению, был в состоянии совершить даже невозможное.

Но как же долго тянулись эти дни! Как давило на Фрике вынужденное бездействие! Как тяжело было ему сидеть взаперти!

Караульные не знали ни одного французского или английского слова, так что говорить с ними было бесполезно и объясняться приходилось только жестами.

Малыш Яса лепетал несколько выученных фраз, но вскоре этот скудный набор наскучил Фрике: он зевал, рискуя вывихнуть челюсть, задыхался от скуки, той самой скуки, которая делает невыносимыми первые часы заключения для любого пленника.

На следующий день после того, как парижанин стал пансионером бирманского императора, он заметил на стенах множество проворных ящериц — длиной от пятнадцати до двадцати сантиметров, с крупной головой и сероватой кожей, усеянной желтыми, красными, зелеными пятнышками, с глазками, отличающимися необыкновенной живостью.

— Гляди-ка! — сказал Виктор, увидев этих друзей заключенных, гостей узников.— Премиленькие зверушки. Попробую-ка угостить их и приманить, с ними будет повеселее, и время быстрее пройдет.

Ящерицы, видимо привыкшие к человеку, охотно брали припасенные для них лакомства и даже давались в руки, к великой радости малыша, который твердил одно только слово «тау-тай», из чего Фрике заключил, что эта зверушка, так похожая на степных ящериц Средиземноморья, которых арабы называют абубур, в Бирме именуется «тау-тай».

Фрике намеревался и дальше приручать их, научив каким-нибудь ученым штукам, но через сутки ящерицы исчезли столь же внезапно и столь же таинственным образом, как и появились.

Это было единственным событием, хоть что-то изменившим в монотонном существовании пленника. После

этого вновь потянулись невыносимо долгие, томительные часы ожидания.

— Ого! — сказал себе Фрике в одно прекрасное утро.— Так ведь это послезавтра Белый Слон должен или, точнее, не должен раздавить сей драгоценный сосуд, в котором помещаются мои мозги. Считая сегодняшний, мне остается всего два дня. Два дня... что это такое я говорю? Через два будет слишком поздно... Значит, все начнется сегодня или, пожалуй, завтра. Черт возьми! Хотелось бы мне знать, что придумал господин Андре с ребятами, чтобы вытащить меня отсюда. Хотелось бы знать их план, просто из любви к искусству... Гляди-ка! А ящерицы вернулись! Пусть они принесут мне удачу... Добро пожаловать, ящерицы!

Утренние часы протекли без всяких происшествий. Но Фрике обратил внимание, что стало чрезвычайно душно. Он чувствовал себя очень скверно, как это часто случается с людьми, остро ощущающими приближение грозы.

— Б-р-р! — сказал он, хрустя пальцами.— Сам не знаю, что творится в воздухе, но я нервничаю, как кошка. Того и гляди, искры посыплются.

Внезапно с потолка раздалось хриплое кваканье, похожее на лягушачье.

Удивленный Фрике, задрав голову, увидел, что эти звуки издает ящерица, выгнувшись в какой-то неестественной позе.

Затем такое же кваканье раздалось за спиной и сбоку. Со всех сторон парижанин видел ящериц, раздувших кожу на шее,— без сомнения, именно они производили эти странные звуки при помощи своеобразной мембраны, болтающейся у них под подбородком.

Иногда они дружно замолкали, предоставляя возможность выступить солисту, выводящему несколько рулад, затем вновь вступали общим хором, все громче квакая на разные голоса.

При первых же звуках этого разноголосого оркестра охранники и маленький бирманец начали проявлять признаки живейшего беспокойства, торопливо переговариваться, но, к несчастью, Фрике ничего не мог понять из их слов, за исключением постоянно повторяющегося «тау-тай, тау-тай».

«Положительно, их раздражает пение ящериц»,— сказал он себе.

Да и сам Белый Слон, отделенный от Фрике только кирпичной перегородкой с пробитыми в ней бойницами,

был явно в сильнейшем волнении и беспокойно метался по своей комнате.

— И ты туда же, толстый ворчун! Но, по правде сказать, становится чертовски не по себе... Свихнуться можно от этой духоты: никогда со мной такого не бывало, разве когда я подменял кочегара у топки.

Меж тем ящерицы продолжали свой концерт, но теперь они стали испускать столь пронзительные, столь зловещие звуки, что даже Фрике почувствовал себя не в своей тарелке*.

А во дворце со всех сторон раздавались крики: слуги в смятении бегали взад и вперед по залам и громадным коридорам, передавая приказы, которых никто не исполнял. Слоны протрубили три раза, и от его мощного «бооль» дворец заходил ходуном.

Словом, кругом царил невообразимый переполох.

«Удобный момент сделать ручкой этим мошенникам»,— решил Фрике, искоса поглядывая на монументальную дверь, на охранников, а особенно на саблю одного из них.

Тут земля содрогнулась, и все здание задрожало от подземного толчка. Послышался зловещий треск.

Перегородка, отделявшая помещение слона от комнаты смертника, треснула, посыпались кирпичи.

Одновременно распахнулась дверь, и в залу ворвались оглушенные солдаты, а с ними вожатые-мау: одни, услышав пение ящериц, прибежали за пленником, чтобы отвести его в безопасное место; другие — чтобы с риском для жизни попытаться вывести наружу взбешенного слона.

Ибо именно этой части императорского дворца действительно угрожала наибольшая опасность.

«Ну,— сказал сам себе Фрике,— пора! Малыша придется оставить с его соотечественниками. Надеюсь, он найдет родных. Мне надо воспользоваться этой сумятицей, выбраться из проклятого дворца. А там прочь из города и поближе к реке».

Соображения, которые выглядят такими длинными на

* Полагаю, можно не объяснять, что землетрясения, всегда сопровождающиеся значительными выделениями энергии, оказывают мощное воздействие на ящериц, чрезвычайно чувствительных к электрическим разрядам — отсюда их крики, более или менее громкие и продолжительные, в зависимости от силы разряда. Факт этот общеизвестен; добавим, что именно в этом заключалась тайна божественного Аломпы (*Примеч. авт.*).

бумаге, промелькнули в голове юноши с быстротой молнии. Бросившись к одному из солдат, он вырвал у него из рук саблю и, сделав широкое вращательное движение, заставил всех отступить. Фрике бросился к двери со звонким криком:

— С дороги! Зарублю!

Одним прыжком узник оказался во дворе.

Но солдаты, едва придя в себя после этой неожиданной и стремительной атаки, бросились в погоню, ибо прекрасно знали, как дорожит император пленником, за побег которого им не сносить головы.

Едва они выбежали из громадного здания, уже полуразрушенного несколькими толчками, как новое ужасное событие еще более увеличило сумятицу и переполох, царившие в императорском городе.

С пронзительным свистом пронесся снаряд и разорвался прямо посреди отряда солдат, преследовавших Фрике, — одни были убиты на месте, другие корчились в муках, третьи отползали, зажав раны.

— Победа! — закричал парижанин, сразу узнавший звук пушечного выстрела. — Я так и знал, что он придет на яхте... Bravo, господин Андре! Минуточку! Оказывается, снаряд убил не всех... эти негодяи зовут на помощь... Значит, опять погоня? Ну, уж я не стану ждать ваших дружков... У меня ноги на месте, ребятки! Не подходить! Или разнесу надвое башку! Ах, негодяи! Не могут меня схватить сами, так пытаются натравить горожан... И кричат, конечно, «держи вора»! Черт возьми! До ворот еще далеко... О! Всадник... белый шлем! Добрый друг! Он штурмует город!.. Я спасен!

Но нет, еще нет, бедный Фрике! На улицы толпами высыпали жители, которых подземные толчки выгнали из домов.

Увидев бегущего человека с саблей в руках и преследующих его солдат, услышав их крики, горожане, стараясь сгрудиться погуще, попытались преградить путь беглецу.

Именно в этот момент Андре устремился в брешь, пробитую динамитным зарядом в тектоновых воротах.

Не обращая внимания на своих спутников, он пришил порил лошадь и налетел на толпу. Растолкав первые ряды, Андре оказался в самой гуще, тогда как Фрике с другой стороны расчищал себе дорогу ударами сабли.

Однако несмотря на всю мощь стремительной атаки Андре, его вскоре стиснули со всех сторон; тогда, подняв лошадь на дыбы, он выхватил револьвер и принялся палить не целясь, затем обнажил саблю, намереваясь дорого продать свою жизнь.

Но его храбрые товарищи не растерялись, вовсе нет. Правда, как они ни торопились, им не удалось сразу же пробраться через брешь, в которую могли с трудом проехать только два всадника. А минуты и даже секунды тянутся так долго, когда оказываешься в той ситуации, что выпала на долю Андре и Фрике!

Преодолев препятствие, конный отряд стремительно полетел вперед и обрушился на толпу подобно урагану: бирманцы, атакованные со всех сторон, оглушенные, полужатоптанные, зажимающие раны от сабельных ударов, с воплями бросились врассыпную, не в силах противостоять этим матросам и удалым авантюристам, которые вместе стоили целого полка.

Наконец Андре удалось прорваться к Фрике. Тот, при виде друга, отбросил обломок сабли, не выдержавшей последних ударов, и воскликнул, протягивая руку:

— Ах, господин Андре! Вы спасли меня... снова спасли!

— Успеешь еще поблагодарить, безумный милый мой мальчишка! Скорее назад!

— Как? Разве мы не будем брать город штурмом? Значит, мы так и не станем императорами Бирмы!

Андре, не в силах сдержаться, расхохотался во все горло, его люди, вернувшиеся после атаки, ответили таким же заливистым смехом.

— Ладно, нам сейчас не до шуток... Забирайся на мою лошадь, для тебя у нас коня нет... и галопом к яхте! Через пять минут мы будем иметь дело с десятью тысячами человек. Ого! Я же говорил!

Бирманцы, видя, что врагов немного, стали вооружаться пиками, саблями и ножами. Они явно готовились к новому нападению, и число их неуклонно росло.

Андре, приказав отступать, пустил лошадь в галоп, и маленький отряд благополучно достиг пролома, сохранив прежнюю дистанцию между собой и противником.

Один за другим всадники пробрались через брешь, а затем Андре, желая как следует проучить дикарей-азиатов, велел приподнять створки ворот и заложил под них динамитные шашки.

Они взорвались как раз в тот момент, когда первые ряды преследователей оказались у ворот; взрыв разворотил все — и сами ворота, и мост через ров.

Естественно, погоня разом прекратилась.

Бойцы, весело переговариваясь, неторопливо направились к пригороду, к ним присоединились и те шесть человек, которых оставили в тылу, а капитан Плогонек, свято исполняя распоряжения Андре, продолжал методически обстреливать центральную часть императорской резиденции.

Вот как произошло дерзкое нападение на столицу независимой Бирмы. Это было деяние частного лица — и напрасно некоторые английские газеты подняли шум по этому поводу, всячески преувеличивая и размеры нанесенного ущерба, и истинные цели налета. Они договорились до того, что французы хотели будто бы захватить Мандалай, тогда как Андре Бреван стремился всего лишь спасти своего друга от угрожавшей ему опасности.

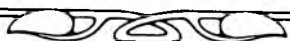
Через четверть часа весь отряд был уже на борту яхты, и только тогда капитан Плогонек согласился прекратить огонь, подчинившись категорическому приказанию Андре.

Немедленно снявшись с якоря, они водрузили на флагшток свое знамя и обменялись троекратным приветствием с английским пароходом, как раз подходившим к гавани; английские моряки встретили оглушительным «ура» французов, которые заставили дикарей относиться к себе с должным почтением.

Через четыре дня благодаря ходу по течению «Голубая антилопа» была уже на рейде Рангуна, где Андре решил сделать короткую остановку.

Яхта задержалась здесь ровно настолько, чтобы загрузить трюмы углем и высадить на берег авантюристов, щедро вознагражденных Бреваном. Затем «Голубая антилопа» вышла в открытое море и растаяла на горизонте. Никто не знал, куда она направилась.

Конец

Приключения в стране бизонов

ГЛАВА 1

Последствия смерти одного индейца.— Охотники становятся дичью.— Полковник Билл или пастух Билл? — В галоп! — Кто такой ковбой.— Жизнь пионеров** Запада.— Лошади без всадников.— Фрике произведен в капитаны, но отказывается от звания.— Андре приходится стать майором.— Новое вооружение индейцев Американского Запада.— Ужасное зрелище.*

Из маленькой рощицы — такие изредка попадаются среди бескрайних просторов прерии*** — внезапно донесся револьверный выстрел. И тут же упал с раздробленным черепом индеец.

— По коням, джентльмены! По коням! — зычно прокричал стрелявший. Оба его спутника вскочили с земли и бросились к лошадям, привязанным кожаными арканами**** к тонким стволам мимозы*****.

— Быстрее! Я сам отвязжу! — подгонял товарищей стрелявший, и едва те вскочили в седла и вставили ноги в стремена, тремя короткими взмахами охотничьего ножа перерезал ремни, вцепился в гриву своего коня и, издав пронзительный вопль, одним великолепным прыжком сам очутился в седле.

* Ковбой — конный пастух, пасущий стада на равнинах Северной Америки.

** Пионеры — здесь: первопроходцы, первые поселенцы североамериканского Запада.

*** Прерия — равнинные степные пространства в Северной Америке, к западу от реки Миссури.

**** Аркан — длинная веревка с подвижной петлей на конце для ловли животных.

***** Мимоза — род растений семейства мимозовых: деревья, кустарники, лианы, травы. Около 500 видов в тропической и субтропической Америке.

Лошади, возбужденные знакомым криком, помчались во весь опор по заросшей травой равнине. Индейцы проводили их долгим воем, полным разочарования и ярости.

Одновременно раздалось несколько выстрелов из карабина, но пули, к счастью, лишь просвистели над головами беглецов. Всадники, не раздумывая, схватились за многозарядные винчестеры, притороченные к седлам.

— Вперед! — скомандовал предводитель. — Оставьте в покое оружие! Нельзя терять ни секунды: вы ведь дорожите своими шевелюрами?!

— Еще бы, — согласился юноша с лукавой искоркой в глазах. — Фабрикантов накладных волос поблизости нет, а разгуливать с голыми черепами... так и простудиться недолго.

— Этим французам лишь бы посмеяться... — недовольно проворчал предводитель, чей ужасный английский акцент выдавал в нем коренного американца.

— Думаете, я смеюсь... — не унимался молодой человек. — Да мне так же охота смеяться, как идти отсюда пешком до Гренландии. Тем более что приключение не такое уж забавное. Хорошенькое начало путешествия по свободным территориям Американского Союза!.. Эй, милашка! Без фокусов! — прикрикнул он на взбрыкнувшую лошадь. — Мы сюда прибыли как добрые охотники. Не то что очень наивные, но слишком доверчивые, и вот... убит человек, и теперь охотятся на нас самих. Правда, не повезло, господин Андре?!

— Ты совершенно прав, дорогой Фрике, — ответил его спутник, — и, кроме того, мне кажется, мистер Билл слишком скор на расправу.

— Полковник Билл, — поправил его янки*.

— Пусть так, полковник. Но, черт побери, похоже, человеческая жизнь для вас немного стоит.

— Я всего лишь убил краснокожего подонка, — ответил полковник с нескрываемым презрением.

— Это, возможно, убедительный довод для бывшего командира американского ополчения, но абсолютно недостаточный для путешественников-французов, которые не служили даже капралами в национальной гвардии, — заметил Андре.

— Кроме того, этот индеец был при жизни отчаянным конокрадом. А краснокожий конокрад — запомните хоро-

* Янки — прозвище американцев — уроженцев США.

шенько! — способен на любое преступление. К тому же скорее всего именно он месяца два тому назад снял скальпы* с целой семьи ирландских эмигрантов — отца, матери и восьмерых детей.

— Не может быть!

— Наконец, если бы вы видели, какие жадные взгляды он бросал на наших коней и оружие, если бы вы слышали его приказы, шепотом отданные сообщникам, то сочли бы меня тысячу раз правым. Мы едва не попали в ловушку, и лишь случайность позволила избежать ее.

— Что бы там ни было, но теперь за нами по пятам гонится свора головорезов.

— Ни дать ни взять, герои романов Купера**, капитана Майн Рида*** и нашего соотечественника Гюстава Эмара****...

— Только без поэзии и красок... Нет ничего банальнее индейцев, облаченных в цивилизованные лохмотья — дырявые шляпы и драные штаны.

— А эта песчаная равнина, по которой мы скачем сломя голову и орем, словно орава глухих, желающих поделиться друг с другом мыслями, до чего же она однообразна и скудна!

— Верно, мерзавцы в лохмотьях, но зато вооружены, как и мы, винчестерами, — гнул свое бывалый полковник. — К счастью, стреляют краснокожие скверно. Что же касается пустынной равнины, то хорошо бы она тянулась еще миль двадцать, но, увы, скоро начнется прерия с высокой травой и великолепными цветами — на вид красиво, но там нас могут поджарить, как цыплят.

— Перспектива не из веселых. Но кажется, полковник, нас уже не преследуют. Может, дадим передышку лошадям?

Янки обернулся, приподнявшись на стремянах, придиричиво оглядел равнину и заметил:

* Скальп — кожа с волосами, снятая с головы побежденного врага; военный трофей у некоторых племен.

** Купер Джеймс Фенимор (1789—1851) — американский писатель, автор цикла романов о героических и трагических событиях колонизации Северной Америки («Пионеры», «Последний из могикан» и мн. др.), приключенческих «морских романов».

*** Рид Томас Майн (1818—1883) — английский писатель, автор авантюрно-приключенческих романов «Оцеола, вождь семинолов», «Всадник без головы», «Смертельный выстрел» и мн. др.

**** Эмар Гюстав (настоящее имя — Оливье Глу; 1818—1883) — французский писатель, автор авантюрно-приключенческих романов «Следопыт», «Пираты прерий» и др.

— Лучше бы эти каналы гнались за нами как бешеные. Что-то тут нечисто. Давайте поедem шагом.

Полковник вытащил из кармана большую пачку табака, откусил огромный кусок, заложил его за щеку и принялся жевать, испытывая блаженство, совершенно непонятное европейцу.

Янки был высокого роста, худой, жилистый, с твердыми, волевыми чертами лица. Светлые подвижные глаза под угольно-черными густыми бровями, опущенные уголки рта, длинная борода, порывшаяся от солнца и дождей, придавали ему на первый взгляд вид малосимпатичный.

Человек пристрастный или усвоивший предрассудки Старого Света принял бы его, пожалуй, за джентльмена с большой дороги.

Действительно, полковник в широкополой, помятой и поношенной фетровой шляпе с золотой обтрепанной нашивкой, в красной шерстяной рубаше, в индейских штанах из рыжей кожи, украшенных бахромой по швам, в высоченных сапогах с мексиканскими шпорами величинной с блюдце, подпоясанный ремнем, на котором красовались два кольта* и большой нож, да еще с многозарядным винчестером за плечами, смахивал на отпетого бандита.

Несмотря на титул полковника, которым он очень дорожил, мистер Билл был простым ковбоем. Но поспешим заметить, что это слово ни в коем случае не должно вызывать в сознании читателя мысль о мирном пастушеском труде, которым занимались еще библейские патриархи.

Американские пастухи держат в страхе малозаселенные районы Запада, куда понемногу продвигаются колонисты и эмигранты и где походные лагеря со временем вырастают в города. В местах, куда еще не пришла цивилизация, ковбои живут, не подчиняясь никаким законам. Им нечего терять — жизнь проходит в тяжелой работе и необузданных страстях.

Этих головорезов вербуют среди люмпенов**, которыми кишат огромные города Нового Света. К работе в рудниках ковбои неспособны и вынуждены наниматься на

* Кольт — револьвер системы Кольта. Сэмюэл Кольт (1814—1862) — американский конструктор и промышленник. В 1835 году усовершенствовал револьвер; основал фирму стрелкового оружия.

** Люмпены (от нем. Lumpen — лохмотья) — бродяги, нищие, уголовные элементы.

ранчо*, где их прошлое никого не интересует: можешь оставаться в седле по десять часов в сутки и довольствоваться жалкой пищей, в основном соленым салом да мукой,— вот и хорошо. Каждому пастуху дается шесть лошадей, оружие, повозка для продовольствия — и вперед! Обычно пять человек охраняют двенадцать сотен голов скота.

С утра до вечера ковбои не торопясь объезжают верхом стадо, следя, чтобы животные не отставали, не терялись, не заходили на чужое пастбище. Днем всадники спешиваются лишь для того, чтобы сменить уставшего коня. Две ночи из пяти они несут охрану, спят всегда под открытым небом. В конце месяца за тяжелейший труд эти работяги получают жалкие гроши — сорок долларов, и неудивительно, что день полочки отмечают грандиозными оргиями. Ковбои врываются, как банда грабителей, в поселки и строящиеся города, внушая ужас жителям, которые, впрочем, в другое время дерут с них в своих салунах три шкуры, стараясь напоить до беспамятства.

Газеты полны описаний ковбойских «подвигов». Не проходит и недели, чтобы пастухи, обезумев от пьянства, не учинили какой-нибудь дикой выходки. Бывало, после чудовищной порции виски они захватывали какой-нибудь приграничный городок, грабили его и в приступе пьяного веселья сгоняли жителей на площадь, часами заставляя плясать и стреляя по ногам тех, кто не проявлял достаточного усердия.

Случалось, горожане, доведенные до отчаяния их опасными шутками, создавали комитеты самообороны, хватали наугад полдюжины хулиганов и вешали на первом попавшемся дереве. Пример был поучителен: остальные отправлялись веселиться в более безопасные места, где им не угрожала виселица.

Вот каковы американские пастухи, достойно представленные в этом повествовании персонажем, именовавшим себя полковником Биллом. Два других героя нашего рассказа хорошо знакомы тем, кто читал «Приключения в стране львов», и нам нет нужды их описывать.

Там, где высокая трава прерий заканчивалась, трое всадников остановились и внимательно осмотрелись — никаких тревожных признаков. Прерия, покрытая великолепными цветами, осталась позади, а впереди желтыми

* Ранчо — на западе США — скотоводческая ферма.

волнами простиралась песчаная равнина. У небольшой рощицы, темневшей вдалеке, охотники заметили десятка два пасущихся лошадей.

Полковник, неподвижный, как конная статуя, жевал, далеко сплевывая, табак и был явно настороже. Фрике неотрывно следил за лошадьми: что-то в их поведении казалось ему странным.

— Посмотрите-ка, господин Андре,— обратился он к другу,— похоже, этим табуном кто-то управляет. Лошади не просто пасутся, они словно расходятся вправо и влево, образуя огромную подкову.

— Черт возьми, ты прав!

— Я понял, в чем дело! У каждой лошади есть всадник. Вон посмотрите, на белом боку коня видна нога в рыжих кожаных штанах. Я видел индейцев в аргентинских пампасах, которые умели делать такие акробатические трюки.

— У вас хороший глаз, капитан,— заметил американец.

— Я? Капитан? С чего это вдруг, скажите на милость? — удивился Фрике и добавил по-французски, обернувшись к Андре: — Этот, с позволения сказать, полковник просто неподражаем. Мы его взяли проводником, платим ему жалованье, а он сообразовал произвести меня в капитаны, тогда как сам неизвестно почему именуется полковником. Нечего сказать, хорошая штука американская демократия!

— Но, капитан...— настаивал янки.

— Просто Фрике, без звания, титула и дворянских приставок,— прервал его парижанин.

Ковбой явно не понимал, как можно пренебрегать столь почетным званием, но все-таки согласился:

— Хорошо, пусть мистер Фрике. Должен признать, что хитрость этих прохвостов вы разгадали.

— Господин Андре,— попросил Фрике,— вам нет равных в стрельбе из карабина. Может быть, попытаетесь «достать» одну из лошадей? До тех, что в центре, всего лишь метров шестьсот...

— Готов доставить тебе удовольствие и поддержать честь нашего знамени,— ответил молодой человек и, не слезая с седла, вскинул к плечу винчестер.

Секунды две Андре целился, затем из ствола вырвался легкий дымок и грянул выстрел. Белая лошадь, на которую указывал Фрике, дернулась, взвилась на дыбы и тяжело рухнула на колени. Всадник, прятавшийся за конем,

оказался на земле. Укрывшись позади бившейся в агонии лошади, он несколько раз выстрелил.

— Черт возьми! Неплохо, господин Андре! — с энтузиазмом воскликнул Фрике.

— Браво, майор! — сказал ковбой, искренне восхищаясь необычайной меткостью Андре.

— Ба! — заметил Фрике. — Полковник опять за свое. Вот вы уже и майор! Раз уж вам, полковник, это ничего не стоит, почему бы не произвести господина Андре сразу в генералы? Все-таки он руководитель нашей экспедиции. К тому же вы хоть и полковник, вряд ли сможете выстрелить столь же успешно!

Ответить на колкости Фрике американец не успел.

Индейцы, поняв, что обнаружены, издали яростный боевой клич, уже не прячась, с цирковой ловкостью взлетели в седла и с воинственными воплями бросились вперед, потрясая оружием.

Не желая ввязываться в бой с противником, имевшим шестикратное превосходство в численности, трое друзей развернулись и устремились назад, в прерию. Индейцы были вооружены очень хорошо. Увидев в руках краснокожих винчестеры, Фрике удивленно заметил:

— Вот так штука! Похоже, славные времена луков и кремневых ружей миновали. Что за странная идея — вооружить индейцев многозарядными карабинами да еще снабдить патронами к ним! Неудивительно, что их воины доставляют столько хлопот американцам.

Трое белых рассчитывали на выносливость своих лошадей и полагали, что сумеют сохранять отрыв от преследователей еще часа четыре. Четырех часов было достаточно, чтобы достичь лагеря, где оставалась тяжелая повозка с провизией и снаряжением, сменные лошади и семь человек, нанятых, как и полковник, для долгого путешествия через прерию и охоты.

Прибавив скорости, трое всадников могли добраться до лагеря еще быстрее. Тогда соотношение сил стало бы один к двум и белые без труда отразили бы нападение.

Полковник скакал впереди. Он спокойно вел своих спутников через океан трав и цветов, уверенно держась знакомой дороги.

Индейцы не отставали. Они жестоко настегивали лошадей и значительно сократили разрыв. Впрочем, это не пугало ковбоя и французов — лагерь близко и помощь вот-вот придет. Они уже у цели...

Но что это? Никто не встречает... Полная тишина...

Ни людей, ни лошадей... Только тяжелая повозка возвышается посреди потухшего пожарища. А индейцы приближаются!

Охваченные недобрым предчувствием, охотники подъехали ближе и не смогли сдержать крика ужаса — жуткое зрелище открылось их взору...

ГЛАВА 2

Побоище.— Надгробное слово.— Белые и краснокожие.— Будущее индейцев.— После грабежа.— Резервация Кер-д'Ален.— Бизонья трава.— Пожар в прерии.— Смерть в огне или пытки? — Пелуз-Ривер.— Окружение справа.— Перестрелка.— Окружение с тыла.— Андре принимает командование.— Через пламя.*

Дюжина койотов** с окровавленными мордами, не испугавшись внезапного появления всадников, неохотно оторвалась от ужасного пиршества. Грифы беспрерывно кружили над грудой мертвых тел, не набрасываясь на добычу: страх пересиливал жадность. Чудовищно изуродованные трупы шестерых мужчин лежали близ потухшего костра в траве, покрытой бурыми пятнами.

По-видимому, несчастных застигли врасплох, они даже не оборонялись. Все получили удары сзади, когда, расположившись на земле, намеревались поест. С жертв сняли скальпы, и ободранные черепа бледно-розового цвета являли собой жуткую картину. Койоты рвали клыками лица убитых, так что узнать, кто есть кто, было абсолютно невозможно.

Полковник перебросил во рту табачную жвачку, далеко сплюнул и глухо пробормотал:

— Черт возьми! Негодяи неплохо потрудились. Не пойму только, как это настоящие жители Запада позволили перерезать себя, как телят? Постойте, а где же седьмой?

Билл отъехал в сторону и нашел седьмой труп шагах в пятнадцати от остальных.

— А, понятно,— сказал американец,— он был часовым. По клочку рыжих волос, оставшихся на подбородке,

* Резервация — здесь: территория для насильственного поселения коренных жителей страны.

** Койот, луговой волк — млекопитающее семейства псовых. Обитает на открытых пространствах Северной Америки.

узнаю полковника Джима. Этот достойный джентльмен питал слабость к виски. Видимо, он обнаружил ваши неприкосновенные запасы и забыл, что не стоит напиваться, когда стоишь на часах. Что ж, джентльмены, ведь я был прав, разозлив голову тому индейцу! С нами бы проделали то же самое.

— Вы думаете, они были заодно? — спросил Андре.

— Конечно! Эти мерзавцы договариваются в два счета, как воры на ярмарке.

— Но раньше, если не ошибаюсь, мирные племена выходили на тропу войны только после провокации или нападения, послав предварительно вызов противнику.

— Так было раньше... Пока краснокожие не убедились, что, следуя своим обычаям, остаются в дураках. Теперь они набрасываются на нас, как только представляется случай. Впрочем, мы отвечаем тем же.

— Значит, какая-то часть Американского Запада постоянно охвачена войной?

— Да, джентльмены. И война кончится лишь тогда, когда индейцы будут уничтожены или растворятся среди белых.

— Но кто же так подло убил наших товарищей?

— По-моему, те самые бандиты, которых мы встретили около Уайтсберга. Они говорили, что принадлежат к Просверленным Носам, но на самом деле не входят ни в одно племя и живут на границах резерваций.

— Таким образом, обращаться за справедливостью в совет вождей-сахемов бессмысленно?

Американец, не обращая внимание на трупы, заметил с циничным смехом:

— Сразу видно, что вы — французы. Справедливость — в силе, вот она где! — И постучал по прикладу винчестера. — А нет у тебя силы — уноси ноги, а то скальпа лишишься!..

— Однако, — прервал его Фрике, — не хотелось бы отступать, не сделав ни одного выстрела. Может, попробуем обороняться здесь? Видите, повозка цела. Странно, кстати...

— Ничего странного, — возразил американец. — Индейцы захватили лошадей, сбрую, одеяла, оружие и боеприпасы. Ящики с провизией и запасным вооружением окованы и слишком тяжелы, а дубовые доски выдержат даже удары топора.

— Можно бы использовать повозку как укрытие... — предложил Фрике.

— В котором нас подкоптят, как чикагский окорок. Клянусь Богом, капитан... то есть мистер Фрике, вы не знаете, что такое война в прериях. Единственное спасение сейчас — в быстроте лошадей. Или я здорово ошибаюсь, или скоро краснокожие мерзавцы запалят траву вокруг нас. А жаль: прекрасное пастбище для бизонов. Здесь могли бы разместиться с десяток ранчо... Но наши лошади отдохнули, и если хотите доброго совета — вперед, и без промедления! Нужно добраться до резервации индейцев Кер-д'Ален. Только там мы будем в безопасности.

— Вы правы,— согласился Андре.

— А далеко ли резервация? — поинтересовался Фрике.

— Миль тридцать.

— То есть около шестнадцати французских лье, а точнее, шестьдесят четыре тысячи восьмьсот двадцать метров. Немало... Выдержат ли лошади?

— Это, джентльмены, узнаем завтра... Если сохраним головы на плечах.

Даже не оглянувшись на убитых товарищей, полковник решительно прищпорил коня. Оба француза последовали за ним.

Так они скакали целый час, не встретив ни души.

— Послушайте, полковник,— не удержался от вопроса Фрике,— вы уверены, что нас преследуют?

— Абсолютно уверен, капитан, то есть мистер Фрике. Более того, уверен, что число преследователей по меньшей мере удвоилось.

— Не может быть!

— Я им так насолил, что они сделают все возможное, чтобы снять с меня скальп. Но эти мерзавцы еще узнают, что за орешек полковник Билл.

Вдруг ковбой резко остановил коня и потянул носом.

— Что случилось?

— Чувствуете легкий запах гари?

— Нет, ничего не чувствуем,— в один голос ответили оба француза.

— Когда год за годом проводишь в прериях дни и ночи и опасность следует за тобой по пятам, превращаешься в настоящего белого дикаря: все чувства обостряются.

— Не поделитесь ли с нами, что вам поведало ваше тончайшее обоняние?

— Охотно, мистер Фрике. Скорее всего недалеко отсюда горит бизонья трава.

— И что же это значит?

— Это значит, что мы рискуем сначала задохнуться в дыму, а потом поджариться заживо...

— Или же...

— Или же попадем в руки краснокожих, что еще хуже.

— Ну да... я читал... так называемый столб пыток. Вероятно, это не очень забавно...

— Не смейтесь, молодой человек! — сердито прервал ковбой. — Я видел, как моих друзей привязали над костром... Индейские женщины отрезали у них фаланги пальцев одну за другой и отдирали лоскуты кожи... А воины тем временем горланили песни.

— Если певцы фальшивили, наказание, должно быть, становилось невыносимым.

Вместо ответа полковник косо взглянул на Фрике. Молодой парижанин невозмутимо продолжил:

— Черт побери! Вы с таким удовольствием расписываете таланты милых индейцев, что я просто восхищен ловкостью этих дикарей. Но у меня сложилось впечатление, что общественные отношения они воспринимают достаточно своеобразно. Думается мне, что обязательное бесплатное образование пошло бы им на пользу.

— Смейтесь, смейтесь. Хорошо смеется тот, кто смеется последним.

— Вижу, вам не нравится, что я шучу, когда вы рассказываете замогильные истории. Но мы, французы, умеем смеяться и перед лицом смертельной опасности. Мужественный человек не обязательно должен быть мрачным. У каждого свои манеры, правда, господин Андре?

Андре улыбнулся, привстал на стременах, похлопал палец и поднял его вверх, как делают моряки, определяя направление ветра.

— Пожалуй, полковник прав, — заметил он, — трава действительно горит. Мы не видим дыма, так как ветер нам в спину. Думаю, очаг пожара — впереди. Как вы считаете, полковник?

— Вы правы, майор. Впереди — горящие прерии, позади — краснокожие. Мы здорово влипли.

— Что будем делать?

— Надо во что бы то ни стало достичь вон той голубоватой линии на горизонте. Если не ошибаюсь, это деревья на берегу Пелуз-Ривер. До них мили четыре.

Тут раздался какой-то странный звук, похожий на шум наступающего прилива или, точнее, на шум реки, запру-

женной внезапным обвалом. Тонкие струйки беловатого дыма поднялись над равниной, как раз между беглецами и берегом реки на горизонте.

Минут за десять в той стороне возникло около тридцати очагов огня. Странная и тревожная закономерность: костры располагались на одной линии, примерно на одинаковом расстоянии друг от друга. Разгоревшись как следует, огонь полностью отрежет охотникам путь на север, к Пелуз-Ривер.

— Ну вот, мистер Фрике, что вы на это скажете? — ехидно спросил полковник.

— Что тут скажешь! Индейцы поставили перед нами огненный заслон, и до реки нам не добраться. А они тем временем вернутся назад через прерию и зайдут нам в тыл, чтобы заставить отступить к линии огня. Нам остается или проскочить через пламя, или прорваться по трупам этих негодяев, что скажут за нами.

— Точно. Только краснокожих уже не два десятка, а куда больше. Сообщники этих негодяев все время были рядом. Они заранее сговорились и по первому сигналу начали действовать. Теперь нас преследуют сотни две головорезов, разделившихся на три группы. Вскоре мы узнаем, что нам грозит. Пересечь прерию и выйти к Пелуз-Ривер практически невозможно. Давайте попытаемся сначала проскользнуть вправо.

Охотники прищипорили коней и освободили от ремней винчестеры, чтобы при появлении врага немедленно открыть огонь. Они не проскакали и десяти минут, как заметили на гребне холма полсотни всадников. Завидя белых, индейцы издали яростный крик и с изумительной точностью образовали линию атаки, рассредоточившись направо и налево.

— Ну, так и есть! — проворчал американец. — С этой стороны путь к отступлению отрезан.

Он резко натянул поводья, выхватил карабин, прицелился и выстрелил с расстояния в четыреста метров. Великолепная белая лошадь взвилась на дыбы и рухнула, придавив всадника.

— Промазал! — воскликнул ковбой.

— Как?! — удивился Фрике. — Вы недовольны? Выстрел, черт возьми, неплох, такой не каждому удастся!

— Да я не лошадь хотел свалить! — ответил янки, и откровенная ненависть прозвучала в его голосе. — Я бы дал десять выстрелов, чтобы продырявить хоть одного из этих краснокожих хорьков.

Фрике и Андре тоже выстрелили по линии всадников. Индеец, в которого целился Андре, упал под ноги лошади, а тот, кто был мишенью Фрике, выпустил поводья и откинулся на круп коня.

— Браво, майор! Совсем неплохо, капитан! — похвалил американец своих спутников.

Индейцы, что бы там ни говорили, стрелки слабые. Убедившись в меткости противника, они стали осторожнее. Всадники вновь укрылись за лошадьми и замедлили скачку, сохраняя, однако, линию атаки.

— Под огнем целого отряда нам, похоже, не пройти, — заметил Андре, досылая новый патрон в патронник.

— Попробуем проскочить слева, — заявил ковбой, разворачиваясь.

Они не проскакали и трехсот метров, как из высокой травы вынырнула еще одна группа индейцев и рассредоточилась в том же порядке, что и первая.

Нападавшие были уверены в успехе. Они не пытались прятаться и медленно продвигались, чтобы окружить белых, у которых тогда останутся два выхода: броситься в пламя или попытаться прорвать линию врага.

Положение становилось критическим. Американец, сохраняя невозмутимость, жевал табак и с удивлением поглядывал на французов, видимо, восхищаясь их самообладанием. Фрике беззаботно посвистывал, а Андре рассматривал противника в бинокль. С той стороны злое потрескивание выстрелов становилось все громче и отчетливее.

Три цепи индейцев медленно, но неуклонно смыкались.

— Что будем делать, полковник? — спросил Андре.

— Плохи дела. Я не дам и доллара за наши шевелюры.

— Но надо отсюда выбираться.

— Разумеется. Броситься на индейцев и перебить их как можно больше — рискованно. Они поубивают наших лошадей, потом схватят нас и привяжут к столбу пыток.

— Может, попытаемся прорваться через огонь?

— Надо попробовать.

— Полковник, — заявил Андре, — я беру командование экспедицией на себя. Поверьте мне, у меня есть план, и он выполним. Фрике, спешивайся и быстро вытащи одеяла. Вы, полковник, следите за противником с этой стороны, а я — с той. Фрике, бурдюк, что у тебя за спиной, полон?

— Да, господин Андре, в нем около восьми литров воды.

— Хорошо. Расстели одеяла на земле и как следует намочи их. А вы, полковник, пристрелите того мерзавца на пегой лошади, что вырвался вперед... Браво, мистер Билл... Теперь моя очередь.

Раздались выстрелы, и через мгновение два индейца были на земле. Краснокожие, уверенные, что им удастся взять противника живьем, не стали стрелять в ответ, а лишь теснее сжимали кольцо окружения.

— Фрике, готово?

— Сделано, господин Андре.

— Хорошо. Теперь саблей разрежь одеяла пополам. Полковник! Огонь! Огонь по негодяю, который выскочил за линию. Так, молодцом! Вы неплохой стрелок. Ну, как дела, Фрике?

— Одеяла разрезаны.

— Прекрасно. Теперь привяжи половину на голову каждой лошади — так, чтобы была закрыта морда и одеяло спускалось на грудь.

— Господин Андре! Огонь приближается!

— Вижу, черт возьми! Сделал?

— Готово!

— А теперь по коням! Фрике, передай полковнику мокрую половину одеяла, другую дай мне и одну оставь себе. Накройте лицо и плечи!

— Здорово придумано, генерал! — с восторгом воскликнул американец.

Лишь сто метров оставалось до огненной завесы. Три цепи индейцев сомкнулись, и до них было не более трехсот метров.

Французы и американец развернулись лицом к огню. Лошади с мокрыми одеялами на голове ничего не видели.

— Вперед! — звонко воскликнул Андре, вонзил шпоры и пригнулся к шее коня.

— Вперед! — И его спутники последовали за ним. Трое белых бросились в огонь.

Пораженные их отвагой, индейцы застыли от изумления, а потом, взбешенные тем, что добыча ускользает, проводили беглецов жутким воем, полным ярости и отчаяния.

ГЛАВА 3

Через Тихий океан.— Сан-Франциско.— Впечатление, произведенное двумя французами, путешествующими в свое удовольствие.— Американская реклама.— Северо-Западная железная дорога.— Индейцы Кер-д'Ален.— Начало пути.— Великая равнина реки Колумбия.— Портленд.— Не всегда все к лучшему в некоторых городах свободной Америки.— Кое-что о городке Такканнор.— Пульмановские вагоны.— На левом берегу реки Колумбия.— Те-Даллс.— В префрах.

Даже очень краткий рассказ о событиях, предшествовавших приезду Андре и неразлучного с ним Фрике в страну бизонов, вовлек бы нас, читатель, в никому не нужные повторы и длинноты.

Поскольку наш интерес к главным героям не позволяет расстаться с ними хотя бы на минуту, мы просим припомнить две первые части повествования: «Приключения в стране львов» и «Приключения в стране тигров».

Автор же как подлинный историк намерен начать изложение событий с того момента, когда два друга вернулись живыми и здоровыми из Мандалая, столицы независимой Бирмы, в Рангун, на яхту «Голубая антилопа».

Если читатель помнит, Андре предпринял смелую попытку вызволить из королевской тюрьмы Фрике, приговоренного к смерти за убийство Белого Слона. Кругосветное путешествие двух французов началось на западном берегу Африки, продолжилось по рекам и лесам Бирмы и должно было закончиться, по их первоначальным замыслам, на американском Дальнем Западе.

В соответствии с этими планами Андре сделал все, чтобы пересечь Тихий океан на своей яхте. Ибо, несмотря на пережитые в лесах Бирмы опасности, энтузиазма у Андре и Фрике не убавилось и новые приключения влекли их. Они стремились во что бы то ни стало выполнить то, что наметили в день открытия охотничьего сезона в Босе.

Андре хотел как можно скорее покинуть Бирму. Здесь французы не чувствовали себя в безопасности, несмотря на соседство англичан, а может, именно из-за этого соседства. Бреван, не колеблясь, выбрал маршрут и приказал отплыть в Сингапур*. Там «Голубая антилопа» должна была бросить якорь.

* Сингапур — город и порт на острове Сингапур (Юго-Восточная Азия). В 1826—1946 годах остров принадлежал Великобритании; в настоящее время — Республика Сингапур.

От Рангуна до Сингапура — около 1900 километров. Для яхты, способной идти с приличной скоростью: десять миль в час или около 450 километров в сутки, — просто прогулка дней на пять.

Из Сингапура, пополнив запасы угля и пресной воды, судно взяло курс на Сайгон*. Этот переход в 1200 километров занял всего три дня, и «Антилопа» остановилась в столице Французского Индокитая** лишь для того, чтобы отправить почту в Европу.

Затем путешественники взяли курс на Гонконг***, до которого от Сайгона приблизительно 1550 километров, и после четырех дней плавания прибыли в пункт назначения. В Гонконге яхта была основательно загружена углем и продуктами, и снова в путь — в Иокогаму****, за три тысячи километров.

На исходе недели французы без особых происшествий добрались до Иокогамы, преодолев за двадцать один день, включая остановки, восемь тысяч километров.

Затем путешественникам предстоял переход через бескрайние океанские просторы в Сан-Франциско. От Иокогамы, расположенной на 30°39' северной широты и 147°48' восточной долготы по Парижскому меридиану, до Сан-Франциско, координаты которого — 37°47' северной широты и 124°48' восточной долготы, приблизительно 10 700 километров. Яхта могла сохранять уставную скорость в десять узлов, то есть десять морских миль в час, или 444 километра в сутки. Таким образом, переход занял бы не менее двадцати четырех суток, причем остановиться и пополнить запасы было негде: путь пролегал в открытом океане.

Андре верил в свою яхту, в навигационный талант капитана Плогоннека и в свой экипаж и утром 15 мая 1880 года отдал команду поднять якорь и взять курс на Сан-Франциско. Покинув Иокогаму, яхта шла почти постоянно по прямой, ибо теоретически отклонение могло быть лишь в 1 градус 8 минут — едва ли 125 километров на 10 800 километров пути.

* Сайгон — до 1976 года название города Хошимин.

** Индокитай Французский — с 80-х годов XIX века до второй половины 40-х годов XX века название французских колониальных владений в восточной части полуострова Индокитай, включавших территорию Вьетнама, Камбоджи и Лаоса.

*** Гонконг — английское название территории Сянган в Восточной Азии, на юго-востоке Китая.

**** Иокогама, Иокохама — город в Японии, на острове Хонсю.

Капитан Плогонек сделал точные расчеты; классные механики, нанятые когда-то Фрике, умело управляли машиной. Да и океан был милостив к отважным путешественникам. Вечером 8 июня, то есть на двадцать четвертые сутки, «Голубая антилопа» под французским флагом вошла через Золотые ворота в порт Сан-Франциско.

Это удачное плавание вызвало восхищение американских моряков, а ведь они считаются отважными путешественниками. Правда, не впервые легкая прогулочная яхта совершала такой переход. Напомним читателю, что в 1867 году яхта «Санбим» под командованием члена английского парламента сэра Томаса Брассея во время кругосветного плавания также прошла Великий Тихий океан под парусами. Но «Санбим» пересек океан по диагонали, от Вальпараисо до Иокогамы, сделав две остановки: одну — на Таити* и вторую — на Гавайях**.

Американская цивилизация не привела наших путешественников в восторг. Они быстро устали от бесконечной сутолоки и суматохи, неотъемлемых от жизни обитателей городов Американского Союза. Друзья мечтали лишь о том, чтобы как можно скорее покинуть чересчур шумный город, называемый королем тихоокеанского побережья, и добраться до бескрайних равнин Великого Запада.

Андре, представив рекомендательные письма, посетил консула Франции и нанес несколько визитов. Он не скрывал своего желания незамедлительно отправиться в преири. Когда он заявлял об этих планах, на него изумленно таращили глаза. Действительно: француз не был ни строителем, ни скотоводом, не торговал салом, кожами и мукой, не занимался экспортом или спекуляциями.

Американцы — народ подвижный, говорливый и живой. Сидеть на месте они не любят, вечно ищут что-то новое. Жители Сан-Франциско прекрасно понимали, что можно разъезжать, чтобы заработать доллары или даже чтобы их потерять... но представить не могли, как это богатый человек собирается путешествовать по Америке ради своего удовольствия, да еще к тому же любит охотиться.

В Штатах охотятся для того, чтобы добыть пищу или меха на продажу... Но для развлечения?!

* Таити — вулканический остров в Тихом океане.

** Гавайи — остров в Тихом океане, самый крупный из Гавайских островов.

Итак, никто не мог объяснить Андре, где водится желанная для него дичь. Оставалось надеяться на случай, а еще больше — на счастливую звезду.

Накануне отъезда, закончив подготовку к путешествию, Андре с Фрике прогуливались по Монтгомери-стрит, и им пришлось в голову запросто, как это принято в Америке, зайти в гостиницу. В холле некий джентльмен с козлиной бородкой молча протянул им карту. Такие карты-справочники американские железнодорожные компании распространяют повсюду.

Андре машинально взглянул на яркий конверт, посередине которого выделялась цветными буквами броская реклама. Приведем этот шедевр во всем его великолепии:

Исследователям!

Поселенцам!!

Рабочим!!!

Туристам!!!!

Шахтерам!!!!

Охотникам!!!!

Всем! Всем! Всем!!!!

Тем, кто мечтает преуспеть в скотоводстве,

Тем, кто хочет получать хорошие урожаи,

Тем, кто ищет целебный климат, превосходные ландшафты, разнообразную дичь, дорогие меха, медведей и бизонов!

Берите билет Северо-Западной железной дороги! Только эта дорога доставит вас в прекрасные районы Американского Союза!

Смертность там намного ниже, чем в восточных штатах или в Европе.

СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА!!!!!!!!!!

— Послушай,— с улыбкой сказал Андре,— по-моему, это как раз то, что нам нужно. Если верить сей жизнерадостной рекламе, там еще водятся бизоны.

— А где проходит эта Северо-Западная железная дорога?

— Посмотри карту. Дорога идет, вернее, должна идти — в Америке никогда не известно, закончено строительство или нет,— от Фон-дю-Лак на озере Верхнем в направлении устья реки Сен-Луи, а далее до Портленда, на реке Колумбия*, у побережья Тихого океана. Видишь, она пересекает Североамериканский континент почти па-

* Колумбия — здесь: река в Канаде и США.

параллельно Трансконтинентальной Канадской железной дороге, только та уже полностью построена. Северо-Западная железная дорога идет по совершенно диким местам, где, должно быть, еще уцелели бизоны. Смотри, между сорок шестой и сорок восьмой параллелями северной широты и 118° и 120° западной долготы простирается плоская равнина, прерия. Географы называли ее Великой равниной реки Колумбия. Вот куда нам с тобой нужно. Мы будем в излучине, образованной с севера и запада рекой Колумбия, а с юга и востока ограниченной ее притоком Снейк*, у подножия Скалистых гор**. Там рядом резервация индейцев Кер-д'Ален.*** С ними легко договориться, и места богаты дичью.

— Индейцы Кер-д'Ален, то есть Сердца-Шило? Какое странное название!

— Их племя входит в большой союз Плоскоголовых или Змей. Они когда-то гостеприимно приняли французских охотников-трапперов****. Наши соотечественники дали им это имя за бесстрашие перед лицом смерти и за стойкость в самых тяжелых испытаниях. Кер-д'Ален достаточно цивилизованы, католические миссионеры***** обратили их в христианство еще в тысяча восемьсот сорок первом году. Они навсегда остались друзьями белых, и среди них много канадских метисов*****. В языке племени сохранилось немало французских слов.

— И там много дичи?

— Достаточно, дорогой Фрике, чтобы прокормиться, не прибегая к субсидиям американского правительства.

— Думаете, они хорошо нас примут?

— Конечно! Во-первых, мы французы, во-вторых, охотники.

— Что ж, идет! Едем к этим индейцам Сердца-Шило. Имя мне вполне подходит.

— Решено, друг мой Фрике.

* Снейк — река в США, левый приток реки Колумбия.

** Скалистые горы — в системе Кордильер на западе Канады и США.

*** Кер-д'Ален — индейское племя группы селишей, проживающее на Северо-Западе США.

**** Трапперы — охотники на пушного зверя в Северной Америке, пользующиеся западнями.

***** Миссионеры — лица, занимающиеся распространением религии среди населения с иным вероисповеданием.

***** Метисы — здесь: потомство от браков представителей европеоидной расы с индейцами.

И двое друзей вернулись в свою гостиницу.

На следующее утро вместо того, чтобы отправиться по линии Союзной Тихоокеанской железной дороги, как намеревались раньше, наши путешественники сели в пульмановский* вагон Прибрежной линии. Эта дорога пролегает с юга на север параллельно побережью Тихого океана и проходит через города Сакраменто, Ред-Блафф, Юджин-Сити, Сейлем, Портленд и Олимпия.

Яхту они оставили в Сан-Франциско для капитального ремонта. После десятимесячного плавания двигатель почти вышел из строя, а обшивка местами была повреждена. Андре решил на время путешествия в страну бизонов завести «Антилопу» в сухой док.

После двадцати часов пути Фрике и Андре прибыли в Портленд. Здесь они решили остановиться на несколько дней, чтобы побольше узнать о тех местах, куда собирались ехать, и сделать последние приготовления. Андре убедился, что великолепная реклама Северо-Западной железнодорожной компании нисколько не преувеличивала в том, что касалось обилия бизонов, — а это было главным для охотников. Но здесь сходство рекламы с действительностью заканчивалось. Железная дорога, которая должна была соединять побережье Тихого океана с озером Верхним, обрывалась в 340 километрах от Портленда, у маленького городка Уоллула, расположенного при слиянии реки, носящей то же название, с рекой Колумбия.

Таким образом, оставалось еще проехать около 200 километров верхом до ближайшей резервации племени Кер-д'Ален. Но ехать ли по железной дороге или верхом, быстро или медленно — лишь бы добраться до желанных мест, богатых дичью! Подобные мелочи не остановили друзей, тем более что в Уоллуле можно было купить повозку и лошадей к ней, а также прекрасных верховых коней.

Андре заранее наметил маршрут, что, впрочем, не исключало возможных изменений и уточнений. Путь проходил от последней станции Уоллула к форту Уолла-Уолла, через города Уайтсберг, Такканнор и Пелуз-Фарм на правом берегу реки Снейк. Пелуз-Фарм был последним населенным пунктом на их пути; далее охотникам придется ночевать под открытым небом, но это для бывалых путешественников обычное дело.

* Пульман — основатель и президент американской вагоностроительной компании (XIX в.), находившейся под Чикаго (Пульман-Сити).

Когда французы сообщили, что едут в дикие места, среди obsługi портлендской гостиницы поднялся переполох, что было достаточно необычно для такой страны, как Америка, где действует принцип «каждый сам за себя». Один из служащих гостиницы, франко-канадец по происхождению, сразу же проникся к нашим путешественникам симпатией: канадцы вообще всегда тепло встречают французов со «старой родины». Этот парень готов был расшибиться в лепешку, чтобы помочь Андре и Фрике. Вдвоем со своим другом, чистокровным янки, он помогал выработать маршрут путешествия. Услышав название Такканнор, канадец воскликнул:

— Слышишь, Дик? Джентльмен хочет отправиться в Такканнор!

— Слышу! — ответил Дик, покачиваясь в кресле-качалке и сплевывая точнехонько в цоколь мраморной колонны.

— Разве не в Такканноре негодия из племени Просверленных Носов сняли скальпы с мужчин и увели в плен женщин и детей?

— Нет, — сказал Дик, — это произошло в Эльк-Сити, в Айдахо.

— Тогда там река вышла из берегов и затопила город.

— Нет, наводнение было в Льюистоне.

— Но в Такканноре наверняка тоже что-нибудь случилось.

— Точно! Ковбои захватили город и сожгли больше половины домов, потому что жители отказались дать им виски.

— Ах вот оно что!

— Но это было уже месяц назад. Дома отстроили, а нескольких головорезов повесили. Даже телеграф восстановили.

— В этой проклятой стране надо быть осторожными. Здесь вам не Канада, где индейцы гостеприимны и сохраняют хорошие отношения с администрацией и с белыми. Очень жаль, если с французами со «старой родины» случится несчастье.

— Мы обязательно учтем ваши советы, — ответил Андре и сердечно пожал руку покрасневшему от удовольствия канадцу.

На следующий день путешественники доверили свои судьбы железной дороге, которая проходила по левому берегу реки Колумбия и находилась в весьма плачевном состоянии: рельсы были проложены прямо по земле, без

шпал, и путь местами проседал под тяжестью поезда. Но хотя дорога была ненадежна, зато вагоны — превосходны.

В Европе, а особенно во Франции, совершенно не знают этих замечательных вагонов, прозванных пульманами по имени изобретателя. В Америке такие вагоны есть на большинстве линий. Пульман представляет собой настоящий салон метров в двадцать пять длиной. Две пары сидений, расположенных друг против друга, на ночь раскладываются так, что получается прекрасная кровать. На нее кладут матрац, одеяло и чистое белье. Посередине есть проход, можно выйти в курительную, в умывальную, а также в кабинет известного назначения. Каждый вагон соединен специальной платформой с соседними, что позволяет пройти весь поезд из конца в конец. На всех основных линиях в составе имеется вагон-ресторан, а на менее значительных или строящихся — буфет.

Поезд, на который сели два друга, вышел из Портленда и без каких-либо задержек прибыл в Даллас, где заканчивалось речное судоходство по Колумбии.

Все притоки этой могучей реки (площадь ее бассейна 800 тысяч квадратных километров, то есть в полтора раза больше Франции) сливаются здесь в единый поток, достигающий ширины 1200 метров. Но за Далласом, вверх по течению, река сужается и течет между базальтовыми скалами. Там она не шире ста метров, но глубина в иных местах — больше километра. Через этот единственный проход, без которого бассейн реки, как это было в доисторические времена, превратился бы во внутреннее море, и несет Колумбия свои воды в Тихий океан. Лишь две реки на Американском континенте пробили себе путь через массив Каскадных гор* в океан: это Колумбия и, гораздо севернее, река Фрейзер.

Не успел Андре ознакомить своего друга со всеми этими географическими подробностями, как поезд двинулся в путь. Состав шел, трясясь и качаясь на кое-как уложенных рельсах по левому берегу реки. Наши путешественники уезжали все дальше на восток, в бескрайние просторы прерий.

* Каскадные горы — в системе Кордильер Северной Америки, в США и Канаде.

ГЛАВА 4

*Железная дорога будущего.— В Уоллуле.— Салуны *.— Что такое американская кухня.— Поиски лошадей.— Люди маленького роста любят все большое.— Выбор Фрике.— Виктор отказывается от помощи незнакомца.— Драматические последствия отказа.— Жестокая, но короткая схватка.— Как парижанин ростом в пять футов поколотил полковника из Кентукки шести футов ростом.— Все хорошо, что хорошо кончается.*

В это время Северо-Западная железная дорога, как мы уже говорили, не была достроена, хотя и широко рекламировалась. Со стороны Чикаго, с востока, конечной станцией был Биг-Хорн-Сити, расположенный на 107°30' долготы по Гринвичу и 46°15' северной широты на реке Йеллоустон. Линия, идущая с запада на восток, заканчивалась в Уоллуле, координаты этого города — 119° западной долготы и 46° северной широты.

Оставалось лишь соединить два отрезка участком дороги протяженностью в 1200 километров, что в обычных условиях было бы для обожающих строить американцев делом несложным. Но путь пересекал весь массив Скалистых гор, занимавший, словно в насмешку над строителями, большую часть штатов Вашингтон, Монтана и Айдахо. По этой причине закончить работу в два счета было невозможно, несмотря на гений дядюшки Сэма ** и обилие долларов.

Поезд, трясаясь и раскачиваясь, все-таки без задержек доставил Андре и Фрике в Уоллулу. Горожане — железнодорожники, строители, ковбои, лесорубы, шахтеры, торговцы — заявляли, что не пройдет и трех-четырех лет, как Уоллула будет насчитывать двадцать тысяч жителей, но пока в этом городишке жило не более 1200 человек. Правда, шуму от них было столько же, сколько от 12 тысяч жителей восточных штатов. Уоллула уже прошла период детства, который более или менее быстро проживают все американские города. В это время жители обычно ютятся в палатках, повозках, в домах из необтесанных сосновых стволов, в дощатых бараках. Большинство домов в центре города были уже из кирпича. Широкие

* Салун (американизм) — питьевое заведение, пивная.

** Дядюшка Сэм — традиционное ироническое название правительства США, а также типичного американца. Основано на совпадении начальных букв: uncle Sam (US — аббревиатура слов «Соединенные Штаты»).

улицы пересекались под прямым углом, их окаймляли деревянные тротуары, спасавшие прохожих от черной, вязкой и цепкой грязи, получившей здесь название «гумбо».

В городе имелись три гостиницы, где находили приют те, кто не имел своего домашнего очага, а это четыре пятых всех жителей. Было много салунов, в которых подавали горячительные напитки — адские смеси, неизвестные ни в фармацевтике *, ни в парфюмерии **, но желанные для глоток янки. Имелись также три церкви, принадлежавшие разным религиозным общинам, два банка, тюрьма и суд. В общем, жители Уоллулы считали, что в их городе представлены все достижения современной цивилизации.

Однако у Андре и Фрике сложилась иная точка зрения. Они с большим трудом переправили свой багаж в одну из гостиниц, а сами нашли местечко внизу, в большом общем зале, где пили, ели, жевали табак и орали как сумасшедшие компании горожан.

Между узкими столами, покрытыми грязными скатертями, прохаживалась величественная матрона ***, типичная немка. Остановившись перед двумя французами, она пробормотала монотонным голосом заводной куклы:

— Соленая говядина!.. Соленое сало!.. Картошка!.. Десерт!.. Чай!.. Кофе!

Несмотря на ужасный немецкий акцент в английской речи дамы, Фрике и Андре поняли, что им перечисляют меню во всем его великолепии. Не успели они ответить, как матрона исчезла. Впрочем, минут через пять она вернулась с дюжиной мисок, двумя тупыми ножами, двумя железными вилками и куском пресного хлеба, похожим на обгорелый кирпич.

Двум друзьям грех было жаловаться: им подали не только все блюда, заявленные хозяйкой, но и все остальное, что было в наличии, причем без всякого заказа. Фрике, как истинный парижанин, одним взглядом окинул окружающих, все заметив и ничего не упустив. Внешне он оставался невозмутимым, но в душе потешался вовсю. И зрелище того стоило! Почтеннейшие горожане с нео-

* Фармацевтика — приготовление лекарств аптечными работниками (фармацевтами).

** Парфюмерия — отрасль промышленности, изготавливающая ароматические изделия (духи, одеколон и др.).

*** Матрона — здесь: ироническое название хозяйки. У древних римлян — почтенная замужняя женщина, мать семейства.

быкновенной ловкостью подцепляли вилками из разных мисок что попало, сваливали все подряд на тарелку, добавляли всевозможные приправы, затем крошили и перемешивали, создавая невообразимую смесь, и заглатывали ее так жадно, что за них становилось просто страшно.

Фрике начал борьбу с куском солонины, жестким, как акулье мясо, и без энтузиазма приготовился к долгому и трудному процессу пережевывания этого блюда, но тут внимание его привлек столь занимательный спектакль, что он забыл про еду.

Почтенного вида джентльмен, судя по всему священнослужитель, занялся кулинарными приготовлениями, тонкость которых вряд ли смогли бы оценить европейские гурманы. Его преподобие прежде всего мелко нарезал кусок жареного сала, затем добавил в тарелку сгущенного молока, покрошил несколько консервированных грибов, раздавил свежий помидор, для пикантности полил смесь яйцом, сбитым с виски, обильно посолил и еще обильнее поперчил, добавил несколько ломтиков ананаса в сахаре и залил черной патокой.

Фрике решил, что священник поклялся съесть все это на пари, но вскоре убедился, что его преподобие поглощал лакомство с нескрываемым удовольствием.

— Посмотрите, господин Андре,— тихо сказал Фрике,— по-моему, такого не придумали бы и китайцы, а уж они-то обожают всякие несуразности. Честное слово, с тех пор, как я странствую по суше и по морю, много чего навидался... Но и представить себе не мог, что такое американская кухня!

Андре невозмутимо жевал хлеб, сало, огурцы и помидоры с видом человека, мечтающего поскорее закончить тягостные формальности, покинуть сей форпост * цивилизации и удалиться в места необжитые, спокойные и здоровые, где воздух чист, люди гостеприимны, еда съедобна и жизнь привольна.

После обеда, хуже которого в их жизни не было, друзья отправились на поиски лошадей. Лошадей в Уоллале хватало, и им сразу же предложили несколько небольших, но сильных и выносливых коней. Впрочем, достаточно вспомнить, как гоняют этих животных ковбои, чтобы проникнуться к местным росинантам ** уважением и доверием.

* Форпост — здесь: передовой пункт.

** Росинант — знаменитая лошадь Дон Кихота, героя романа Сервантеса «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» (1605—1615), здесь — неказистая лошадь.

Андре выбрал красивую лошадь рыжей масти с черной гривой и черным хвостом, с мощной грудью, блестящими глазами, сухими, как у оленя, ногами и изящными, крепкими, как мрамор, копытами.

Ну а Фрике... Андре не удержался от улыбки, увидев, кому отдает предпочтение его друг. Вспомним, что людей невысоких зачастую привлекает все большое. Маленькие люди охотно носят высокие и широкополые шляпы, курят огромные сигары, облачаются в просторные пальто, живут в обширных квартирах, заводят гигантских собак и женятся на женщинах очень высокого роста. Это общеизвестно.

Можете представить, на какой лошади остановил выбор наш парижанин, в котором от макушки до пяток было всего пять футов. Животное феноменальных размеров на целую голову возвышалось над неутомимыми лошадками штата Айдахо и смотрелось среди них как страус в стае куропаток. Вероятно, лошадь когда-то блистала на ипподроме и невесть как попала на конечную станцию Северо-Западной железной дороги.

Фрике подошел к коню, погладил его по холке, с видом знатока осмотрел спереди и сзади, прищелкнул языком от удовольствия и обратился к Андре:

— Вот эта лошадка мне подойдет.

При торговле присутствовали несколько горожан, вышедших из салуна посмотреть, как облапошат французов. Столь неожиданным был выбор Фрике, столь разительным контраст между лошадью и седоком, что столпившиеся зеваки расхохотались, правда вполне доброжелательно.

Фрике нахохлился, словно молодой петушок, бросил на толпу гневный взгляд, на миг задумался и изготовился, как гимнаст, чтобы взгромоздиться на возвышавшуюся перед ним гору мяса и костей.

— Посмотрим! Хорошо смеется тот, кто смеется последним! — процедил он сквозь зубы.

Но когда Фрике уже собрался взлететь на лошадь, тяжелая рука опустилась ему на плечо и высоченный мужчина с издевкой произнес:

— Если у джентльмена нет лестницы, чтобы взобраться на этот монумент, полковник Джим может его подсадить.

Фрике круто повернулся и презрительно взглянул на говорившего. Перед ним стоял огромный ковбой из Кен-

тукки *, неотесанный грубиян из тех, у кого хамство в крови, своего рода помесь лошади с крокодилом.

— А ну отстаньте! Сами вы... монумент! — огрызнулся Фрике. — Лапы прочь, а то как двину!

Толпа взорвалась смехом. Ковбой руки не убрал, но Фрике так оттолкнул его, что изрядно пьяный гигант отступил на три шага и, теряя равновесие, едва не рухнул на землю. С трудом удержавшись на ногах, он издал хриплый вопль и, сжав кулаки, бросился на Фрике:

— Негодяй!.. Я тебе сейчас башку расшибу!

— А я тебя сломаю, как спичку! — взвизгнул Фрике и, отскочив назад, принял безукоризненную боксерскую стойку.

Американцы не блещут хорошим воспитанием, но их нельзя назвать агрессивными. Кое-кто из зрителей попытался вмешаться, а один из них вполне доброжелательно обратился к Андре:

— Сударь, уведите вашего друга... Полковник Джим пьян, и может случиться непоправимое.

— Благодарю вас, джентльмен, — холодно ответил Андре. — Но этот полковник вел себя по отношению к моему другу как хам. Он заслужил урок, и он его получит. Давай, Фрике, смелей!

Кулак гиганта опустился, как молот, но встретил пустоту: Фрике легко увернулся.

— Для полковника вы на редкость плохо боксируете, мистер Джим... Получите-ка для начала!

Раздался глухой удар, и ковбой из Кентукки взвыл от боли. Огромный синяк цвета баклажана украсил его правую скулу.

Великан был совершенно обескуражен молниеносной атакой. Не обладая реакцией и ловкостью профессионального боксера, он решил одолеть своего тщедушного противника, схватив его в охапку.

Фрике отскочил на три шага и заметил присутствующим джентльменам, что раз его партнер не соблюдает благородных правил бокса, он будет вынужден поступать так же.

— Справедливо! Француз прав!.. Пусть делает что хочет!.. — одобрили зрители.

— Итак! Продолжим! — заявил Фрике, сменив позицию, и без видимых усилий нанес ковбою короткий и сильный удар ногой. Тот свалился как подкошенный,

* Кентукки — штат в центральной части США.

тяжело поднялся и обрушился на Фрике со слепой и неукротимой яростью. Но ловкий парижанин вновь ускользнул. Прыжок — и он нанес противнику еще удар ногой сбоку, остановив атаку ковбоя. Затем последовал удар кулаком, от которого грудная клетка великана загудела, как гонг... А потом на несчастного американца обрушился град тумачей! У бедного малого трещали кости, выступили синяки, хлынула носом кровь... И наконец, избитый и истерзанный полковник буквально рухнул на землю и остался лежать неподвижно, видимо, без сознания!

Тогда Фрике, у которого от поединка даже не сбилось дыхание, вспомнил о своей гигантской лошади. Он подвел ее к поверженному противнику и обратился к изумленным зрителям:

— Полковник хотел помочь мне взобраться на лошадь, но сделал это в выражениях, недостойных джентльмена. Я всего-навсего напомнил ему о вежливости. Теперь у меня нет оснований для обиды. Поскольку он не в силах самостоятельно вернуться в гостиницу, я должен предоставить ему средство передвижения.

С этими словами Фрике наклонился и схватил американца одной рукой за ворот кожаной куртки, а другой за ремень брюк. Откинувшись назад, он поднял ковбоя на вытянутых руках и посадил на лошадь. Полковник инстинктивно ухватился за гриву.

— Поднять такого — не велик труд, надо лишь иметь сноровку. Я думал, он тяжелее, а в нем едва ли будет сто кило. У этих верзил внутри пусто. А теперь, милашка, вперед! Ты везешь очень почтенного гражданина, правда я ему малость подпортил физиономию... Ничего страшного... Дай-ка я все-таки поведу тебя за уздечку...

Но тут несколько десятков рук протянулись к Фрике. У него отобрали поводья, а сам он, не понимая, как это получилось, оказался на плечах восторженных свидетелей поединка.

Со всех сторон раздавались неистовые крики, в воздух взлетали шляпы.

— Bravo! Гип-гип-ура! Ура! — орала толпа.

Фрике был с триумфом доставлен в ближайший салун. Полковник, поддерживаемый заботливыми руками на холке гигантской лошади, также доехал до дверей бара. Он быстро пришел в себя. К тому же, увидя полковника, хозяин салуна оторвался от стойки, на которой полулежал, небрежно облокотившись, и подошел осмотреть беднягу.

Как человек опытный, владелец питейного заведения решил, что пострадавшему надо смочить горло, и влил ковбою в рот, напоминавший разверстый кратер, пойло, способное поднять и мертвеца.

От огненной жидкости полковник вздрогнул всем телом, открыл один глаз — второй у него совершенно заплыл — и тут же проглотил еще стаканчик. Затем Джим тщательно ощупал себя, убедился, что жестоко избит, но ничего не сломано, подошел к Фрике, который пил простую воду, и протянул ему руку:

— Что было, то прошло, джентльмен! Видит Бог, вы — просто молодчина, хоть и ростом не вышли! Мне здорово досталось, но позвольте считать вас моим другом!

Фрике сердечно пожал протянутую руку, и вновь раздалась крики «браво!». По столам пошли самые необычные и самые горячительные смеси, шум нарастал, пьянка ширилась, праздник был хоть куда!

Но два француза прибыли в Уоллулу вовсе не для того, чтобы наблюдать американский разгул во всей красе. Андре и Фрике, как настоящие путешественники, были воздержаны в еде, а к крепким напиткам и вовсе питали отвращение. Им не терпелось поскорее избавиться от шумных восторгов, вызванных несравненной силой Фрике и его талантами кулачного бойца.

Их новый друг, только что получивший хорошую взбучку, понял, что французы хотят удалиться по-английски. Андре рассказал ковбою, что собирается охотиться на бизонов и ищет снаряжение.

— Не волнуйтесь, джентльмены,— сказал американец.— Доверьтесь мне, и я гарантирую, что утром, самое позднее в полдень, вы будете полностью обеспечены всем необходимым для путешествия. Я познакомлю вас с нужным человеком.

Хриплым голосом, который мгновенно перекрыл царивший в салуне шум, он позвал:

— Эй, Билл, старина! Полковник Билл!

— Как,— изумился Фрике,— еще один полковник?

— Ну, это ничего не значит! — расхохотался верзила-американец.— Видите ли, мы здесь обожаем титулы. А кому от этого вред? Тут все в какой-то мере генералы, инженеры, судьи, доктора, полковники или профессора, на худой конец капитаны...

— Ах, вот как! Но вы-то, полковник, безусловно недавно уволились из армии?

— Что вы! Я был всего лишь сержантом в ополче-

нии. А вот мой брат командовал отрядом стрелков в армии Шермана *, и был убит в сражении при Кингстоне **. Его прозвали полковником, а я унаследовал это звание. А вот и Билл!

— Я самый, Джим! Чем могу служить?

— Этим джентльменам нужны лошади, естественно, хорошие и, естественно, за умеренную цену. Ты бы взялся достать коней?

— Конечно, Джим! Готов помочь.

— Кроме того, им нужен человек, знающий наречия индейцев этого края. Не хочешь ли быть их проводником?

— Отчего же нет? Конечно, за разумную плату.

— Вот именно, разумную,— заметил Андре.— Как наш проводник вы должны также достать повозку с парой крепких коней, четырех коней для сопровождающих: для путешествия нужен небольшой отряд, затем запасных лошадей — итого восемь.

— All right! Завтра утром все будет сделано. Ну а сегодня позвольте мне выпить. Договорились, джентльмены? — закончил Билл и пожал руки Фрике и Андре.

Тут же, в салуне, Андре встретил инженера-железнодорожника, который получил диплом во Франции: это был почти соотечественник. Инженер хорошо знал двух полковников и часто обращался к ним за помощью. По его словам, это были авантюристы *** чистой воды — они охотно ввязывались в драки, палили почем зря из револьвера, любили при случае выпить, но честно выполняли обязательства и данному слову были верны. Короче, на них можно было положиться. Кроме того, ковбои привыкли ко всяким неожиданностям, прекрасно знали местность, владели индейскими языками и считались отважными охотниками.

О лучшем французы и не мечтали. Андре остался доволен полученными сведениями. Он хорошо знал, что у таких авантюристов существует особое понятие о чести. Оба полковника тотчас же были наняты, и Андре предло-

* Шерман Уильям Текумсе (1820—1891) — американский генерал. В Гражданскую войну в США — командующий армией северян, которая вышла в тыл южан, что привело к их разгрому. В 1869—1883 годах командующий армией США.

** Кингстон — город в Канаде (провинция Онтарио).

*** Авантюрист — человек, занимающийся рискованными делами; искатель приключений.

жил им божественную милость — самый фантастический пунш *, из тех, что когда-либо пылал в салунах Северо-Запада.

ГЛАВА 5

*Почему мистер Билл именуется полковником.— Эпизод из истории Гражданской войны **.— Величие и падение двух командиров.— По дороге в страну бизонов.— Первый этап путешествия.— Встреча с индейцами.— Парижанин разочарован.— Скальпы еще снимают.— Опасения полковника Билла.— Предосторожности, которых, похоже, ничто не оправдывает.— Третий и четвертый этапы путешествия.— Следы бизонов.— В погоню.— Фрике засыпает на посту.— Вторая встреча с индейцами.— Ловушка.*

Собираясь покинуть салун, где царил невообразимый гвалт, Фрике спросил у инженера:

— А что, Билл такой же полковник, как и мой сегодняшний противник мистер Джим?

— Не совсем. Он действительно командовал отрядом волонтеров ***. И каких волонтеров!

— Значит, он — настоящий полковник?

— Сейчас объясню. Во время Гражданской войны президент южных штатов Джефферсон Дэвис решил привлечь на сторону Конфедерации **** индейцев криков ***** и чероки *****. С этой целью он направил

* Пунш — спиртной напиток из рома (виски, коньяка и др.), разбавленного водой и сваренного с сахаром, лимонным соком или другими приправами из фруктов.

** Гражданская война в США 1861—1865 годов, война Севера и Юга — между буржуазным Севером и рабовладельческим Югом. Победа Севера закрепила господство буржуазии в стране, уничтожила господство плантаторов и рабство, создала условия для ускорения индустриализации и освоения западных земель.

*** Волонтер — в некоторых государствах (Великобритания, Франция, Италия, США и др.) лицо, добровольно поступившее на военную службу.

**** Конфедерация — здесь: Конфедеративные Штаты Америки, в 1861—1865 годах объединение 11 южных штатов США, отделившихся от Союза и развязавших Гражданскую войну в США. В феврале 1861 года представители отделившихся штатов прибыли на конгресс в Монтомери, выработали конституцию Конфедерации и выбрали ее президентом Джефферсона Дэвиса (1808—1889), бывшего военного министра США.

***** Крики, криксы — названия, данные в XVII—XVIII веках европейцами индейскому народу группы мускогов (Северная Америка).

***** Чероки, черокезы — индейский народ группы апалачей (Северная Америка).

к ним своего агента Роберта Пайка, настоящего авантюриста, который успел побывать прокурором, первопоселенцем, учителем, офицером кавалерии, коммивояжером, журналистом и, наконец, траппером. Будучи траппером, Пайк изучил жизнь индейцев и сдружился с одним парнем из Техаса, человеком без предрассудков, откликнувшимся на имя Билл.

Пайк сделал Билла своим ближайшим помощником, сам назвался генералом, а техасца произвел в полковники. Два приятеля начали проповедовать среди индейцев крестовый поход в защиту рабовладения, а индейцы в эту пору не брезговали отвратительной торговлей чернокожими. И вот Пайк с Биллом, гарантируя свободу этой торговли, галлонами вливая в индейцев виски и суля высокую плату и хорошие харчи в походе, завербовали тысяч пять.

Новоявленные генерал и полковник вырядились в пестрые мундиры, нацепили огромные сабли, увенчались шляпами с перьями и привели свое войско в армию конфедератов под командованием Ван Дорна.

Командиры хотели приручить новобранцев и обращались с ними хорошо: индейцы жили как в раю. Но в один прекрасный день появился неприятель. Армия северян под командованием Кертиса перешла в наступление и открыла жестокий огонь по войскам конфедератов.

Индейцы были перепуганы оглушительными разрывами: они такого никогда не слышали. Их косил сплошной огонь, пресекая любые попытки контратак. Краснокожие воины дрогнули и разбежались по лесам. Но и там им не было спасения, ибо деревья падали, подкошенные ураганым огнем.

Все усилия воинов прерий были тщетны; в дыму они не могли разглядеть врага; их боевой клич не был слышен в грохоте сражения; снаряды, по мнению индейцев, падавшие с неба, поражали их повсюду. В конце концов незадачливые вояки залегли, присыпали себя землей и травой и, не двигаясь, дождались темноты.

А когда наступила ночь, краснокожие бесшумно прошли через спящий лагерь на поле битвы, скальпировали мертвых и раненых, как союзников, так и противников, и вернулись на свою сторону с жуткими трофеями. Вот так в первый и последний раз индейцы выступили в защиту рабовладения.

Назавтра солдаты похоронной команды увидели, как изуродованы жертвы сражения. Бойцы обеих воюющих

сторон единодушно возмутились варварством этого войска. Генерал северян Кертис направил письмо Ван Дорну, и тому пришлось тотчас же извиниться от краснокожих волонтеров, чтобы избежать расправы над ними.

Пайк и Билл расстались с расшитыми мундирами, огромными саблями и шляпами, украшенными перьями. Пайк после войны был уволен в запас, а мистер Билл продолжал носить звание полковника. Сегодня он занимается нелегким трудом ковбоя, это вполне подходит для такой недюжинной натуры и прекрасно соответствует его независимому нраву.

Назавтра, в назначенное время, то есть в полдень, полковник Билл был готов, и Андре с удовольствием отметил, что от краткого пребывания в армии южан техасец сохранил вполне военную пунктуальность. Всю ночь полковник провел за бутылкой, но утро посвятил поискам повозки, а также верховых и тягловых лошадей, которых выбирал очень придирчиво.

Андре абсолютно ничего не мог возразить и лишь подивился относительно умеренной цене. От гиганта, выбранного Фрике, полковник отказался: конь был с запалом, да еще с больными ногами. Для Фрике была приобретена прекрасная небольшая лошадка.

Тем временем Джим за ночь подлечился, выпив за четверых ковбоев, то есть за десятих нормальных людей, собрал нескольких достойных парней, можно сказать, цвет не пристроенных к делу джентльменов, и привел их к Андре. Тот нанял шестерых на три месяца с условием безоговорочно подчиняться и индейцев зря не убивать.

Затем на повозку были загружены припасы: консервы, чай, сахар, виски, мука, сало, сухари, снаряжение для разбивки лагеря и кое-какая одежда для участников экспедиции. Это мероприятие, лихо проведенное нанятой командой, было закончено к ночи.

Поработали люди неплохо, к тому же им предстояло надолго забыть о шумных пирушках и горячительных напитках, поэтому Андре щедро угощал новых знакомых всю ночь, взяв с них твердое обещание, что завтра, через час после рассвета, все будут готовы к отъезду.

Слово они сдержали, и в назначенное время небольшой отряд и повозка покидали город. Двух французов, ставших за эти дни любимцами Уоллулы, провожали на улицах настоящим шквалом криков «браво!» и «ура!».

Первый этап путешествия завершился километрах в сорока к северо-востоку от Уоллулы, приблизительно на

полпути к Уайтсбергу. За день путешественники успели пройти заболоченные равнины, которые тянутся от места слияния Снейка с Колумбией, и разбили лагерь на заросшем травой холме. Дальше местность незаметно поднималась и, насколько хватало глаз, простирались необозримые прерии.

Утром охотники двинулись в путь и вскоре впервые встретили индейцев. Фрике, еще пребывавшему в плену старых представлений, трудно было вообразить, что перед ним те самые краснокожие, которые так вдохновляли английских, американских и французских романистов.

Не может быть! Эти обыденно безобразные люди с невыразительными, отупевшими лицами и есть потомки героев Купера, Майн Рида, Гюстава Эмара и Габриэля Ферри! * Эти мрачные оборванцы, завернутые в жалкие одеяла, в драных шляпах — бывшие хозяева великих прерий! Смелое Сердце, Ункас, Костал, Большой Змей — во что они превратились?!

Где мокасины ** с искусной вышивкой, украшенные разноцветной бахромой и иглами дикобраза? Вместо них — отвратительные башмаки с оторванными подошвами, подвязанными веревкой. Вместо яркой раскраски, оригинальной и даже гармоничной, — толстый слой грязи. Не стало даже причесок, достойных скальпа, тех причесок, что украшались орлиными перьями и носились как знак воинской доблести, на страх врагам. Черные, длинные и жесткие волосы спадали прямыми прядями на щеки и затылок, лезли в глаза.

Парижанин был разочарован. Однако полковник Билл сообщил ему, что от обычая снимать скальпы с бледнолицых индейцы еще не отказались. Когда-то эта жуткая процедура завершала жестокие схватки между индейцами и белыми поселенцами. Теперь не то. Сегодня, если молодой индейский воин встретит в укромном месте ирландца-переселенца или мертвецки пьяного ковбоя, он вероломно снимает с него скальп. Правда, «где не опасен бой, там торжество бесславно» ***. Тем не менее добытый обманом скальп приносит убийце уважение старших и восхищение

* Ферри Габриэль (1809—1852) — французский писатель, автор романов о жизни и истории народов Северной Америки.

** Мокасины — у индейцев Северной Америки — мягкая обувь, сшитая из одного или трех кусков кожи, без твердой подошвы, украшенная орнаментом.

*** Цитата из трагикомедии «Сид» Пьера Корнеля (1606—1684), французского поэта и драматурга.

молодых «скво». Но его вздернут на первом же дереве, если, под воздействием виски, он проболтается о своем подвиге кому-нибудь из белых.

Индейцев было человек двадцать. У некоторых за плечами висели многозарядные винчестеры, у других — ружья с ударным механизмом. Их лошади степной породы, неказистые на вид, обладали, по словам ковбоя, изумительной выносливостью и неплохой скоростью.

Андре дал индейцам немного продуктов и хорошо угостил виски, хотя оба полковника и предупредили его, что это — пустая трата припасов.

— Видите ли, джентльмен,— заметил мистер Билл, никогда не упускавший случая сказать об индейцах какую-нибудь гадость,— мерзавцы даже за угощение не поблагодарят. А уж показывать им, что у нас есть запасы виски, вообще не следует.

— Ну, знаете ли, полковник, вы все видите в черном цвете!

— Я просто-напросто беспокоюсь о собственном скальпе и о скальпах джентльменов, чью охрану я взял на себя. Не так ли, Джим?

— Твоя правда, Билл!

Андре обратился к индейцам по-английски. Тот, кто, похоже, был старшим, ответил вполне вразумительно. Он сообщил, что их племя носит имя Красные Собаки и принадлежит к союзу Просверленных Носов.

— Назвались бы уж лучше «Подлые Псы»! — буркнул полковник, не скрывая своего недоверия.

Андре поинтересовался, видели ли индейцы бизонов. Старший сообщил, что, хотя сейчас и не сезон, они встречали стада на том берегу Снейка.

— Вот это нам подходит! Как, джентльмены? — спросил Андре, довольный, что вожаемая добыча, оказывается, так близко.

— Что до меня, не верю я им! — упорствовал ковбой. — Эти подлые собаки могли и солгать. Ну да ладно! Посмотрим...

Путешественники и индейцы расстались друзьями, и охотники, двинувшись в путь, без всяких приключений прибыли в Уайтсберг.

Вечером следующего дня они добрались до Такканнора, того самого городка, который за два месяца до этого был разграблен ковбоями. Дощатые бараки и палатки были в плачевном состоянии, и повсюду еще сохранились следы пожара.

После встречи с Красными Собаками полковник Билл забеспокоился еще больше, хотя, казалось бы, ничто не оправдывало его подозрительности. Ему везде мерещилась опасность, что было довольно странно для опытного человека, привыкшего к превратностям судьбы. Разведываю путь, он не полагался на своих людей, а доверял эту важную миссию только полковнику Джиму. Сам же Билл утром и вечером совершал долгий рейд по тылам и догонял отряд совершенно измученный, на взмыленной лошади. Он яростно жевал табак и угрюмо ворчал.

Андре, естественно, удивлялся таким предосторожностям в столь безопасных местах. Ему с трудом удавалось вытянуть хоть несколько слов из полковника, который в первые дни был весьма разговорчив.

— Что вы хотите, джентльмен,— отвечал полковник на удивленные расспросы Андре.— Я опасуюсь! И этим все сказано!

— Но чего? Чего вы опасаетесь?

— Всего!

— Но все-таки? Объясните понятнее...

— Чутье старого бродяги подсказывает мне, что с тыла нам грозит опасность. Сломал бы дьявол шеи подонкам краснокожим!

— Как?! Это они вас так напугали? Но ведь вполне естественно, что мы встретились с ними.

— Конечно, вы правы, мы на их землях. Но верьте мне на слово, хотя я не могу ничего точно сказать, повторяю: я опасуюсь...

Однако до Снейка охотники добрались без происшествий. Напротив Палуз-Фарм они переправились через реку на примитивном пароме. Палуз-Фарм был последним населенным пунктом белых на границе прерий. Охотников гостеприимно приняли на ранчо. Огромные стада паслись на пастбищах вокруг.

К великому удивлению полковника Билла, владелец ранчо подтвердил, что на северо-восток от поселка видели много бизонов. Поэтому было решено отправиться в путь на следующее утро, хотя ковбоям очень хотелось провести еще день-другой в компании пастухов.

После отъезда из Уоллулы прошло пять дней. Через двое суток маленький отряд должен был достичь резервации индейцев Кер-д'Ален. Пройдя через округлые, покрытые бизоньей травой холмы, раскинувшиеся в этой части долины Снейка, охотники вышли на бескрайние просторы Кама-прерии.

Вскоре полковник Джим, как обычно скакавший впереди, галопом возвратился с радостным криком:

— Бизоны! Джентльмены, бизоны!

Глашатай доброй вести был встречен с восторгом. Тотчас же утвердили план действий в преддверии знаменательной встречи с великолепной дичью.

Самих бизонов Джим не видел, но в шести милях севернее он обнаружил свежие следы, свидетельствовавшие, что животные близко. Оба француза, не в силах сдерживать нетерпение, решили немедленно двинуться вперед и, если удастся, сегодня же настичь добычу, ради которой они проделали столь долгий путь.

— Но повозка не может ехать так быстро,— резонно заметил полковник Билл.

Андре быстро нашел решение:

— Мистер Джим и шесть человек останутся здесь охранять повозку, а мы вдвоем — вы, полковник, Фрике и я — поедem вперед. Если погоня заведет нас слишком далеко, заночуем в прерии. Нам ведь не привыкать проводить ночь под открытым небом. А завтра к полудню вернемся обратно. Вот каков мой план. Есть возражения?

— Никаких! — холодно ответил мистер Билл тоном человека, не привыкшего обсуждать приказы, и тотчас же занялся подготовкой к экспедиции.

Фрике и Андре незамедлительно последовали его примеру. Они спешно запаковали продукты, пополнили запас патронов, скатали одеяла, проверили сбрую и оружие и двинулись в путь, оставив лагерь под охраной полковника Джима и шести его товарищей.

Несколько часов путешественники шли по следам бизонов. Всадники настегивали лошадей, но, как ни старались, не могли догнать стадо. Фрике был готов продолжать погоню, но кони уже нуждались в отдыхе.

Охотникам очень не хотелось возвращаться в лагерь, не увидев воочию живых бизонов. Однако день уже клонился к закату, надо было подумать об ужине и ночлеге. Ужин состоял из двух сухарей на человека, банки мясных консервов, чая и стаканчика виски — настоящий пир для охотника в прерии. Густая бизонья трава служила прекрасным матрасом, на ней расстилалось одеяло, вместо подушки седло — и постель готова!

Стреноженные лошади паслись в высокой, по брюхо траве, шумно хрустели сочными стеблями, радостно фыркали и наконец растянулись на земле, недалеко от хозяев.

Фрике улегся на душистую траву, взглянул на звездный

небосвод и, заявив, что он счастливее всех монархов, всех президентов государств, больших и малых, цивилизованных и варварских, как в Западном, так и в Восточном полушарии, моментально заснул, прижимая к себе свой верный винчестер. Действительно, в этот миг парижанин был счастливее многих

Пока друзья спали, полковник нес охрану. Прерия казалась абсолютно спокойной, но мистер Билл считал, что предосторожность никогда не помешает. Через два часа полковник разбудил Андре. Тот бесшумно поднялся, взял карабин и стал прохаживаться, охраняя сон товарищей.

Андре как истинный ценитель природы наслаждался царственным спокойствием прерий и не замечал медленного течения времени. К тому же Фрике спал столь сладко, что Андре дал ему еще часок, чтобы не прерывать прекрасные сны о бизонах, индейцах и путешествиях.

Наконец пришла очередь парижанина нести охрану. Он так хотел проявить бдительность, так напряжены были все его мысли и чувства... что, полюбовавшись четверть часика на звезды, Фрике зевнул, прилег и, не в силах бороться с дремотой, заснул сном праведника.

Уже светало. Смолк громкий храп полковника, Андре открыл глаза, а парижанин, обняв винчестер, все спал как сурок.

— Бог мой! — возмутился ковбой. — Надо признать, что охрана у нас хоть куда! Капитан, вы заснули как простой новобранец!

— Сам не знаю, как это получилось! — воскликнул Фрике, поднимаясь. — Убить меня мало! Вот недотепа!

— В следующий раз, — отрезал янки, — я буду дежурить за двоих.

— Черт возьми! Ну разжалуйте меня в капралы и посадите на гауптвахту! Принимаю ваши упреки, правда, мне кажется, что здесь спать безопаснее, чем в башне броненосца.

— Я так не думаю, мистер Фрике, и позвольте заметить, что для опытного путешественника, объездившего столько стран, вы слишком легкомысленны.

— Вы по-прежнему считаете, что здесь опасно?

— Уверен, мистер Фрике, хотя был бы рад ошибиться!

— Не сердитесь, полковник, в следующий раз постараюсь загладить свою вину. Если нам еще что-нибудь будет угрожать, увидите, чего я стою!

— Не сомневаюсь, иначе бы я не был сейчас с вами.

Лошадей оседлали, дали каждой немного воды из бурдюков, и трое охотников, наскоро перекусив, снова поскакали галопом по следам бизонов.

Прошло несколько часов, а они так ничего и не обнаружили. Полковник и Андре уже подумывали о возвращении в лагерь, но неожиданно им встретила еще одна группа индейцев, расположившаяся в небольшой рощице под деревьями.

— Эти мошенники, как и мы, охотятся на бизонов,— вполголоса сказал полковник.— Вот почему наша дичь убегает. Бизоны боятся краснокожих как чумы.

Индейцы сидели на корточках вокруг небольшого костра. Тот, кто, видимо, был у них вожаком, на ломаном английском пригласил охотников спешиться и выкурить трубку.

Друзья приняли приглашение. Андре достал свой кожаный каталонский бурдюк, отлично зная, что хороший глоток виски — верное средство для установления контактов.

Эти индейцы, столь же грязные и оборванные, как и их сородичи, встреченные накануне, говорили по-английски гораздо хуже. Вожак, видя, что трое белых едва понимают их слова, обратился к ним на своем наречии, которое знают охотники и ковбои в пограничной зоне.

— Дьявол вас побери! — подчеркнуто резко воскликнул полковник.— Краснокожий думает, что белые охотники, прибывшие из страны Великого Отца Вашингтона *, говорят на языке воинов прерий?

— Мой брат не знает языка Просверленных Носов?

— Какой я вам брат?! Это в церкви твердят, что все люди — братья, да я давно там не бывал. Ваш брат, мой почтенный краснокожий, ни слова на вашей тарабарщине не понимает. Вот так-то...

— Но, полковник,— вмешался Андре,— мне кажется.

— Помолчите-ка! Дайте прислушаться... Не отходите ни на шаг от лошадей... Чувствую, они что-то задумали...

— Мои братья не хотят сесть к костру Волков Прерий? — спросил на ломаном английском индеец. По лицу его пробежала едва заметная тень, когда он узнал, что белые не понимают языка аборигенов **.

* Вашингтон Джордж (1732—1799) — первый президент США (1789—1797); главнокомандующий армией колонистов в Войне за независимость в Северной Америке 1775—1783 годов; председатель Конвента (1787) по выработке Конституции США.

** Аборигены — коренные жители страны, какой-либо местности, обитающие в ней с давних пор.

— Нет, не хотят. Ваши братья — охотники и идут по следам бизонов. Если Волки Прерий сообщат что-нибудь о бизонах, то они получат огненной воды.

— Хоу! — только и ответил краснокожий. Это гортанное восклицание, видимо, означало согласие.

Затем он не спеша отдал своим людям несколько коротких приказаний на родном языке. Десятка полтора оборванцев внимательно его выслушали.

Полковник, лишь притворившийся, что не знает языка индейцев, не пропускал ни одного слова и понял: готовится вероломное нападение. Услышав, что мерзавец приказал своим друзьям наброситься на охотников и захватить их живыми, ковбой преспокойно сунул руку в карман, пришитый за спиной к поясу брюк, вытащил заряженный револьвер и выстрелил в голову индейцу.

ГЛАВА 6

*Между молотом и наковальней.— Через пламя.— Спасены! — Фрике рад, что охотники не превратились в горсть жареных каштанов.— Резервация индейцев Кер-д'Ален.— Контрасты.— Индейцы-землепашцы.— Вооруженный мир.— «День добрый! День добрый!» — Внуки деда Батиста.— Старое франко-канадское наречие.— В деревне.— Кюре * — учитель.— Обязательное и бесплатное обучение.— В доме.— Импровизированный обед.— Охота на бизонов состоится.*

В первой главе нашей правдивой истории мы рассказали о том, какие драматические события развернулись после убийства вожака индейцев: бегство охотников через прерию, погоня, возвращение в лагерь, где были убиты и оскальпированы их спутники. Положение наших путешественников стало катастрофическим, почти безвыходным. Они не могли принять бой: их было слишком мало. С трех сторон смельчаков окружили краснокожие всадники, которые, маневрируя с дьявольской ловкостью, прижимали белых к линии огня, отрезавшей их от прерий. Отовсюду грозила гибель.

Жизнь поставила отважных охотников перед жестоким выбором: или броситься навстречу индейцам и попытаться прорвать их ряды, или же кинуться в пламя, чтобы пересечь огненную завесу.

* Кюре — католический приходский священник.

Стоило, пожалуй, использовать единственный, весьма ненадежный шанс: прорваться через пожар. Огонь не всегда беспощаден, и, кроме того, в пламени друзей ожидала быстрая смерть, а индейцы не знают жалости и подвергают своих пленников невообразимым пыткам.

И вот тогда Фрике по приказу Андре намочил разрезанные пополам одеяла и обмотал ими головы лошадей. Сами всадники кое-как прикрылись вторыми половинами одеял и, пришпорив коней, устремились в пекло.

Невозможно передать словами охвативший их ужас. Дышать охотники не могли, они чувствовали, как потрескивают от огня волосы на голове и бороды. Глаза застилала красная пелена, шум пожара оглушал, языки пламени обжигали. Люди смутно понимали, что силы их на исходе, рассудок изменяет им, а жизнь висит на волоске. Копыта лошадей обуглились от огня, бока лизало пламя, животные неслись, задыхаясь в дыму и горячем пепле, издавая жалобное ржание.

Этот кошмар, когда в уме у всадников билась одна лишь мысль: «Конец! Я горю!» — длился всего пятнадцать секунд. Но секунды эти были долгими, как часы. Охотники понимали, что гибнут, им не хватало дыхания, у лошадей подкашивались ноги...

Вдруг они почувствовали, что воздух стал менее обжигающим, и звонкий голос перекрыл гул пожара.

— Смелее, друзья! Еще не все потеряно! Враг позади, мы спасены!

Это кричал Фрике: он уже успел сбросить дымившееся одеяло и быстро оглядеться. Сквозь поредевший дым парижанин увидел зеленую траву прерий. Рядом кто-то громко чихнул.

— Будьте здоровы, полковник! — сказал Фрике ковбою. Тот с трудом открыл покрасневшие глаза с обгорелыми ресницами.

— И вы, господин Андре, можете снять свой капюшон. Видите, нам удалось...

— Да, мой мальчик! — возбужденно воскликнул Андре. — А я уж не надеялся тебя вновь увидеть!

— Спасибо, вы так добры! Но с вашего позволения прощание откладывается до следующего раза.

Кони остановились и, казалось, пили свежий ветер, дувший с реки, — ее светлые воды сверкали метрах в пятистах.

— Господа, — заявил ковбой, взволнованный, вероятно, впервые в жизни. — Вот в таких обстоятельствах узнаешь, кто чего стоит. Вы мужественные люди позволя-

те пожать вам руки и сказать. теперь мы вместе и на жизнь, и на смерть!

— С удовольствием! — ответил развеселившийся Фрике. — Крепкое рукопожатие — и мы друзья навсегда! Ай! Не жмите так сильно, у меня все пальцы в волдырях! Придется проколоть иголочкой... если я ее найду! А знаете, господин Андре, когда мы расскажем все это нашим приятелям, с которыми в свое время открывали охоту в Босе, они пожалеют, что их не было рядом.. Как хорошо, что мы в конце концов не превратились в горсть жареных каштанов!...

Это красочное резюме пережитых несчастий позабавило Андре, но вскоре он помрачнел, вспомнив о несчастных загубленных спутниках.

Сняв с коней одеяла, всадники убедились, что животные могут продолжать путь. Лошади, у которых местами была обожжена кожа и обгорела шерсть, конвульсивно вздрагивая, понеслись рысью к реке. Путешественники бросили последний взгляд на бескрайнюю, клубящуюся под ветром завесу из огня и дыма, надежно защищавшую их от новых попыток нападения, и через несколько минут с наслаждением погрузились в спокойные воды Пелуз-Ривер. Купание восстановило силы и людей, и лошадей. Переправившись через реку, охотники оказались всего в десяти километрах от резервации Кер-д'Ален.

Граница резервации, куда государственные деятели Американского Союза водворили на жительство индейцев Кер-д'Ален, шла на западе на десять километров по 117-му меридиану западной долготы по Гринвичу. Южная граница начиналась в месте пересечения 117-го меридиана и 47-й параллели северной широты и тянулась на восток также на десять километров. Если провести линию длиной в десять километров перпендикулярно 47-й параллели на восток, получится правильный квадрат с периметром в 40 километров и площадью 100 квадратных километров.

Итак, охотники переправились через реку всего лишь в десяти километрах от 47-й параллели северной широты и минут через сорок уже были на землях резервации. Полковник Билл показал, где проходит граница индейской территории, и не успели они проехать и километра, как их взору открылось удивительное зрелище.

За полосой невысоких деревьев, безусловно посаженных, чтобы преградить путь ветрам, дующим из прерии, друзья увидели двух мужчин, одетых по-европейски, про-

сто, но чисто. Один из них шел за плугом, который спокойно и ровно тащили два некрупных, но сильных быка. Второй следовал за пахарем шагах в трех, с корзиной в руках и аккуратно бросал в борозду зерна кукурузы.

Легко понять удивление охотников. Они едва спаслись от гибели, перед глазами еще стояли картины кровавого побоища, в ушах раздавались яростные вопли кровожадных врагов. Достаточно было обернуться на юг, чтобы увидеть клубы серого дыма, расстилающегося над прерией. Наконец, обожженные лица и руки ни на минуту не позволяли забыть о бушующем пламени. И вдруг менее чем через час они попали в настоящую сельскую идиллию — контраст был столь разительным, что путешественники не поверили собственным глазам.

Оба пахаря тотчас же заметили их. Первый гортанным криком остановил упряжку, пронзительно свистнул и спокойно снял с плеча винчестер. Его товарищ поставил на землю корзину, моментально освободил быков от ярма, острой палкой отогнал от плуга и тоже взял в руки оружие.

Быки замычали и рысью побежали в сторону, а на поле откуда-то появились две великолепные степные лошади без седел и уздечек, с развевающимися по ветру гривами — это их свистом подзывал пахарь. Оба незнакомца взлетели на лошадей и, судя по всему, собрались умчаться прочь. Но тут вдруг Андре осенило, и он, вытащив из кармана белый платок, замахал им и закричал по-английски:

— Друзья! Не бойтесь... Мы французы!..

Эти несколько слов совершили чудо. Оба незнакомца остановились и подъехали поближе, оставаясь, однако, настороже. Фрике присмотрелся к ним и изумленно воскликнул по-французски:

— Ба! Да это индейцы!

Невозмутимые лица пахарей внезапно расплылись в доброй улыбке. Они закинули оружие за спину, протянули руки и радостно, как дети, поздоровались по-французски.

— День добрый! День добрый!

Затем один спросил:

— Неужто судари французы?

— Из самой Франции? — уточнил второй.

— Да, дорогие друзья, — ответил Андре, взволнованный такой радушной встречей, — мы — французы из Франции. Но кто же вы, раз говорите по-французски?

— Я — Блез, а это — мой брат Жильбер.

— Так вы не индейцы?

— Да индейцы, как не индейцы! Самые настоящие Сердца-Шило, здешние, из резервации. Да пожалуйста к нам, пожалуйста... По-французски-то мы знаем, как не знать. Ведь мы деду Батисту внуки...

— Ну да,— продолжал второй,— Батист — наш дед. А он-то из канадских метисов. Так пожалуйста к нам... лошадки-то ваши, бедные, едва живые... да и вы не лучше... Ну, ничего, за скотиной мы приглядим, пока будете у нас гостить...

Все вместе, не задерживаясь, отправились в путь, оставив плуг в незаконченной борозде. Быки, довольные неожиданной передышкой, спокойно паслись.

Полковник Билл, который, конечно, не понял ни единого слова из этих переговоров, замыкал шествие. Фрике был озадачен видом индейцев, столь непохожих на тех, с которыми он имел дело всего лишь час назад. Парижанин прилагал неимоверные усилия, чтобы ухватить нить разговора, но это ему не вполне удавалось: он плохо понимал речь индейцев, схожую с диалектами крестьян Центральной Франции. Зато для Андре старинные слова, принесенные сюда французскими эмигрантами и благоговейно передаваемые от отца к сыну, как семейная традиция, как воспоминание о земле предков, были вполне привычны. На таком наречии вели дружеские беседы его фермеры в Босе. Временами он почти забывал, где находится, так все напоминало ему французскую провинцию: и речь людей, и аккуратно обработанные поля вокруг. Но разговоры о цели путешествия возвращали к реальности. Андре рассказал новым друзьям, куда они направляются, не умолчал и о вероломном нападении, и о жестоком убийстве своих людей. Блез и Жильбер, слушая его, не могли сдержать возгласов возмущения. Андре узнал, что напавшие на них мерзавцы не принадлежат ни к союзу Просверленных Носов, ни к какому другому племени. Просверленные Носы, по словам индейцев, живут в резервации недалеко отсюда. Они — «люди хорошие», обрабатывают землю, охотятся на пушного зверя и никогда не трогают путешественников.

Однако везде есть и «люди никудышные». И вот «это отродье», воры и убийцы, разбойничают в прерии, грабят и убивают путников, не осмеливаясь, впрочем, подходить близко к резервациям, где их встречают огнем, а то и вешают, если удастся кого-нибудь захватить. В самой резервации опасности нет. Мужчины пятисот семей,

живущих здесь,— не только землепашцы, но и отличные воины и никому не позволят бесчинствовать на своих землях.

Переход оказался для наших путешественников нелегким после пережитых волнений и бешеной скачки через огонь. Наконец они увидели живописную деревню индейцев Кер-д'Ален. Пологие холмы надежно укрывали ее от ветров, дующих с равнины. Хижины, точнее, настоящие домики из необтесанных стволов сосен, привезенных со склонов Скалистых гор, окружали маленькую церковь, расположенную на площади под сенью красивых деревьев.

Женщины в чистых хлопчатобумажных платьях сутились у очагов. Стайки ребятишек, одетых в незатейливые рубашки и штаны, с непокрытыми головами и босиком, носились как угорелые около дома побольше, с широкими окнами. Перед домом сидел старик и сосредоточенно курил деревянную трубку с длинным мундштуком.

— А вот наша школа,— указал Жильбер, как настоящий чичероне*.

— А это наш кюре, он и ребятишек учит,— добавил Блез, довольный тем, что их деревня не похожа на селение дикарей, и иноземцы могут в этом убедиться.

— Как? Школа? — воскликнул пораженный Фрике.

— Ну да! У нас все читать умеют. Всем велено посылать детей в школу...

— Велено? Кем велено?

— Да нашим советом!

— Муниципальным советом, что ли?

— Ну, может, во Франции он так называется, а у нас просто совет старейшин. Мы их всем миром выбираем.

Оба француза и даже американец были потрясены порядком и процветанием, который царил в этом уголке прерий — подлинном оазисе среди пустыни.

К гостям подошел старый кюре, сердечно поздравил иноземцев с прибытием и хотел было пригласить в дом, но Блез и Жильбер желали во что бы то ни стало заполучить гостей к себе. Они что-то сказали старику на индейском наречии, которое, видимо, было для них привычнее, чем франко-канадский диалект.

— Ну хорошо, дети мои, хорошо,— добродушно согласился кюре и обратился к путешественникам на превосходном французском: — Господа, не хочу вас задерживать, но мы с вами еще увидимся. Если общество отшельника,

* Чичероне — проводник, дающий объяснения туристам при осмотре достопримечательностей (в странах Западной Европы, главным образом в Италии).

ставшего на три четверти индейцем, но не позабывшего родину, вас не пугает, приглашаю разделить со мной обед. Обед неважный, но предлагаю от всего сердца,— закончил он с улыбкой.

— Да вы — француз! — взволнованно воскликнул Андре, протягивая собеседнику руку

— Я канадец — значит, почти француз. Могу вас заверить, что канадцы уважают и любят Францию. Но я вижу, вы очень устали, ваши лошади едва передвигают ноги. Блез и Жильбер ждут вас, а мои юные ученики еще не закончили уроки. Так что до скорой встречи, господа!

С этими словами кюре-учитель позвонил в колокольчик. Дети прекратили игры, построились парами и послушно вернулись в школу. Трое путешественников распрощались со священником. Им все еще казалось, будто они видят сон.

Через пять минут братья остановились перед домом, построенным, как и соседние, из толстых необтесанных стволов. Лошадей тотчас же расседлали и задали им корму. Любезные провожатые позвали хозяек, и те буквально перевернули вверх дном скромное жилище.

Как по мановению руки на столе появилась простая, но обильная еда. Запылал огонь, масло, настоящее масло, потрескивало на сковороде, на глазах поднимался и румянился омлет. На деревянном столе были расставлены миски и металлические тарелки. Хлеб, немного темный и немного приплюснутый, но настоящий хлеб, какого никогда не видели в прериях, был вытащен из ящика, напоминавшего классические лари французских крестьян. Вслед за хлебом появилась холодная жареная свинина. Три оголодавших путешественника так и набросились на это деревенское изобилие.

Индейцы, даже цивилизованные, проявляют гостеприимство сдержанно. Пока гости насыщались с аппетитом путников, долго отказывавших себе в еде, хозяева хранили почтительное молчание. После ужина братья, понимая, что трое приятелей нуждаются в отдыхе, предложили им в соседней комнате хорошие кровати, на которых кукурузная солома была покрыта мягкими шкурами бизонов.

Блез отправился чистить лошадей и обмыть их ожоги чистой водой, а Жильбер, как дворецкий, проводил гостей в спальню:

— Доброй ночи вам. Завтра утром поговорим, а то вы совсем замучились. Вот завтра наш старик вернется, он сейчас в поле, и вы все тут у нас посмотрите.

— Да, кстати,— зевая, спросил Фрике.— Можно ли в округе найти бизонов? Ведь мы прибыли из Франции, чтобы поохотиться на бизонов.

— Как не быть! Есть, ясное дело!

— Отлично. И можно устроить охоту?

— Сейчас как раз и охотиться! Именно в эту пору стреляют бизонов, шкуры продают, а мясо заготавливают на зиму.

— Нам повезло! Спасибо за добрые слова, Жильбер, и спокойной ночи.

— Ну, всем доброй ночи!

— Знаете, господин Андре, о чем я сейчас думаю? — спросил Фрике, устраиваясь поудобнее; при этом он зевнул, едва не вывихнув челюсть.

— Не знаю... По-моему, пора спать...

— Еще чуть-чуть, и мне покажется, что я в Босе, накануне открытия охоты. И представить невозможно, что в доме крестьян-землепашцев можно думать об охоте на бизонов, совсем как в романах, которые мне так нравились в детстве. Каков контраст! Что вы на это скажете?

Но Андре ничего не ответил: его уже сморил сон.

ГЛАВА 7

Пробуждение.— Ранний завтрак.— Папаша Батист.— Наводнение на озере Виннипег.— Бедствия.— Кер-д'Ален, какими они были раньше.— В плену варварства.— Доблестные усилия.— Начало цивилизации.— Причины всех войн между белыми и краснокожими.— Лихоимство чиновников в индейских резервациях.— Индейцы восстали.— Сидящий Бык — великий вождь сиу**.— Ужасающий эпизод битвы при Уайт-Маунтине.— Индейцы в Канаде.— Потомок одного из героев Купера — нотариус в Квебеке***.*

Путешественники проспали все утро. Разбудили их яркие лучи солнца, упавшие на постели. В мгновение ока французы и американец уже были на ногах, разом вспомнив события вчерашнего дня со всей ясностью, что вообще характерно для солдат, моряков и всех тех, кто ведет жизнь, полную приключений.

* Виннипег — озеро в Канаде. Впадают реки Саскачеван, Ред-Ривер; вытекает река Нельсон.

** Сиу, дакота — индейские племена в Северной Америке, говорящие на языках группы сиу.

*** Квебек — город и порт в Канаде, в устье реки Святого Лаврентия.

Едва гости поднялись, как увидели улыбавшегося в седую бороду старого кюре, который спокойно попыхивал деревянной трубкой. Рядом с ним стоял гигантского роста старик, крепкий как дуб. По смуглой, но светлее, чем у индейцев, коже в нем угадывался метис. В его резких чертах было некоторое сходство с двумя молодыми индейскими пахарями. Трое охотников сразу догадались, кто перед ними, а кюре представил им старейшину племени Жана-Батиста Картье, или попросту папашу Батиста.

Восьмидесятилетний высокий старик пожал каждому руку с такой силой, что косточки затрещали. Без долгих слов, как будто бы охотники уже стали членами семьи, он проводил гостей к столу.

— Как! Уже завтракать? — воскликнул изумленный Фрике.

— Да, молодой господин, — ответил старик. — Не знаю, как там у вас, на «старой родине», но у нас считается, что беседовать лучше сидя, чем стоя, и за накрытым столом, а не за пустым. Не так ли, ваше преподобие?

— Твоя правда, дорогой Батист.

— Совершенно с вами согласен, — сказал Андре. — Но где же наши друзья, ваши внуки Блез и Жильбер?

— Парни пошли по делам... вам помочь хотят, — ответил Батист, бросив на кюре взгляд заговорщика. — К вечеру вернутся. Так если все согласны, пошли к столу, земляки, и вы с нами, господин американец.

Все расположились за просторным деревянным столом, буквально ломившимся от снеди. В середине возвышалась пирамида великолепных фруктов: яблок, персиков, груш, винограда, абрикосов, — эта картина могла привести в восторг создателя натюрмортов и вызвать слюнки у гурмана. Три друга были восхищены, однако мягко попеняли хозяину за расточительство. Папаша Батист добродушно улыбнулся:

— Это мой друг кюре весь свой сад опустошил. Он собирался увести вас к себе, а мне хотелось здесь поговорить. Ну да ведь что у одного, что у другого — все равно у нас.

Что бы там ни думал Фрике о ранней трапезе, он с увлечением воздал должное еде, чем сразу завоевал симпатии хозяев.

Что касается американца, то и он, несмотря на отсутствие соленого сала, пресного хлеба и воспламеняющей отравы, с аппетитом принялся за еду. Ковбой больше

слушал, чем говорил, чувствуя себя немного не в своей тарелке, однако сохранял все свое достоинство.

Естественно, речь зашла о поистине чудесном процветании маленького племени Кер-д'Ален — Сердец-Шило, известного лишь специалистам-географам.

— Поверьте мне, это далось нелегко, — сказал кюре. — Когда почти сорок лет назад мы оба пришли сюда, наши индейцы были совершенными дикарями. Вы и представить себе не можете, сколько потребовалось терпения, неимоверных усилий, неблагодарного труда.

— Так расскажите поподробнее. Ведь это результат вашей благотворной деятельности, ваше преподобие. Приобщение небольшого народа к цивилизации — процесс чрезвычайно интересный и волнующий.

— С удовольствием, мой молодой друг. Рассказ будет недолог. Как я уже вам говорил, почти сорок лет назад Батист и я жили около озера Виннипег, в маленьком канадском поселке, от которого теперь и следа не осталось. Однажды ночью невиданное наводнение за несколько часов снесло деревеньку и поглотило большую часть ее жителей. Я чудом спасся, уцепившись за обломок доски. Утром меня прибило к дереву, уже подмытому водой. На нем сидел мужчина, полуживой от страха и холода, прижимая к груди мальчика лет двенадцати. Я узнал Батиста и его младшего сына.

«Где твоя жена?» — с тревогой спросил я. «Погибла». — ответил Батист. «А дети?» — «Утонули. Мне удалось спасти только одного». — «Что с твоим домом?» — «Смыт водой». — «А скот?» — «Пропал...»

И мы оба заплакали. Затем попытались согреть бедного мальчика, который едва дышал. Нас подобрала какая-то лодка и доставила в Сент-Бонифейс на Ред-Ривер*.

Там мне посчастливилось встретить отца де Смета, просветителя сию. Его влияние на эти дикие племена было столь велико, что, по признанию самих американцев, отец де Смет мог словом остановить войну.

Я был молод и силен, поэтому миссионер попросил меня перейти вместе с ним границу и помогать ему. Я принял предложение. Батист вместе с сыном пошел с нами. Сердце моего бедного друга осталось в водах озера Виннипег, и ему было безразлично, куда идти.

Я многому научился у отца де Смета... Потом он вер-

* Ред-Ривер — река в Северной Америке (бассейн озера Виннипег).

нулся в Дакоту, а мы добрались до Верхней Миссури*, миновали земли мандан**, или гро-вантров, и подошли к Скалистым горам, переход через которые стоил нам больших усилий. Мы шли еще долго-долго и совершенно измучились, пока не встретили племя индейцев — охотников на бизонов, говоривших на малопонятном для нас языке. Это были настоящие варвары, имевшие лишь смутное представление о добре и зле, жестокие, неспособные — по крайней мере так нам показалось сначала — испытывать добрые чувства.

Индейцы привели нас в деревню, состоявшую из хижин, покрытых шкурами бизонов, и долгое время заставляли выполнять самые тяжелые и грязные работы, а кормили мало и плохо. К счастью, мы оказались выносливыми, правда, Батист?

— Конечно, ведь мы оба — настоящие канадцы!

— Так прошли годы, без малейшей возможности, даже без надежды вновь обрести свободу. Мы были рабами, и даже дети наших хозяев первое время жестоко нас мучили, но потом в конце концов подружались с нами. С самого начала мы поняли: лучшее, точнее единственное, средство вырвать этот несчастный народец из плена варварства — овладеть умами и душами детей. И нам это удалось, хотя результатов мы ждали очень и очень долго...

— Что и говорить, задача была не из легких,— прервал рассказ кюре старый Батист.— Я сам наполовину краснокожий, но никогда не думал, что индейцы могут быть такими дикарями!

— Развлекая детей, я старался учить их. И был вознагражден за труды: дети делали быстрые и неожиданные успехи. Так прошло десять лет. Сын Батиста вырос в сильного мужчину, его усыновило племя, и он даже, несмотря на молодость, стал помощником вождя. Я женил его на девушке, которая родила Блеза и Жильбера.

Наше положение изменилось. Взрослые индейцы, сами того не сознавая, оказались под влиянием детей, а это было и наше влияние. Мало-помалу племя отошло от варварских нравов и обычаев. Кроме того, нам удалось привязать их к земле, приучить к оседлому образу жизни. Они увидели, что двое мужчин, возделывая пшеницу и кукурузу с помощью детей, избавляли все племя от угрозы

* Миссури — река в США, правый приток Миссисипи.

** Манданы — североамериканские индейцы из группы сиу.

голода. И индейцы начали распахивать целину, сеять и собирать урожай.

Это был полный успех, и я имел счастье сообщить моему глубокоочтимому другу отцу де Смету, что его воля исполнена.

Таково было начало новой жизни маленького народа, у которого вы сейчас в гостях. Я сказал: начало, ибо нам предстояло еще многое сделать, чтобы завершить начатое. Прежде всего необходимо было обеспечить наших названных братьев землей, где они могли бы жить в полной безопасности. Дело нелегкое даже в те давние годы, поскольку волны поселенцев уже захлестывали Запад и Северо-Запад. Мы должны были добиться учреждения резервации.

Правительство Союза охотно выделяло индейцам территории и гарантировало им собственность на землю. Белые не имели права основывать там постоянные поселения, обрабатывать поля и ввозить, даже для собственного употребления, спиртные напитки. Эти территории, предназначенные в принципе только для индейцев, и образовывали резервации. Я сказал «в принципе», ибо на деле эти гуманные законы не всегда соблюдались.

Понимаете, как только земли закрепляют за индейцами, возникают новые трудности. Часто на территориях, которые считались бесплодными, обнаруживают полезные ископаемые, или по проекту через них должна пройти железная дорога, или же там оказывается ценная древесина. Являются эмигранты, нарушающие правительственные декреты о резервациях. Естественно, индейцы оказывают сопротивление. Вспыхивают ссоры, перестрелки, резня. И с той, и с другой сторон снимают скальпы...

— Как! Белые тоже снимают скальпы? — возмутился Фрике.

— Спросите полковника,— спокойно сказал священник.

— Точно,— кратко ответил американец, не переставая жевать.

— Вмешиваются федеральные войска, и после более или менее ожесточенных боев индейцы отступают. Они вынуждены по новому, навязанному им договору уходить на другие земли, часто очень далеко, в новые резервации, которые, в свою очередь, опять становятся яблоком раздора.

— Знаете, полковник,— не удержался от замечания

Фрике,— ваши соотечественники ведут себя просто отвратительно.

Ковбой проглотил большой кусок и молча развел руками, как бы говоря: «А я что могу сделать?»

— Но и это еще не все,— продолжал кюре.— Вы знаете, что индейцы-кочевники питаются почти исключительно мясом бизонов. Но, во-первых, бизоны, на которых безжалостно охотятся белые трапперы, убивающие их тысячами ради шкур, постепенно исчезают. Во-вторых, резерваций, где размещают индейцев, становится все меньше и меньше, и для них выбирают земли, где пастбища бедны. Бизоны редко заходят на эти территории...

К полковнику неожиданно возвратился дар речи.

— Но, ваше преподобие,— перебил он кюре,— ведь правительство Союза регулярно снабжает индейцев мясом, инструментами, одеждой, одеялами и прочим. Есть специальные чиновники, которых называют агентами по делам индейцев, думаю, вы об этом знаете.

— В принципе идея неплохая. Но в действительности эти меры опять же приводят к противоположным результатам,— ответил кюре.— Чиновники набираются среди агентов по выборам. Они получают должность в награду за свои услуги и хорошо знают, что место останется за ними только до тех пор, пока их партия находится у власти, поэтому думают лишь о том, как бы скорее нажиться. Сами понимаете, излишней щепетильностью эти люди отнюдь не грешат, везде процветает безбожное лихоимство. Сенат* установил, что иногда чиновники присваивают больше половины кредитов, предназначенных индейцам. К чему это приводит? Несчастные краснокожие, умирающие с голоду, добывают пропитание с оружием в руках, нападая на фермеров в пограничной зоне. Вот так начинаются все войны с индейцами. Достаточно вспомнить ужасную Семинольскую** войну, стоившую Соединенным Штатам многих человеческих жизней и денег, или совсем недавнюю войну между федеральными войсками и племенем сиу, продолжавшуюся с тысяча восемьсот семьдесят четвертого по тысяча восемьсот семьдесят седьмой год.

— Вы говорите о кампании, которую успешно провел

* Сенат — здесь: название верхней палаты парламента США.

** Семинолы — племя североамериканских индейцев — коренных жителей Флориды.

знаменитый Сидящий Бык, великий вождь сиу-оглала? Он тогда показал удивительное умение вести маневренную войну,— заметил Андре.

— И дал жару генералу и полковнику,— добавил Фрике.

— Генералу Кастеру и полковнику Круку,— уточнил американец с серьезным видом.— Сидящий Бык одержал победу, потому что был сильнее. Но он, по-моему, перестарался после битвы при Уайт-Маунтине, когда геройски погибли Кастер и Крук.

— А что тогда случилось?

— Ну, это всем известно... Сидящий Бык приказал принести оба трупа, вскрыл им грудные клетки, вынул сердца и съел на глазах у своих солдат*. В конце концов,— миролюбиво заметил полковник,— я на него зла не держу, хотя Кастер и был моим старым другом. Если уж индейского вождя простили государственные деятели Американского Союза, то я тем более прощаю. Сидящему Быку удалось на какое-то время скрыться в Канаде, на равнинах Манитобы**, затем он договорился с федеральными властями, которые согласились забыть прошлое и гарантировали ему все привилегии по договору, заключенному еще до войны.

— Не может быть!

— Все обстояло именно так, как я имел честь вам рассказать. Сидящий Бык вновь перешел границу и обосновался с семью тысячами своих подданных в Стэндинг-Роке, в Дакоте. С тех пор он приохотился к сельскому хозяйству, построил дом, время от времени наносит визиты властям и живет в добром согласии с соседями.

— Лучше было бы,— продолжил священник,— честно соблюдать статьи договора и избежать этой войны, тем более само федеральное правительство признало, что вина лежит на его агентах. Ведь почти не было случаев, чтобы индейцы первыми нарушали соглашения, хотя на них зачастую возводят напраслину. И вот, учтя этот опыт и не желая ставить наших друзей-индейцев в зависимость от капризов и жадности правительственных чиновников, а также рассчитывая научить их полагаться только на свои силы, мы решили добиться учреждения резервации. Но я заявил, что никакой раздачи пищи и вещей не будет.

* Исторический факт. (Примеч. автора.)

** Манитоба — провинция в центральной части Канады. Административный центр — г. Виннипег.

Я поехал в Вашингтон и изложил свои доводы министру. Он все понял и тотчас согласился со мной. Ободренный таким благожелательным приемом, я предложил ему организовать нашу резервацию по канадскому образцу, что обещало прекрасные результаты. В порядке исключения и в некотором роде пробы министр дал согласие и на это.

По этому соглашению относительно большая территория, на которой с незапамятных времен селились индейцы Кер-д'Ален, была передана в собственность правительства за двенадцать тысяч долларов. Под резервацию выделили сто квадратных километров у подножия восточного склона Скалистых гор, в долине реки Колумбия.

Двенадцать тысяч долларов я выгодно положил в банк, а проценты использовал на благо нашей маленькой общины. Деньги расходовались на постройку школы и церкви, на содержание детей, на помощь старикам и инвалидам. Остальные могли рассчитывать только на свой труд.

Наши люди мужественно принялись за дело. Мы распахивали целину, строили, сеяли, осенью собирали урожай. Индейцы с большим рвением начали разводить скот и вскоре стали владельцами прекрасного стада. Часть скота ежегодно идет на продажу соседям, американцам и краснокожим.

Таким образом, угроза голода была устранена. И если время от времени наши индейцы еще охотятся на бизонов, то вовсе не по необходимости. Ими движет инстинкт предков, которые любили жестокие схватки, борьбу со зверем, бешеные скачки по бескрайним просторам прерий.

Все наши молодые люди умеют читать и писать, говорят, кроме родного языка, на английском, которому я их обучил, как мог, а также на нашем добром старом франко-канадском наречии. Некоторые индейцы стали умелыми ремесленниками, и все очень привержены сельскому труду.

Мы живем счастливо, в трезвости — сюда запрещено ввозить спиртные напитки — и даже можем помочь соседям, если в их резервациях свирепствует голод.

Вот, господа, как у нас обстоят дела. Наша маленькая республика управляется избранными вождями, а возглавляет ее уже более двадцати лет мой добрый друг Батист. Что касается меня, то я остаюсь духовным пастырем, а в дела мирские не вмешиваюсь.

Кюре закончил свой рассказ, но слушатели не сразу решились нарушить молчание, находясь под обаянием его убедительных и спокойных слов.

Первым заговорил Андре.

— Позвольте,— сказал он,— выразить вам мое восхищение и склониться перед вашей скромностью и вашим служением долгу. Мы во Франции не знакомы с индейским вопросом, точнее, мы вспоминаем о нем лишь в связи с отвратительными эксцессами, которые возникают по вине американцев. К сожалению, это вызывает со стороны индейцев ответную жестокость. Ведь государственные деятели Американского Союза считают уничтожение краснокожих единственно возможным решением индейского вопроса. Они оправдывают лихоимство своих чиновников, заявляя, что индеец просто не способен к оседлому образу жизни и даже к начаткам цивилизации. Так ведь? Полковник Билл, ответьте мне чистосердечно.

— Точно,— поколебавшись, кивнул ковбой.

— Я счастлив, что могу на деле доказать обратное,— живо подхватил кюре.— Кроме того, нынешнее положение индейцев Канады свидетельствует, что приобщение индейцев Кер-д'Ален к цивилизации — факт не единичный. Доброта, честность, верность данному слову побеждают самые ожесточенные натуры. История Канады дает этому многочисленные примеры.

Когда французы заняли Канаду, там жили племена, родственные сиу, апачам*, семинолам и индейцам Союза Змей. Но французы всегда соблюдали договоры, а колониальное правительство, не колеблясь, сурово наказывало тех, кто притеснял «дикарей», как тогда называли индейцев... Так их иногда называют и сегодня, даже в официальных документах, впрочем, само слово не содержит ничего оскорбительного.

Французская политика оказалась верной. Во время всех войн, которые французы были вынуждены вести против англичан, племена краснокожих были союзниками Франции и оставались друзьями наших соотечественников даже в самые черные дни.

И позднее, после поражения Франции, когда Канада

* Апачи, дене (самоназвание) — группа атапаскских народов в США (штаты Аризона, Нью-Мексико, Оклахома). Языки составляют южную ветвь атапаскских языков.

окончательно отошла к Англии*, индейцы, убедившись, что новые хозяева сохраняют традиции французов, установили с англичанами самые дружественные отношения.

В Канаде не было ни одной войны с индейцами. Более того, племена, сохраняя свои общины, схожие с русским «миром», настолько слились с белым населением, что во многих местностях трудно найти чистокровных краснокожих.

Несомненно, индейцы весьма восприимчивы к цивилизации. Вспомним, например, о последнем вожде племени Черепях, потомке знаменитого Чингачгука, подвиги которого воспел Фенимор Купер. Так вот, этот краснокожий стал нотариусом в Квебеке.

А теперь, господа, если вы хотите своими глазами увидеть труд цивилизованных дикарей, милости просим, мы проводим вас по территории резервации. Кони ждут нас. Позвольте мне показать вам как почетным гостям наши земли, прежде чем вы отправитесь на большую охоту на бизонов.

ГЛАВА 8

*Удивлению путешественников нет предела.— Индейцы сегодня.— К вопросу о скальпах.— Денежная единица ковбоев.— Сюрприз.— Найденная повозка.— Инвентаризация.— Неожиданные богатства.— Виски.— Андре расстреливает нарушителей границы.— Отъезд.— «Плохие» земли.— Прерия в цвету.— Размышления практичного человека.— Равнина шалфея**.— Вот и бизоны!*

Чудеса, созданные терпеливыми тружениками Кер-д'Ален, превзошли ожидания французов и даже американца. Из этой экскурсии Фрике и Андре поняли, что индейцы восприимчивы к цивилизации в самом широком смысле слова. Более того, образ жизни белых весьма благоприятен для развития и процветания коренных жителей Америки.

Ковбой чувствовал, что его недоверие к индейцам

* ... Канада окончательно отошла к Англии...— Французская колонизация Канады началась в XVI веке, английская — в начале XVII века. После длительной англо-французской борьбы Канада в 1763 году стала английской колонией.

** Шалфей — род многолетних травянистых растений и полукустарников семейства губоцветных.

пошатнулось, и охотно соглашался, что его соотечественники уж слишком скоры на расправу, когда речь идет о «краснокожих братьях». Он тоже считал, что в общем-то лучше договариваться мирным путем, поменьше стрелять, а еще меньше снимать скальпов.

— К сожалению,— сказал он,— не все индейцы просвещены такими святыми людьми, как этот почтенный священник и этот достойный метис. А что, если бы вместо них сюда пришли два разбойника с большой дороги или просто пара ковбоев, не слишком щепетильных и признающих только один закон — закон прерий? В этом случае индейцы стали бы не мирными тружениками, а отъявленными мерзавцами вроде тех, от которых нам чудом удалось улизнуть.

— Не очень-то вы добры к ковбоям, мой дорогой полковник,— резонно заметил Фрике.

— Что вы хотите, друг мой! Я отдаю им должное, работать мои товарищи умеют... Но вынужден признать, что понятие собственности они толкуют... весьма широко, и человеческую жизнь не очень-то уважают. В общем, белые и индейцы договориться не могут, и от этого еще немало народу пострадает и немало скальпов снимут.

— Вы уже говорили, полковник, что и белые этим не брезгают. Но им-то зачем? Индейцы снимают скальпы по обычаю, для них это зримое свидетельство победы и отваги. И, к слову, я прекрасно понимаю, что они хранят скальпы, подобно тому, как наши охотники сохраняют голову кабана или рога оленя. В принципе я готов их оправдать: невежество, предрассудки... Но ваши соотечественники — люди практичные. Деньги для них важнее, чем тщеславие. Ими движет не корысть, не верность традиции...

— Вы абсолютно правы, мистер Фрике,— ответил полковник,— но эти джентльмены без предрассудков охотятся за скальпами именно из корысти. Знаете ли вы, что скальп индейской женщины стоит больше десяти долларов?

— Как! — с негодованием воскликнул Фрике.— Эти негодяи убивают женщин из-за пятидесяти франков!

— Да!

— Какой ужас! Но ведь можно просто срезать волосы! Это отвратительно, но поправимо. И не было бы чудовищного преступления.

— Полный скальп, то есть кожа с волосами, ценится куда выше. Коллекционеры индейских редкостей платят

за скальп хорошие деньги и охотно выставляют его среди своих трофеев... Этот товар пользуется спросом. Наконец, те, кто не в ладах с законом — а таких в прерии немало, — расплачиваются скальпами вместо наличных денег. Скальпы меняют на револьвер, патроны, одеяло, бутылку виски. Хозяева баров на границе принимают их в оплату за продукты и выпивку. Скальпы воинов ценятся меньше, поскольку волосы у них короче — искусники парикмахерского дела не могут сделать из них накладные косы для наших модниц. Поэтому мужские скальпы обменивают у индейцев на женские.

— Неужели индейцы покупают скальпы своих сородичей? — спросил ошеломленный Фрике.

— Конечно. Молодые войны, у которых еще не было случая убить врага, идут на эту подлость, чтобы украсить себе пояс, патронташ или мокасины окровавленным скальпом. Они выменивают их у белых на шкуру бизона и, гордые, возвращаются к своим. Храбрецов хвалят старики, им улыбаются девушки, тем более что никто не знает, откуда взялись эти трофеи.

— Ничего не скажешь! Теперь я понимаю, почему на границе так беспокойно.

В ожидании обеда все трое прогуливались на площади и беседовали, как вдруг из школы, прыгая и толкаясь, высыпали ребятишки и разлетелись, как стайка воробьев. Вскоре дети с веселыми криками вернулись на площадь, радостно приветствуя отряд вооруженных всадников, сопровождавший тяжелую повозку, которую с трудом тянули быки.

— Не может быть! Наша повозка! — воскликнул Андре, не веря своим глазам.

— Невероятно, но факт, — заметил Фрике. — Но, черт возьми, откуда она взялась?

— Это сюрприз, который мы вам приготовили, — раздался позади них дружелюбный голос.

Охотники обернулись и увидели кюре, покуривавшего трубку.

— Батист сразу после вашего приезда послал Блеза, Жильбера и их отца и еще пятьдесят мужчин, чтобы посмотреть, нельзя ли что-нибудь спасти после случившегося несчастья, и достойно похоронить ваших бедных спутников. Они прошли по вашим следам до лагеря... Сейчас узнаем, что же они обнаружили...

Быков распрягли, повозку поставили в сарай рядом с домом Блеза и Жильбера. Их отец, командовавший

экспедицией, тоже Батист, или, как его называли, «малыш Батист», хотя ему было за пятьдесят и ростом он был под два метра, доложил старейшине о результатах вылазки.

Трое охотников еще не видели отца Блеза и Жильбера, но сразу же поняли, что это он, так как сын был очень похож на старика, только с более темным цветом лица. С отцом он разговаривал чрезвычайно почтительно, словно ребенок. Батист-младший изъяснялся на довольно правильном английском. Это очень обрадовало американца: ковбой совершенно не понимал франко-канадского наречия.

Рассказ был кратким и точным, достойным по стилю героев Тацита*. Отряд, достаточно большой, чтобы не опасаться грабителей, сразу же обнаружил следы охотников. Приобщение к цивилизации не лишило индейцев исключительного умения читать книгу прерий. Так они дошли до Пелуз-Ривер, переправились через реку, нашли следы на сгоревшей траве на другом берегу и добрались до лагеря.

Огонь, уничтожив траву вокруг, пощадил песчаный островок, лишенный растительности. Грабители же бежали от зажженного ими пожара, стремительно продвигавшегося на юг. Они рассчитывали в скором времени вернуться за поживой, но не успели.

Итак, индейцы Кер-д'Ален вырыли глубокую яму и похоронили убитых. Затем быстро впрягли в повозку быков, которых взяли с собой на этот случай, и направились в резервацию. Добрались они без всяких происшествий. Вот и все!

Андре поблагодарил воинов и, по совету хозяев, осмотрел содержимое повозки. Он убедился, что груз был разграблен не полностью, видимо, в тот момент, когда убивали охрану. Взяли только одеяла, шкуры бизонов, часть одежды и кое-что из сбруи — все, что можно увезти на верховой лошади.

Продовольствие осталось почти нетронутым. Тяжелые дубовые ящики с оружием и боеприпасами были обиты медью и железом и, судя по следам на них, выдержали удары топора. В конце концов это было главным, и Андре не скрывал своей радости. Он боялся остаться без охотничьего снаряжения: ведь французы взяли с собой только три винчестера и немного патронов.

Продолжая осмотр, Бреван обнаружил под грудой ко-

* Тацит (ок. 58 — ок. 117) — римский историк.

робок и ящиков четыре бочонка литров на пятьдесят каждый — грабители их не нашли. Он распорядился немедленно вынести находку на середину сарая и спросил, нет ли у хозяев бурава или пробойника.

— Впрочем, не надо,— решил француз, немного подумав,— у меня под рукой есть кое-что, чтобы легко проделать дырки.

Андре отошел шагов на двадцать, вытащил превосходное оружие, известное под названием «пограничный револьвер», крупного калибра, с дальностью боя до 300 метров, и открыл огонь.

Пули пробили бочонки насквозь, словно фанеру, запахло спиртом, и тонкие струйки растеклись по земле.

— Какого дьявола! Генерал! Что вы делаете? — вырвалось у изумленного американца.

— Сами видите,— улыбнулся Андре,— расстреливаю нарушителей границы.

— Но это же наши запасы виски!

— Вот именно. Ввоз этой отравы на территорию резервации воспрещен, и я следую мудрому закону.

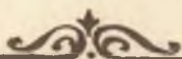
— А для нас потеря невелика, ведь мы не пьем. Правда, господин Андре? — заметил Фрике.— Вот только вам, бедный полковник, придется обойтись без ежедневного стаканчика. Но что поделаешь! Закон есть закон. А «молоко от бешеной коровки» очень вредно для индейцев.

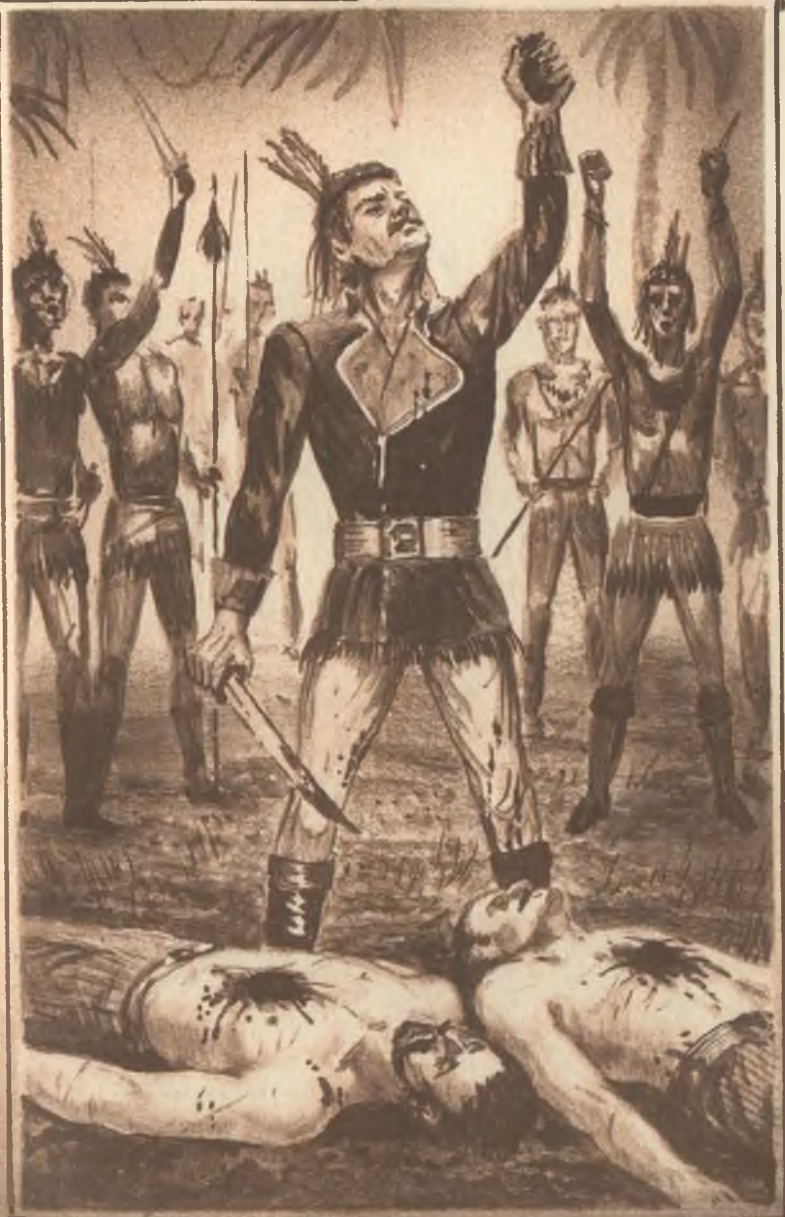
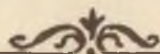
Полковник, вынужденный смириться, вознаграждал себя за потерю виски двойной порцией табака, которую тут же засунул за щеку, раздувшуюся словно от флюса. Индейцы, несмотря на обычную сдержанность, от души смеялись, наблюдая за происходящим; особенно их веселил удрученный вид американца.

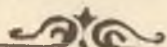
Старейшина, видя нетерпение гостей, совершивших столь долгое путешествие ради бизонов, приказал ускорить подготовку к ежегодной большой охоте. Он выбрал лучших охотников, раздал им патроны, велел отобрать самых выносливых и вышколенных коней и дать свежих лошадей гостям, поскольку их кони были измучены скачкой через прерию и покрыты ожогами.

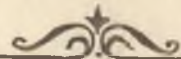
Приготовления заняли целый день. На следующее утро отряд в пятьдесят всадников под командованием Батиста-младшего покинул деревню. За верховыми следовала повозка наших путешественников, в которую вместо медлительных быков были впряжены сильные лошади. Кроме того, имелись три легкие индейские повозки. Экспедиция медленно двинулась на северо-запад и в тот

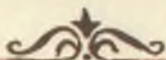

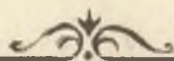

же день пересекла границу резервации. Обработанные поля закончились, и потянулась дикая прерия.

Хотя оба француза уже к какой-то мере свыклись с видом прерии, они с восторгом и восхищением смотрели на бескрайнюю зеленую равнину в цвету, вдыхая полной грудью тонкие ароматы, разлитые в воздухе, и, как истинные парижане, истосковавшиеся по девственной природе, любовались и не могли налюбоваться этой волшебной красоты картиной.

Однако индейцы называли эти места «плохие земли», ибо равнина, несмотря на все красоты, была непригодна для пастбищ. Фрике и Андре пришли в восторг и не обращали внимания на ворчание американца, который время от времени громко вопрошал, где же бизонья трава.

Терпение, полковник, терпение! Всему свое время! Впрочем, «плохие земли» тянулись не так далеко, и их необычная красота заслуживала того, чтобы описать местность поподробнее. Представьте себе цветник, который простирается до горизонта, но цветник густой, плотный, как хлебное поле, где нет ни деревца, ни кустика, ни ручья, ни кусочка голой земли без зеленой травы. Это было какое-то безумное изобилие великолепных цветов, устилавших землю сплошным ковром.

Все цвета, все оттенки присутствовали на огромной палитре, но, удивительное дело, они не смешивались пестро и беспорядочно, а словно подчеркивали красоту друг друга, создавая некую завершенную гармонию. Цветы в прериях росли как бы семьями, образуя довольно обширные поляны, своего рода клумбы. Один цветущий массив переходил в другой, оттенки словно переливались.

В одном месте взор неудержимо притягивала необычная группа гелиантов-подсолнухов, от их пламени рябило в глазах. Там, где кончались золотые гелианты, начиналась настоящая симфония красного, пурпурного, малинового, бледно-фиолетового: цвели монарды — пенсильванский чай. Бросались в глаза разноцветные — то белые, то бледно-розовые, то светло-желтые, то бронзово-зеленые головки клеоме*. Затем взгляд привлекала шелковистая трава асклепия и темно-синие акониты**, яд которых смертелен для человека.

Еще дальше этот великолепный ковер полевых цветов словно затягивался тонкой дымкой: преобладали бледно-

* Клеоме — род трав и полукустарников семейства каперсовых

** Акониты — род многолетних трав семейства лютиковых.

голубые тона, которые постепенно, ближе к горизонту, переходили в серые. По какой-то необъяснимой странности природа, словно забавляясь, приглушила буйство красок: изобилие цветов исчезало, уступая место единственному растению — серовато-голубому шалфею.

Вскоре охотники приблизились к равнине, названной путешественниками «прерия шалфея». Ковбой, равнодушный к несравненным красотам природы, меланхолично пережевывая табачную жвачку, приподнялся на стременах, оглядел горизонт и произнес:

— Ну наконец-то! А то уже надоели эти пустоши. Сюда никакая дичь не забредет, ни палки, ни ветки не найдешь, не на чем вскипятить чай или поджарить мясо. Еще несколько часов, кончится этот шалфей, и начнется бизонья трава, нормальная прерия, где можно устроить ранчо и где пасутся антилопы, олени и бизоны... Ей-богу, джентльмены, о вкусах не спорят, но мне не понять, почему вы приходите в восторг от этой поросли, которая абсолютно никуда не годится. Даже наши бедные лошади не хотят ее жевать. Черт возьми, я сюда приехал не гербарий собирать, а охотиться.

— Прекрасное умозаключение! — ехидно заметил Фрике. — Вы очень практичны, полковник!

Предсказание американца полностью оправдалось, но несколько позднее назначенного им срока. Только на следующий день охотники достигли прерии шалфея и еще целый день ехали через нее. Затем монотонная равнина уступила место зарослям дикой малины и густым кустам шиповника с мелкими белыми и красными цветами. Через прерию полосой тянулось высохшее болото, кое-где рос низкий жесткий тростник. Земля была местами вытоптана и изрыта ямами, похожими на воронки.

Индейцы, не слезая с лошадей, осмотрели следы и обменялись короткими фразами, затем, вглядываясь в горизонт, оценили погоду. Руководитель охоты, человек осторожный, не стал полагаться на волю случая и скомандовал привал. Отряд остановился, всадники спешили и взяли лошадей под уздцы, ожидая дальнейших распоряжений.

Батист, не теряя времени, назначил несколько разведчиков и направил их в разные стороны. Затем, указывая на север, произнес слова, от которых сердца французов забились чаще. Что и говорить, их волнение было бы понятно любому охотнику:

— Господа, еще немного терпения! Бизоны совсем рядом...

ГЛАВА 9

Бизон.— Его внешний вид и образ жизни.— Бизоны останавливают поезда.— Как используется шкура бизона.— В дороге.— Маневры.— Преследование.— Бешеная скачка.— Стычки.— Дерзость индейцев.— Бык нападает на Фрике.— Первый выстрел.— Пуля «Экспресс».— Парижанин сразил бизона и произведен в майоры.— Трофей.— Невелика кисточка, да дорога!— Бойня.— Подвиги Андре.— Дуплет.— Охота завершена.

Внешний вид бизона и его образ жизни заслуживают краткого описания. Американцы неверно называют бизона buffalo, но это слово в строгом смысле слова приложимо к французскому buffle, то есть к буйволу, с которым бизон имеет мало сходства, хотя и принадлежит к одному виду.

Из животных Северной Америки бизон, без сомнения,— самое замечательное и самое полезное создание. Он гораздо крупнее наших европейских быков и весит в среднем 800 килограммов, старые же самцы достигают 1200 килограммов.

Бизона отличают огромная голова с широким треугольным лбом и горб на спине, заросший длинной, густой и жесткой гривой, покрывающей всю переднюю часть тела. Задняя же часть, лишенная длинной шерсти, узкая и короткая, непропорционально мала. Голубоватые глаза, прикрытые щетиной гривы, тревожно блуждающий взгляд, короткие и плоские черные рога, словно железные шипы, вбитые в крепкий, как гранит, череп, ноздри в непрерывном движении — все создает устрашающий образ. В бизоне словно материализовалась грубая и неразумная сила. Глядя на него, чувствуешь, что этот огромный бык готов бросаться на все, что его раздражает, с неодолимым тупым напором.

Зимой шерсть бизона приобретает прекрасный черный блеск. Ближе к весне она постепенно желтеет, становится серо-коричневой, затем — цвета пакли и линяет с началом жаркого сезона. Но грива всегда остается значительно темнее. В ней отчетливо видны как бы два слоя: длинные, грубые и жесткие волосы, и очень тонкий мягкий подшерсток, который ценится выше шерсти мериносов*. Длин-

* Мериносы — порода тонкорунных овец.

ная шерсть покрывает голову, грудь, горб, верхнюю часть передних ног и образует метелку на конце хвоста; короткая же покрывает все тело бизона и служит животному надежной защитой зимой, позволяя переносить самые сильные морозы.

Раньше, во времена переселения в Америку первых европейцев и даже в конце прошлого века, бизонов было бесчисленное множество и обитали они на большей части территории Соединенных Штатов. Но животные неуклонно отступали под натиском цивилизации. Их беспощадно преследовали охотники — как белые, так и индейцы. Жестокость, с которой убивали бизонов, не оправдана ни голодом, ни жадностью до наживы: ведь люди не могли съесть все мясо убитых животных или забрать все шкуры. Сегодня численность бизонов сильно сократилась и стада уходят в места, где еще нет людей. Можно с уверенностью предсказать, что скоро бизонов постигнет печальная участь европейских зубров — этот процесс завершится через два-три поколения.

В настоящее время территория, где охотники еще могут найти большие стада, тянется широкой полосой от Скалистых гор к реке Миссисипи*. Но бизоны попадают лишь в верховьях Миссисипи, не дальше ее слияния с Миссури. В Мексике их почти нет, но они водятся в Техасе, в частности, в районе рек Бразос и Колорадо.

Раньше бизоны никогда не переходили Скалистые горы, однако сейчас крупные стада вышли в долины на их западных склонах, в верховья реки Саскачеван. Эта миграция была вызвана, как мы уже говорили, истребительной войной, которую ведут против бизонов белые охотники за шкурами и индейцы. Животные вынуждены искать спасение в затерянных долинах, куда раньше никогда не заходили. К северу зона распространения бизонов ограничена линией, образованной рекой Пис и Невольничьим озером. На северо-западе еще можно увидеть многочисленные стада в районе озера Виннипег и реки Ред-Ривер. Но и здесь, как и повсюду, бизонов безжалостно уничтожают.

Бизоны — животные бродячие, но их нельзя считать мигрирующими в полном смысле слова. Дело в том, что их переходы, в отличие от миграций других животных, лишены периодичности и регулярности: бизоны никогда не

* Миссисипи — река в США, одна из крупнейших в мире. Впадает в Мексиканский залив Атлантического океана.

движутся к какой-то определенной цели, а только ищут водопой и обширные, богатые пастбища. Сезон и направление движения постоянно меняются. Часто стадо разделяется на несколько групп, которые под воздействием каких-то факторов разбредаются в разные стороны.

Невозможно передать словами мощь и неудержимость движения бизонов во время этих переходов. Они идут, как лавина, как бурный поток. Стадо преодолевает реки, ущелья, овраги, горы, не обходя преграду, а атакуя ее в лоб, и за ним тянется зловещий шлейф из трупов погибших сородичей.

Вскоре после открытия Тихоокеанской железной дороги, случилось, что поезда, на полном ходу встречая стадо, вынуждены были останавливаться и стояли до тех пор, пока все бизоны не переходили через пути. И напрасно паровоз, оборудованный специальным ограждением, надвигался на бегущих животных, выпуская клубы пара, напрасно пассажиры палили из карабинов и револьверов. Патроны кончались, паровоз терял скорость, буксовал и останавливался среди груды раздробленных костей и дымящегося мяса, а бизоны все шли и шли той же мелкой, быстрой рысью, издавая глухие звуки, похожие на отдаленные раскаты грома.

Когда бизоны находят пастбище по вкусу, поросшее лакомой для них бизоньей травой, они останавливаются и начинают пастись, резвиться, часто дерутся, с размаху сталкиваясь лбами.

Насытившись, прекратив игры и драки, животные опускают одно плечо на землю, не подгибая задних ног, и делают быстрое вращательное движение корпусом, образуя в рыхлой земле круглые рытвины-воронки, которые потом заполняет дождевая вода. Из таких маленьких водоемов бизоны и другие обитатели прерии утоляют жажду. Неизвестно точно, какова причина этих странных движений; может быть, валяясь на земле, бизоны пытаются освободиться от насекомых, а может, ищут немного прохлады в песке.

Бизон много дает человеку, потому на короля прерий и ведется истребительная охота. У бизона очень вкусное мясо, напоминающее первосортную говядину, но с дивным ароматом дичи. Гурманы особенно ценят горб и язык, а также костный мозг — любимое лакомство индейцев.

Хорошо выделанная шкура бизона, или, как ее называют, «шуба», стоит в Америке от 75 до 100 франков.

Путешественнику без нее не обойтись: шкура может

служить подстилкой, одеялом, совершенно непромокаемым плащом. В любое время года, в любую погоду — хлещет ли ливень, или от мороза трескаются деревья и раскалываются камни — шкура надежно защитит странника от ненастья.

«Шубы» бизонов огромными партиями продают в Канаду, в северные штаты Американского Союза, а больше всего — в необъятную Российскую империю.

Охота на этих свирепых животных зачастую опасна... Впрочем, не будем забегать вперед и вернемся к нашим героям. Итак, руководитель небольшой охотничьей экспедиции, поняв, что добыча близко, отдал приказ спешиться, выслал вперед разведчиков и, призвав гостей подождать еще немного, сказал:

— Бизоны совсем рядом...

Прошел час, разведчики показались на горизонте. Они неслись во весь опор, нетерпеливо настигая лошадей, — верный знак хороших известий.

На полном скаку индейцы остановили коней и в нескольких словах доложили обстановку Батисту. Тот немедленно расставил охотников в боевой порядок. Еще раз было проверено оружие, подтянуты подпруги, внимательно осмотрены уздечки и удила, и наконец отряд двинулся в путь. Впереди ехал руководитель охоты, рядом с ним — разведчики, следом остальные. Все направлялись к положому холму, откуда открывался вид на равнину. Тягловые лошади и повозки оставались под охраной индейцев, которых должны были на следующий день сменить.

С вершины холма километрах в трех всадники увидели бизонов. Одни мирно паслись в высокой траве, другие резвились, а некоторые полулежали на земле. Их было около пятисот. Это зрелище привело белых в такой восторг, что не только Фрике, но и флегматичный американец едва не заорали «ура!».

Охотники строем спустились вниз и приблизились к стаду. Бизоны спокойно подпустили людей почти на километр, но вдруг раздался глухой рев быков, все животные стремительно вскочили и, сбившись в кучу, пустились в бешеный галоп.

Руководитель охоты издал боевой клич. Цивилизованные индейцы при виде вожака добычи моментально превратились в истинных обитателей прерий, в настоящих дикарей. Лошади, возбужденные яростными воплями всадников, помчались во весь опор. Охотники мгновенно образовали огромное полукольцо, концы которого, сбли-

жаясь, все плотнее охватывали стадо. Испуганные бизоны ускорили бег, сбиваясь в плотную группу, которую не пробило бы и пушечное ядро.

Фрике и Андре, потрясенные невиданным зрелищем, опьяненные бешеной скачкой, даже не пытались направлять своих коней, но те, великолепно обученные для охоты, с удивительным чутьем обходили все препятствия: комья вырванной травы, норы луговых собачек, ямы, вырытые в мягкой земле бизонами.

Постепенно всадники настигали убегающих животных, а бизоны, похоже, и не думали нападать.

— Господин Андре!— крикнул Фрике. — Эту скотину оклеветали. Посмотрите, как они улепетывают! Только и видны закрученные хвосты... Про такого не скажешь: на ловца и зверь бежит...

— Подожди!— ответил Андре.— Вот мы проскачем за ними галопом час, бизоны начнут уставать, тогда увидишь... Только, целясь в этого мастодонта*, не мешай своей лошади. Она лучше тебя знает уловки бизона и сумеет от него увернуться.

— Понял, господин Андре!

Понемногу боевой порядок преследователей рассыпался. Каждый охотник выбирал себе жертву и старался отбить ее от стада. Индейцы с немислимой дерзостью приближались вплотную к бегущим бизонам, хлестали их плетью, но пока животные держались вместе, огонь не открывали.

Вот один из бизонов, получив сильный удар хлыстом, круто развернулся и попытался наброситься на врага. Лошадь инстинктивно увернулась и быстро отскочила в сторону, увлекая за собой быка. Бизону не удалось догнать всадника, и он попытался вернуться в стадо, но ему наперерез уже скакал другой охотник.

Однако некоторые бизоны уже не выдерживали гонки. Доведенные до бешенства хлыстами охотников, преодолев извечный страх животных перед человеком, и, кроме того, уверенные в своей всеограшающей силе, некоторые быки сами уходили от стада. Они словно делали отвлекающий маневр, прикрывая отступление остальных.

Фрике, понимая, что пора стрелять, замедлил скачку, перевел коня сначала на рысь, а потом на шаг и остано-

* Мастодонты — семейство вымерших млекопитающих отряда хоботных (высота 1,5 — 3,6 метра). Здесь — в переносном смысле — о бизоне.

вился. Сняв с плеча карабин системы Гринер восьмого калибра (это оружие Виктор взял на охоту вместо винчестера), парижанин убедился, что он заряжен, и уже хотел снова послать лошадь в галоп, как вдруг услышал крики и выстрелы. Фрике оглянулся.

Метрах в двухстах впереди огромный бык, уже получивший пулю в круп, прорвал линию охотников. Охваченный безудержной яростью, он вдруг заметил стоявшего Фрике и бросился в атаку.

— Ну вот!— спокойно сказал себе парижанин при виде огромной туши, несущейся на него, как смерч.— Это как раз для меня! Сейчас я его «сделаю»! Тише, лошадка, спокойно...

Фрике чувствовал, что лошадь готова пуститься прочь, и не хотел терять превосходную позицию для выстрела. Он набросил на голову коня небольшое одеяло, лежавшее на луке седла. Ослепленная гнедая, дрожа, остановилась, не успев сделать прыжок. Чудовище было уже шагах в сорока. Фрике прицелился, но подпустил бизона еще ближе.

— О, Господи!— воскликнул американец, видя, что француз целится в голову животного.— Сейчас его растопчут!.. Он что, не знает, череп бизона пулей не пробить?..

Бизон был уже в двадцати шагах от смельчака. Но тут из ствола карабина вырвалось белое облачко, и грянул громкий, как взрыв мины, выстрел. Бык, пораженный на полном скаку, поднялся на дыбы и рухнул хребтом на землю, ноги его конвульсивно задергались.

Фрике снял одеяло с головы коня, перезарядил карабин и подъехал к жертве. Туда же во весь опор примчался полковник.

— Ура!.. Ура!.. Ура!— воскликнул восхищенный американец.— Великолепно! Превосходно, майор!

— Скажи-ка,— пробормотал Фрике,— я повышен в звании. Что ж, не так уж плохо. Если и дальше все пойдет так же удачно, к вечеру я могу и сам стать полковником... Спасибо, полковник!— сказал он громче.— Вы очень добры. Но право, это проще простого!

— Ничего себе, проще простого! Свалить бизона, который весит три тысячи фунтов, как луговую собачку... и попасть прямо в голову!

— Да! Мой карабинчик Гринер — хорошая игрушка. Семнадцать граммов пороха выталкивают свинцовый орешек в семьдесят пять граммов! Такая штука называется пуля «Экспресс»!

— Посмотрите,— заметил янки,— вы ему так раздробили череп, что мозги брызнули.

— Конечно! Странно, если бы было иначе. Черт! А он противный вблизи, этот бизон! Ну, поехали, не торчать же здесь вечно. Давайте еще поупражняемся!

— Подождите! Охотник, сразивший бизона, уносит с собой в качестве трофея его хвост.

— Скажите-ка! Забавная идея! Ну, раз это местный обычай, отрежу сей трофей.

— Я уже отрезал!— сказал полковник, одним взмахом ковбойского ножа отрубив хвост и преподнося его Фрике.

— Премного благодарен!

Юноша покрутил в руках пушистую кисточку из жестких волос, которой кончался короткий хвост бизона, совершенно непропорциональный гигантским размерам животного, и, смеясь, заметил:

— Невелика кисточка, да дорога!

Двое охотников вновь пустили коней галопом, спеша догнать основные силы. Хлопоты со снятием шкуры с первой жертвы и с разделкой мяса были оставлены на потом.

А в прерии тем временем развернулась настоящая битва. Люди и животные, возбужденные и разъяренные, смешались в каком-то немыслимом водовороте. В густом облаке пыли едва можно было различить озверевших охотников и их свирепых жертв. Раненые и умирающие животные ревели от боли и ярости, оглушительно кричали индейцы, гремели выстрелы из винчестеров. Пороховые вспышки прорезали плотное облако пыли и дыма, обволакивавшее поле боя. Свистели пули, кое-где уже высились груды туш. Время от времени громкие разрывы перекрывали шум — это стреляли карабины французов.

Много бизонов было убито, много ранено. Охотники уже были увешаны хвостами бизонов: того, кто набрал больше трофеев, объявят лучшим в этой охоте.

Андре сделал столь удачный выстрел, что индейцы завопили от восторга. Молодой француз знал, что мясо коров вкуснее, хотя у быков ценнее шкура. Ему удалось отбить от стада корову, и он уже приготовился выстрелить, но вдруг огромный бык, такой же, как и тот, которого первым свалил Фрике, атаковал Андре сбоку, корова же надвигалась спереди.

Фрике хотел кинуться на помощь, но Андре остановил его.

— Оставь, это мое дело,— коротко бросил он.— Справлюсь с обоими! Дуплет по бизонам случается раз в жизни!

Тут же раздался первый выстрел, сразивший быка. Еще миг — и корова, взбрыкнув, тоже свалилась на землю. — Да здравствуют французы и Франция! — закричали индейцы, в том числе и Блез с Жильбером. Братья добывали раненых бизонов. Руки у них были перепачканы в крови до самых плеч.

Постепенно облако дыма и пыли рассеялось. Крики уже не были столь оглушительны, и выстрелы раздавались все реже и реже. Люди начали уставать, лошади тоже.

Руководитель охоты несколько раз пронзительно свистнул. К нему тотчас подъехали сыновья и наиболее благоразумные индейцы, остальных же погоня увлекла далеко.

— Все, дети мои, — обратился Батист к охотникам. — На сегодня хватит. Мы не дикари; настоящие охотники добывают себе пищу и одежду, но не истребляют попусту богатство, данное нам Провидением. За работу, дети мои, не будем ждать остальных. На сегодня охота закончена, продолжим завтра.

ГЛАВА 10

После охоты. — Охотники превратились в мясников. — Ошибки новичка. — Не так-то легко снять шкуру с бизона. — Кто такой «зелененький»? — Практические советы старого охотника. — Как готовят в прерии кровавую колбасу. — Как выделывают «шубу» бизона. — Фрике повеселился от души. — Беспокойство невозмутимого человека. — Следы иноходца.

Мудрые слова руководителя охоты остановили побоище. Охотники спешили, расседлали коней и отпустили своих верных помощников пастись. Лошади принялись жадно щипать сочную бизонью траву.

Время от времени вдалеке раздавались выстрелы. Некоторые индейцы, увлеченные погоней, еще продолжали сражение где-то в прерии. Но большинство охотников собрались там, где бойня была наиболее ожесточенной. Туши бизонов буквально устилали землю. Теперь предстояло разумно использовать это изобилие дичи и заготовить мясо и шкуры для длительного хранения. Увлекательная охота сменилась работой, безусловно более производственной, но не менее необходимой, оказавшейся для новичков, пожалуй, потрудней.

Даже Фрике, мастеру на все руки, пришлось нелегко.

Только теперь он понял справедливость афоризма, гласящего, что победитель не всегда умеет пользоваться плодами своей победы. Парижанин удачно, по общему мнению провел первый день охоты на бизонов. Но он хотел, что вполне естественно, освоить все стороны этого благородного занятия, не ограничиваясь, как английские немвроды, лишь простым истреблением дичи.

Снять шкуру, приготовить ее к обработке, разделить тушу на куски, отделить мясо для копчения, извлечь язык, вырезать филейную часть, отрезать горб, вынуть мозговые кости — все эти операции стали для Фрике неотъемлемой частью первого дня охоты.

Имея уже достаточный опыт, Фрике полагал, что снять шкуру с бизона несколько не труднее, чем со льва, тигра или какой-нибудь пантеры. Поэтому он уверенно подошел к огромному быку, в шкуру которого можно было бы завернуть трех человек его сложения. Парижанин вытащил нож и встал рядом с американцем. Ковбой с руками по локоть в крови рубил, подрезал, кромсал с ловкостью заправского «потрошителя».

Фрике надрезал шкуру по всей длине от нижней губы, по груди и животу до хвоста и начал постепенно снимать ее, осторожно действуя ножом и отделяя кожу от мускулов. Но не тут-то было! Несмотря на добросовестное старание и безусловную ловкость, дело не двигалось. Пот лил с парижанина в три ручья, а шкура бизона не подавалась: лезвие ножа скользило.

— Проклятие! — пробормотал раздосадованный Фрике. — Эта шкура так приросла к мясу, что сам дьявол ее не отдерет.

Полковник, хитро улыбаясь и поплеывая желтой от табака слюной, с необыкновенной точностью наносил с размаху удар за ударом.

А у Фрике ничего не получалось!

— Комки жира скользят в руках... Нож не режет я не могу удержать шкуру. Глупо, но ничего не выходит... Это гораздо труднее, чем ободрать тигра, даже королевского.

— Действительно, — коротко заметил американец, уже содравший шкуру со своего бизона. — Послушайте, мистер Фрике, поверьте мне, будет лучше, если вашего быка закончу я. Не хочу вас обидеть, но жаль, если вы порежете шкуру... Ничего, вы еще наберетесь опыта... только начните не с быков, а с коров... Это куда легче...

— Ей-богу, полковник, вы правы! Принимаю ваше

предложение без ложного стыда... но не стану же я сидеть сложа руки, когда все работают в поте лица!

— Вы пока можете вытащить язык, горб, внутренности и вырезать филейную часть у моего быка.

— Ну что же! Приступим...

— Бог мой! Что это вы делаете?

— Разве вы не видите? Отрезаю ногу. Не беспокойтесь, я знаю, где находятся сочленения...

— Да не в этом дело!...— заметил полковник.— Начинать надо с начала. Верно говорят в приграничной зоне, что «зелененький» умрет с голоду рядом с тушей бизона, но так и не сможет отодрать ни куска...

— «Зелененький»? Это еще что такое?

— Так называют людей, не привыкших к прериям,— впрочем, не считите за насмешку.

— Спасибо, вы очень любезны. Так объясните мне, как правильно разрезать эту зверюшку. Клянусь Богом, я не намерен долго оставаться «зелененьким».

— All right! Вонзите нож сзади между ребер... Так! Режьте вверх до хребта... вниз до груди. Таким же образом отделите грудную клетку от живота. Очень хорошо! Продолжайте надрез до того места, где начали... У вас верная рука, мистер Фрике. Теперь возьмите мой топорик и покрепче ударьте по ребрам, там, где они соединяются с хребтом.

— И-и... раз! — размахнулся изо всех сил Фрике.— Пошло! Даже легче, чем я думал.

— Вот и все! Осталось разделить эти два куска, как раскрывают створки двери... А теперь вытащите внутренности и вырежьте филейную часть.

— Хорошо! Работа грязная, но получается легко.

— Теперь можете срезать горб одним куском. Сделайте круговой надрез... Тащите... Сильнее... Вот так!

— А язык, полковник? Этот самый язык, о котором столько писали в книгах, но нигде не сообщали, как его добывают!

— Вот именно, добывают... Морду бизона вы надрезать не сможете, как ни старайтесь. Поэтому режьте между челюстями, через горло. Так!.. Теперь захватите этот темный кусок и отрубите его у основания.

— Есть! Вот это язык! В нем больше десяти фунтов!

— Отлично! Пожалуй, добрых десять фунтов будет. Вот так, мистер Фрике, разделяют бизона.

— А оставшаяся гора мяса? Что с ней делать?

— Этим займутся индейцы... Они сумеют ее обработать как нужно. Охотники берут себе лишь отборные

куски, а остальное достанется койотам и грифам-стервятникам. Есть-то все хотят... Ну вот, шкура готова. Теперь ее надо быстренько обработать. Но прежде позвольте вам рассказать, как готовят в прерии кровяную колбасу.

— Кровяную колбасу? В прерии?

— Именно сэр! Это так же вкусно, как язык и горб и нежнее филе.

— И как же ее готовят?

— Очень просто. Надо тщательно очистить тонкую кишку, покрытую сверху хорошим слоем жира. Жир такой аппетитный, что душа радуется и слюнки текут. Кишку аккуратно промывают и выворачивают, так что жир оказывается внутри. Затем тонкими ломтиками нарезают язык, горб и филе, все это смешивают и начиняют оболочку, осторожно уплотняя массу. Если удастся добыть кровь молодого теленка, то ею заливают оставшиеся промежутки, но чаще довольствуются просто чистой водой. Затем кишку крепко завязывают с двух концов. Колбаска готова, остается только поджарить ее на горячих углях. Кто хоть раз попробовал эту колбасу, не захочет ничего другого.

— А обработка шкуры? Вероятно, нелегкое дело. Ведь в прерии нет для этого ничего необходимого.

— В принципе вы правы, мистер Фрике. Но краснокожим бандитам иногда не откажешь в выдумке и даже в разуме. Вместо нашего фабричного производства они обрабатывают шкуры вручную, и совсем неплохо.

— Да, я видел. Просто удивительно, какие чудесные шкуры получаются у индейцев — мягкие, прочные, хорошо сохраняются.

— И мы будем делать все, как индейцы. Возьмите топорик и аккуратно расколите череп нашего быка. Прекрасно. Вашей силе и ловкости могут позавидовать многие лесорубы. Я вытащу мозг, а вы пока расстелите шкуру шерстью вниз.

Американец снял медный котел, привязанный к выюку лошади, наполнил его на треть водой, положил туда мозг и принялся энергично размешивать содержимое, превращая его в густую кашу, затем смазал этой кашей шкуру и стал руками сильно втирать ее в кожу. Втирал он целых четверть часа, затем скатал шкуру, стянул ее ремнями и положил рядом со своим седлом и охотничьим снаряжением.

— И это все? — спросил Фрике.

— Пока все. Шкура должна оставаться свернутой целые сутки. За это время она пропитается смесью из мозга

и воды, а завтра утром я ее отмою деревянным скребком, сниму верхний слой, и шкура станет мягкой, как бархат остается только вырыть яму. Заполните ее чем-нибудь, что тлеет с густым дымом, например, мокрой травой, а шкуру разместить так, чтобы дым пропитывал ее с двух сторон. В результате она приобретет прекрасный светло-желтый цвет, совершенно не будет гнить, не затвердеет и не покоробится. Вот так-то, мистер Фрике!

— Спасибо, полковник. Вы очень любезны, и счастье для «зелененького» получить наставления от столь многоопытного человека.

Андре тем временем бысто сделал карандашный набросок той оригинальной картины, которую являл собой лагерь, и подошел к Фрике и полковнику

— Черт возьми! Что ты тут делаешь? — спросил он Фрике.

— Как видите, господин Андре, пополняю нашу коллекцию охотничьих трофеев и учусь обрабатывать шкуры. Не хотите ли приложить руку к нашей стряпне?

— Нет, спасибо. Что-то меня не тянет Я, пожалуй, кончу набросок, а потом займусь нашим оружием: его давно пора почистить. Ну, как тебе открытие охоты на бизонов?

— Здорово! Я повеселился от души! Как подумаешь, что эти лодыри предпочли торчать в Париже... Ну да ладно... А посмотрите на наших друзей индейцев! Не узнать мирных поселян. Охота превратила их в сущих дьяволов. Бешеные, куда уж дальше! Вон смотрите, некоторые умчались за горизонт, а теперь тащатся по одному, нагруженные добычей, как мулы контрабандистов.

— Это доказывает, что вековые привычки не так-то легко искоренить... Поскребите пахаря — обнаружите охотника... Поскребите слегка охотника — обнаружите краснокожего воина, воспетого писателями Старого и Нового Света*

— Вы думаете?

— Уверен. Посмотрите на тех, кто возвращается. Как их возбудила скачка, как опьянила кровь — они в ней перемазались с головы до ног.

— По-моему, вернулись далеко не все. Они хоть к ночи появятся?

— Не думаю. Погоня далеко завела охотников. Чтобы загнать быка, хорошей лошади нужно два часа галопа

* Перефразированный афоризм, приписываемый Ж. де Местру: поскребите русского, обнаружите татарина (*Примеч. перев.*)

и три-четыре часа, чтобы загнать корову, которая гораздо легче. Бизоны, убегая, уводят охотника очень далеко от бивака.

— Значит, когда стемнеет, охотник не сможет вернуться в лагерь и вынужден будет ночевать в прерии? Не очень-то радужная перспектива.

— Да что ему! В прериях сейчас спокойно, племена не воюют. Охотник быстро приготовит себе ужин, привяжет лошадь к рогам мертвого бизона и после тяжелейшего дня с удовольствием проведет ночь, сражаясь с койотами, которые явятся поживиться его добычей. А на рассвете погрузит лучшие куски мяса на лошадь, остальное бросит степным волкам и во весь опор поскачет через прерию к лагерю, точно угадывая нужное направление, словно движется по шоссе.

— Ну что же! Иногда и индейцем быть неплохо. Посмотрите, какая красота вокруг! Как деловито хлопочут наши друзья вокруг костров; кипят котлы, потрескивает ростбиф, шипят кровяные колбасы. Пир на весь мир! И всюду — мясо: туши, подвешенные, разложенные, разделанные на полосы... У нас сегодня, можно сказать, сбор урожая... урожая мяса!

— Точно,— улыбнулся Андре восторгам друга.

Ковбой, усевшись на только что отрубленную голову бизона, флегматично жевал свой неизменный табак.

— Вы, полковник, наверное, пресыщены всем тем, что для нас в новинку...— обратился к нему Андре.

— Пресыщен? Не только, сэр. Еще и встревожен!

— Не может быть! Вы ведь стреляный воробей!

— Именно поэтому.

— Так в чем же дело?

— Что вы скажете о лошадях наших друзей индейцев?

— Ну, что можно сказать... прекрасные быстрые кони, отлично выезженные.

— Согласен. Но я не о том. Вы заметили, что ни одна из них не ходит аллюром*, который у вас в стране называют иноходью?

— Действительно, ни одна.

— И я таких не видел,— добавил Фрике.

— Впрочем, по-моему, индейцы и не приучают лошадей к иноходи: этот аллюр удобен для всадника, но утомителен для коня, и он часто спотыкается,— заметил Андре.

* Аллюр — вид движения лошади (шаг, рысь, галоп, иноходь), а также упражнения по выездке верховой лошади, направленные на отработку у нее различных шагов.

— Вы правы. На десять тысяч краснокожих не найти и двоих, у которых были бы иноходцы* Ну и что?

— А то, что сегодня я обнаружил следы лошади, которая шла иноходью, и следы оставлены не более двух дней назад.

— И о чем это говорит?

— Что есть все-таки один индеец, чья лошадь идет таким шагом.

— Справедливо, раз вы видели след.

— Господа, думаю, я не сообщу вам ничего нового, если скажу, что я человек не очень впечатлительный. Мне пришлось побывать в разных, порой страшных переделках, и испугать меня трудно.

— Мы и не сомневаемся. Но что вы хотите этим сказать?

— А вот что: в тысячу раз лучше было бы встретить дьявола во плоти, чем хозяина этой проклятой лошади. Вы говорите, что сейчас в прерии спокойно. Дай-то Бог, чтобы вы оказались правы. И пусть защитит нас Провидение от человека на иноходце!

ГЛАВА 11

*День на день не приходится.— Странное исчезновение бизонов.— Новые маневры.— Фрике передается размышлениям.— Неприятный сюрприз.— Лошадь и всадник на земле.— Короткая, но решительная борьба.— Пойманный лассо**.— Тайна остается тайной.— Война или единичное нападение? — На берегу реки.— Привал индейцев.— Все трое в плену.— Бледнолицый Охотник За Скальпами! — Кровавый Череп!*

Как Андре и говорил, опоздавшие охотники вернулись утром и привезли в лагерь лучшие куски мяса бизонов, сраженных их пулями. Несмотря на вошедшую в поговорку расточительность краснокожих, индейцы Кер-д'Ален были приучены к экономии и распорядились мясом гораздо лучше своих сородичей. Но как еще далеко было им до искусной бережливости мясников цивилизованных стран! Сущее расточительство! Сколько испорченного мяса! Какое пиршество для грифов и койотов!

* Иноходец — лошадь, которая бежит иноходью (способ бега, при котором одновременно выносятся вперед или обе правые, или обе левые ноги).

** Лассо — аркан со скользящей петлей для ловли животных.

На третий день мясники вновь превратились в охотников, сели в седла и пустились на поиски дичи по бескрайней равнине. Однако, как ни странно, бизоны исчезли. Похоже, первая бойня распугала животных, и они ушли так далеко, что их невозможно было найти. Обычно бывает иначе: то ли доверяя своим силам, то ли от усталости, бизоны останавливаются, как только прекращается погоня. Скорее всего, они просто забывают об опасности и спокойно пасутся.

Итак, случилось неслыханное: стадо бизонов пропало на следующий же день после первой охоты. Руководители спешно собрали совет, куда из уважения пригласили и троих белых. Там было единогласно решено, что охотники разделятся на несколько групп, которые двинутся вперед, веером разойдутся по разным направлениям, чтобы быстрее найти пропавших бизонов, и будут действовать самостоятельно, независимо друг от друга.

Раньше, когда племена вели постоянные войны, такое решение было бы крайне неосторожным. Но уже много лет несчастные индейцы, которых теснят, преследуют, истребляют американцы, больше не воюют между собой. Они пытаются объединенными силами противостоять натиску белых, но нашествие бледнолицых неодолимо, как морской прилив.

Случается, то здесь, то там постреливают по неисправным конокрадам, и те порой расплачиваются за свои преступления скальпом, а то и жизнью. Но они действуют на свой страх и риск, их разоблачают собственные соплеменники, над ними вершится скорый суд, и к серьезным межплеменным стычкам это не ведет.

Итак, Андре, Фрике и полковник присоединились к группе под командованием Блеза, и по сигналу Батиста все отряды разъехались по прерии.

Трое охотников скакали впереди, изо всех сил напрягая зрение в надежде увидеть где-нибудь на горизонте массивную фигуру бизона. Андре не расставался со своей подозрительной трубой, но, так ничего не разглядев, не смог сдержать вздоха разочарования.

Фрике, как всегда жизнерадостный, пытался шутками разрядить атмосферу, но тщетно. Американец все больше хмурился и вообще прекратил всматриваться в даль.

Так прошло полдня. Ничто не прерывало монотонной скачки.

Даже Фрике начал нервничать и злиться, ибо не обрел еще главного качества, необходимого для настоящего

охотника,— терпения. Не спуская глаз с горизонта, он беседовал сам с собой:

— Что за скакула скакать целый день через эту самую прерию... Называется, рай земной для охотника!.. А в результате остаешься с носом. Здесь не расставишь силки, как когда-то в поместье господина Андре в Босе, и бизоны не удирают, как простые серые куропатки. До сих пор все шло как по маслу. Мы стреляли львов, тигров, носорогов, бегемотов, слонов, не считая пернатых всех цветов и размеров. Не такое уж это сложное дело! Вот и здесь, в Америке, все вроде складывалось удачно.

А теперь... Черт возьми! Ничего, совсем ничего... По правде говоря, в воздухе что-то витает. У меня какое-то странное предчувствие. Да и наш приятель полковник весь взъерошенный, а уж как увидел след этой таинственной лошади, так совсем покой потерял. Странно... Достойный джентльмен — мошенник хоть куда, его нелегко перепугать. Однако он сам не свой...

Билл ведь нам о своей жизни не рассказывал. Но я думаю, он много чего повидал.

Ну вот, какая тут трава высокая! Выше лошади! Я словно плыву в ней, а она под ветром перекачивается волнами. Эй, милашка! Рысью вперед, команды «шагом!» не было. Что такое? Что это ты разволновалась? Чуешь других лошадей? Какой же я болван! Если бы были лошади, я бы увидел всадников.

Но что-то в этой траве есть... Странно она колышется, будто ее кто-то пригибает. Надо бы посмотреть...

Тут милашка громко заржала. Фрике встряхнулся, бросил поводья и хотел снять с плеча карабин, но не успел. Лошадь, которая шла легко, несмотря на густую стену высокой травы, вдруг споткнулась и тяжело рухнула наземь.

Не ожидавший этого француз, естественно, полетел вверх тормашками и растянулся в траве, погнув при падении ствол карабина. Ошарашенный и злой, он попытался встать.

— Гром и молния!

Тут юношу схватили сзади так, что он и шевельнуться не мог. Однако парижанин был парень крепкий. Несмотря на свой тщедушный вид, невысокий рост и бледное лицо, он обладал, как мы уже знаем, мускулатурой атлета и ловкостью обезьяны.

— Это еще что такое? — насмешливо вскричал Фрике. — Нападение, и средь бела дня!.. Прочь лапы, а не то — берегись!

Резким движением молодой человек высвободился и без особых усилий опрокинул державшего его неведомого противника. При падении с лошади Фрике больно ударился, да и высокая трава мешала свободно двигаться, но он одним прыжком вскочил на ноги и увидел перед собой индейца. Парижанин с размаху ударил его в лицо:

— Получай, урод!..

Краснокожий рухнул на землю. Но лишь только один противник был выведен из строя, как сзади на смельчака кинулся другой. А из высокой травы вынырнул третий, заменив своего поверженного товарища.

Фрике, никогда не терявший хладнокровия, взглянул на руки, кольцом охватившие его и сцепленные у него на груди. Оружия у парижанина не было, и выбирать средства для защиты не приходилось: он наклонил голову и вцепился зубами в большой палец врага. Индеец взвыл от боли и выпустил жертву. Фрике в это время успел ударить ногой под дых третьего нападавшего.

— Ну и дела!.. Засада! Этого еще только не хватало! Не на такого напали! Прочь с дороги... а то всех уничтожу!

Пользуясь замешательством, вызванным его молниеносным отпором, Фрике попытался добраться до своей лошади, барахтавшейся в высокой траве. Но та уже вскочила и испуганно бросилась прочь.

— Скотина! — крикнул взбешенный парижанин. — Ну и влип же я!

Между тем индейцы быстро пришли в себя. Настоящие воины умеют не поддаваться растерянности. Они бросились на бледнолицего с коротким гортанным воплем — это был их боевой клич.

Фрике отступил на два шага, отважно приготовившись отразить и это нападение. Он не терял надежды, тем более что враги, похоже, не хотели использовать оружие, хотя на поясах у них поблескивали и ножи, и топоры. Видимо, его намеревались захватить живым.

Сзади послышался какой-то шорох, и в траве мелькнул длинный и узкий ремень, который тянула невидимая рука. «Лассо», — понял Фрике. Скорее всего, именно этим ремнем была сбита с ног его лошадь. И вновь раздался боевой клич индейцев.

Юноша хотел было броситься вперед, но не мог и шевельнуться.

— Все, попался! — хладнокровно констатировал он, убедившись, что плотно опутан лассо, наброшенным на него с дьявольской меткостью.

Трое индейцев, основательно потрепанные Фрике, подошли теперь без опаски, крепко связали пленнику руки и ноги и сунули в рот кляп из кожи бизона. Затем один из них пронзительно свистнул, и на полянку, где от недавней схватки полегла трава, вышел четвертый воин, держа в руках конец лассо.

Индейцы произнесли несколько слов на непонятном языке. Тот, кому Фрике расквасил лицо, пытался остановить текущую из носа кровь. Парижанин тем временем смог внимательно рассмотреть краснокожих. Его мучило скорее любопытство, чем тревога: что же этим индейцам от него нужно?

Его враги были не в европейских лохмотьях, как бродяги, что встретились охотникам несколько дней назад, до приезда в резервацию Кер-д'Ален. Они носили одежду непокоренных индейцев, традиционный костюм, несколько не изменившийся со времен завоевания Америки. Все были с непокрытыми головами и раскрашены в цвета войны, особенно ярко разрисованы лица. На воинах были длинные охотничьи куртки, сделанные из хорошо выдубленной, мягкой, как бархат, шкуры бизона, и длинные кожаные штаны. Швы курток украшала бахрома из тонких полос разноцветной кожи. На ногах — мокасины, причудливо вышитые и украшенные иглами дикобраза.

На одном из нападавших, по всей видимости, вожде, красовалось длинное ожерелье из когтей гигантского медведя гризли*. У другого на шее и запястьях висели странные амулеты**, видимо, обладавшие, по верованиям индейцев, магической силой.

Воины держались нарочито бесстрастно, что вообще свойственно краснокожим, особенно перед белыми. На Фрике их величественный вид особого впечатления не произвел. Парижанин даже отметил про себя, что раскраска весьма уродует индейцев. Особенно безобразен был один, с глазами, обведенными желтыми кругами, похожий на огромную сову.

Индеец свистнул еще раз, и из высокой травы появились четыре великолепные степные лошади; они недовольно фыркали, почуяв пленника. Фрике был бесцеремонно водружен на холку одного из коней, как мешок с зерном, взваленный на спину мула. Четверо вскочили

* Гризли — североамериканский подвид бурого медведя.

** Амулеты — предметы, которым приписывают способность предохранять людей от болезней, несчастий и т. п. и которые носят чаще всего на шее.

в седла и, пригнувшись, а точнее, распластавшись на конях, пустились галопом. Дорогу они, видимо, знали хорошо.

Парижанин, несмотря на неудобную позу, пытался уразуметь, что же произошло. Было ясно, что в высокой траве он не мог заметить приближение противника, но все же обратил внимание, как колыхалась трава: именно в этот момент индейцы зигзагами пересекали прерию, чтобы обойти его и напасть сзади.

Но вряд ли он — единственная жертва, угодившая в западню. Четверо индейцев сильно рисковали, устроив такое дерзкое похищение прямо во время охоты. И почему для нападения выбрали именно Фрике, а не кого-нибудь другого? Какие причины побудили краснокожих к захвату белого человека сейчас, в условиях мира? К тому же в резервации скоро обнаружат исчезновение гостя, начнут поиски и выйдут на след похитителей. Командиры американских отрядов, узнав о случившемся, будут счастливы присоединиться к воинам Кер-д'Ален: правительственные войска никогда не упустят случая проучить непокорившиеся племена.

Все указывало на то, что эти четверо действовали не в одиночку. Возможно, их сообщники таким же образом захватили полковника Билла, двигавшегося справа от Фрике, и Андре, ехавшего слева. Если через прерию проходит целое племя кочевников, а это вполне вероятно, то действуют они, видимо, по хорошо разработанному плану. Скорее всего, выстроившись огромной цепью, индейцы отогнали бизонов и по следам животных завлекли в ловушку бледнолицых.

Если дело обстоит так, каковы же причины объявления войны?

Все эти мысли не выходили из головы парижанина, хотя от крупного галопа лошади его ужасно трясло.

Он вспомнил, как заволновался американец, обнаружив следы коня, шедшего иноходью, вспомнил слова: «Пусть защитит нас Провидение от человека на иноходце!»

В этом была какая-то тайна, и ключ к ней знал только полковник.

Но скоро Фрике разгадает эту загадку!

...Утомительная скачка длилась три часа. Наконец всадники остановились в излучине довольно широкой реки, прямо на берегу. Индейцы спешили, вынули кляп изо рта у пленника, ослабили связывавшие его ремни,

дали воды и оставили сидеть на земле, не обращая на него никакого внимания.

К своему удивлению, Фрике насчитал здесь более шести десятков краснокожих воинов. Они с любопытством разглядывали француза, но по разрисованным лицам трудно было угадать, что же у них на уме.

Стреноженных лошадей оставили пастись, но не расседлали и уздечек не сняли. Видимо, останавливаться надолго не рассчитывали: скорее всего это было место сбора для всех, кто рыскал по прерии.

Внезапно невозмутимые до сих пор воины громко закричали, приветствуя приближавшийся отряд, состоящий из дюжины индейцев. Они везли двоих белых, связанных и перекинутых через шею лошади точно так же, как Фрике. Парижанин сразу же узнал в одном из них Андре, а в другом — полковника.

— Негодяи! — воскликнул Фрике при виде своего друга. — Да за такую подлость я им всю кровь по капле выпущу!

— Фрике, и ты здесь, бедняга! — произнес Бреван, заметив товарища.

— Ничего, господин Андре! Не будем отчаиваться, все образуется. Еще и не в таких переделках бывали, верно?

Американец же не проронил ни слова, но его взгляд тревожно скользил по лицам индейцев, не сводивших с него глаз.

Вдруг ковбой побледнел и вздрогнул: к нему медленно приближался один из воинов. Он единственный из всех носил головной убор: колпак из шкуры енота с хвостом, свешивавшимся до плеча, был надвинут на самые глаза.

Индеец остановился в двух шагах и целую минуту смотрел полковнику в глаза с выражением свирепой ненависти. Затем произнес дрожащим от ярости гортанным голосом:

— Бледнолицый Охотник За Скальпами узнает свою жертву?..

Билл устремил на краснокожего блуждающий взгляд и ничего не ответил.

Тогда индеец сорвал колпак и обнажил голый изуродованный череп, покрытый розовой кожей без единого волоса.

— Кровавый Череп! — выдохнул ковбой сдавленным голосом.

ГЛАВА 12

Янки и краснокожие.— Война в Колорадо.— Сиу, чейенны и аррапагу.— Против общего врага.— Партизанская война.— Резня в Сэнд-Крике.— Ужасы, творимые американцами.— Белые тоже снимают скальпы.— Первая встреча полковника Билла с Кровавым Черепом.— Жестокие репрессии.— Три года борьбы.— Пять племен Юга заключают мир.— Двое врагов не сложили оружия.— Неожиданный результат резни в Сэнд-Крике.— Шестнадцать лет ненависти.*

В 1864 году, то есть за тринадцать лет до событий, находящихся в центре нашего повествования, вековая вражда между американцами и краснокожими, вражда, которая была долгой чередой сражений и перемирий, вспыхнула с новой силой. Схожая с незатухающим очагом пожара, откуда время от времени вырываются языки пламени, война разгоралась внезапно, без видимых причин, и вновь белые и индейцы становились непримиримыми врагами, и вновь годился любой предлог, чтобы истреблять друг друга.

И с той, и с другой стороны самые незначительные инциденты порождали немыслимую жестокость. Противники чинили зверства просто так, без всякого повода, не соблюдая никаких обязательств. Впрочем, у индейцев причин для войны было достаточно. Они полагали, что им по праву принадлежат Великие равнины Запада, а белые постоянно вторгались туда и обосновывались, как в завоеванной стране.

Первые поселенцы, люди, как правило, не очень щепетильные, невысоко ценили собственную жизнь, да и чужую не очень уважали. Найдя подходящее место, они располагались там, совершенно не обращая внимания на тех, кто уже жил на этой земле до них. Любые попытки протестовать против таких действий белые встречали огнем карабинов.

Прибывали новые поселенцы и, оказывая основательную поддержку первым, объединялись против общих врагов. Индейцы иногда побеждали, иногда терпели поражение, но в конце концов были вынуждены отступать в необжитые места и, спасаясь от голода, искать новые земли и новые охотничьи угодья.

То там, то сям возникали стычки: индейцы внезапно

* Чейенны, аррапагу—индийские племена Северной Америки.

налетали, скальпировали белых, сжигали дома, уводили скот, а детей и женщин брали в плен. В свою очередь, колонисты уже чувствовали себя на тропе войны так же уверенно, как и дикари. Они преследовали индейцев и жестоко мстили им, вполне в духе краснокожих.

Как мы уже говорили, в 1864 году вражда возобновилась. Война охватила штат Колорадо, в ту пору — одну из территорий Союза.

Колорадо граничит на севере с территорией Вайоминг и штатом Небраска, на востоке — со штатом Канзас и индейскими территориями, на западе — с территорией Юта. Площадь Колорадо — около 270,6 тысяч квадратных километров — почти половина площади Франции. Штат занимает оба склона Скалистых гор; отсюда начинаются несколько рек, которые текут на запад и, сливаясь, образуют реку Колорадо, несущую свои воды в Калифорнийский залив. Эта территория представляет собой почти правильный четырехугольник, расположенный между 37° и 41° северной широты и 102—109° западной долготы по Гринвичу (104°20' и 111°20' по Парижскому меридиану)*.

Еще в 1850 году здесь не было белых, за исключением нескольких мексиканцев, обосновавшихся в Сан-Луис-Парке. Но уже в 1860 году, благодаря быстрому развитию рудников, в Колорадо насчитывалось 35 тысяч белого населения, разбросанного по всем районам.

Колорадо получил статус территории в 1860 году, когда там имелось всего два города, точнее поселка — столица Денвер и Сентрал-Сити.

Если правительство давало какому-нибудь району статус территории, то индейцы должны были подчиниться федеральным законам** или покинуть эти земли. Но сиу, чейенны и аррапагу — пожалуй, самые неукротимые племена Великого Запада — на это не пошли.

Индейцы попытались отбросить захватчиков, но белых нельзя было остановить — они основывали поселения, строили заводы, прокладывали дороги, рубили лес, разводили скот, добывали уголь и ценные металлы.

Первые попытки оказать сопротивление не принесли

* Новые земли получали в Союзе сначала статус территорий, а потом, когда численность населения достигала 100 тыс., — штата. Колорадо, как исключение, стал штатом в 1874 году, хотя его население не достигло 100 тыс. (Примеч. авт.)

** Федеральные законы — законы Северо-Американских Штатов (ныне — США).

краснокожим успеха. Мешала вековая вражда, разделявшая основные рода и племена. Сиу, чейенны, аррапагу, действуя изолированно, не смогли сломить стойкость пионеров и остановить их продвижение на новые земли. К тому же переселенцы извлекали выгоду из любых ситуаций и ловко использовали раздоры между индейцами: нередко им удавалось натравить одно племя на другое.

Коренные жители терпели поражение за поражением и кончили тем, с чего следовало начать: предали забвению старые обиды, зарыли в землю топор войны и объединились против общего врага. Но было уже поздно!

Прежде чем сообразить выступить против переселенцев, чью силу и мужество они уже хорошо знали, индейцы попытались договориться с федеральными властями и покончить дело миром, получив от белых какие-то гарантии. Впрочем, военных приготовлений они не прекращали.

В 1863 году делегация вождей-сахемов прибыла на переговоры с губернатором Колорадо, чтобы выработать приемлемые условия мирного договора. К сожалению, стороны не пришли к согласию, и вражда возобновилась с новой силой.

Чейенны, сиу и аррапагу, учтя прошлый опыт, старались не распылять свои силы и не ввязываться в случайные стычки. Они действовали согласованно, нападая преимущественно на одиноких путников или на удаленные жилища. С необыкновенной быстротой туземные отряды преодолевали большие расстояния, появлялись и исчезали внезапно, всегда оставаясь неуловимыми, ибо их передвижения были таинственными и точны.

Сначала эта партизанская война принесла краснокожим неожиданные успехи. Дорога от Дульсбурга до Денвера была перерезана. Дилижансы* перестали по ней ходить: на них нападали каждый день. Все придорожные фермы и почтовые станции были разграблены и сожжены. Индейцы увели весь скот. Не счесть, скольких мужчин скальпировали, скольких женщин и детей забрали в плен, где их жестоко мучили. Обозы поселенцев уничтожались, отряды ополчения гибли.

Воодушевленные неведомыми ранее успехами, краснокожие даже попытались взять штурмом форт Седжвик, где укрывались эмигранты и их скот. Однако, окруженные

* Дилижанс — многоместный крытый экипаж, запряженный лошадьми, для перевозки почты, пассажиров и их багажа.

тысячами воинов прерий, белые стояли в своих укреплениях насмерть и не покинули форт. Яростные атаки нападавших были отражены; артиллерия косила их картечью. Переселенцы в Колорадо противостояли индейцам с неколебимым мужеством и хладнокровным упорством, столь характерным для американцев.

Выступления индейцев происходили в разгар войны между Севером и Югом. Эта гигантская мясорубка поглотила все людские и материальные ресурсы. Регулярная армия сражалась в братоубийственной Гражданской войне, и никакой помощи от войск переселенцам ждать не приходилось. Но жители Запада, лихие всадники и неутомимые охотники, привыкшие к кочевой жизни и прекрасно знающие прерии, постепенно освоили методы партизанской войны. Они научились не хуже противника использовать засады и неожиданные налеты. Белые были лучше вооружены и знакомы с некоторыми приемами тактики цивилизованных армий; отсутствие численного превосходства восполнялось железной дисциплиной.

Американцы мстили краснокожим с диким ожесточением, и нет слов, чтобы описать тот кошмар, который они творили. Еще и сегодня не забыта ужасная резня в Сэнд-Крике, устроенная третьим полком волонтеров Колорадо под командованием полковника Чивингтона. Эта бойня не уступала самым чудовищным злодеяниям индейцев.

29 ноября 1864 года в результате удачного маневра полк волонтеров, насчитывавший около 1200 человек, вооруженных многозарядными карабинами Спенсера, окружил лагерь сиу, чейеннов и аррапагу, где находились почти шестьсот индейских воинов, женщин и детей.

Сигнальщики протрубили атаку.

— Помните,— крикнул полковник волонтерам,— помните о ваших женах и детях, убитых на берегах реки Платт* и в Арканзасе**!

Сердца солдат кипели ненавистью; призывы были излишни. С неописуемым остервенением они бросились на лагерь. Индейцы, застигнутые врасплох, не могли обороняться, выкинули белый флаг и предложили начать переговоры. Но полковник ничего не хотел слушать и отдал команду на штурм.

Началось безжалостное избиение краснокожих. Ин-

* Платт — река в США, приток Миссури (см. выше).

** Арканзас — река в США, правый приток Миссисипи (см. выше).

дейцы гибли, застреливаемые в упор из карабинов, падали под копыта скачущих лошадей, их косили сверкающие сабли. Один за другим погибали туземные воины, а белые мстили жестоко, не щадя слабых, уничтожая женщин и детей.

Но и этим дело не закончилось. Перо замирает, не в силах описать заключительный акт трагедии. Со всех убитых и раненых были безжалостно сняты скальпы — белые скальпировали индейцев! Волонтеры вспарывали саблями женщинам животы, разбивали детям головы о камни, отрезали жертвам пальцы и уши, чтобы снять украшения. В своей жестокости они превзошли дикарей.

Это «сражение» стоило жизни всего пяти волонтерам; индейцев же погибло более пятисот, половина из них — женщины и дети. Раненые краснокожие были брошены на поле боя, и лишь человек двадцать спаслось.

Вождь сиу Черный Котел и вождь чейеннов Белая Антилопа были тяжело ранены. Погибли знаменитые воины Вывихнутое Колено, Одно Око, он же Кривой, и Короткий Плащ.

Мы уже рассказывали, как полковник Билл после сражения между войсками Кертиса и Ван Дорна распустил свой отряд из индейцев криков и чероки, как ему пришлось сложить с себя звание и снять форму. Покинув армию, наш ковбой отправился ловить удачу в Колорадо и поступил в полк волонтеров. Начав солдатом, Билл быстро прошел нижние ступени воинской службы и стал капитаном в полку Чивингтона.

Именно в этом качестве техасец и оказался в Сэнд-Крике. Дрался он отчаянно и был одним из первых в той резне, что развернулась после сражения. Когда враги были повержены, Билл вложил в ножны окровавленную саблю, вытащил ковбойский нож и принялся снимать скальпы со всех, кто попадался под руку — и убитых, и раненых. Он уже собрал порядочную коллекцию, когда заметил индейца, видимо молодого вождя, раненного в грудь. Рана была, может, и не смертельная, но двигаться воин не мог.

Билл захватил одной рукой несчастного индейца за волосы и умело сделал ножом надрез вокруг черепа. Затем, чувствуя, как дрожит под ножом его жертва, американец начал с отвратительной жестокостью сдирать скальп. Индеец не издал ни звука — должно быть, потерял сознание.

— Такой, если выживет, рискует схватить насморк,—

ухмыльнулся Билл и спокойно перешел к следующей жертве.

Но тут оскальпированный молодой индеец поднял, к изумлению мучителя, страшно изуродованную голову, вскричал на ноги и бросился к стоявшей рядом лошади, крича на своем гортанном наречии:

— Я больше не зовусь Черным Орлом, теперь мое имя — Кровавый Череп. Бледнолицый Охотник За Скальпами, запомни это имя... Твой скальп заменит когда-нибудь на моей голове то, что ты снял...

Билл на мгновение растерялся, потом выхватил пистолет, но он оказался незаряженным. Индеец же пустил коня во весь опор и через несколько минут исчез из виду.

Когда завершилась резня, полковник Чивингтон повсюду трубил о своей победе, заявляя, что убил более пятисот индейских воинов. Он надеялся за свои подвиги получить звание генерала и перейти в регулярную армию.

К чести федерального правительства скажем, что после тщательного и гласного расследования полковник был лишен чинов и уволен из ополчения. Весьма сомнительная слава так и закрепилась с тех пор за его именем: резня в Сэнд-Крике до сих пор не забыта в Колорадо, и ее называют «бойня Чивингтона».

После этого ужасного истребления индейцы ожесточились еще больше. С января 1865 года они жгли и грабили фермы и почтовые станции на севере Колорадо и безжалостно убивали жителей. Чейенны и аррапагу объединились со своими недавними противниками — племенами кайявайсов, команчей* и апачей и вновь начали беспощадную войну против белых.

Сиу ушли на север и вроде бы не вступали в войну, хотя молодой вождь этого племени был душой нового союза. Он носил многозначительное имя Кровавый Череп. Про этого воина рассказывали страшные вещи: его свирепость поражала даже соплеменников.

Вождь всегда носил на голове колпак из шкуры енота и ездил на полудикой пегой лошади, которая — редчайший случай для индейского коня — шла иноходью.

Рассказывали, что какой-то белый снял с Кровавого Черепа скальп. После этого вождя стали мучить страшные головные боли, которые усиливались при езде рысью или

* Кайявайсы, команчи — индейские племена Северной Америки.

галопом на обычных степных лошадях. Вот почему он выбрал коня с более спокойным шагом.

Ненависть Кровавого Черепа ко всем бледнолицым была неутолима. Но, кроме того, его обуревала жажда мести, и мы знаем, о ком он мечтал. Вождь во что бы то ни стало хотел найти человека, изуродовавшего его, снять с этого белого скальп и подвергнуть его пыткам.

Во время военных действий, продолжавшихся до 1867 года, Кровавый Череп и Билл не раз сталкивались, но, как ни стремились к этому оба, всё не могли сойтись в рукопашной схватке.

Они уже ранили друг друга, но для их беспощадной ненависти этого было мало: каждый хотел покончить с врагом раз и навсегда. Однако пока ни одному не удалось одержать победу.

Мирный договор, торжественно подписанный в Канзасе в середине октября между представителями Союза и пятью основными племенами Юга, предоставил обоим врагам несколько лет передышки. Полки волонтеров Колорадо были распущены; мистер Билл вернулся к радостям мирной жизни, но звание полковника сохранил.

Кровавый Череп исчез. Говорили, что он возвратился к сиу, покрытый славой и увешанный скальпами врагов. Все эти трофеи вождь с удовольствием обменял бы на жесткие растрепанные лохмы, которые, несмотря на все усилия Кровавого Черепа, по-прежнему красовались на голове полковника.

Билл, сохранивший свою драгоценную шевелюру, все же не был вполне спокоен. Случалось, в скитаниях ему на глаза попадались следы иноходца, и он не без основания говорил себе, что для всех война, может, и кончилась, но он-то, Билл, еще воюет с одной из жертв «бойни Чивингтона».

В течение девяти лет непримиримые враги время от времени встречались, устраивали засады, обменивались выстрелами, но никак не могли прикончить друг друга. Это были сильные противники, и невозможно было предугадать, кто победит: белый или индеец.

В 1876 году вооруженные стычки возобновились. На этот раз военные действия против американских поселенцев начали сиу. Индейцы не согласились уступить белым

район Блэк-Хиллз*, и опять началась стрельба, опять снимали скальпы с тем же ожесточением, что и прежде. Естественно, полковник Билл и Кровавый Череп оказались в числе воюющих.

Кровавый Череп никогда официально не входил в правящую племенную верхушку, но пользовался среди индейцев немалым авторитетом. Поэтому знаменитый Сидящий Бык, великий вождь оглала, собравший под свои знамена всю конфедерацию сиу,— около 7 тысяч хорошо вооруженных воинов — назначил его своим помощником.

Американскими войсками, как мы уже говорили, командовали генерал Кастер и полковник Крук.

Исключительно удачным маневром Сидящий Бык завлек основные силы федеральных войск — около тысячи человек — в узкую долину в горах Уайт-Маунти близ городка Бисмарк и уничтожил всех до единого. Напомним, что после сражения вождь сиу велел принести тела Кастера и Крука, вскрыл им кинжалом грудь, вынул сердца и съел на глазах у своих воинов.

Это было возмездие за «бойню Чивингтона».

И опять Кровавый Череп и полковник Билл столкнулись лицом к лицу. Индеец надеялся наконец-то отомстить, полковник же, видя, как пули косят товарищей, почувствовал, что его скальп едва держится на голове. Однако и на этот раз ничего не случилось!

Кровавый Череп, забыв осторожность, бросился к полковнику, и тот аккуратно всадил ему пулю в плечо. Индеец не удержался на лошади, но прикончить врага Билл не смог: со всех сторон наступали воины сиу. Кровавый, Череп успел вцепиться в гриву своего пегого мустанга**, взлетел в седло и умчался. Полковник уже считал себя в безопасности, когда шальная пуля попала ему в левую руку.

Так, по меньшей мере в десятый раз, два врага встретились один на один.

До 1880 года они больше не виделись, и полковник уже начал думать, что освободился от преследований краснокожего безумца. Но неожиданно, во время большой охоты на бизонов, Билла схватили, и он, к ужасу своему, предстал перед очами Кровавого Черепа.

* Блэк-Хиллз — горный массив на территории Дакоты и Вайоминга (центральный район США), расположенный на юге от большой излучины Миссури, между истоками Малой Миссури и Норт-Платт (Примеч. авт.)

** Мустанг — одичавшая домашняя лошадь.

ГЛАВА 13

Истинное лицо индейцев.— Мрачные предчувствия полковника.— Фрике голоден.— Как парижанин завоевал сердце старого индейца.— Дела ковбоя все хуже.— Последствия сальто-мортале.— Фрике заговаривает зубы.— Вызов.— Прыжок через лошадей.— Победа Фрике.— Крепкое рукопожатие.— Почему Фрике получил имя Железная Рука.— С индейцами договориться трудно.*

Индейцев Северной Америки охотно изображают людьми суровыми, молчаливыми, говорящими торжественно и образно. В действительности же они общительны, веселы и разговаривают без всякой напыщенности. Напускная суровость, нарочитая молчаливость, торжественная речь, изобилующая смелыми метафорами,— все это используется лишь на собраниях и советах, во время переговоров с белыми или другими племенами.

У себя в деревне, во время привалов на охоте, в дороге краснокожие охотно смеются, поют, играют, танцуют, шутят с детьми. Мужчины, правда, более суровы, но и они не считают зазорным участвовать в развлечениях. В этом состоит одна из особенностей характера индейцев, характера, чрезмерного во всех проявлениях, который к тому же очень изменчив. Индейцы легко переходят от буйного веселья к суровой жестокости.

Фрике и Андре представляли коренных жителей Америки лишь по наблюдениям путешественников, наблюдениям верным, но слишком поверхностным, поэтому изрядно удивились, когда при виде заклятого врага с лица Кровавого Черепа исчезла маска непроницаемой суровости.

Похоже, никто из воинов не обращал внимания на французов. Во время короткого привала все отдыхали как могли. Слышались разговоры, смех и шутки, не мешавшие индейцам поглощать огромные куски мяса бизонов не просто с аппетитом, а с настоящей прожорливостью.

Кровавый Череп присоединился к общему веселью. Видимо, он удачно шутил, потому что слушатели жадно ловили каждое слово и время от времени разражались громким хохотом, не скрывая своего удовольствия.

* Сальто-мортале, сальто — полный переворот в воздухе человека с места, с разбега. Буквально: смертельный прыжок (от *im.salto mortale*).

Крепко связанные французы были просто потрясены быстрой сменой настроения похитителей. Ковбой же стал новился все мрачнее, ибо понимал угрожающий смысл слов Кровавого Черепа.

— Послушайте, полковник,— вполголоса сказал Фрике.— По-моему, эти доки в области пыток не прочь иногда повеселиться. Мне кажется, люди, способные смеяться от всей души, не могут быть уж очень кровожадными. Может, попробуем с ними договориться? Что вы на это скажете?

— Скажу, мистер Фрике,— многозначительно заметил полковник,— что самый здоровый из нас сейчас в двух шагах от смерти. Если бы вы, как я, понимали, что они говорят, вы бы убедились, что это — звери... Знаете, и тигр иногда улыбается, когда скалит клыки...

— Что вы говорите! Это так серьезно?

— А вы еще сомневаетесь! Мерзавцы сейчас развлекаются тем, что обсуждают во всех подробностях пытки, которые нам уготованы... От их фантазии поседеть можно, а они смеются... Вы, господа французы,— люди мужественные, я видел вас в деле. И вы знаете, что меня не так-то легко испугать. Но не стыжусь вам признаться, сейчас я боюсь! И это не презренный страх человека, видящего, что конец близок, что жизнь покидает его, разум гаснет. В конце концов смерть — естественный конец всего живого... Нет, я не страшусь смерти... Но все, что есть во мне человеческого, восстает при мысли о жутких страданиях, которые мне предстоит вынести, об изощренной жестокости моих многоопытных мучителей.

— Да уж! Перспектива не из веселых!..

— Будь у меня свободны руки, а в них — хороший нож, я всадил бы его себе в сердце. И если бы моя рука случайно дрогнула, я бы сказал вам: окажите мне последнюю услугу, прошу вас о милосердии — убейте меня!

— Неужели наши дела так плохи?..

— Они нас не кормят, значит, это будет не сегодня.

— Да, действительно... Что-то у них в гостях и не угостишься, как говорят наши милые друзья Кер-д'Ален. А кстати, не могут ли Кер-д'Ален пойти по нашим следам и поохотиться на этих малосимпатичных граждан?

— Я уже не надеюсь...

— А я, знаете ли, очень на это рассчитываю... Представьте себе, что здесь появляется сотня или две молодцов с винчестерами. Это могло бы круто изменить ход событий.

— Мы их не дождемся. По-моему, отряд скоро двинется в дорогу. Их племя стоит лагерем в нескольких днях пути. Не сомневаюсь, они поведут нас в свою главную деревню, чтобы устроить для женщин и детей спектакль с нашим участием. И неделю, не меньше, нас будут хорошо кормить, чтобы мы легче переносили мучения и не умерли в самом начале пыток.

— Спасибо за информацию, полковник. Несколько дней отсрочки могут дать надежду на спасение. Но я голоден, и пусть меня накормят. Попрошу-ка я поесть. Что вы на это скажете, господин Андре?

— Согласен. Клянусь теми чертями, что терзают мой желудок, я тоже не прочь получить кусок дичины.

— Эй! Послушайте! — обратился Фрике к индейцам на ломаном английском. — Может, дадите что-нибудь перекусить?

Никакого ответа...

— Эй, вы!.. Чего уставились, как стадо гусей, услышавших игру на тромбоне?.. Что, не понятно? Мы голодны, дайте нам поесть... Во всех странах мира пленных кормят.

Никто не среагировал на эти слова, и, похоже, никто их не понял.

— Дикари! Точно, дикари! — ругнулся по-французски Фрике.

При этом слове старый индеец в лохмотьях встал и подошел к пленным.

— Дикари? — удивленно переспросил он гортанным голосом.

— Ну да! — ответил по-французски Фрике. — Могу повторить еще раз: ди-ка-ри!.. Мало того, что связали нас, как скотину, так еще и голодом морят.

— Голод... нет голод... еда... — произнес по-французски краснокожий.

— Смотри-ка! Этот ирокез* знает несколько слов по-французски.

— Франса... вы — франса? — Старый индеец, казалось, был изумлен еще больше пленника.

— Да, мы — французы и вдобавок из самого Парижа, мое сморщенное краснокожее яблочко!

— Я знал... отец...

— Какой еще «отец»?

* Ирокезы — группа индейских племен Северной Америки (сенека, кайюга, онондага, онеида, могавки, тускарора); в конце XVII—XVIII веках — союз племен.

— Смет...

Андре оживился:

— Ты знал отца де Смета, миссионера?

— Да... Смет... Отец сиу-дакота...

— Ну, знаешь, старина,— вмешался Фрике.— Уж конечно, не отец де Смет научил вас такому... бесцеремонному обращению с ближним. Ладно, потом побеседуем. Попроси-ка лучше у своих дружков хороший кусок ростбифа, и пусть нас развяжут, а то руки-ноги затекли.

Старик быстро отошел от пленников и, подойдя к компании, слушавшей разглагольствования Кровавого Черепа, что-то сказал индейцам.

В ответ слышались грубые возражения, а затем упреки Кровавого Черепа, но старик стоял на своем, и несколько воинов с ним согласились. Минут через пятнадцать старый индеец вернулся к пленным с огромным куском мяса.

— Вот молодец! Спасибо, папаша! Ну а теперь давай-ка ножичком по веревочкам, а то у бедного Фрике все четыре лапы связаны!

Индеец заколебался, но все-таки развязал веревки.

— Браво, предок! А теперь очередь господина Андре. Это вот тот представительный мужчина с черной бородой. Он мало говорит, но много думает... Прекрасно! Ваша доброта не знает границ! Ну а теперь вот этого,— продолжал Фрике, указывая на изумленного американца.

— Нет! — резко ответил старик.

— Почему?

— Нет!.. Нет!.. Нет!.. — с ненавистью повторил индеец.— Он — не франса... Он — Длинный Нож*.

— Ну и что с того?

— Нет,— решительно повторил старик и протянул к губам ковбоя кусок мяса на острие ножа.

— Будете кормить из клюва? Ну хорошо хоть так. Но лучше бы вы его развязали.

— Нет!

— Ну, ладно, ладно! Не сердись, папаша! Мы не убежим: мы же пешие, а от ваших дружков не улизнешь, тем более что у каждого под рукой карабин. Ну, я поел, теперь надо немного размяться.

Фрике с явным удовольствием потянулся, так что косточки захрустели, а потом ему пришла в голову по

* Так индейцы именуют американцев. (Примеч. авт.)

меньшей мере странная в данной ситуации фантазия сделать великолепное сальто-мортале назад.

Удивленные индейцы перестали жевать и разразились громким смехом.

— Вот как? Похоже, им это понравилось,— заметил Фрике.— Да и мне тоже! Попробуем еще!

И неумный парижанин, издав звонкое и радостное восклицание, с которого обычно начинают выступления цирковые гимнасты и клоуны, сделал сальто-мортале вперед. Затем последовал прыжок в сторону и пять-шесть кульбитов назад. После этого Фрике сгруппировался, резко выпрямился, подпрыгнул, прошелся колесом и походил на руках, закинув согнутые ноги к затылку. Удержав равновесие в этой невероятной позе, он схватил зубами кусок мяса и сжевал его, потом одним прыжком встал на ноги и закончил свое выступление потрясающим шпагатом.

Краснокожие — страстные любители физических упражнений — были поражены. Они даже забыли о еде, любуясь силой и сноровкой белого, который легко проделывал трюки, недоступные и самым ловким индейцам. Фрике тут же неизмеримо вырос в глазах окружающих.

— Ну вот! — насмешливо сказал парижанин.— Что значит изысканное воспитание! Но это еще не все. Дамы и господа! Не желает ли кто-нибудь из почтенной публики принять участие в партии бокса, английского или французского, с холодным оружием или без, с тростью или с палкой, с элементами гимнастики или рукопашной борьбы? Бросаю перчатку!.. Впрочем, перчатки нет, могу бросить носок!.. Так что же, господа, есть желающие?.. Неужели нет ни одного человека, достаточно храброго или достаточно ловкого, чтобы принять вызов?..

Андре веселился от души, наблюдая за выходками Фрике, да и индейцы, судя по их виду, позабавились.

— Ну как? Все молчат? Но посмотрите, я ведь не из папье-маше, не из резины, не из железной проволоки или там из прессованных кошачьих кишок... Я — человек из плоти и крови, как и все двуногие, белые, желтые, черные, красные и прочие человеческие существа, проживающие в нашем подлунном мире, включая марсельцев и овернцев. У вас тут что, нет ни одного гимнаста? Ну, чего уставились? Может кто-нибудь перепрыгнуть без трамплина через двух-трех поставленных в ряд лошадей?

Фрике, не колеблясь, подошел к одной из стреноженных лошадей, взял ее за уздечку и попытался вывести на

середину лужайки. Испуганная приближением белого, лошадь зафыркала и встала на дыбы.

Решив, что парижанин пытается бежать, индейцы вскочили и с угрожающим видом окружили его. Тогда Фрике объяснил старику, понимавшему по-французски, что именно он хотел сделать. Старый индеец, похоже, проникшийся к парижанину симпатией, внимательно выслушал его и подтвердил жестами и оживленной мимикой, что все понял, затем взял уздечку, коротким свистом успокоил лошадь и сделал знак молодому воину придержать ее.

— Прыгать через одну лошадку? — воскликнул Фрике. — Детская забава! Правда, господин Андре?

— Не скажи, дорогой мой, и это далеко не всем под силу.

— Надеюсь, у меня выйдет кое-что получше! Суставы еще не заржавели... Надо произвести хорошее впечатление, я же постараюсь показать все, на что способен.

Привели вторую, а затем и третью лошадь и поставили рядом с первой.

— Итак, — спросил Фрике, — кто первый?

Подталкиваемый соплеменниками, вперед вышел молодой индеец высокого роста, мускулистый, как античный гладиатор, с римским профилем. Он был сосредоточен и серьезен.

Не стесняясь, юноша снял кожаные штаны, охотничью куртку из шкуры бизона, мокасины и отошел подальше для разбега.

— Парень свое дело знает, — заметил Фрике с видом знатока. — Однако что за странная идея заниматься акробатикой, прикрывшись лишь солнечным лучиком? Ну, давай, приятель!

Индеец стремительно разбежался, издал громкий крик и с необыкновенной легкостью перелетел через коней.

Воины радостно завопили и, похоже, начали подшучивать над Фрике, который едва достигал плеча своего атлетически сложенного соперника.

— Смейтесь, смейтесь, — пробормотал парижанин. — Ревут, как тюлени. Но хорошо смеется тот, кто смеется последним! Ну-ка приведите еще трех лошадей!

— Три? — переспросил старик.

— Трех, трех, папаша. А вместе будет шесть. Что тут удивительного? Да у нас все — мужчины, женщины, грудные дети — запросто сделают такой прыжок.

Привели еще трех лошадей, причем Фрике, как на-

стоящий игрок, расставил их на небольшом расстоянии друг от друга.

Индейцы прямо рты раскрыли. Напрочь забыв о еде, они, не отрываясь, следили за происходящим. Фрике отошел подальше, спокойно снял тяжелые сапоги из рыжей кожи и заметил:

— Башмаки тяжеловаты, не по уставу... Ну, по мягкой травке можно и в носках... как по бархату! Раз!.. Два!.. Три!..

Юноша рванулся вперед, побежал мелким, частым шагом и внезапно взвился, как подброшенный пружиной, молнией мелькнув в воздухе.

Пораженные воины увидели, как француз в мгновение ока пролетел над блестящими спинами мустангов и легко приземлился с другой стороны живого барьера. Раздались восторженные вопли.

— Право! Ничего особенного! Думаю, можно было еще парочку лошадок поставить. А что скажет мой соперник? Ну как? — обратился Фрике к изумленному и несколько пристыженному молодому воину. — Теперь ваша очередь.

Но индеец, опасаясь поражения, отрицательно покачал головой.

— Стало быть, я вас уложил на лопатки! Но только без обиды! — сказал Фрике, протягивая ему руку.

Тот не мог не вложить свою ладонь в руку парижанина. Вдруг на лице индейца появилось выражение крайнего изумления, а затем гримаса боли. Брови юноши сдвинулись, рот приоткрылся, и он согнулся пополам, словно его руку зажали железные тиски. Послышался сдавленный крик.

— Что, больно? — спросил Фрике, выпустив скрюченные, побелевшие пальцы соперника. — Это же просто дружеское рукопожатие. Мы всегда так здороваемся. Спросите хоть господина Андре...

Охваченный суеверным страхом, индеец с трудом разлепил пальцы и даже не поднял взгляд на противника. Удаляясь, он смущенно пробормотал какое-то слово, которое за ним вполголоса стали повторять его потрясенные соплеменники.

Фрике обернулся к американцу и спросил:

— Слушайте, полковник, что они такое говорят?

— Они называют вас Железная Рука. Вы и впрямь заслужили это имя. Бог мой! Ну у вас и лапища, мистер Фрике! По-моему, вы завоевали их сердца. По крайней мере несравненная сила вам пригодилась.

— Думаете, нас освободят?

— Нет, это было бы слишком! Вы, может быть, избежите

столба пыток, и вас убьют, не причиняя страданий. Уже кое-что!

— Благодарю вас, вы очень добры! Но мне этого мало. У меня есть для них еще сюрприз, точнее, у нас, и надеюсь, мы сумеем отсюда улизнуть.

— Хотел бы разделить ваши надежды, но, поверьте, мистер Фрике, лучше не поддаваться иллюзиям. Уж очень тягостным может быть отрезвление. Во всяком случае, постарайтесь, по возможности, достать мне нож. Я, повторяю, согласен умереть, но не под пытками.

ГЛАВА 14

Индейцы уважают сильных и ловких.— Фрике не желает пользоваться привилегиями.— В путь на север, потом на восток.— Новый лагерь.— Индейская собака и ее хозяин.— Хижина, или вигвам.— Не очень гостеприимный прием.— Как Кровавый Череп излечивает обмороки.— Под кровом вождя.— Фрике, прозванный Железной Рукой, узнает, что он — великий воин.— Планы побега.— Как Кровавому Черепу удалось захватить трех охотников.*

Некоторые из предсказаний американца вскоре сбылись, по крайней мере в отношении двух французов. Как только окончился рыцарский турнир, который, как мы знаем, принес победу Фрике, предводитель отдал приказ выступить в поход.

Крепко связанного мистера Билла без церемоний водрузили на лошадь, руки с одной стороны, ноги с другой, и в таком неудобном положении ковбой был вынужден продолжить утомительную скачку. Парижанин с тревогой ожидал, что и с ним поступят так же, но был приятно удивлен, когда к нему подвели крепкого коня, взнузданного и под седлом.

Правда, его новый друг, старик индеец, объяснил от имени остальных, наполовину жестами, наполовину на смешанном франко-индейском наречии, что хотя с ним и обращаются, как с воином, высоко ценя его доблесть, однако свяжут руки спереди, и с этой мерой предосторожности он должен согласиться.

— Конечно! — ответил парижанин. — Раз уж иначе —

* Вигвам — куполообразная хижина индейцев Северной Америки.

никак, отказываться нельзя. А если лошадка закапризничает, что я буду делать?

Старый индеец сказал, что беспокоиться не нужно: один из воинов поведет лошадь за узду.

Парижанин скрепя сердце подчинился, позволил связать себе руки и был посажен в седло.

— Ну что ж, так все же лучше! — философски заметил он. — А там посмотрим, может, еще выпутаемся...

И тут Фрике увидел, что его друга собираются, как мешок, уложить связанным на лошадь.

— Э, нет! Только не это! С господином Андре должны обращаться так же, как и со мной... Иначе я требую, чтобы меня опять связали по рукам и ногам.

Поскольку воины проигнорировали слова юноши, неумный Фрике нечеловеческим усилием разорвал, как простую бечевку, ремень из кожи бизона, стягивавший его запястья, прыгнул на землю, выхватил у стоявшего рядом индейца нож для снятия скальпов (такие ножи носят засунутыми за ремень мокасин, у икры) и в одно мгновение разрубил ремни, стягивавшие ноги Андре.

Все это произошло столь молниеносно, что индейцы застыли как вкопанные. Фрике, не теряя хладнокровия, взял нож за кончик лезвия и вернул хозяину, дружелюбно заметив:

— Держите, приятель, вот ваше оружие. Поверьте, я не собирался использовать его в недобрых целях. Просто мне хотелось обратить ваше внимание на то, что присутствующий здесь господин Андре стоит дюжины таких, как я, и по уму, и по ловкости. Я не желаю один пользоваться преимуществами, которых во всех отношениях достоин и мой друг. Вот так! Поняли?

Индейцы снова заволновались, завели бесконечные споры. Похоже, они не собирались соглашаться с требованиями парижанина.

— Или так, или никак! — настаивал Фрике. — Или меня взвалят на лошадь, как куль с мукой, или господин Андре поедет в седле. Он тоже имеет право на уважение. Да-да... Знаю, вы скажете, что он не откалывал акробатических трюков. Но я вам выдал по полной, на двоих хватит. Только так! Впрочем, на следующем привале вы сможете оценить его таланты. Только дайте ему в руки карабин и увидите — он с сотни метров начисто срежет фитиль у свечи. Если и этого будет недостаточно, пусть мой друг пожмет вам руку, он любому раздавит пальцы получше, чем я. Увидите, бицепсы у него не из ваты. Он

кого хотите поднимет на вытянутой руке, как обычную гирию килограмм в двадцать. Если и это вас не устраивает, то на вас не угодить! Все! Я сказал!

Хотя никто не уловил смысл этой речи, которую Фрике выпалил единым духом, индейцы догадались, чего хочет молодой человек. Уважение краснокожих к Фрике еще больше возросло.

Они понимали, что вряд ли пленники могут сбежать, и поэтому, посоветовавшись, удовлетворили просьбу Фрике, дали Андре коня и развязали ему ноги. Правда, руки обоих охотников связали двойными ремнями.

Все эти происшествия задержали отъезд на полчаса, не больше, и отряд наконец тронулся в путь.

Индейцы шли на север, следуя по линии сто семнадцатого меридиана западной долготы по Гринвичу. Двигаясь по территории племени Длинноухих, они добрались до двух небольших озер Теземен-Лейк, расположенных в центре обширного плато, окруженного со всех сторон отрогами главного хребта Скалистых гор.

Отсюда отряд повернул на восток, к горному массиву, в глубине которого, на высоте 2093 метра, находилось озеро Калиспелл, или озеро Длинноухих.

Они шли остаток дня и всю ночь. С рассветом отряд оказался в низине, где в живописном беспорядке были разбросаны хижины, покрытые бизоньими шкурами.

Послышался яростный лай, и целая свора собак бросилась навстречу вновь прибывшим. Эти так называемые друзья человека весьма сдержанно принимали ласки хозяев, зато с удовольствием скалили на пленников устрашающие клыки. Фрике сказал, что их зубы похожи на дольки чеснока — сравнение очень образное, но вполне точное.

Животные здесь не ластятся к хозяевам, видимо, потому, что индейцы обычно очень плохо обращаются с собаками, с лошадьми и... с женщинами. А может, индейский барбос просто знает, какая участь ему уготована в случае голода, когда собака из верного сторожа превращается в более или менее аппетитное блюдо. Вообще отношения между краснокожими и их псами далеки от той дружбы, которая связывает нас, европейцев, с нашими четвероногими друзьями.

Шум, голоса, залиvistый лай разбудили тех членов индейского клана, кто еще спал в хижинах.

Конструкция индейской хижины довольно незамысловата, но заслуживает краткого описания. Лачуга, или хижина, которая в романах также именуется вигвам, строит-

ся обычно из двух десятков тонких, заостренных шестов, которые втыкают по кругу в землю, а сверху связывают вместе. Так создается конический каркас, высотой в пять-шесть метров. Каркас покрывается шкурами бизонов или шитыми холстинами, а верхушка остается открытой, чтобы выходил дым от очага.

С одной стороны оставлено отверстие, через которое можно проникнуть в вигвам только на четвереньках. Дыра обычно завешивается шкурами бобра или лоскутами холстины, прикрепленными гвоздями, узкими ремешками или просто пришитыми к стенам — это и есть дверь.

Непривычный человек в таком обиталище жить не может. В середине хижины обычно горит костерок, вокруг валяется кухонная утварь и посуда — чаны и медные котлы, все — немыслимо грязное. Вместо мебели вокруг очага и кухонных принадлежностей разложены шкуры бизонов, заменяющие одеяла и матрасы.

Одежда индейцев — хлопковые рубахи, кожаные куртки, штаны из «скальпированной», то есть лишенной шерсти, шкуры — развешена на жердях вперемешку с ломтями мяса бизонов, провяленными на солнце, прокопченными или нарезанными на узкие полосы. Упомянем еще о деревянных, грубо раскрашенных ящиках и причудливо вышитых кожаных мешках, где хранятся ценные вещи, и у нас будет полное представление о том, какой крошечный ад, исполненный малоприятных ароматов, царит в этом жилище, где спят, едят и отдыхают с полдюжины индейцев.

Пленники видели, как приподнимались завешивавшие вход шкуры бизонов и из глубины вигвамов на них с любопытством посматривали черные глаза краснокожих. Безобразные, беззубые старухи косились на белых с гримасой отвращения и визгливым голосом выкрикивали проклятия, заглушая даже лай собак.

Из-под приподнятых шкур выскальзывали на улицу юркие ребяташки: «дверь» вигвама была им как раз по росту. Затем выходили женщины, с ненавистью глядя на бледнолицых. Наконец, появились серьезные мужчины, которые считали недостойной слабостью выказывать перед чужаками какие-либо чувства.

Лошади воинов, вернувшихся в селение, были совершенно измучены, но всадники не удержались и устроили дикую скачку прямо по деревне. Они неистово кричали, пришипоривали своих несчастных коней, бросали их на любое препятствие, склонившись с седла до земли, подки-

дывали и ловили карабины, гарцевали как сумасшедшие среди хижин, собак, женщин и детей, не обращая никакого внимания на ямы и рытвины. Самое невероятное, что при этом они ничего не сломали и никого не задавили.

Рядом с пленными остались только Кровавый Череп и старик, носивший странное имя,— Мужчина, Видевший Великого Отца. Между ними завязался оживленный разговор. Старик, видимо, выслушал доводы своего собеседника и согласился с ними. Он помог Фрике и Андре спешиться. Кровавый Череп тем временем схватил совершенно обессиленного полковника Билла и снял его с холки лошади. Видя, что пленник почти без сознания, вождь несколько раз уколол янки в ладонь острием ножа, чтобы привести в чувство. Несчастный ковбой открыл глаза, глубоко вздохнул, и ужас мелькнул в его глазах при виде врага.

Видевший Великого Отца объяснил двум французам, что их сейчас отведут в хижину Кровавого Черепа. Там они вместе с американцем останутся до тех пор, пока совет вождей не решит их судьбу. Он, Видевший Великого Отца, готов был взять бледнолицых к себе, но Кровавый Череп против. Единственное, что старик может сделать,— это прислать свою жену по имени Мать Трех Сильных Мужчин с едой для пленников.

Было ясно, что Видевший Великого Отца был невысокого мнения о том, какое угощение может предложить бледнолицым его мстительный соплеменник, и сомневался в гостеприимстве Кровавого Черепа.

Андре и Фрике, совершенно измотанные долгой скачкой и неудобным положением в седле, понимали, что возразить нечего. Они поблагодарили старика и пошли за Кровавым Черепом. Следом бежала орава гомонящих ребяташек, женщины что-то выкрикивали и грозили пленникам кулаками, а псы злобно скалились.

Полковник на своих распухших ногах не мог сделать и шагу, но Кровавый Череп, боясь, что заклятый враг не доживет до уготованных ему мучений, сам растер его затекшие конечности и даже понес Билла на руках!

Торопясь скрыться от недоброжелательных и любопытных глаз, пленники вошли в вигвам Кровавого Черепа.

Дверь-полог опустилась за ними, закрывая доступ воздуху и свету. И хотя путешественники привыкли к превратностям кочевой жизни и легко приспосабливались даже к самым необычным условиям, тут они не смогли

скрыть отвращения при виде грязи и беспорядка, царившего в хижине.

Фрике мутило от вони наполовину протухшего мяса, он задыхался от дыма, уходящего через верхнее отверстие, едва пропускавшее свет.

— Черт побери! — воскликнул парижанин. — Наше пребывание в этой гадкой лачуге вполне можно считать прелюдией к пыткам, уготованным нам краснокожими. Ну и конура! Никого не хочу обидеть, но смахивает на живодерню!

Зато Кровавый Череп чувствовал себя в этой грязи превосходно. На удивление легко двигаясь среди груды хлама, загромождавшего вигвам, он осторожно положил полковника на шкуру бизона, а сам застыл рядом с пленником на корточках, словно сфинкс*, высеченный из красного гранита, не отрывая от своей жертвы полного ненависти взгляда.

— Послушайте, приятель! — обратился к нему по-английски Фрике. — Вы вроде худо-бедно по-английски общаетесь. Нельзя ли поднять полог? Думаю, небольшой сквознячок не помешает. А то здесь задохнуться можно!

Кровавый Череп нехотя отвел глаза от ковбоя и неторопливо ответил парижанину:

— Железная Рука молод, но он — великий воин. Пусть же он поступает, как хочет.

— Железная Рука? Это еще что такое?! А, да, вспомнил! Это же мое индейское имя. Спасибо, почтенный краснокожий! Воспользуюсь разрешением и немного проветрю помещение. Ну вот!.. Милый и желанный ветерок! Послушайте, господин Андре, что это я все время болтаю, а вы не сказали ни слова?

— Продолжай шутить и отвлекай, сколько можешь, этого типа, — вполголоса ответил Андре. — Мне надо отдохнуть и обдумать план, который дает нам шанс на спасение.

— Пусть один шанс из ста! А у вас уже есть какие-то идеи?

— Да. Но надо подождать, пока полковник вновь соберется с силами.

— Ну, это само собой. И что тогда?

— Мы должны напасть на этого мерзавца, захватить его оружие и лохмотья, которых в хижине полно, и...

* Сфинкс — в Древнем Египте — каменная фигура лежащего льва с человеческой головой.

— Ухватить по лошадке — и ищи ветра в поле... Так?

— Не совсем. Надо, чтобы кто-то из нас позаимствовал у Черепа наряд, чтобы погулять ночью по лагерю. Остальные двое также переоденутся потом в индейцев, иначе нам не добраться до лошадей.

— Здорово!

— В общем, если первая часть плана удастся, мы вырвемся в прерии.

— Само собой!

— И вот тут нам придется труднее всего.

— Легких побед не бывает!

— Поэтому дай мне спокойно подумать, чтобы вести игру со всеми козырями.

— Идет! А я попробую позубоскалить с этим неприветливым типом и, может быть, вытяну из него кое-какие сведения. По-моему, он начинает читать мораль полковнику. Послушаем! Это может быть интересно!

Кровавый Череп по-прежнему неподвижно сидел рядом с ковбоем, не обращая внимания на разговоры двух друзей. Он неотрывно смотрел на врага, который уже пришел в себя. Наслаждаясь сознанием скорого возмездия, индеец на ломаном английском объяснял американцу, как он захватил свою жертву:

— О!.. Охотник За Скальпами считал себя в безопасности рядом с бледнолицыми. Он забыл, что ненависть воина никогда не угасает. Кровавый Череп следил за ним днем и ночью, в любой час, без передышки! Кровавый Череп жил среди белых, он носил их одежду, он спал в их хижинах из дерева и камня... Несколько раз он был совсем рядом с Охотником За Скальпами, но бледнолицый его не узнал. Кровавый Череп мог убить его ударом ножа и снять скальп... Ведь бледнолицый был так близко! Но Кровавый Череп хотел настоящей мести, достойной воина прерий! Он хотел, чтобы враг был перед ним, безоружный, полностью в его власти, привязанный к столбу пыток... Кровавый Череп хотел услышать, как будет потрескивать плоть бледнолицего на медленном огне, увидеть, как потечет его кровь, почувствовать, как хрустнут его кости, насладиться его стонами. Он хотел, чтобы враг молил о смерти, как о милости. Охотник За Скальпами не узнал Кровавого Черепа, встретив его среди индейцев, когда отряд бледнолицых покинул Уоллулу. С этого часа Кровавый Череп не терял след своего врага. Кровавый Череп собрал своих друзей, воинов

трех племен, и устроил ловушку, в которую попали спутники Охотника. Кровавый Череп снял с них скальпы!

— Так это он! — вполголоса произнес Фрике. — Значит, наших товарищей зарезал этот подонок. Ну, пусть не просит пощады, когда придет наш час!

— Кровавый Череп — великий воин, — с воодушевлением продолжал индеец. — Это он поджег прерию, после того как Охотник За Скальпами убил Рóга Лося, собиравшегося напасть на бледнолицых. Кровавый Череп шел за белыми до резервации Кер-д'Ален, он был рядом с ними на охоте, а они и не подозревали. Ему и его друзьям удалось увести стада бизонов и завлечь белых туда, где они были схвачены. И теперь Охотник За Скальпами во власти Кровавого Черепа. И ничто не спасет бледнолицего от мести. Воины сиу сейчас находятся на территории Длинноухих, недостойных индейцев, ставших подданными Великого Отца Вашингтона, потому нельзя медлить с возмездием. Завтра соберется большой совет вождей, а послезавтра белые будут привязаны к столбу пыток. Ты слышишь, бледнолицый? Я сказал: послезавтра! После этого Кровавый Череп сможет зарыть топор войны и отдохнуть. Твой скальп заменит на его голове колпак из шкуры енота. Я сказал!

— Черт побери! — прошептал Фрике. — Веселиться нам некогда. Если я все понял из его речей, у нас осталось две ночи и один день. Ну что же, посмотрим!

ГЛАВА 15

Утро в индейской хижине. — Мать Трех Сильных Мужчин выполняет обещание. — Шествие. — Зал совета. — Семь вождей. — Наряды и шляпы. — Какофония. — Церемониал. — Слепой Бобб, великий вождь. — Кровавый Череп — общественный обвинитель. — Зловещее доказательство. — Справедливости! — Небольшой, но ценный подарок. — Проект обмена шевелюрами. — Приговор полковнику. — Кровавому Черепу нужны три жертвы. — Ответ Фрике.

Как ни отвратительно пахло в хижине Кровавого Черепа, Фрике, Андре и мистер Билл все же заснули. Видимо, от спертого воздуха сон их был неспокоен и полон кошмаров. Проснулись они довольно поздно и увидели, что огонь в очаге погас, а из верхнего отверстия проникал в хижину солнечный лучик.

Охотники были одни. Но бдительные охранники, конечно, оставались рядом. С улицы слышался гул голосов, похоже, там шли какие-то переговоры. Вскоре голоса смолкли и шкуру, прикрывавшую вход, подняла чья-то тощая рука. В хижину вошла старая, вся в морщинах женщина, согнутая долгим изнурительным трудом. Она принесла еду.

— Мать Трех Сильных Мужчин выполняет наказ Видевшего Великого Отца,— тихо произнесла она.— Пусть бледнолицые поедят... быстро, очень быстро... Скоро они предстанут перед советом вождей.

И, не сказав больше ни слова, женщина удалилась.

Фрике и Андре послушно проглотили по хорошему куску мяса, с удовольствием съели по жесткой кукурузной лепешке и покормили, как выразился Фрике, «из клюва» полковника.

Старуха сказала правду. Едва они кончили есть, в вигвам вошел Кровавый Череп, вооруженный до зубов и отвратительно вымазанный самыми яркими красками.

— Пусть белые встанут и идут за мной,— приказал он.— Они предстанут перед судом и увидят великих воинов.

— Вот как! — заметил Фрике.— Нас, значит, судят. А по-моему, приговор заранее известен. Впрочем, думаю, мы увидим кое-что забавное.— Затем, обращаясь к вождю, который в боевой раскраске стал еще надменнее и суровее, Фрике добавил: — Послушайте, приятель, неплохо было бы развязать нам ноги. Что же нам, идти на совет стреноженными, как скот? Во-первых, очень уж трудно шевелить ногами, во-вторых, что скажут люди?

— Кровавый Череп согласен,— ответил краснокожий со злобной ухмылкой.— Он даст белым свободу, пока их не привяжут к столбу пыток.

Индеец перерезал веревки, стягивавшие ноги пленников.

— Ох и задал бы я тебе жару, парень! — тихо проговорил Фрике.— Да нас всего трое, а у тебя тут человек двести головорезов. Но мы еще посмотрим!

— Ну что же, пошли! — коротко бросил Андре товарищам.

Вождь, а за ним пленники вышли наружу. Их сразу же окружили вооруженные воины. Появление белых явно вызвало любопытство, правда, было трудно определить, насколько оно благожелательно. На лицах индейских воинов застыло бесстрастное выражение, придававшее им сходство с каменными масками.

Женщинам и детям, похоже, строго запретили выходить из хижин. Лишь мужчины в боевой раскраске молча присоединились к шествию.

Наконец все подошли к просторному вигваму, где свободно могли разместиться человек двадцать. Плотные некрашенные холстины, служившие стенами, были приподняты, свет и воздух проникали в хижину со всех сторон.

Воины расположились вокруг так, чтобы любопытные не могли подойти близко, а всем допущенным на совет было видно и слышно все, что произойдет внутри. Кровавый Череп вошел в хижину через просвет между шестами.

Перед очагом, в котором тлели угли, сидели семеро индейцев в церемониальных нарядах. Пусть, однако, читатель не думает, что выражение «церемониальный наряд» предполагает какое-то подобие полного костюма. Невозможно представить, до чего нелепы были одеяния этих сильных воинов, с римским профилем, мощным торсом и атлетическими мышцами. Если бы не общий серьезный настрой, оба француза расхохотались бы при виде немыслимых лохмотьев, гордо выставленных напоказ.

Индейцы, еще вчера смотревшиеся как истинные дети природы, напялив эти тряпки, извлеченные из ящиков и кожаных мешков, превратились в жалкие карикатуры.

Как только пленники, держась спокойно и с достоинством, переступили порог вигвама, вожди затянули мрачную песнь, прерываемую высокими нотами, в которых слышались рев и крики зверей. Каждый вел свою партию в этом странном концерте, не обращая никакого внимания на пение остальных. Один кричал оленем, другой хрюкал, третий лаял, кто-то ржал...

Пока семеро вождей пели, французы могли спокойно рассмотреть их. Американец же, которому такие зрелища, видимо, были не внове, с удовольствием жевал табак, найденный в кармане куртки.

На табурете, возвышаясь на целую голову над шестью остальными индейцами, сидевшими на корточках, восседал старик с тусклым, невидящим взглядом. Похоже, он уже приблизился к закату жизни, но годы пощадили его, индеец был бодр и крепок, лишь слепые, безжизненные глаза говорили о глубокой старости.

Фрике подметил одну интересную особенность: у каждого вождя на голове была шляпа, более или менее драгая, но явно не индейского происхождения. Это были скорее всего изделия американской промышленности, но, Боже мой, в каком состоянии!

Старый вождь напялил на свои черные, как вороново крыло, волосы шелковый цилиндр, ворс у которого выцвел, выгорел и местами облез, как шкура драной кошки. Когда-то этот цилиндр был действительно цилиндрической формы, но теперь он просел и погнулся, превратившись в совершенно немыслимую конструкцию. И все-таки это была шляпа!

Шляпа другого также некогда была цилиндром (Бог знает, почему этот головной убор считался здесь верхом элегантности!), но теперь потеряла поля и напоминала простой колпак. Кроме того, эта шляпа сложилась гармошкой и стала вполтину ниже, чем когда-то.

Фрике не без удовольствия признал под этим странным сооружением своего старого знакомого — Видевшего Великого Отца.

На остальных пяти членах совета были мягкие фетровые шляпы, более или менее мятые, более или менее порванные и в той или иной степени потерявшие первоначальный вид.

Да, трудно представить что-нибудь более нелепое и вместе с тем злое, чем эти бесстрастные и жестокие лица, размалеванные черной, желтой, синей и красной красками и увенчанные карикатурными шляпами.

Костюмы вождей описать просто невозможно, скажем о них лишь несколько слов. Это было какое-то экстравагантное сочетание американских офицерских кителей, фланелевых рубаш с фалдами, как у фраков, кожаных штанов. На ногах — сапоги или ботинки, или же ботинок был только один, а вторая нога — босая или в мокасине. На шеях у всех красовались ожерелья из раковин, железных долларов, зубов и когтей животных, а то и из патронных гильз. Престижным украшением являлся висевший на веревочке большой мексиканский пиастр* с дыркой посередине. У слепого старца вместо пиастра на шее висело дешевенькое круглое зеркальце.

Видевший Великого Отца с гордостью поглядывал на большую серебряную медаль, врученную ему самим президентом Линкольном** в Вашингтоне: старый индеец был некогда послан с миссией к правительству Союза, после чего получил свое имя.

* Пиастр — название старинной испанской монеты; разменная монета ряда стран.

** Линкольн Авраам (1809—1865) — шестнадцатый президент США, один из организаторов Республиканской партии, выступившей против рабства. Убит агентом плантаторов.

Едва смолкло заунывное пение, Кровавый Череп встал слева от пленников: он не заседал в совете, а выступал как бы в роли прокурора перед лицом судей и обвиняемых. Краснокожий взял трубку с тростниковым мундштуком, набил ее табаком, разжег угольком и вручил старцу.

Тот трижды затянулся и воскликнул:

— Ао! — А затем медленно произнес: — Я — Слепой Бобр.

Сказав это, вождь передал трубку соседу слева, тот также сделал три затяжки, воскликнул «Ао!» и сказал:

— Я — Рог Лося!

Так трубка передавалась справа налево, затем слева направо. Каждый вождь, сделав три затяжки и произнеся сакраментальное «Ао!», объявлял свое имя:

— Я — Видевший Великого Отца!

— Я — Гризли!

— Я — Пожиратель Меда!

— Я — Шест Вигвама!

— Я — Тот, Кто Юношей Получил Выстрел В Лицо!

И вновь все вожди воскликнули: «Ао!»

Кровавый Череп затянулся последним, сломал тростниковый мундштук и сказал:

— Я — Кровавый Череп, правая рука Сидящего Быка. великого вождя сиу-оглала.

— Мой сын, Кровавый Череп,— великий воин,— ответил после паузы Слепой Бобр.— Добро пожаловать на совет вождей.

И каждый из шести вождей по очереди повторил те же слова, как было положено ритуалом:

— Кровавый Череп — великий воин, добро пожаловать на совет вождей! Ао!

Слепой Бобр продолжал:

— Кровавый Череп — тоже вождь. Почему он не заседает в совете?

— Сегодня его место не на совете великих вождей Западного края. Он припадает к их ногам и умоляет поддержать его.

— Чего же хочет мой сын, воин оглала?

— Отец, твои глаза закрыты для света и не могут видеть меня, но пусть уши твои услышат голос несчастного. Отец!.. Отец!.. Прошу справедливости!

— Сын мой, мои уши открыты для твоего голоса. Справедливость будет восстановлена!

— Братья мои! Я требую справедливости!

— Справедливость будет восстановлена! — один за другим повторили члены совета.

— А теперь,— заявил Слепой Бобр,— говори без страха, сын мой! У тебя есть слово вождей!

Кровавый Череп помедлил и, отказавшись на сей раз от столь дорогих его соплеменникам церемониальных речей, выпрямился во весь рост, сорвал с головы колпак из шкуры енота и бросил его на землю. Обнажился изуродованный череп, покрытый лишь розовой блестящей кожей.

Сахемы обычно бесстрастны, но и они не смогли сдержать восклицаний ужаса и гнева при виде этого зрелища. Впечатление было тем более сильным, что Кровавый Череп с тех пор, как его оскальпировали, никогда не снимал головного убора. Лишь однажды обнажил он голову: при встрече с американцем, чтобы тот узнал его.

— Отец! — сказал Кровавый Череп сдавленным голосом.— Твои глаза не могут видеть моей головы, когда-то украшенной черными косами, гордостью воина. Положи же руку мне на голову, теперь она голая, как горб ободранного бизона...

Не показывая своего волнения, старец осторожно провел ладонью по голому черепу и произнес зловещим голосом живого мертвеца:

— Мои руки чувствуют... Моя мысль видит... Мой сын потерял свой скальп... Мой сын несчастен, но бесчестие не может коснуться такого храбреца, как он!

— Верно сказал отец! Ао! — воскликнули шесть вождей.

— Спасибо, отец! Спасибо и вам, братья! — ответил индеец.— Ваше уважение и ваша дружба — ныне моя единственная отрада. Но что скажут наши предки, когда смерть скует мои члены и дух мой уйдет в Великую прерию, где мужчины моего народа на быстрых, как ветер, лошадях вечно охотятся на бизонов? Предки не признают воина без волос и откажутся принять того, кто пришел с голой головой, похожей на панцирь черепахи.

— Ао! — печально воскликнули вожди, которые могли лишь согласиться со словами Кровавого Черепа о его участи после смерти.

— Однако,— продолжал Кровавый Череп, в крайнем возбуждении,— не думаешь ли ты, отец мой, ты, соединяющий доблесть великого вождя и мудрость старца, что, показав нашим предкам скальп того, кто опозорил меня, я смогу смягчить их гнев?

Старец на минуту задумался, затем среди глубокого молчания встал, ощупал свой пояс и вытащил нож для снятия скальпов. Взяв нож за кончик лезвия, Слепой Бобр протянул его Кровавому Черепу и сказал:

— Сын мой, возьми этот нож. Я срезал им немало скальпов. Покарай того, кто поразил тебя. Это будет последняя жертва моего верного ножа. Иди, сын мой!.. Иди без страха! Пусть твой глаз будет верным, рука твердой, сердце спокойным! Предки признают сына своего племени, когда ты принесешь им скальп врага.

Вожди дрожали от возбуждения, забыв о церемониале. Идущие от сердца слова Слепого Бобра отозвались в их душах, настолько они совпадали со взглядами индейцев на справедливость и право беспощадной мести.

— Отец мой,— воскликнул Кровавый Череп, потрясая ножом,— знай же, что с помощью воинов, твоих сыновей, моих нареченных братьев, я сумел захватить этого человека... бледнолицего... Он здесь — перед тобой!

— Ао! — одобрительно произнес старый вождь, как будто бы до этого ему ничего не было известно о пленниках и о присутствии полковника Билла на совете.— Мой сын знает, что надо делать.

— Мой отец сказал, что Кровавый Череп — великий воин... Он долгие годы боролся с Длинным Ножом. Не должен ли Длинный Нож до того, как его скальп будет в моих руках, доказать краснокожим, что он не боится страданий? Не должен ли он искупить годы позора, которые я испытал по его вине? Наконец, не должны ли мы привязать его к столбу пыток и показать это предкам, как требуют вековые обычаи нашего племени?

— Хорошо сказано, сын мой! Бледнолицый Охотник За Скальпами — тоже воин. С ним будут обращаться подобающе. Его привяжут к столбу, и он подвергнется пытке огнем. Что думают вожди?

— Мой отец сказал верно,— ответил первым Рог Лося.— До того, как Охотник За Скальпами будет передан Кровавому Черепу, он побывает в руках наших молодых воинов. Он пройдет через пытки, а потом Кровавый Череп снимет с него скальп. Ао!

Остальные пять вождей повторили те же слова. Несчастному американцу был вынесен приговор без права обжалования.

Пока произносились все эти речи, трое белых стояли неподвижно. К ним никто не обращался, и они не произнесли ни единого слова. Кровавый Череп, повесив на пояс нож Слепого Бобра, снова присел на корточки и сделал вид, что совершенно не обращает внимания на полковника. Билл же с неслыханным спокойствием и глубоким презрением сплевывал в очаг табачную

жвачку и, казалось, сосредоточил все свои усилия на том, чтобы загасить головешки.

Наступила долгая пауза. Вдруг Кровавый Череп словно вспомнил о своих обязанностях общественного обвинителя и воскликнул:

— Отец! Отец! Выслушай меня и скажи, какой кары заслуживают те, кто идет вместе с нашими врагами по тропе войны? Те, кто разоряет наши охотничьи угодья? Те, кто, истребив и прогнав бизонов, являются непрошенными в резервации, куда белые сыновья Великого Отца заперли краснокожих, как пленников?

— Что ты хочешь сказать, сын мой?

— Вместе с Охотником За Скальпами твои молодые воины под моим водительством захватили еще двух бледнолицых. Я требую для них пытки. Это будет приятно нашим предкам. Затем мы снимем с них скальпы, и молодые воины украсят ими свои пояса.

Американец переводил речь Кровавого Черепа французам. Вдруг Фрике, не дав индейцу закончить, выкрикнул высоким, пронзительным голосом, так не похожим на гортанную речь краснокожих:

— Эй ты, на весь мир обиженный! Совсем обнаглел, ошипанный череп! Ты тут очень красиво говорил, только это ведь надо еще доказать... Нечего старику мозги пудрить и нагло врать! Во-первых, мы вовсе не идем по тропе войны, как ты изволил выразиться, мы — мирные путешественники. Во-вторых, не опустошаем ваши угодья: мы охотились на земле резервации Кер-д'Ален. Это вы туда без спросу влезли. В-третьих, мы прибыли сюда не затем, чтобы здесь обосноваться. Мы французы и путешествуем для своего удовольствия. Мы почти совершили кругосветное путешествие и скоро должны вернуться домой. В ваши дела ни по поводу территорий, ни по поводу шевелюр мы не суемся. И вообще! У нас своих забот хватает! Нам все равно, воюете вы с американцами или у вас с ними мир, но кто дал вам право мешать нам гостить у ваших соседей и лишать нас свободы?

— Что говорит белый человек? — спросил Слепой Бобр, не понявший ни слова в язвительной речи, которую Фрике одним духом выпалил по-французски.

Полковник любезно взял на себя труд переводчика, стараясь как можно точнее передать слова парижанина.

— Белый человек говорит правду?

— Позвольте мне вам ответить, папаша, — вновь вмешался Фрике. — Я иногда шучу, чтобы людей посмешить, но никогда не лгу.

— Что скажет Кровавый Череп? — произнес старый вождь. Может быть, на него произвели впечатления слова молодого человека, а может, он просто хотел соблюсти древние обычаи.

— Я скажу, отец, что все бледнолицые — наши враги. Они нарушают договоры, они захватывают наши земли, уводят наших женщин, убивают нас, когда могут, и хотят уничтожить весь наш народ. Я скажу, что их надо убивать повсюду, иначе мы погибнем. Я много лет провел с твоими воинами, я верно служил твоему племени. Если моих слов тебе недостаточно, я потребую смерти для этих двух белых как награды за мою службу.

ГЛАВА 16

*Дела все хуже.— Кровавый Череп не хочет упускать добычу.— Андре защищается.— Французы в Канаде.— Дружба белых и индейцев.— Бесполезное красноречие.— Приговорены к смерти! — Новые планы побега.— Присутствующий здесь медиум...** — *Сувенир в шкафу братьев Девенпорт.— Неожиданность.— Что Фрике называет «себя показать».— Замечательный стрелок.— Наездник, каких мало.— Общий восторг.— Фрике и Андре предложено стать индейцами.*

Мстительный индеец поставил совет в затруднение, и над французами нависла реальная опасность. Что касается ковбоя, никаких разногласий не возникло. Вожди знали его с давних пор как заклятого врага и были исполнены решимости воздать полковнику по заслугам. Их совесть была совершенно спокойна, ибо Билл никогда не упускал случая оскорбить и унижить индейца. К тому же именно он, не колеблясь, первым выстрелил в главаря индейцев-мародеров (об этом мы рассказывали в начале нашего повествования).

Но с Фрике и Андре дело обстояло иначе. Краснокожие, кочуя по прериям, часто встречали белых поселенцев, шахтеров, охотников и ковбоев, но им редко случалось видеть таких путешественников, как двое французов. Инстинктивно индейцы угадывали в них людей необычных.

Краснокожие охотно оставили бы французов в покое: ведь они были гостями племени Кер-д'Ален, с которым

* Медиум — лицо, якобы обладающее способностью быть посредником между людьми и миром «духов».

род Слепого Бобра жил в мире. Кроме того, путешественники не причинили зла воинам племени, и осудить их без достаточных на то оснований было опасно: вожди знали, что американские власти не упустят случая строго наказать «краснокожих братьев». И наконец, Фрике уже успел, как мы знаем, завоевать симпатии индейцев.

Но, с другой стороны, Кровавый Череп в этом племени, да и в соседних, имел немалый авторитет, и отказать ему было нельзя. Он сумел пробудить в вождях вековую ненависть к белым — видит Бог, индейцам было за что ненавидеть бледнолицых.

Положение осложнилось. Слепой Бобр, осторожный, как и подобает старцу, на котором лежит большая ответственность, не счел возможным принять решение сразу.

— Белые охотники выслушали Кровавого Черепа,— сказал он после длительной паузы.— Пусть же они без страха ответят. Уши вождей открыты для справедливых слов.

Андре до сих пор хладнокровно следил за дебатами, не вмешиваясь, лишь слушая речи индейцев в переводе полковника, но тут он сделал знак, что будет говорить.

— Отец,— спокойно произнес Андре, используя обращение, принятое среди индейцев,— братья мои, вожди, выслушайте меня. Мы не принадлежим, как уже было сказано, к американцам... вы называете их Длинными Ножами... Но мы их братья по крови и по цвету кожи... как и люди красной расы — братья между собой, к какому бы племени они ни принадлежали. Наша судьба связана с судьбой человека, который переводит мои слова на ваш язык. Мы ни в коем случае не хотим, чтобы пощадили только нас. Мы знаем этого человека не так давно. Это верно! Но он был нашим проводником на трудном пути, делил с нами все опасности, он ел наш хлеб и пожимал нам руки... Он человек белой расы... Или мы умрем вместе, или он будет освобожден вместе с нами!..

— Сударь,— с достоинством прервал Андре американец.— Вы зря теряете время, поверьте мне... Меня не спасти!

— Я должен был сказать, полковник. Это мой долг, и я не отступаю от него никогда. Отец и братья слушали меня? — спросил Бреван невозмутимых индейцев.

— Ао! — ответили в знак согласия сахемы.

— Теперь,— продолжал Андре,— я хочу рассказать вам, кто мы и что мы здесь делаем.

Мы принадлежим к народу, который на протяжении многих лет был связан с людьми вашей расы. Я думаю,

название «Франция» и сегодня осталось в вашей памяти. Высокочитимый миссионер, отец де Смет, сорок лет был вашим другом. Он научил вас почитать это имя. И когда Кровавый Череп говорит, что все бледнолицые — враги краснокожих, он ошибается, ибо лучшим вашим другом был бледнолицый, француз, как и мы.

Но это еще не все! Вы живете совсем рядом с Канадой и наверняка знаете, что в течение многих лет уроженцы Франции были для ваших братьев, индейцев Севера, преданными друзьями. Они жили рядом с индейцами, защищали их и, верные своему слову, жертвовали ради них своей жизнью. Да! Французы были для краснокожих братьями, и если бы сейчас среди вас были люди из племени эри, или алгонкинов*, или гуронов**, или онондага, или тускарора, или делаваров***, они бы встали и сказали вождю: «Нет, Кровавый Череп, бледнолицые из Франции никогда не были и не будут врагами краснокожих!»

И сегодня, когда вы воюете с солдатами Великого Отца Вашингтона, вы всегда находите убежище у потомков французов. Их предки, взяв в жены краснокожих женщин, породили отважное племя канадских метисов. Они наполовину белые, наполовину индейцы и остаются вашими верными друзьями, ибо продолжают традиции своих французских предков и всегда предоставляют вам убежище и покровительство.

Кровавый Череп говорил, что бледнолицые — враги индейцев. Но сегодня существует народ, в жилах которого течет и индейская и французская кровь.

И, наконец, сам Кровавый Череп из племени сиу. А ведь великий вождь сиу Сидящий Бык нашел убежище у канадцев. Он был по-братски принят потомками белых из Франции, но они же — потомки шести племен краснокожих.

Что скажет мой отец, Слепой Бобр?

— Белый Охотник хорошо говорил. Слепой Бобр и сахемы слушали его с удовольствием.

— Вы уже знаете, зачем мы здесь,— продолжал Андре, полагая, что близок к успеху.— Мы свободные люди и любим охоту. Нам хотелось увидеть земли Великого Запада и познакомиться с индейцами, для которых наши отцы были братьями. Мы прибыли с добрыми намерениями

* Алгонкины — группа индейских племен Северной Америки.

** Гуроны — группа индейских ирокезоязычных племен (в XVI—XVII вв. — союз племен).

*** Делавары, лени-ленапэ (самоназвание) — североамериканское индейское племя группы алгонкинов.

и охотились на земле наших друзей Кер-д'Ален, не нанося ущерба собственности соседних племен. Здесь же хотят убедить вас в обратном. Отец, и вы, вожди, вы слышали правду.

Семь сахемов долго вполголоса совещались между собой, затем с невозмутимым видом расселись по местам, ни словом, ни жестом не выдав своих мыслей.

— Что скажет Кровавый Череп? — спросил Слепой Бобр.

— Отец и вы, мои братья, — злобно вскричал Кровавый Череп, — остерегайтесь этих людей и их слов. Они убедят вас, что черное — это белое, а белое — это черное. Взгляните на мою изуродованную голову, вспомните ваших братьев, убитых Длинными Ножам, ваших жен, уведенных в плен, ваши разграбленные поселки, ваши захваченные земли! Что бы ни говорил Белый Охотник, он не сможет вернуть мне скальп, не сможет воскресить наших мертвых, ни возвратить наших жен, ни отстроить наши хижины, ни вернуть назад наши земли. Нет! Вы отдали мне скальп и жизнь Охотника За Скальпами, у меня есть слово вождей, и ничто не помешает мне исполнить приговор совета...

— Но, — перебил его Андре, — ведь племя сиу сохраняет мир с Союзом штатов. Ведь вы зарыли топор войны. Разве Сидящий Бык не вернулся в свою резервацию? Разве он, ваш великий вождь, не призвал вас забыть о ненависти? Остерегайтесь вновь начинать страшную войну: это породит ожесточение, превратит в руины жилища, посеет смерть.

При этих словах Слепой Бобр медленно поднялся и сказал:

— Совет выслушал всех и вынес приговор! Охотник За Скальпами принадлежит Кровавому Черепу. Завтра он будет подвергнут пыткам, и это справедливо! Французы умрут после него. Если они вернуться в страну белых, то расскажут о смерти Охотника За Скальпами, и тогда солдаты Великого Отца придут мстить. После их смерти мы вернемся на свои земли, и никто не узнает, что случилось с бледнолицыми охотниками. Хау!

— Ну что, генерал? — крикнул Андре американец. — Говорил же я вам, что от этих мерзавцев ничего не добьешься. Клянусь Богом! Я бил их сколько мог и жалею лишь о том, что мало уничтожил. Мы были обречены! Это судилище — всего лишь часть церемониала, который сопровождает их жуткие обряды. И позабавились же прохвосты, наблюдая за вами!

Увидев, как повернулось дело, Андре на какое-то мгновение растерялся, но вскоре вновь обрел обычное хладнокровие:

— Я выполнил свой долг, полковник. Совесть моя чиста, и мне не в чем себя упрекнуть. Кроме того, у наспереди еще сутки, а за двадцать четыре часа такие люди, как мы, могут совершить невозможное.

Как только закончился суд, троих пленников опять препроводили в хижину. На этот раз им связали руки и ноги так, что они и шевельнуться не могли. Кроме того, к ним был приставлен вооруженный индеец, готовый в любую минуту поднять тревогу.

Эти предосторожности почему-то развеселили Фрике, и он, несмотря на веревки и часового, расхохотался.

— С ума сошел? Что ты смеешься? — спросил Андре, который никак не мог понять причину этого неожиданного веселья. — По-моему, в нашем положении нет ничего смешного. Дело принимает скверный оборот: я не рассчитывал на веревки.

— Эти веревочки? Да меня они меньше всего беспокоят! Плевать я на них хотел!

— Неужели?

— Именно! Все обстоит так, как я имел честь и удовольствие вам заявить. Да если я захочу, освобожусь от них через две минуты, потом брошусь на нашего сторожа и скручу его по первому разряду... Раз! И он готов! Тогда я в два счета развязываю вас, и в бой вступают главные силы. Общее наступление! И если останется хоть один шанс на успех, мы приступаем к выполнению вашего плана.

— И ты легко справишься с веревками, которые нам и шевельнуться не дают?

— Ерунда! До нашего знакомства, как вы знаете, я работал у господина Робер-Удена*.

— Знаю, ну и что?

— Так вот, в свое время я был «медиумом»... и участвовал в фокусе с ящиком братьев Девенпорт. Я прославился как мастер распутывать самые сложные комбинации узлов и креплений. Потом, когда стал юнгой на корабле, мне ничего не стоило справиться с любым морским узлом.

— Ну что ж! Решено! По крайней мере будем бороться до конца и погибнем, сражаясь. Если не произойдет ничего неожиданного, мы должны запастись терпением и дожидаться ночи.

* Робер-Уден Жан-Эжен (1805—1871) — французский фокусник, изобретатель автоматических кукол и приборов.

— Кстати,— заметил Фрике,— старик-то мой меня бессовестно предал. А мне показалось, будто я ему приглянулся. Выходит, господин Видевший Великого Отца весьма непостоянен в дружбе. Действительно, эти краснокожие не очень-то добры. И я начинаю, дорогой полковник, в какой-то мере понимать вас.

Прошло часа два. Индеец сидел с каменным лицом, не обращая внимания на разговоры пленников.

Фрике уже дважды посетовал на отсутствие Матери Трех Сильных Мужчин и ее провизии. Несмотря на ужасное положение, аппетит у него был по-прежнему превосходный.

Вдруг полог хижины приподнялся и появился еще один индеец.

— А, это вы, папаша! — воскликнул Фрике, узнав Видевшего Великого Отца.— А я уж думал, вы нас бросили. Весьма любезно с вашей стороны вспомнить о друзьях. Ну, как дела, а то что-то давно мы не виделись?

Старик, не проронив ни слова, вытащил нож и разрезал веревки сначала у Фрике, затем у Андре. Переговорив вполголоса с угрюмым стражем, он знаком велел французам следовать за собой. Фрике и Андре удивились, но не заставили себя ждать. Несколько ободряющих слов полковнику — и они покинули свою зловонную тюрьму.

Вооруженные индейцы, охранявшие вигвам, вероятно, были предупреждены и позволили старому вождю и пленникам пройти беспрепятственно.

Старик привел французов на довольно просторную площадку, окруженную хижинами, где толпились вооруженные, раскрашенные в цвета войны индейцы, в том числе несколько вождей-сахемов.

— Что, черт возьми, они хотят с нами сделать? — не без тревоги спрашивал себя Фрике.— Убить собираются или, наоборот, освободить?

Однако индейцы не проявляли никаких враждебных намерений — на их лицах было написано скорее любопытство.

Старый вождь прервал наконец молчание и сказал, обращаясь к Фрике:

— Мой сын, Железная Рука, молод, но он — великий воин. Видевший Великого Отца взял его под свое покровительство. И если Железная Рука будет следовать его советам, ему не причинят никакого зла.

— О! Я большего и не требую, папаша! Скажите, что надо делать.

— Может быть, и его друг, Белый Охотник,— продол-

жал старик, не отвечая на вопрос Фрике,— великий вождь. Но мы не видели ни силу его рук, ни ловкость тела, ни меткость глаза.

— Послушайте, папаша! Я же говорил, что, по сравнению с господином Андре, я — просто неумеха. Поверьте моему слову!

— Краснокожие хотят видеть доблесть Белого Охотника, прежде чем решить его судьбу.

— Хотите, чтобы он себя показал? Привередничаете! Ну да ладно! Он не подкачает, я-то знаю!

— Мне только этого и надо,— кивнул Андре.— Подчинюсь их странному требованию. Может, появится шанс на спасение. В нашем положении нельзя упустить такую возможность. Что же, вождь, дайте мне карабин!

Довольный старик перевел слова Андре на язык сиу, и сразу же десяток индейцев протянули ружья.

Андре наугад выбрал карабин. К счастью, оружие было в превосходном состоянии. Француз опробовал затвор, прицелился, разрядил карабин и проверил курок, затем не спеша загнал патрон в патронник и поднял глаза в поисках цели.

Высоко в лучах солнца парил гриф, описывая в небе широкие круги. Андре внимательно проследил за движениями птицы, вскинул карабин, лишь секунду целился и выстрелил.

Индейцы, видимо, думали, что цель слишком далеко, и были изумлены, увидев, что гриф, сложив крылья, камнем полетел вниз.

Несмотря на обычную флегматичность, они пришли в восторг, по достоинству оценив исключительную меткость Андре. А тот, сохраняя хладнокровие, решил доказать, что этот успех — вовсе не игра случая.

В то время как самые нетерпеливые зрители бросились к поверженной птице, француз взглядом поискал новую цель. Метрах в пятидесяти он увидел великолепную лошадь, привязанную к столбу ремненным лассо. Выстрел напугал ее, лошадь начала нервно перебирать ногами, затем вскинулась на дыбы и пошла галопом, описывая круги вокруг столба.

Андре прицелился и выстрелил еще раз. Пуля как ножом перерезала ремень. Лошадь, почувствовав свободу, рванулась было в прерию, но хозяин свистом подозвал ее. Когда животное поравнялось с Андре, тот, схватив обрывок лассо, остановил его сильной рукой. Индейские лошади, как мы уже говорили, не выносят белых. Конь взвился, пытаясь вырваться. Андре бросил на землю карабин, ухва-

тился за гриву и вскочил на могучую спину неоседланного коня, который тут же встал на дыбы, пытаясь сбросить всадника.

Но отважный француз совершенно спокойно, словно на вольтижировке* в манеже, позволил коню взбрыкивать, кидаться из стороны в сторону, вставать на задние ноги. Он ждал, когда конь ослабнет в этой яростной борьбе, и все сильнее сжимал ногами его бока.

Лошадь совершенно разъярилась, движения ее стали судорожными, но прыжки были уже не столь стремительны. Мало-помалу, как по волшебству, конь начал успокаиваться, внезапно замер, дрожа всеми мускулами, заржал, словно от боли, медленно опустился на колени и растянулся на земле.

Андре легко спрыгнул на землю. Индейцы были потрясены: они не могли понять, как удалось всаднику всего за пять минут усмирить полудикое животное, без шпор и узды.

— Ну что, папаша? — торжествовал Фрике. — Говорил же я: такого, как господин Андре, еще поискать надо! Да если захотите, он на вытянутых руках поднимет пару ваших ирокезов и не охнет. Похоже, все довольны. Публика ревет от восторга, как стадо слонов! Давайте-давайте! Это мне больше нравится, чем ваши воинственные вопли.

Краснокожих действительно было не узнать: всегда сдержанные, особенно в присутствии белых, индейцы на этот раз пришли в неистовство.

Они глазам не верили. Благодаря своим подвигам, белый вмиг стал для них героем! Однако кое-что в их поведении все-таки беспокоило Фрике и Андре: уж очень резкой и неожиданной была смена настроения у индейцев.

Фрике отвел в сторону Видевшего Великого Отца и попросил его объяснить, что же все-таки происходит.

— Мои братья, — ответил индеец нравоучительным тоном, — ценят силу и отвагу. Я, Видевший Великого Отца, объяснил совету, что оба француза — друзья индейцев и было бы ошибкой погубить двух великих воинов. Вожди пожелали увидеть силу и ловкость Белого Охотника. Теперь они убедились, что и Белый Охотник — великий воин...

— Это все сладкие слова, — перебил старика Фрике. — А с нами-то что будет? Раз уж мы такие замечательные,

* Вольтижировка — здесь: гимнастические упражнения на лошади, двигающейся рысью или галопом по кругу.

почему бы нас не отпустить? Можем ли мы отбыть к нашим друзьям Кер-д'Ален и прихватить с собой нашего бедного товарища?

— Мой сын говорит пустые слова... как птица-пересмешник. Но я люблю его всем сердцем. Нет, мой сын не сможет вернуться в страну белых людей. Он останется здесь, так же, как и его брат — Белый Охотник. Они возьмут в жены моих дочерей и станут великими вождями нашего племени. Только так они смогут сохранить себе жизнь. А Охотник За Скальпами умрет завтра.

ГЛАВА 17

Фрике не хочет быть зятем Видевшего Великого Отца.— Смотрины.— Желтая Кобыла и Бутылка Виски.— Отеческие аргументы.— Надежная охрана.— Приготовления к пыткам.— Героическое и безумное решение.— Месть Кровавого Черепа.— Пытка огнем.— Двое против двухсот.— Сигнал трубы.— Американская кавалерия.— Индейцы Кер-д'Ален.— Возмездие.— Возвращение.— Придется носить парик.

— Посмотрите, господин Андре, как нами распоряжается Видевший Великого Отца! Он хочет, чтобы мы стали индейцами! Меня в жар бросает от такого предложения.

— Что же делать, мой бедный Фрике! Из двух зол надо выбрать меньшее.

— Так-то оно так. Сейчас наша жизнь висит на волоске и нам капризничать не стоит. Но перспектива плыть по реке жизни в компании краснокожих, да еще соединив наши судьбы с кирпичного цвета девицами, меня совершенно не вдохновляет. Тем более что мы с вами — убежденные холостяки. Может быть, как-нибудь увильнем? Идея! Давайте скажем, что мы уже женаты в нашей стране.

— Это для них не имеет никакого значения, здесь многоженство — обычное дело.

— Черт возьми! В крайнем случае я согласен стать индейцем, но зятем Видевшего Великого Отца — это уж слишком!

— Ну, до этого дело еще не дошло. События развиваются быстро, и нам остается только ждать и надеяться. Сейчас главное — сделать вид, что мы согласны, а в подходящий момент начать действовать и спасти полковника.

Старый индеец, видя, что оба француза не возражают, решил, что все улажено. Молчание — знак согласия, как говорит народная мудрость.

Старик сообщил добрую весть сиу, и они приняли ее с восторгом, полагая, что в племени теперь будут еще два отважных воина.

По случаю счастливого события французов раз и навсегда освободили от пут. Кроме того, наших путешественников избавили от гостеприимства Кровавого Черепа, и будущий тесть торжественно препроводил их в свою хижину, где женщины немедленно приступили к подготовке грандиозного пиршества.

Патриарх семейства, как человек, знающий обычаи, использовал момент, чтобы представить невест, и ввел в вигвам двух женщин. Веселый луч солнца проскользнул в хижину через приподнятый полог, и будущие мужья увидели жалких и откровенно безобразных созданий, уже увядших от тяжелого труда, который выпадает на долю индейских женщин с юных лет.

— Это — Желтая Кобыла, — сказал вождь, обращаясь к Андре, и указал на высокую девицу с квадратной фигурой, напоминающей футляр от стенных часов.

Девушка была в отвратительных лохмотьях, спутанные волосы падали на испуганное, хмурое лицо, покрытое толстым слоем краски и грязи.

Андре, растерявшись, не произнес ни слова. Да и что он мог сказать при виде этого забитого, похожего на животное, создания, не вызывающего иных чувств, кроме жалости.

— А это — Бутылка Виски! — Старик указал Фрике на вторую девушку, носящую столь необычное имя.

— Черт возьми! — пробормотал парижанин. — Это уж прямо феномен какой-то: голова козы, а шея аиста. Честное слово, и впрямь точно бутылка из-под водки. И как наш достойный друг ухитрился занять такое потомство? Я заметил, что прекрасный пол здесь не слишком хорош, но уж такого безобразия никак не ожидал!

Видевший Великого Отца был вполне удовлетворен произведенным впечатлением: будущие зятья остолбенели, но индеец счел их молчание за бесстрастное спокойствие. Старик обратился с речью к дочерям, которые тут же раскричались: похоже, они были не в курсе планов отца. Услышав эти крики, отец схватил кол, из тех, что используются для сооружения вигвама, и несколько раз сильно вытянул невест по спинам.

Вопли немедленно прекратились, и присмиревшие девушки безропотно подошли к Фрике и Андре. Затем они буквально распластались на земле, каждая взяла в руку ногу своего суженого и поставила себе на затылок, показы-

вая таким образом, что отныне они считают этих мужчин своими полными хозяевами.

— Не нравятся мне их обычаи,— проворчал Фрике.— Женщины тут совершенно не похожи на любезных и добродушных хозяек в семьях наших друзей Кер-д'Ален, правда, господин Андре? Не дай нам Бог застрять здесь надолго!

Фрике и Андре, конечно, не ожидали, что им предоставят полную свободу, но все-таки рассчитывали, что следить за ними не будут. Помня, что на следующее утро их несчастного спутника ждали жестокие муки, они надеялись, как только стемнеет, попытаться освободить полковника.

Но французы не приняли в расчет своего гостеприимного хозяина. Хитрый старик, словно угадав планы будущих зятьев, не отходил от них ни шаг; его сопровождали трое сыновей — рослые, крепкие парни. При виде их становилось понятно, почему жена старца получила имя — Мать Троих Сильных Мужчин. Эти парни прониклись внезапной нежностью к своим будущим родственникам и не покидали их ни на минуту. К тому же около вигвама без конца толклись соседи, друзья, родственники, так что Фрике и Андре все время были на глазах. День завершился обильным пиршеством, какие очень любят индейцы, способные поглотить невероятное количество пищи.

С наступлением ночи наблюдение за французами усилилось. Индейцы были настороже, и десяток наиболее трезвых и наименее объевшихся воинов расположились на ночь вокруг хижины, правда, без оружия.

В вигваме Кровавого Черепа тоже шел пир горой, и его хижина также строго охранялась.

Фрике и Андре всю ночь глаз не сомкнули, сознавая собственное бессилие: медленно, но неуклонно уходили часы, а с ними и последняя надежда.

Приближался роковой для американца миг, а они ничем не могли ему помочь: новые друзья не сводили с них глаз.

Утром оба француза, к удивлению старика, заявили, что хотят присутствовать при пытках своего спутника. Напрасно Видевший Великого Отца пытался их отговорить и советовал остаться в хижине. Видимо, он боялся, что французы не выдержат жуткого зрелища, а может, опасался какой-нибудь отчаянной попытки спасти полковника. Андре был непреклонен.

— Раз вы считаете нас членами своего племени, мы

имеем такие же права, как и остальные воины,— сказал он в ответ на все уговоры.

В конце концов Видевший Великого Отца уступил, но недоверие его возросло.

У двух друзей не было никакого оружия, но они решили любой ценой спасти американца, даже если эта попытка будет стоить им жизни. Впрочем, еще оставалась надежда на чудо.

Вскоре из хижины Кровавого Черепа вывели полковника. Руки у него были связаны за спиной, а ноги спутаны веревками. Шел он с трудом, но держался, как обычно, гордо и независимо. Его окружила вопящая, беснующаяся от ярости толпа. Полковник был очень бледен, но спокоен. Он знал, что его ожидает смерть у столба пыток, давно смирился с этим и был готов показать своим врагам, что не только индейцы могут бесстрашно переносить мучения.

Американец вздрогнул, заметив среди толпы своих спутников. Он быстро и отрывисто заговорил по-английски, так, чтобы его слова понял стоявший рядом Андре, но не уловили индейские воины, немного знавшие язык.

— Спасибо, что пришли... Сделайте так, чтобы я не мучился, прошу вас... Меня сейчас привяжут к столбу... начнут стрелять из карабинов, но пули будут лишь задевать... Попросите и вы выстрелить... вам не откажут... Постарайтесь убить меня наповал!

— Еще не все потеряно, друг мой,— с трудом сдерживая волнение, ответил Андре, хотя сам уже потерял надежду.

Палачи потащили ковбоя, и он исчез в толпе, вопли которой заглушили его слова.

Наконец зловещая процессия прибыла к месту пыток: это была просторная площадка, посередине возвышался высокий столб, выкрашенный в темно-красный цвет.

Обычно, чем изощреннее пытки, которым подвергают враги, тем охотнее любуются ими зрители. Но странное дело, сейчас индейцы, кажется, хотели покончить с полковником поскорее.

Особенно торопился Кровавый Череп, руководивший церемонией, хотя, по традиции, ему следовало бы растянуть пытки насколько это возможно: ведь жертва была у него в руках и никак не могла ускользнуть от возмездия.

Быть может, Кровавый Череп помнил, что они находятся на территории Длинноухих, и опасался появления хозяев этой земли. Длинноухие — племя мирное, и вряд ли они захотели бы ссориться из-за бесчинств Кровавого Черепа с американскими властями.

Но, с другой стороны, операция по захвату пленных была проведена молниеносно, место для лагеря выбрано уединенное, и вряд ли кто-нибудь мог вмешаться. Как бы то ни было, Кровавый Череп решил, что час настал. Мучители решили обойтись без классических развлечений, когда жертва становится мишенью для пуль или томагавков *, которые лишь слегка задевают несчастного, не нанося ему серьезных ран. Кровавый Череп сразу приступил к финалу жуткого спектакля, избавив пленника от долгих, тревожных предсмертных часов, когда пули свистят в сантиметре от головы, врезаясь в столб, а летящие томагавки, рассекая лезвием кожу, застревают в дереве.

Вождь грубо швырнул ковбоя на землю и с помощью добровольных палачей распял, привязав руки и ноги к четырем кольшкам. Затем сложил на груди пленника смолистые щепки, выбил огнивом искру, зажег обрывки просмоленных тряпок и поджег щепки в нескольких местах. Тонкие веточки затрещали и медленно занялись. Вскоре огонь добрался до тела пленника и все почувствовали отвратительный запах горелого мяса.

Несчастный ковбой буквально поджаривался заживо. Он забился в жутких конвульсиях, нечеловеческий вопль вырвался из его груди.

Мучители, словно охваченные приступом внезапного безумия, завопили, заглушая стоны жертвы, и закружились в диком танце вокруг костра.

Толпа заслонила американца от Андре и Фрике, так что они не могли видеть ужасную картину, но предсмертный крик своего спутника охотники, конечно, услышали. Не сказав друг другу ни слова, без всякого плана, двое против двухсот, они с неудержимой яростью бросились на толпу.

Пять-шесть зевак отлетели в стороны под ударами французов. Атака была столь неожиданной, что двое друзей успели вырвать у стоявших рядом воинов по карабину. Видя такую отчаянную дерзость, индейцы в первый момент растерялись.

— Дорогу, мерзавцы! — загремел голос Андре.

— Назад, негодяи! — пронзительно завопил Фрике.

Несмотря на всю свою силу и ловкость, им не удалось сразу прорваться через толпу. Стрелять они не могли,

* Томагавк — у североамериканских индейцев — ударное метательное оружие: боевая дубинка с каменным наконечником на конце или каменный топорик с рукояткой.

и им пришлось действовать карабинами как дубинками, нанося удары направо и налево.

Но индейцы быстро пришли в себя, окружили французов и все плотней сжимали кольцо. И вот уже Фрике и Андре — на волосок от гибели! Им не выстоять против толпы, и, увы, последняя отчаянная попытка обернулась крахом!

Вдруг индейцы застыли. Фрике и Андре тоже замерли на месте, не веря своим ушам! Что же сковало безудержную ярость нападавших? Боевой сигнал трубы...

Это был сигнал к штурму! Перекрывая звонкий голос трубы, прозвучало мощное «ура!», к нему присоединился боевой клич краснокожих, и земля задрожала под копытами коней!

На полном скаку всадники ворвались в лагерь, и изумленные французы увидели солдат в синей форме. Сверкнули сабли; в мгновение ока Фрике и Андре были освобождены.

Одновременно с противоположной стороны появилась индейская конница, безжалостно преследуя разбегавшихся воинов Кровавого Черепа. Операция по окружению завершилась молниеносно и точно.

— Американские солдаты!.. Индейцы Кер-д'Ален!.. — Фрике и Андре на миг остолбенели, но тут же бросились к несчастному ковбою.

Индейские воины умеют великолепно атаковать, но, захваченные врасплох, часто теряются. Вот и сейчас, увидев, что их окружили со всех сторон, под ударами солдатских сабель и томагавков Кер-д'Ален, под градом пуль, индейцы думали лишь о том, чтобы добраться до лошадей и умчаться в прерию.

А в середине побоища бился в конвульсиях и стонал полковник Билл. Фрике и Андре с ужасом увидели, что Кровавый Череп уже заканчивал снимать с американца скальп. Андре замахнулся, чтобы ударить индейца прикладом по голове, но тот гибким движением хищника увернулся, отскочил в сторону с окровавленным скальпом в руках и смешался с обезумевшей толпой.

Мощный удар Андре обрушился в пустоту, и француз едва удержался на ногах. Фрике тем временем склонился над несчастным ковбоем, сбрасывая с его груди тлеющие угли. Полковник уже не подавал признаков жизни. Его развязали и убедились, что ожог на груди обширный, но, к счастью, неглубокий, других ран на теле не было. Однако заклятый враг успел отомстить: сквозь кровь, вытекавшую из надрезанных острым ножом сосудов, просвечивал совершенно голый череп.

Воины Кровавого Черепа были разбиты наголову. Командир американских кавалеристов приказал трубить отбой. Но кое-где еще слышались выстрелы — добивали раненых или спрятавшихся в высокой траве беглецов. В этой жестокой войне пленных, увы, не брали, и обе воюющие стороны не знали жалости.

Андре и Фрике были счастливы вновь увидеть своих друзей Кер-д'Ален и с благодарностью пожали руки «малышу» Батисту, его сыновьям Блезу и Жильберу и всем остальным: не подоспей они вовремя — случилось бы непоправимое. Тут же было сделано все возможное для облегчения страданий искалеченного полковника. Остатки разбитого племени покинули лагерь, а победители расставили часовых, чтобы избежать неожиданностей.

Фрике и Андре оказались героями дня, и вот что узнали они от своих друзей. Индейцы, обнаружив исчезновение гостей, сразу поняли, что французы попали в засаду. Людям опытным не составило труда найти их следы. Они тут же бросили все силы на преследование похитителей, не испугавшись их значительного численного превосходства. Но сразу нагнать врагов индейцы Кер-д'Ален не смогли: распутывая следы, они теряли время, а противники уходили на большой скорости.

Случилось так, что Кер-д'Ален встретили отряд федеральных войск — человек пятьдесят всадников, которые направлялись в свой гарнизон, в форт Окайнакен, расположенный у слияния Колумбии с одноименной рекой. Батист рассказал о случившемся командиру, и тот, узнав, что среди пленников есть американец, решил присоединиться к отряду индейцев Кер-д'Ален. Вот так объединенными силами удалось провести блестящую операцию и нанести сокрушительное поражение бандитам Кровавого Черепа.

Три недели провели Фрике и Андре в резервации Кер-д'Ален после этих драматических событий. И вот наконец наступил день отъезда. Французы покидали гостеприимную индейскую деревню, трогательно распрощавшись с хозяевами. Их сопровождал отряд из двадцати вооруженных воинов, а впереди двигалась повозка с провизией. В этой же повозке, на мягких матрасах из шкур бизонов, ехал полковник Билл, который уже шел на поправку. Жуткая процедура снятия скальпа оказалась очень болезненной, но не смертельной. Само по себе снятие кожи с головы — невыносимо жестоко, но не затрагивает

никаких жизненно важных органов. Оскальпированные гибнут чаще всего потому, что брошены без помощи или от других ранений.

Раны на голове полковника постепенно затягивались. Конечно, смотреть на него было страшно, но мечь Кровавого Черепа лишь обезобразила ковбоя, не нанеся ему иных повреждений. Ожог на груди заживал медленно, но воистину нет худа без добра, и полковник излечился от жестокой межреберной невралгии, мучившей его много лет.

Не стоит и говорить о том, что ненависть американца к краснокожим теперь не знала границ, и он уже помышлял о кровавой мести.

Без всяких происшествий отряд добрался до Уоллулы. После путешествия по стране бизонов французы собирались кружным путем отправиться на яхте в Европу. Полковник Билл, искренне привязавшийся к ним, все пытался уговорить Фрике и Андре не уезжать, дождаться его полного выздоровления, а затем пуститься вместе на поиски новых приключений по равнинам Дальнего Запада.

Фрике, со своей стороны, столь же безуспешно советовал ковбою бросить полную опасностей кочевую жизнь.

— Видите, полковник, что с вами произошло, — сказал парижанин, расставаясь с американцем, — а ведь может случиться и кое-что похуже. Хватит с вас прижигания, прописанного Кровавым Черепом. И я бы на вашем месте стал носить парик. Как только вернусь домой, закажу новый скальп у лучшего мастера и pošлю вам шедевр парикмахерского искусства. Но если вы когда-нибудь встретите Кровавого Черепа, ограничьте возмездие лишь демонстрацией новой шевелюры. Уверяю вас, такая месть будет иметь полный успех! Договорились? Вы помиритесь с этим раздражительным краснокожим? А то ведь и у вас, и у него череп теперь совершенно голый, и, как бы вам ни хотелось, вы уже не сможете... поискать друг у друга в голове!..

Конец

От Орлеана до Танжера

Воспоминания о поездке
в Пиренеи и Марокко

I

*Несостоявшийся отъезд.— Почему я не уехал в Алжир.—
На пути к Пиренеям.— В райском уголке бывшего золотоискателя.— «Трабукары».— Первый этап.*

Это путешествие, задуманное как обыкновенная экскурсия, превратилось в подлинную одиссею*. Повергнутый в ужас морозами и затяжными снегопадами последней зимы, я решил провести несколько недель в Алжире**. Эта мысль возникла внезапно, как говорится, с бухты-барахты. Не хотелось мерзнуть, и к тому же я давал законный выход своей давней страсти к охоте.

Сказано — сделано. Намечаю примерный маршрут, включающий Оран***, Алжир и Константину. А между этими главными пунктами предполагаю поохотиться вволю.

И вот чемоданы упакованы, оружие приведено в боевую готовность, предупрежденные друзья — в ожидании. Остается только занять место в экспрессе Орлеан**** — Тулуза***** — Пор-Вандр, а затем пересечь на идущий в Оран один из очаровательных пароходиков Трансатлантической компании, с которыми у меня связаны очень приятные воспоминания.

Время рассчитано так, чтобы можно было побродить несколько дней в Восточных Пиренеях в обществе моего

* Одиссея — долгие странствия, полные опасностей и приключений, но благополучно завершающиеся (от названия поэмы Гомера «Одиссея»).

** Алжир — французская колония в Северной Африке (1830—1962).

*** Оран — город и порт на северо-западе Алжира, на берегу Средиземного моря.

**** Орлеан — город во Франции на реке Луара.

***** Тулуза — город во Франции, порт на реке Гаронна.

лучшего друга Казальса. Казальс, верный спутник по приключениям в Гвиане, бесстрашный золотоискатель, чье имя хорошо знакомо читателям «*Journal des Voyages*»*, живет ныне богатым собственником в Руссийоне**.

Итак, завтра утром — отъезд.

Но как порой достаточно песчинки, чтобы застопорить двигатель на полном ходу, так и в иных случаях самое ничтожное происшествие способно мгновенно изменить тщательно разработанные планы.

Подобной роковой песчинкой послужила иголка, самая обыкновенная иголка, которая торчала в ковре, устлавшем мою спальню. Она предательски вонзилась в босую ногу, почти полностью в ней исчезнув.

Извлечение этой стальной безделицы оказалось настолько тяжелым и болезненным, что пришлось неподвижно проваляться в постели целых четыре дня!

Вот так получилось, что, прибыв в Перпиньян с опозданием, я упустил пароход из Пор-Вандра в Оран, который только что снялся с якоря. Надлежало теперь восемь дней дожидаться следующего пакетбота***.

Правда, была возможность тут же уехать марсельским поездом — в крупнейшем средиземноморском порту, без сомнения, нашлись бы и иные транспортные средства. Но в таком случае мы бы не встретились с Казальсом, а я твердо решил отдать ему лично двойной долг — дружеского внимания и сердечной благодарности.

Обычно Казальс проживал в прелестном городке Соре, но отыскать его там было мало шансов. Заядлый горец, он предпочел устроить себе резиденцию в Сен-Лоран-де-Сердан, деревушке во французской Каталонии, живописно прилепившейся на склонах Пиренеев, в нескольких шагах от испанской границы.

Легко понять, что Сен-Лоран в силу своей топографии лишен железной дороги. И потому в конторе дилижансов**** Перпиньяна довелось заказать для себя сие старомодное и неудобное средство передвижения, чтобы добраться до укромного местечка, где обитал мой друг.

Скорее в путь в этом экипаже из прошлого века,

* Парижский «Журнал путешествий и приключений на суше и море» (*фр.*; 1877—1909), постоянным сотрудником которого был Луи Буссенар.

** Руссийон, Руссильон — историческая провинция на юге Франции, главный город Перпиньян, на реке Тет.

*** Пакетбот — небольшое морское почтово-пассажирское судно.

**** Дилижанс — многоместный крытый экипаж, запряженный лошадьми, для перевозки почты, пассажиров и их багажа.

и пускай он сотрясается на каждом ухабе, хлопая дверцами и бренча своими бубенчиками!

Увы, мне не удалось внимательно осмотреть Булу, это южное Виши*, и я покидаю его пределы, даже не увидев церкви XII века с ее изумительным порталом** из белого мрамора.

Вот и Соре со своим Пон-дю-Диабль («Чертовым мостом»), возведенным в героические времена, вот Амелиле-Бен с римскими банями, Арль-сюр-Теш с монастырем XIII и церковью XII веков, и я высаживаюсь наконец в Сен-Лоране*** после десяти часов бешеной езды, с ее дикой тряской, совершенно меня измочалившей.

Ни одному путешественнику не посоветую заменить тридцать шесть часов в поезде на десять часов дилижанса.

Однако я был с лихвой вознагражден за все дорожные беды! Какое чудо — оказаться в стране вечного солнца, всего лишь два дня назад распроставшись с Орлеаном, где противные дожди так изнурительно чередовались со снегом и заморозками.

На фоне ярко-голубого неба возносятся в бесконечность округлые вершины темных гор, покрытые каштанами, откуда выглядывает горящими угольками красная черепица ферм. Прямо передо мной гора Капель, еще окутанная туманом, ее мощные отроги достигают первых домов деревни. С бокового склона, глубоко иссеченного ущельями, сбегает говорливая речка с ледяной водой, сверкающей стальным блеском.

С другой стороны — Канигу, покрытый снегом гигант, вздымающийся в головокружительную высь свои ослепительные пики, где обитают разве что белые куропатки да пиренейские серны.

И еще — горы и горы вокруг, причудливо нагроможденные, окрашенные в мягкие рыжевато-коричневые тона опавших листьев.

Узкими шнурками там и сям выются дорожки, они завершаются глубокими рытвинами, краснеющими среди скал. Эти зияющие раны, кровоточащие на теле гор, остались от бывших карьеров, где добывали руду.

В прежние времена они были весьма прибыльными из-за высокого содержания железа в здешних недрах.

* Виши — город в центральной части Франции.

** Портал — архитектурно выделенный на фасаде вход в здание.

*** Соре, Амелиле-Бен, Арль-сюр-Теш, Сен-Лоран — небольшие французские города.

Но вот уже давно шум отбойных молотков не заполняет широкую долину, кузницы молчат, печи погашены. Железная индустрия заснула.

Почему?..

Такое зрелище открывается моим восхищенным глазам в тот момент, когда я вступаю в гостеприимный дом своего друга. Путешественник с удовольствием уделяет должное внимание одному из тех щедрых праздничных застолий, секретом которых владеют только в провинции, а затем мы вместе отправляемся на первую экскурсию. Не хочется тратить время на отдых, его так немного, а любопытство подстегивает.

И вот мы на улице. Очень занимает палитра местного пейзажа. Настоящее весеннее солнце заливает яркими лучами домики в фиолетовых тонах, с черепичными крышами, нависающими над улицами. Дороги радуют красной охрой щебенки.

Из тех столетних жилищ доносятся взрывы хохота, гитарный перебор, обрывки разговоров на местном диалекте, ведущем начало от популярной в средние века латыни.

Двери и окна распахнуты. Счастливые обитатели солнечной страны!

Время от времени покажется свежее личико в маленьком каталонском чепчике, а по улице вышагивают молчаливые, словно тени, прохожие в холщовых туфлях, подпоясанные алыми кушаками, с лихо заломленными набок колпаками из красной шерсти.

Невольно ожидаешь, что эта яркая пестрота начнет угнетать. Ничего подобного! Киноварь крыш, охра шоссе, пунцовость головных уборов, коричневые тона крепостной стены сливаются гармонично, как нельзя лучше. Определяющая цветовая гамма этой картины складывается из многих слагаемых.

Но что за шум на церковной площади? Из-за чего эти крики, толкотня, беготня, бурные вспышки веселья? Я приближаюсь и, к глубокому удивлению, обнаруживаю в центре плотного кружка любопытных могучего быка с высокими рогами и лоснящейся мордой. Он тяжело дышит и роет копытами землю.

Каждый старается раздражить его к своему удовольствию — один машет колпаком перед самым носом, другой тычет в бок палкой, третий до крови бьет по хребту

веткой остролиста*, четвертый — фантазер! — напяливает на бычью голову пустой бурдюк**. Несчастное четвероногое, удерживаемое на привязанной к рогам длинной веревке, совершенно обезумело, прыгает в центре круга, галопирует из конца в конец, сотрясает воздух бесполезными ударами и мучительно путается в порожном бурдюке, приводящем его в ярость.

Гиканье, смех и вопли раздаются с удвоенной силой. Когда же любитель-тореадор*** ухватывает быка за хвост, мучения животного достигают предела. Напрасно бык напрягает силы: палач не отпускает его, и восторг толпы не знает границ — он переходит в неистовство.

Выясняется, что смиренное парнокопытное осуждено на заклание здешиим мясником, но, согласно обычаям, превращение полного жизни животного в ромштексы, вырезку или филе не происходит так просто, как в наших краях, а требует небольшого предварительного спектакля. Жертву водят по всей деревне, чтобы каждый мог пережить те волнения, которые зрители испытывают во время боя быков.

Но вот «коррида»**** окончена. Осужденного тянут на бойню, а сопряженные с ним происшествия ограничиваются порванными штанами и припачканными красной пылью коленями. Иногда дело завершается не столь мирно. Из уст в уста передается история о бедняге, сраженном насмерть мощным ударом бычьих рогов два года назад.

...Прогулка продолжается по чудесным лугам, усаженным плодовыми деревьями, в цветущей каштановой роще и возле водяной мельницы, чье колесо, вращаясь под напором воды, заполняет ложину своим мерным «тик-так».

Примитивная мукомольня не слишком комфортабельна. Изъеденная сыростью хижина, черная и задымленная, напоминает скорее обиталище угольщика. В ней толкутся такой же черный мельник, во всяком случае, темнокожий, не понимающий ни слова по-французски, его жена с явными зачатками зубной болезни и целая стайка детей.

Все эти персонажи, смущенные нашим появлением, суетятся посреди вязок лука, колосьев маиса, домашних

* Остролист, падуб — род вечнозеленых, реже листопадных деревьев и кустарников семейства подубовых.

** Бурдюк — в странах Востока — мешок из цельной шкуры козы, лошади для хранения жидкости.

*** Тореадор — участник боя быков (корриды).

**** Коррида — в Испании и некоторых странах Латинской Америки — сражение на большой арене пеших и конных бойцов с доведенными до ярости быками.

животных, разномастного и жалкого хозяйственного инвентаря — первое темное пятно на великолепной картине природы. Но не последнее.

Наутро мы начинаем охоту в горах. К сожалению, дичь в этих местах попадает редко. Неунывающий Казальс, однако, предвещает успех.

Оставляем деревню, находящуюся на высоте шестисот шестидесяти метров над уровнем моря, и поднимается по склону. Наша дорога — какая там, к черту, дорога! — высохшее русло реки, под наклоном в сорок пять градусов. Пересекаем каштановую рощу, снова подъем... все время подъем!

Сердце бешено колотится в груди, ноги тяжелеют, пот заливает глаза.

«Вперед!» — кричат мои спутники, такие же бодрые, как и в начале пути. Они посмеиваются, видя, как я выбиваюсь из сил.

Характер рельефа меняется. На смену тощей растительности приходит хаотичное нагромождение глыб красного гранита, между ними пробиваются к солнцу чахлые дубовые побеги. Поражают бездны, где грохочут горные потоки, где впадины заполнены жидкой красноватой грязью, а на узкие карнизы с трудом можно поставить ногу. Мы похожи на насекомых, приклеенных к огромной вертикальной стене. Возможно, наша цель — достичь одинокого пика, чья вершина кажется неприступной.

Вскоре зеленые дубки и красный гранит исчезают, уступая место серым скалам, стертым и плешивым, за которые каким-то чудом цепляются растения — самшит, можжевельник, вереск, колючий дрок, чабрец и шалфей...

Еще усилие! И мы у цели. То, что я принял за пик, оказалось довольно широким плато, по его пологому склону мы переходим на другую сторону, к краю ущелья, в глубине которого клоочет Муга. В этом месте река разделяет Фрацию и Испанию. Ее бурные воды нередко розвели от человеческой крови. Не говоря уже о довольно частых стычках таможенников и контрабандистов, как французских, так и испанских, напомним, что именно в этом месте карлисты* ввязались в борьбу с правитель-

* Карлисты — представители клерикально-абсолютистского течения в Испании XIX века (названы по имени претендента на испанский престол дона Карлоса Старшего — сына испанского короля Карла IV). Развязали карлистские войны (с царствовавшими представителями династии испанских Бурбонов), позднее поддерживали самые реакционные силы в стране.

ственными войсками, и эхо яростных боев — залпы оружия, крики триумфа и агонии долгих четыре года разносились по дикой долине.

Ущелье Муги, самой природой сотворенное так, что человек находит здесь надежное и неприступное укрытие, на протяжении многих лет служило также театром для подвигов «трабукаров».

Обитавшие в пещерах, куда никто не мог проникнуть, эти рыцари большой дороги, достойные соперники апенинских бандитов, каждую ночь спускались с гор и набрасывались, как хищная стая, на одиноко стоявшие домики, на фермы и даже на деревни.

Всегда в пути, всегда прекрасно осведомленные о каждом путешественнике нанятыми информаторами, они редко возвращались назад с пустыми руками.

Вооруженный налет был для них плевым делом, жизнь человеческая не стоила и полушки.

А вообще-то они весело жили, обирая перепуганных «налогоплательщиков». Никто, однако, не мог похвалиться, что видел в лицо дерзких разбойников, — те всегда орудовали в масках, хотя общественное мнение и указывало иногда то на одного, то на другого, вдруг при отсутствии всяких средств начинавшего выставлять напоказ ошеломительную роскошь.

Их видели в Соре, Перпиньяне, Фигерасе*, в Жероне и Барселоне**. Они занимали лучшие места в театре и на корриде, рассыпали пригоршнями золотые монеты и внезапно исчезали.

— Это трабукары, — говорили шепотом, с дрожью.

Тем все и ограничивалось. Заметьте, что подвиги этих отщепенцев продолжались с 1845 по 1850 год, несмотря на все старания властей. Французские жандармы и испанские карабинеры, при поддержке войсковых подразделений, обычно не находили на месте тех, кого искали, а если случайно и натыкались на бандитов, отпор бывал ужасен.

Эти последние стреляли залпом в упор из своих «трабюко» с короткими стволами, забитыми до отказа пулями и крупной дробью, разлетавшимися широким веером. Нападающие падали, как подкошенные серпом, а трабукары — читатель легко расшифрует этимологию прозвища, производного от названия оружия, — скрывались по тайным тропинкам, известным только им одним.

Жуткий кошмар навис над прелестной каталонской долиной, и никто не мог или не хотел с ним покончить.

* Фигерас — небольшой город в Каталонии (Испания).

** Барселона — главный город Каталонии.

Фермеры, рисковавшие головой в случае доноса в жандармерию, боясь увидеть свои фермы сожженными, а скот перерезанным из-за отказа снабжать негодяев всем необходимым, молчали в ужасе, и цветущие хозяйства понемногу приходили в упадок. Кое-кто даже предпочитал стать соучастником бандитов.

Но последний «подвиг» трабукаров их погубил.

Семнадцатилетний лицеист по фамилии Массо, принадлежавший к одной из самых богатых семей Сен-Лорана-де-Сердана, возвращался из Барселоны, где закончил учебу. Люди в маске остановили его дилижанс на границе и увели юношу в пещеру, расположенную на южном склоне ущелья Муги, то есть на испанской стороне.

Мать молодого человека, охваченная смертельным страхом, наутро следующего дня получила письмо, в котором за свободу сына от нее требовали пятьдесят тысяч франков. Не теряя ни минуты и надеясь умиротворить разбойников задатком, она тут же отправилась одна, нашла посредника и вручила ему деньги с обещанием принести остальное в течение двух дней.

Двенадцать часов спустя мадам Массо получила маленький пакет, который вскрыла дрожащими руками. Две строчки незнакомого почерка были на окровавленном листе бумаги: «Если завтра в это же время мы не получим пятьдесят тысяч франков, то пришлем вам второе!»

В глубине пакета оказалось человеческое ухо!..

Отважная, как все матери, мадам Массо не потеряла мужества, продала свое имущество, сотворила чудо, собрав нужную сумму, и отнесла ее мрачному посреднику.

По свидетельству очевидца, трабукары никогда не нарушали своих обязательств. Пленники освобождались тотчас же по получении выкупа, в противном случае им перерезали глотку. Мать юного узника могла, таким образом, рассчитывать на возвращение сына.

На другой день она получила второе ухо в сопровождении ужасной приписки: «Пятьдесят тысяч франков немедленно, иначе вы получите его сердце!..»

Она упала, как пораженная громом, ее охватил горячий бред.

Чаша терпения у людей переполнилась. Всеобщее возмущение было на этот раз таким же сильным, как и решительным. Власти немедленно послали экспедицию, добровольцы прибывали со всех сторон для усиления войск.

В это же время к комиссару полиции явился пастух, предложивший провести экспедиционный отряд к пещере, где скрываются какие-то бродяги и откуда уже два дня несутся душераздирающие крики.

Этот человек мог оказаться провокатором. Тщательно проверили его личность и пообещали: или щедрое вознаграждение в случае успеха дела, или пуля в лоб, если он заманит мстителей в ловушку.

Гору немедленно окружили, и охота на бандитов началась. Она была трудной, но недолгой. Провожатый очень уверенно провел военных через самые крутые скалы, что было под силу только опытным и бесстрашным горцам. В итоге они очутились на узеньком кольцевом карнизе, окаймлявшем скальную вершину. Под ногами зияла пропасть, внизу шумела река. Один человек смог бы успешно защищать этот проход от целого полка.

К счастью, уверенные в своей безопасности, негодяи не выставили дозорных. Со стороны пещеры карниз заслоняли заросли самшита и утесника.

— Это здесь! — прошептал проводник.

Охотники за людьми взяли оружие на изготовку, впереди идущий потихоньку раздвинул кусты и смело прыгнул в открывшийся грот.

— Сдавайтесь! — крикнул он зычно, и эхо усилило его голос.

Остальные солдаты последовали за первым. Захваченные во время сна, трабукары почти не сопротивлялись и быстро были скручены.

Стали искать юного Массо, но, увы, обнаружили только его труп, еще теплый, с девятью ножевыми ранами.

Пленение бандитов вызвало во всей округе вполне понятную бурную радость. Их дело рассматривалось в суде, восьмерых приговорили к смертной казни, и ее могли наблюдать жители как в Соре, так и в Перпиньяне.

Следствие обнаружило весьма печальные обстоятельства гибели несчастного юноши. Разбойники, оказывается, были обмануты их же сообщником, служившим связным. Он присваивал себе деньги мадам Массо и всякий раз говорил, что она отказывается платить.

— А вот и пещера трабукаров, — сказал мне Казальс, указывая ружьем на куст, пожелтевший от дождей и ветра и как бы инкрустированный в скалу на противоположной стороне ущелья.

Я невольно вздрогнул, мне почудились сквозь неумолчный грохот хмурой реки отчаянные призывы последней жертвы трабукаров.

...Приближаемся к ферме Пла-Кастенье, расположенной на высоте 850 метров. Я уже говорил в связи с посещением водяной мельницы о первой тени, упавшей на восхитительный пиренейский пейзаж. При виде этой фермы тень сгустилась еще больше.

Вероятно, никогда не попадалась мне на глаза более откровенная нищета, да еще в сочетании с отталкивающей грязью. С виду дом с низкой крышей из некогда ярких рельефных кирпичей, поблекших под воздействием дождя и солнца, не лишен живописности. На рыжеватых, с коричневым оттенком стенах весело играют солнечные лучи.

Но какое разочарование, едва только ступаешь за ограду! Это какая-то топкая клоака, в которой непременно измараешься, пока добредешь до шаткой лесенки, ведущей в главную комнату, приподнятую над землей метра на два с половиной. Большие черные свиньи, громко хрюкая, вылушивают колосья маиса, с жадностью хрумкают перепачканные в грязи каштаны.

Грязь переносится на наших подметках и в эту комнату, более темную и задымленную, чем хижина угольщика. Замусоренный пол в ней никогда не подметается (не говорю уж — моется). Меблировка состоит из большого сундука, похожего на гроб, плохо отесанного ларя, лоснящегося от грязи, двух хромых стульев и грубо сколоченного массивного стола. Легионы пауков обосновались на стенах, покрытых вековым слоем копоты и сажи. В углу — куча сухого дрока*, служащего топливом для очага, откуда вырывается густой и едкий дым. Ветхая, неплотно пригнанная дверь болтается, готовая упасть, и, жалобно скрипя на своих ржавых петлях, хлопает при каждом порыве ветра. Окон в комнате нет, но есть большое отверстие в стене, которое закрывается ставнями на ночь или от холода. В углублении замечаю какое-то подобие кровати. Убогое ложе бедняков!

Возле печки, весь окутанный дымом, дрожит столетний старец. Щетинистые брови, погасший взор, седая спутанная борода, пожелтевшие руки непрерывно перемешивают угли, покорное лицо труженика, чующего близкую смерть. Затем несколько розовощеких ребятишек, ужасно грязных, и их мать, бедное создание, страдающее базедовой болезнью. Они с любопытством уставились на нас. Мне почти стыдно за наше одеяние, представляющее такой разительный контраст с их лохмотьями, и сердце сжимается при виде гречишного хлеба, который не стали бы есть наши собаки.

Никто из этих обездоленных не понимает ни слова по-французски. Такого мне не встречалось даже в Гвиане. Там, по крайней мере, хижины у негров чисты и вигвамы краснокожих обладают примитивным комфортом. Пища

* Дрок — род кустарников и полукустарников семейства бобовых.

обитателей девственных лесов обильна и разнообразна. Я могу спать под их кровом, делить с ними трапезу, обмениваться мыслями. А тут...

Итоги охоты плачевны. Я это предчувствовал. После бешеной погони удалось подбить зайца и двух розовых куропаток. Честь охотников из провинции Босе спасена.

II

Новые огорчения.— Погоня за пароходом.— Соревнование поезда и корабля.— Крупный проигрыш.— Крупные ставки.— Потомок пиратов.— Буря.— Альхесирас.— Танжер**.*

Время торопит, и через несколько дней настает минута прощания с так сердечно предложенным мне домашним гостеприимством. Упряжка дилижанса бьет копытами и звенит колокольчиками. До свидания — и в дорогу!

Остановка в Перпиньяне — только для завтрака в обществе верного приятеля Д., префекта Восточных Пиренеев, и вот уже Пор-Вандр.

Здесь поджидает очень досадная «накладка». Доверившись справочнику, обещавшему все мыслимые гарантии, я прибыл в порт к трем часам пополудни в законной надежде взойти на корабль в пять. Агент Трансатлантической компании без труда развеял мое заблуждение: пароход отчалил десять часов назад!

Что делать? Глупо терять время в напрасных стенаниях. Пришло на ум, что пароход останавливается в Барселоне, затем в Грао, порту Валенсии***, и в Картахене**** перед тем, как направиться к Орану, и что, воспользовавшись береговой железнодорожной линией, я выиграю в скорости и смогу догнать его в одном из этих трех пунктов. В любой другой стране мне бы это удалось. Но опасно полагаться на эти страдающие одышкой испанские поезда, ползущие, как мокрицы, по извилистым путям полуострова! Напрасно я проследовал без передышки через Барселону, Таррагону, Валенсию, Мурсию*****, оста-

* Альхесирас — город на юге Испании, на берегу Средиземного моря.

** Танжер — город и порт в Марокко.

*** Валенсия — историческая область на юго-востоке Испании, у Средиземного моря (главный город — Валенсия).

**** Картахена — город в Мурсии (см. ниже).

***** Мурсия — историческая область на юго-востоке Испании, у Средиземного моря (главный город — Мурсия).

вив позади более восьмисот километров, чтобы попасть в Картахену. Злой рок посмеялся надо мной. Трансатлантический лайнер отошел от причала полчаса назад.

Думаю, что за все время моих путешествий ни разу не доводилось так чертыхаться!

Но, поскольку проклятиями не сдвинешь дело с места ни на миллиметр, решение принимается сразу. Как бы ни хотелось мне осмотреть Картахену, я немедленно отправляюсь на поиски судна, идущего в Оран. Если такого не сыщется, то — черт побери! — сам зафрахтую* корабль. Крупный проигрыш — крупные ставки.

Обращаюсь к начальнику порта, который безбожно коверкает французский, и объясняю ситуацию на еще более скверном кастильском.

В конце концов приходим к взаимопониманию. Он предлагает мне «Илиот», маленькое рыболовецкое суденышко с неполной палубой, с единственным парусом на высоченной мачте. Было бы неосторожностью пускаться в море на такой скорлупке.

— А хотите шхуну? — спрашивает он, указывая на трехмачтовый корабль с квадратными парусами, водоизмещением тонн на триста.

— Слишком велика, и капитан заломит бешеную цену.

— Месье предпочитает «фелук»?

— О да, согласен на фелюгу!**

— Хорошо! Вам повезло!

— Не может быть! Тогда это впервые после моего отъезда! Но объясните, почему повезло...

— Потому что «Санта Каталина» на рейде, и, если уговорите хозяина, у вас будет самый доблестный моряк нашего порта!

Он указал на небольшое судно, примерно восьмидесятитонное, пришвартованное к набережной.

Оставалось только перейти по висячему мостику, соединявшему корабль с набережной, и вот мы уже на борту. С первого взгляда восхитила подчеркнутая чистота маленького средиземноморского суденышка, редкостное явление для коммерческих кораблей, особенно для испанских. Юнга, лежавший на решетке, медные части которой сияли золотом, вскочил при нашем появлении и проводил в каюту капитана.

— Сеньор Эскуальдунак***, — проговорил мой чиче-

* Зафрахтовать — нанять судно для перевозки груза.

** Фелюга, фелука — небольшое парусное промысловое судно.

*** Буквально: господин Баск. Баски, которых испанцы переименовывают в Cantabri, Vasos, Vascongados, сами себе дают имя Escualdunac, образованное из трех слов своего языка: Escu, рука, alde, ловкий, и dupas — который имеет, что означает в итоге: ловкие люди. (Примеч. авт.)

роне*, — вот французский путешественник, который желает отправиться в Оран. Не согласитесь ли доставить его туда?

На приветствие моряк молча кивнул с естественной простотой и достоинством, метнул на меня острый взгляд, светлые глаза оценили гостя от макушки до пяток. Голос у него оказался грубоватый, но теплый и доброжелательный:

— Это будет зависеть... Морское ли у вас сердце? А ноги? Вы когда-нибудь выходили в море?

— Два рейса — из Сен-Назера** в Кайенну*** и из Гавра**** в Сьерра-Леоне, без морской болезни и без высадки — достаточно для вас? Но к чему этот вопрос?

— Восточный ветер крепчает, и скоро волнение усилится.

— А! Не имеет значения. Чуть больше, чуть меньше болтанки... Пассажир должен быть готов ко всему, а иначе пускай сидит дома.

— Хорошо. Если так, снимаемся с якоря немедленно... Ничто меня сейчас не удерживает, я сплю, как говорится, на своем балласте... И маленькая прогулка в Оран в вашем обществе доставит мне удовольствие. Я люблю французов и сам наполовину ваш соотечественник, кстати, я потомок Мишеля Баска, компаньона Олонне.

Имена двух неустрашимых пиратов, гордо произнесенные капитаном «Санта Каталины», как будто молнией пронзили все мое существо, мгновенно породив целую вереницу воспоминаний: остров Черепахи, ограбление Макарайбо, падение крепости Сан-Антонио в Гибралтарском проливе, пожары в Сан-Педро и Пуэрто-Кавалло и что там еще...

Прав оказался начальник порта, добрая звезда засветила мне.

— Капитан, извольте назначить цену за переезд.

— Семьдесят восемь франков, — быстро ответил он тоном хорошо осведомленного человека.

Но, поскольку я вытащил бумажник, чтобы сразу расплатиться, остановил меня и добавил:

— Когда вы прибудете в Оран.

* Чичероне — проводник, дающий объяснения туристам при осмотре достопримечательностей.

** Сен-Назер — город-порт во Франции, на северном берегу устья Луары.

*** Кайенна — столица Французской Гвианы, в Южной Америке, на западной части острова Кайенна.

**** Гавр — город во Франции, порт в устье Сены.

Он тут же послал за моим багажом двух матросов из пяти, составлявших весь экипаж, а прочим приказал ставить паруса.

Через полчаса все было готово. Рукопожатие с начальником порта — и в плавание!

Едва только мы потеряли из виду рейд с его лесом мачт, как «Санта Каталина», оправдывая предсказание капитана, встретилась с очень большими волнами. Но она летела морской птицей, подтверждая изречение: нет большого урагана для большого капитана.

— Мы идем со скоростью девять узлов (немного больше шестнадцати с половиной километров)!— с гордостью сказал баск, покуривая неизменную сигарету.— Через пятнадцать часов, если все будет хорошо, высадитесь в Оране, всего лишь на пять часов дольше, чем если бы плыли на пароходе.

— Я тем более счастлив от нашей встречи, капитан, что больше всего люблю плавать под парусами. Рейс без вибрации от винта, без угольной пыли, без ужасного машинного духа чрезвычайно приятен...

Польщенный капитан, не привыкший к подобным тонкостям, провозгласил целый панегирик* маневрированию под парусами вообще и своему кораблю в частности.

Он управлял им уже десять лет, совершая частые походы в Леванто**, превращавшиеся нередко в настоящие скоростные гонки, и не отказывался по случаю от небольшой контрабанды, с успехом проводя за нос таможенников.

К сожалению, мои слишком элементарные познания в морском деле не позволяли по достоинству оценить все, что любезно описывал мой собеседник, но я гордился его доверием, и это ему нравилось.

Не входя в недоступные детали, я все же счел долгом заметить, что при столь малом экипаже и таком сильном волнении суденышко подставляет ветру очень значительную площадь парусов.

— А!.. А!..— ответил он, улыбаясь.— Вам это кажется странным... Но заметьте, что мои мачты устроены по-особому, как и на большинстве кораблей Леванто, так что все верхние паруса убираются раньше нижних и обеспечивают безопасность...

Технические объяснения продолжались бесконечно,

* Панегирик — восторженная и непомерная похвала.

** Леванто, Левант — общее название стран, прилегающих к восточной части Средиземного моря (Сирия, Ливан и др.).

и при всем интересе к ним я благословил ту минуту, когда появился юнга с приглашением к обеду.

Сеньор Эскуальдунак управился с едой очень проворно, как человек, который не может надолго покинуть управление судном, и оставил меня в компании солидных бутылок, демонстрируя обоснованный эклектизм*, что касается обустройства и использования камбуза.

Затем я, в свою очередь, поднялся на палубу, чтобы продолжить нескончаемую и довольно бессвязную беседу, которую капитан поддерживал весьма охотно.

Мы плыли уже пять часов, и ветер все усиливался, когда мой собеседник вдруг пронзительно вскрикнул и бросился к штурвалу, хрипло подавая какие-то непонятные команды.

Внезапно я испытал непередаваемое ощущение провала в морскую пучину и машинально уцепился за опору бизань-мачты. В тот же миг настоящий водяной смерч обрушился на палубу и послышался ужасный треск.

Какие-то секунды суденышко оставалось на боку, подобно животному, пораженному насмерть неожиданным ударом. Мгновение невыносимой тоски. Но резкий поворот штурвала выпрямляет кораблик, в мгновение ока верхние паруса снова полощутся на ветру, зачерпнутая вода убегает через шпигаты**. Опасность миновала, страху было больше, чем беды.

Однако, сколько видно глазу, волны поднимаются все выше. Тучи сгущаются, ветер свирепеет, и мне кажется, что мы крутимся на месте.

Все еще прикованный к своей мачте, промокший насквозь, хоть выжми, я ожидаю окончания маневра, потом продвигаюсь к капитану, придерживаясь за бортовые коечные сетки, поскольку движения судна хаотичны.

— Внезапная перемена ветра,— коротко бросает он, как бы отвечая на незаданный вопрос.— Мы убегаем от непогоды. Прибудем к месту, когда Всевышний соблаговолит... Лучше бы вам спуститься... Нехорошо здесь, может напасть морская болезнь... Я отвечаю за все, насколько это в человеческих силах.

Безропотно повинуюсь. Это лучшее, что можно сделать.

Случается порой, человеку, попавшему в шторм, хочет-

* Эклектизм — отсутствие единства, целостности, последовательности в убеждениях, теориях; беспринципное сочетание разнородных, несовместимых, противоположных воззрений.

** Шпигаты — отверстия в фальшборте (наружной обшивке судна выше верхней палубы) или палубном настиле судна для удаления с палубы воды.

ся разыграть свой маленький спектакль. Я слышал от некоторых, как они, не желая покидать палубу, заставляли привязывать себя к мачте, дабы насладиться стихией в ее высшем проявлении. Писатели соответственно воспроизводят свои впечатления вдохновенным пером, расписывая собственный стоицизм*, восхищение которым якобы окрыляло команду.

Не скажу обо всем этом ни единого слова. У матросов есть более важные дела, чем восторгаться господином, пожелавшим сыграть героя. Это хорошо на расстоянии, чтобы «эпатировать** буржуа», но абсолютным пустяком выглядит на борту корабля в гибельную минуту.

Я попросту спустился в каюту, переоделся в сухое и прозаично улегся. В конце концов, хотя корабль и продолжал выплясывать бешеную сарабанду***, меня охватил сон. И вполне естественно, ведь глаза мои не смыкались ни на минуту со времени отъезда из Сен-Лорана-де-Сердана, ни в дилижансе, ни в поезде от границы до Картахены.

И я вздремнул этак часов двенадцать...

Внезапно войдя в каюту в морских высоких сапогах, меня разбудил капитан.

— Как! — удивился он. — Вы еще спите?.. Ну, это хорошо... Очень, очень хорошо...

— Ну конечно! Ничего другого не оставалось. Я ведь не моряк... Кстати, где мы находимся?

— Должен прежде всего сказать, что мы все время уходим от непогоды...

— Черт побери!

— ...со скоростью тринадцать узлов в час.

— Или двадцать четыре километра семьдесят шесть метров, если не ошибаюсь. Но куда же мы движемся?

— Прямоком на Гибралтар!

— О, Боже! Так нам в Оран не попасть.

— Невозможно выдержать курс.

— Не сомневаюсь.

— Надо было удерживаться в открытом море, чтобы нас не снесло на берег и не разбило в щепки... Если, как я опасаясь, штормовой ветер продлится, мы вынуждены будем укрыться в бухте Альхесираса.

— Понятно. Это далеко?

* Стоицизм — стойкость, мужество в жизненных испытаниях. Здесь — в ироническом смысле — о человеке, разыгрывающем из себя героя.

** Эпатировать — удивлять выходками, нарушающими общепринятые нормы и правила.

*** Сарабанда — старинный испанский танец эмоционального характера.

— Часов семь ходу.

— Так, так,— пробормотал я себе под нос,— все просто замечательно, цепочка моих злоключений не обрывается.

Естественно, ураган нарастал и полнился новой силой, так что знакомство с Гибралтаром могло состояться не через семь часов, а, дай Бог, через десять...

Меня одолевали горестные размышления: когда же и как я попаду в Алжир? Я поделился своими опасениями с капитаном.

— Э-э... Э-э...— ответил он с обескураживающим хладнокровием,— шквальный ветер продлится еще дня четыре, затем, по крайней мере два дня, море будет успокаиваться... Вот и считайте: шесть дней да плюс переход из Альхесираса в Оран, добавьте еще часов сорок...

— Но это потерянная неделя, а мое время ограничено.

— Ах!.. Если бы вы вместо Орана высадились в Танжере... Марокко для путешественника, да еще охотника, ничуть не хуже Алжира...

— Однако... Это мысль... После того, что случилось... Почему бы и нет... Я никого не знаю в Марокко, по крайней мере, есть надежда встретить там что-нибудь неохиданное. Капитан, решено! Мы идем в Танжер.

— Отлично! Разобьюсь в лепешку, чтобы доставить вас туда за три часа, или я больше не командир! Лево руля!

Вскоре парусник вошел в Гибралтарский пролив, где волнение было несколько меньшим, взял прямой курс на Танжер, и не минуло трех часов, как нам открылись белые дома марокканского города.

III

Вид Танжера.— Толпа.— Улицы.— В корчме.— Встреча.— Мохаммед, алжирский стрелок.— Его промысел.— Одиссея туземного каптенармуса.— Отъезд в глубинку.*

Едва мы бросили якорь, как я заметил толпу полуголых арабов, чей примитивный костюм состоял из грязных лохмотьев. Они двигались в нашу сторону, забредая в воду уже по бедра и издавая истошные вопли.

— Скажите, капитан, не принимают ли они нас за

* Каптенармус — должностное лицо младшего командного состава, ведавшее хранением и выдачей снаряжения, обмундирования, продовольствия и т. п.

корсаров*, или, вернее, не являются ли сами пиратами, желающими взять нас на абордаж?..**

— Успокойтесь... У них нет плохих намерений, и вообще они далеки от того, чтобы принимать нас за кого бы то ни было... Просто они кое-что нам предложат...

— Что же это за дар гостеприимства?..

— Вши!

— Не смейтесь! Нет ни малейшего желания кормить легион паразитов!

— Да полноте! Следуйте за мной, я сойду с вами на берег, чтобы провести в корчму... Вы увидите, там вовсе не худо... Мы сядем в одну из этих лодок, она подвезет нас к берегу, а шагов за тридцать до суши переберемся на плечи этих терракотовых добряков, потому что лодки не могут причалить... Конечно, если вы не предпочтете искупаться...

— Ладно! Теперь понятно... во время переезда на человеческих спинах насекомые на нас и набросятся.

Все произошло, как сказал капитан. Меня бесцеремонно усадил на свои плечи здоровенный малый, и так состоялось мое не слишком триумфальное вступление на марокканскую землю — верхом на сыне Пророка, обхватив руками его бритый череп, блестящий, как тыквенная бутылка.

Пять минут спустя мы вошли в одни из городских ворот, углубились в зловонную улочку, которая привела на площадь с корчмой, где я должен был подыскать себе жилье.

...Не имею никакого намерения описывать в подробностях ни старый город, чью физиономию уже обрисовали многие путешественники, ни человеческие типы, которыми художники намозолили нам глаза. И думаю, читатель не станет сердиться за то, что я не обременяю рассказ описанием хаоса извилистых улочек, захламленных гниющими овощами, битыми черепками, консервными банками, тряпьем,дохлыми кошками и полуразложившимися собаками, откуда веет гнетущими «ароматами» в сочетании с запахами чеснока, дыма, рыбы, росного ладана, жженого алоэ***.

* Корсары — морские разбойники, пираты.

** Абордаж — тактический прием морского боя времен парусно-гребного флота, представляющий собой сцепление крючьями своего и неприятельского судна для рукопашного боя.

*** Алоэ — род многолетних травянистых растений семейства лилейных с мясистыми листьями.

Неизлечимая лень и фатализм* мусульман игнорируют самые элементарные требования гигиены.

Впрочем, обитателям мало дела до этих тошнотворных свалок. Белые дома без окон, снабженные только узкой дверью, с трудом пропускающей одного человека, не выходят фасадом на улицу. Так что эти улочки иногда кажутся бесконечными коридорами, над которыми простирается лазурная полоса небесного свода. Время от времени мавританская** арка прерывает монотонность этой белой поверхности, или возникнет широкая красная полоса вдоль нижней части стены, или внимание привлечет нарисованная черным рука на двери, имеющая целью отвести глаза.

Главная улица Танжера, едва ли не единственная, достойная зваться улицей, пересекает весь город и центральную площадь, где находятся скромные жилища консулов***.

Именно здесь встречается «весь Танжер», так тонко описанный итальянцем Эд. де Амичи в исполненном живой правды этюде, который я недавно перечитал.

Нет ничего интересного и необычного во внешнем облике этих людей, однообразно выраженных в долгополые накидки из шерсти или полотна, когда-то белые, но теперь превратившиеся в грязные, дурно пахнущие обноски.

Иные движутся медленно, степенно, бесшумно, как если бы хотели остаться незамеченными; другие сидят на корточках вдоль стен, по углам домов, перед лавочками, с напряженно застывшим взором, подобно окаменевшим персонажам восточных легенд.

Однако толпа, кажущаяся издали такой однообразной, при ближайшем рассмотрении предстает в самой удивительной пестроты. Перед тобой медленно проплывают лица: черные, белые, желтые, бронзовые, головы, украшенные длинными пучками волос, и бритые черепа, блестящие и голубоватые. Видишь людей, высохших, как

* Фатализм — вера в неотвратимость судьбы, предопределение, рок.

** Мавританский стиль — от *лат.* Mauretania — старинного названия мусульманских стран Северо-Западной Африки — архитектурный стиль, характеризующийся арками, куполами, богатым геометрическим орнаментом.

*** Консулы — должностные лица, представители государства в каком-либо пункте (городе) другой страны.

мумии*, с целым арсеналом** оружия при поясах, ужасающе дряхлых старцев, женщин, запеленутых с головы до ног в лоскутья, детей с их витыми косичками... лица султанов, дикарей, некромантов***, анахоретов****, разбойников, существ, угнетенных неизмеримой печалью или смертельным фатализмом.

Очень мало, или даже вообще не видно, улыбок в этом странном шествии мерно двигающихся, угрюмых и молчаливых людей-призраков.

Какая-то активность в этом восточном пандемониуме проявляется на площади консульств. Это похоже на жизнь одного из наших кантонов***** в ярмарочный день.

Небольшая прямоугольная площадь занята по периметру арабскими лавчонками и ларьками, которые показались бы убогими в самой бедной из наших деревень. С одной стороны расположен фонтан, постоянно окруженный арабами и неграми, черпающими из него воду бурдюками и кувшинами; с другой — восемь или десять женщин в паранджах***** восседают целый день на земле, они заняты продажей хлеба.

Среди арабских домишек и мазанок скромные здания консульств выглядят почти дворцами. Тут же находится единственный в городе торговец табаком, единственный бакалейный магазин, единственное кафе, занимающее паршивую комнатенку с бильярдом, и единственный угол, где висит несколько печатных афиш.

Наконец, здесь же собираются бродяги, чья нагота едва прикрыта лохмотьями, бездельники — мавры, евреи с бараньими профилями, делающие свой гешефт, арабские носильщики, ждущие прибытия пакетбота, мелкий чиновный люд из дипломатических миссий, озабоченный обедом, только что прибывшие иностранцы, переводчики, нищие. В этом месте можно встретить курьера, прибывшего из Феса, Мекнеса***** или Марокко с распоряжениями султана; слугу, несущего с почты лондонские или па-

* Мумия — труп человека или животного, предохраненный от разложения противогнилостными и благовонными веществами или высохший вследствие особенностей условий среды.

** Арсенал — здесь: большое количество (оружия).

*** Некромант — лицо, «вызывающее» тени умерших людей с целью узнать будущее.

**** Анахорет — отшельник, пустынный.

***** Кантон — низовая административно-территориальная единица во Франции и некоторых других странах.

***** Паранджа — обязательная одежда женщин-мусульманок — широкий халат с ложными рукавами; накидывается на голову, а лицо прикрывается волосной сеткой.

***** Фес, Мекнес — города Марокко.

рижские газеты; жену министра и фаворитку гарема. Тут и болонка, и верблюд, чалма и шелковая шляпа; фортепьянные ритурнели* из открытых окон консульств и тягучая, раздражающе гнусавая каантилена** из дверей мечети...

В течение трех дней я изнывал от скуки, наблюдая этот бесконечный спектакль, которым насытился очень скоро. Капитан Эскуальдунак возвратился на испанские берега. Я был совершенно одинок и ожидал какой-нибудь «встряски».

За столом в кафе со мною обычно завтракали члены европейской колонии, и потому особенно бросился в глаза сидевший в отдалении араб, который с непонятным упорством разглядывал меня.

Принесли все то же скверное рагу, отравленное чесноком и прогорклым маслом, когда араб поднялся, ткнул в меня пальцем и подал знак выйти за ним следом.

Весьма удивленный, но почуяв приключение, я вышел на площадь.

— Бонжур,— сказал он, улыбаясь во весь рот и протягивая руку.

— Бонжур,— моя заинтригованность возрастала,— но кто ты такой?

— Мохаммед!

— Это мало что говорит, все здесь в большей или меньшей степени Мохаммеда.

— А!.. А!.. Не узнаешь меня? А я тебя хорошо знаю. Ты майор Бусенара.

Когда-то я принимал участие в военной кампании в качестве врача, нестроевого помощника майора. Но каким образом этот человек спустя тринадцать лет прилагает ко мне звание, бывшее со мной так недолго?

— Твоя память лучше моей.

— А!.. А!..— повторил он, хохоча.— Ну, вспомни, Мохаммед, каптенармус-туземец. Второй стрелковый... Обманщик, что растратил казенный деньги, а ты спас от военный суд... Это я!

— Не может быть! Так это ты, старый негодник? Но какой черт занес тебя сюда? Чем ты занят? А я-то думал, тебя давно уже расстреляли или, по крайней мере, отправили на каторгу...

* Ритурнели — инструментальные эпизоды, исполняющиеся в начале и в конце каждой строфы, романа и т. п.

** Каантилена — певучая мелодия.

— Я не такой дурак... Я дезертировала, когда даль пощечина мой лютнант! Я приехала сюда за товар!

— Чтобы делать контрабанду...

— Нет... за деньги... покупать вино бордо, коньяк, абсент...*

— А! Так ты торгуешь спиртными напитками. А как же закон Пророка?***

— Чепуха Пророк!

— Так ты еще и вольнодумец, если не ошибаюсь!

— Я люблю хорошее вино и ликеры... Остальное чепуха!

Мне не терпелось узнать, по какому странному стечению обстоятельств этот жалкий обломок нашей африканской армии очутился в подобном месте. После краткой беседы мы вернулись в общий зал, быстро доели остатки невкусных блюд со звучными названиями и отправились бродить по городу.

...Тринадцать лет тому назад, в условиях исключительно драматичных и опасных — в день сражения за Решоффен, этим все сказано, — я нашел капрала из стрелковой части с черепным ранением от удара немецкой сабли. Вытащил его из посадок хмеля, где он лежал без сил, и доверил заботам своего друга, доктора Д., начальника дивизионного госпиталя. А несколько часов спустя этот госпиталь со всем персоналом и ранеными попал в плен к баварцам в деревне Збербах. Мой стрелок, привезенный в Раштатт, вскоре бежал, едва лишь став на ноги. Не знаю, как ему достало ловкости и энергии добраться до Парижа. Там он попросился на службу в какой-нибудь полк.

К вечеру в день битвы под Шампиньи***, у подножия плато де Вилье, ко мне привели рядового с перевязанной левой рукой, отчаянно бравившегося и перемежавшего ругательства арабскими выражениями, что выглядело странно в устах пехотинца.

— Это опять я, майор, — отрекомендовался он при осмотре руки, искалеченной пулевым ранением. — Они бросили меня в пехоту, потому что не хватает стрелков... Но это не мешает бошам**** вести прицельный фланговый огонь...

Вот этого самого араба, с которым дважды сводила меня военная судьба, и звали Мохаммедом.

* Абсент — спиртной напиток, настойка на полыни.

** Закон Пророка — Мухаммеда (Магомета), основателя ислама.

*** Сражение за Решоффен, битва под Шампиньи — события франко-прусской войны 1870—1871 гг., участником которой был Луи Буссенар.

**** Боши — во Франции — бранное прозвище немцев.

В своем передвижном госпитале восьмого сектора мне удалось каким-то чудом сохранить ему руку. Он уехал в момент перемирия, одно время находился в Версальской армии, затем вернулся на сборный пункт своего полка в Алжир с нашивкой сержанта.

Находясь в Константине в 1873 году, я случайно узнал от моего друга, капитана Н., что его туземский каптенармус недавно предан военному суду за присвоение себе с присущей арабам бесцеремонностью части казенных денег.

— Этот прохвост Мохаммед не крал, я убежден,— добавил капитан.— Он хороший солдат, но в третий раз влипает в скверную историю, и, ей-богу, я не намерен покрывать недостачу из собственного кармана.

Хотя имя «Моххамед» очень распространено в Алжире, оно пробудило во мне воспоминание об участнике боев при Решоффене и Шампиньи.

«А если это он?» — преследовала неотвязная мысль. Капитан согласился сопровождать меня в тюрьму, и я не слишком был удивлен, узнав старого плута, изрядно обеспокоенного последствиями своих выходов.

Дважды выручив его из тяжелых ситуаций, я взял на себя роль посредника, чтобы спасти араба и в третий раз. Напомнил своему другу об отличной службе и смелости Мохаммеда; говорил о беззаботном отношении людей этой расы к деньгам, находил смягчающие обстоятельства, короче, удалось добиться, чтобы на его служебные прегрешения закрыли глаза.

Мохаммед отделался потерей сержантской нашивки и вернулся в рядовые, торжественно поклявшись бородой Пророка впредь никогда не допускать такого легкомыслия.

И больше мне не доводилось слышать о нем. Но вот встреча за табльдотом* в марокканской корчме.

Не без оснований говорят, что все случается в жизни!

— Значит,— толковал я во время нашей прогулки по центральной улице,— ты дезертировал после какой-то очередной проделки... Но ты же поклялся ничего больше не вытворять!

— А я снова потратил чужой деньги... Мой лютнант ударил меня дубинкой, потому что я не хотел дать ему ворованный деньги... А я залепил ему пощечина... Лютнант хотел меня схватить, отдать под суд... Плевать мне на суд!.. Тогда я украл мула и убежал. Цок-цок-цок...

* Табльдот — общий обеденный стол в пансионатах, курортных столовых и ресторанах.

Мой шалопай после такого самоуправства вполне мог быть приговорен к расстрелу, но ему посчастливилось добраться до Туниса, где он перепробовал все занятия, кроме достойных, разумеется.

— Ну, а теперь? — спросил я, выслушав рассказ, из которого, к большому сожалению, мне приходится опускать самые живописные места.

— Я стал собственник!

— Как?... — не поверил я своим ушам.

— Да, собственник! Я работаль... добился успеха... мне выпал шанс... получить наследство... Я начальник дуара*... с шатрами, быками, коровами... и еще лошади, верблюды, мехари**... Я живу лучше, чем генерал, начальник дивизии... пью вино бордо, заказываю коньяк в кафе и начинаю завтрак с абсента...

— Несчастный, сколько же честных людей ты отправил на тот свет, чтобы завоевать такое положение?

— Нет, я не такой глупец! Иначе султан посадил бы меня на громоотвод самой высокой мечети!

— Значит, ты занимаешься контрабандой?

— Нет! Говорю же тебе... я собственник.

— Твой дуар далеко отсюда?

— Восемь дней верхом.

— А есть там дичь, в твоих краях?

— Кабаны в мастиковых*** лесах, антилопы в пустыне, зайцы и куропатки в альфовых**** полях... У меня есть соколы... Ты всегда любил охоту, приезжай к нам... Устроим тебе прием, как генеральному инспектору.

— Черт побери! Все это страшно соблазнительно, трудно устоять...

— Ну так приезжай! Будем считать, что договорились.

— Я не отказываюсь... Но позволь мне еще подумать до завтра.

Наутро я проснулся довольно поздно, следуя своей давней привычке, и, быстро завершив туалет, направился в комнату Мохаммеда, чтобы заявить ему о своем согласии.

Скромный номер был пуст.

— Ах, дьяволыщина! — разочарование отрезвило.— Этот бузотер посмеялся надо мной и провел за нос, как новичка.

* Дуар — табор бедуинов (кочевых и полукочевых арабов Аравийского полуострова и Северной Африки).

** Мехари — верховые верблюды.

*** Мастиковое, или мастичное, дерево — вечнозеленый кустарник или деревце из рода фисташковых.

**** Альфовые, альфа — злаковые растения.

В плохом настроении я вышел на улицу, привлеченный конским топотом и громкими криками.

Вообразите же мое удивление, когда я увидел Мохаммеда во главе полутора десятков вооруженных до зубов арабов, восседавших на великолепных породистых конях, которые в нетерпении били копытами у дверей гостиницы.

Нагруженные ящиками мулы образовали другую, безмятежную группу, буквально заполонившую все подступы к нашему жилищу.

— А! Вот и ты,— крикнул мне, смеясь, «собственник».— Я не терял даром времени... Все закуплено, уплачено, упаковано. Ты видишь, мои люди готовы к отъезду... Я купил для тебя один хороший кобыль и один мул для багажа... Вот они, я их привел...

— Клянусь Богом, ты угадал! — воскликнул я, восхищенный приключением.— Принимаю от всего сердца твой дар, и, если ты не приврал и в твоих местах действительно водится дичь, я развлекусь по-княжески!

Не минуло и четверти часа, как чемоданы были водружены на мула, я занял место в седле, и караван тронулся в путь, на открытие моей первой марокканской охоты.

Конец

Буссенар Л.

Б-92 Собрание романов.— Т. 2: Приключения в стране львов. Приключения в стране тигров. Приключения в стране бизонов: Романы. От Орлеана до Танжера: Очерк: Пер. с фр.— М.: Ладомир, 1993.— 448 с., ил.

Во второй том Собрания романов популярного французского писателя Луи Буссенара (1847—1910) вошла впервые полностью переведенная на русский язык трилогия «Приключения в стране львов, Приключения в стране тигров, Приключения в стране бизонов», в которой рассказывается о похождениях двух отважных охотников, героев целой серии произведений писателя,— Виктора Гюйона по прозвищу Фрике и спортсмена миллионера Андре Бреванна.

В книгу также включен впервые публикуемый на русском языке очерк «От Орлеана до Танжера. Воспоминания о поездке в Пиренеи и Марокко».

Б 4703010100-010 Без объявл.
593(03)-93

ББК 84.4 Фр.

СОДЕРЖАНИЕ

Приключения в стране львов. Роман. Перевод С. Е. Пестель	5
Приключения в стране тигров. Роман. Перевод Е. Д. Мурашкинцевой.	139
Приключения в стране бизонов. Роман. Перевод И. И. Чельшиевой .	291
От Орлеана до Танжера. Очерк. Перевод В. А. Брюггена	421

ЛУИ БУССЕНАР

Собрание романов

Том 2

Редакторы **Безрукова И. Г., Хотинская Н. О.**

Технический редактор **Суровцева С. И.**

Корректор **Нареикова О. Г.**

Сдано в набор 28.03.93. Подписано в печать 28.04.93 г. Бумага офс. № 1. Гарнитура «Баскервиль», высокая печать. Печ. л. 14. Формат 84х108¹/₃₂. Тираж 30 000 экз. Зак. № 1833. С-6.

НИЦ «Ладомир» при участии «ВРС». 103617, Москва, К-617, к. 1435.

Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга»
Мининформпечати РФ. 127018, Москва, Сушеский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот».

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Уже первые тома Полного собрания романов Л. Буссенара вызвали, без преувеличения, огромный читательский интерес — редакция получила тысячи писем с предложениями и пожеланиями.

Встречаются в читательской почте и вопросы, из которых самый распространенный — «является ли данное издание простым повторением известного Полного собрания романов, выпущенного в начале века П. Сойкиным в приложении к журналу «Природа и Люди?»».

«Нет, не является», — отвечаем сразу всем нашим корреспондентам. После тщательной сверки с оригинальными французскими текстами мы обнаружили, что дореволюционные переводы из рук вон плохи, сильно сокращены (иногда более чем наполовину) и потому никакой литературной ценности не представляют. К тому же «полное» собрание 1911 года таковым не является — многие романы «короля приключений» в него не вошли. Таким образом, «Ладомир» фактически впервые знакомит отечественных книголюбов с «русским» Буссенаром. Причем не только с Буссенаром-романистом, но и с рассказчиком, мастером путевых очерков. Обратите внимание на форзацы наших книг, где воспроизводятся портреты писателя, факсимиле писем, другие материалы, образующие как бы его «архив».

Еще один часто встречающийся вопрос подписчиков: «Каковы издательские принципы «Ладомира»?» Они просты в формулировке, но чрезвычайно сложны в воплощении. Мы твердо намерены выпускать книги, способные порадовать поклонников остросюжетной литературы: не издававшиеся ранее, полноценные в художественном отношении, хорошо проиллюстрированные и добротной полиграфически выполненные. И тут без вашей помощи нам никак не обойтись. Редакция приглашает к сотрудничеству библиофилов, имеющих в своих коллекциях интересные редкие книги (кстати, нами пока не разыскано несколько романов Буссенара на французском языке), переводчиков, способных поддержать высокую репутацию русской переводческой школы, художников-графиков, исповедующих традиции реализма XIX века, опытных полиграфистов.

Мы готовы обсудить с вами любые проекты. Помните: двери «Ладомира» открыты для всех друзей книги.

Наш адрес: 103527, г. Москва, а/я 202.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ РОМАНОВ
ЛУИ БУССЕНАРА

ПРИКЛЮЧЕНІЯ
ВЪ СТРАНѢ БИЗОНОВЪ

Переводъ Е. Н. Киселева

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО П. П. СОЙКИНА
СТРЕМЯНКА, 12, СВОЕОБЪЯВЛЕНІЕ
1911.

AVENTURES
D'UN
GAMIN DE PARIS
AU
PAYS DES BISONS
PAR
LOUIS BOUSSENARD

PARIS
Librairie Illustrée Jules TALLANDIER, Éditeur
8, RUE SAINT-JOSEPH (2e ARR.)

Луи Буссенар

Луи Буссенар

